ЮРИЙ АЙЗЕНШПИС

ОТ ФАРЦОВЩИКА ДО ПРОДЮСЕРА
ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ В СССР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый музыкальный продюсер Юрий Айзеншпис рассказывает о своей жизни в Советском Союзе. Первый в России продюсер в начале своей биографии занимался фарцовкой. Спустя несколько лет с его легкой руки на музыкальном небосклоне России ярко засияла звезда Виктора Цоя и многих других легенд авторской песни и рок-музыкантов первой волны.

Его фамилия переводится как «железный стержень». Этот стержень помог ему создать первую рок-группу в СССР в условиях фактического запрета рока, а также пройти почти через 18 лет тюрем и лагерей и не сломаться. О сложной жизни легендарного человека читайте в автобиографии Ю. Айзеншписа «От фарцовщика до продюсера. Деловые люди в СССР».

- Юрий Шмильевич Айзеншпис
  - Вместо предисловия
  - Первые шаги по жизни
    - Мои родители
    - Евреи
    - Вперед, в столицу!
    - Сталин
    - Сладкая селедка
    - Люди СССР
    - Смена дислокации
  - Свидание с королевой спорта
    -
    - Победы и поражения
  - Секретный объект
    -
    - Друзья детства
  - Навстречу музыке
    - Опьяненный звуками
    - Советская власть и рок
    - Первая рок-группа СССР
    - Вещи и деньги
    - Мы — профессионалы!
  - Институт
  - Золотой телец
    - Преступный бакс
    - Заветная контора…
  - Первый срок
    - Приемка

- В застенках КГБ
- Стройка века
- Бунтарская зона
- Печорская эпопея

- Второй срок
  - Такая недолгая свобода
  - Преступление и наказание
  - Колония Мясорубка
  - Тюремный шансон
- Срок третий и последний
  - 101-й километр
  - Опять за решетку!
- Новый мир вокруг меня
  -
  - Жить по-своему
- Снова в шоу-бизнес
  - Галерея
  - Цой. Виктор
  - Памяти родителей
  - «Технология», не помнящая родства
  - Друзья-артисты…
  - Скандальные Янг Ганс и красавчик Сташевский
  - Саша, Лель, Никита и другие
  - Враги
  - Динамит
  - Билан. Дима
- Прошлое
- Шоу-бизнес в России — опыт бесполезного пособия (Ю. Айзеншпис (совместно с К. Львовичем))
  -
  - Польза пособия
  - Определение понятия «шоу-бизнес»
  - Этапы развития отечественного шоу-бизнеса
  - Монополизация шоу-бизнеса…
  - Парадоксы российского шоу-бизнеса
  - Наперекор западной культуре
  - Делать деньги в шоу-бизнесе
  - Риски и окупаемость проектов
  - Артист как наиболее проблемный элемент
  - Законы шоу-бизнеса
  - Фонограммное пение
  - Шоу-бизнес и искусство
  - Притяжение эстрады
  - Таланты в России

- Вперед, на Запад!
- Артист на все времена
- Как стать звездой и как ее сделать…
- Формула успеха
- Артист, продюсер и сам себе все
- Прибыль, профессионализм, творчество
- Определение направленности проекта
- Автор-исполнитель
- Сольный проект или группа?
- Заказные проекты
- Бюджет проекта
- Недораскрутка проекта
- Безденежное развитие
- Оплаты эфиров и ротирование песен
- Какую музыку делать
- Песни для души и для продажи
- На хит не влияет
- Отбор презентационной (заглавной) песни
- Понятие формата
- Рекорд-лейблы
- Пиар-работа и мир шоу-бизнеса
- Уровень известности
- Напутствие

Юрий Шмильевич Айзеншпис
От фарцовщика до продюсера. Деловые люди в СССР

Вместо предисловия

Вечером 28 июня 2003 года у меня неожиданно разболелось сердце. Ну посидели с друзьями в хорошем ресторане, ну выпили с аппетитом… Но все прилично, в меру. Или у меня с собственным сердцем разные представления о «мере»?

А вообще-то досадно, что за мелкие удовольствия приходится платить чем-то большим, чем деньги. Например, болью. Во взаимоотношениях с ней я уже опытный, знаю ее привычки. Иногда она приходит неожиданно, а вот сейчас благородно предупредила заранее. Сначала тихо постучалась, потом затарабанила все сильней, а затем просто ломиться начала:

— Эй, есть кто живой? Открывай!

Бороться с болью одному и даже вместе с лекарствами я не чувствовал сил и вызвал врача. Милая девушка что-то измерила, чем-то уколола, зачем-то покачала головой и посоветовала: «А теперь постарайтесь уснуть. И вести более спокойную жизнь, а то никакого сердца на этот темп не хватит!». Я пообещал, хотя заранее знал, что обману: более спокойная жизнь не для меня. И это не поза, не бравада. Просто более спокойная жизнь называется «существование» и для меня неприемлема. С тем же успехом врач могла порекомендовать меньше дышать. Меня держит драйв происходящего, движение и скорость. Мне кажется, стоит лишь остановиться, как я умру… Поэтому я всегда иду вперед. Всегда стараюсь обогнать самого себя…

Ладно, попробую соблюсти первый совет врача — уснуть. Но и это непросто. На улице уныло льет дождь, от порывов ветра вязко шуршат листья, и даже пластиковые окна не полностью заглушают эти звуки, более приличествующие осени, а не июню. И может быть, кому-то под шум дождя хорошо и сладко спится, но я не из их числа. Какое холодное, унылое лето — его так долго ждешь, а оно… Мне, любителю ярких и сочных красок, солнца и цветов, оно навевает уныние и приносит хандру. И хотя сердце слегка отпустило, но та наша эфемерная часть, которую обычно называют душой, продолжала пребывать в беспокойстве. Не все гладко в последнее время, не все хорошо. Не особо ладятся съемки клипа Димы Билана на песню Крутого «Июньский дождь», никак не поставят визу в Великобританию. Забавно, и песня про дождь, и Лондон — столица дождей и туманов, и за окнами уже целый ливень. Почему-то в памяти всплыло холодное лето 53-го года, сначала одноименный фильм. Какие прекрасные артисты — Леонов, Папанов, как жаль, что их уже нет. А потом и сам 53-й год. Ровно пол века назад, а вроде и совсем недавно. А вроде и

очень давно. Честно говоря, не помню, было ли лето того года действительно холодным, да и не погода являлась его главным отличием. Как-то утром мама подошла ко мне, еще спящему, потрепала по голове и очень трогательно, с огромной грустью повторила: «Сталин умер. Сталина больше нет». Я не мог осознать смерть, да и сейчас не могу. Столь же неосязаемым был и образ «друга всех ребят». Как же мог умереть бессмертный? Парадокс не для детского ума. Но мама только плакала, и я заплакал тоже. А через неделю мы в школе уже разучивали песенку «на смерть вождя», быстро сварганенную кем-то из партийных поэтов, и вскоре на показательных выступлениях школьного хора я с приятелем солировал. В белой рубашечке, с черной траурной бабочкой весь прилизанный… От волнения на глазах десятков учеников и их родителей приятель забыл строчки куплета, и я один спасал ситуацию.

А вот лето 1964-го или, скорее, 65-года года. Путешествуя по всей Европе, в Москву заехал зажигательный песенный фестиваль «Катаджиро». Тото Кутуньо, Далида, Рита Павоне — весь цвет итальянской эстрады ненадолго заглянул за железный занавес, чтобы дать единственный концерт в Зеленом театре в Парке Горького. И, конечно же, я находился в первых рядах зрителей, в своей самой яркой рубашке и модных солнцезащитных очках. Но лучше бы я захватил зонтик: в самый разгар концерта начался жуткий ливень. Все промокли мигом, но лишь единицы ушли с представления, наверное, случайные люди, ибо это было такое редкое, очень долгожданное событие. Его действительно ЖДАЛИ, этот кратковременный прорыв от «них» к «нам». Весь вымокший, я еще долго после концерта ходил по вечерней Москве. На моих глазах были слезы умиления, а может, как это часто сравнивается в песнях, просто капли дождя.

Примерно те же чувства я испытал в 1976 году, когда с группой заключенных прибыл в колонию-поселение в Печорском районе. Оставалась треть срока, и воля казалась такой близкой. Особенно вечером, когда, устроившись на свежеспиленном бревне перед стареньким телевизором, я смотрел выступление Клифа Ричарда в Москве. Плохой звук, скверное изображение, но как это опьяняло! Не хуже водки, которую вокруг глушили расконвоированные, отмечая новый этап в нашей зэковской жизни. Ко мне же приблизилась не только свобода, но и та культура, которую я безумно любил. А потом я вернулся в свое новое жилье — большую брезентовую армейскую палатку, где пол был устлан «ковром» из окурков, где жужжали тысячи злющих комаров, а грязными сапогами прямо на моей подушке спал в дугу пьяный поселенец — сосед по шконке. Клиф Ричард, да и

Москва сразу оказались на другой планете. Несколько минут я помялся, но усталость поборола брезгливость, и вскоре я провалился в глубокий сон…

А вот сейчас в большой удобной кровати, на белоснежном белье, я ворочаюсь и никак не могу заманить сон. Вдобавок неожиданно трезвонит телефон, а в трубке одни гудки. Хулиганят? Да вряд ли, наверное, номером ошиблись… Может, начать телефон отключать на ночь? Но, когда звонков мало, я начинаю волноваться: неужели я никому не нужен, хотя сами звонки не всегда несут добрые вести.

Лето 1990-го, поднимаю трубку, мертвый голос Наташи Разлоговой, второй жены Виктора Цоя: «У нас несчастье». Те несколько секунд, пока я не задал стандартный и дурацкий вопрос: «Что случилось?», я был готов к чему угодно, только не к гибели Виктора. Тем более после такого же звонка от Наташи месяцем раньше я узнал, что утонул сын хозяина рыбацкого хутора, и сейчас ожидал чего-то подобного — страшного, но не запредельного. Нет, Виктор не мог погибнуть так рано, так не вовремя! Оказалось, он все мог.

Я лежал и думал: какой долгий и извилистый, какой интересный путь. Словно в нем соединилась не одна жизнь, а несколько, словно не один человек шел по нему, а целая компания. А что, если? Может, не такая уж бредовая идея моего знакомого Львовича Кирилла написать книгу о моей жизни. Интересный композитор, поэт, писатель — он предложил помочь мне в этом весьма незнакомом для меня деле. Всерьез я это предложение не воспринял, авантюризм чистый воды, а сейчас вот думаю: а почему бы и нет? Ну действительно, почему бы не написать книгу о моей жизни?

…И мы сделали это, и книга теперь перед вами. И если какой-нибудь досужий критик из тех, которые всегда вокруг как пчелы крутятся, язвительно спросит: «А для кого она написана?», — отвечать не буду. Или отвечу так:

«Прежде всего для себя, чтобы еще раз все вспомнить и расставить по местам. Потом — для родных и близких. Для друзей, которые мне помогали, чтобы сказать им спасибо. И для врагов, чтобы знали: я ничего не забыл. И, наконец, для всех остальных, которым известна фамилия Айзеншпис, но которые совершенно не знают, кто он. Бизнесмен, певец, продюсер, уголовный авторитет? Нет, Айзеншпис — это я, и это моя книга».

Первые шаги по жизни

Мои родители

7.07.2003

Погода первой недели июля определенно в лучшую сторону отличалась от всего прошлого месяца: чаще светило солнце, чаще температура поднималась выше 25 градусов, чаще хотелось жить. Впрочем, потом снова начинался дождь, и Москва превращалась в парилку. Дел было немного, а делать их хотелось еще меньше, и иногда в мыслях я возвращался к своему желанию написать автобиографию. Подчас это казалось ерундистикой, подчас — аферой, а иногда и вполне осмысленным мероприятием. Иногда я думал: я ведь еще полон сил и планов, не рано ли начинать подводить итоги?.. Как бы не сглазить! Но через минуту вспоминал, что в приметы не верю, и на ум приходило совсем другое:

— А когда же писать, если не сейчас? Пока ты интересен, пока твое имя на слуху, пока активно живешь и работаешь! А лет через десять, даст бог, можно будет и продолжение написать! Поэтому так я напишу в самом последнем предложении: «Расстаюсь, но не прощаюсь!».

Итак, завершающая строчка уже есть, а это уже полдела. С этой воодушевляющей мыслью я включил компьютер, открыл *вордовский* документ и напечатал название: «Без тормозов». Или лучше «Полный вперед»? Или совместить оба? Или как-то иначе, ведь название должно быть максимально привлекающим.

Ладно, над названием подумаю позже, не самое это важное. А пока постараюсь вернуться в самое далекое прошлое, доступное моей памяти. Вот оно, совсем близко! Удивительно, но с годами начинает казаться, что вижу его ярче и подробнее. Всплывают забытые имена, звуки, вспоминаешь, кто и во что был одет, какие слова говорил. А может, это как в музыке: яркое вступление не забывается и накладывает настроение на всю песню. Наверное, вступление действительно было ярким, ибо научило меня радоваться жизни. Хотя сама жизнь не всегда была такой уж радостной.

Моя мама, Мария Михайловна, родом из Белоруссии, или Беларуси, как сейчас ее самостийно называют. Она рано потеряла родителей и воспитывалась у дальних родственников в деревне Старые Громыки, рядом с городом Речице Гомельской области. Любопытно, что там же родился Андрей Андреевич Громыко, будущий министр иностранных дел и Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Даже переименовывать деревеньку в его

честь не пришлось. Уж не знаю, откуда такое совпадение, может, бывшее фамильное владение? Недавно я где-то прочел, что «малую родину своего отца посетил Анатолий Громыко — сын Андрея Андреевича…». Прочел и загрустил. Увы, сам я туда так и не доехал, хотя несколько раз порывался, хотя бывал совсем рядом. Однажды после «Славянского базара» уже почти отправился туда, но важные дела вызвали в Москву. А с другой стороны, что там делать? Лишь вспоминать и печалиться.

Старший брат будущего «видного деятеля КПСС» преподавал какие-то предметы в той самой школе, где училась мама. По ее отзывам, милый, скромный человек, прекрасный педагог. Уже после войны матушка несколько раз с ним виделась, когда приезжала навестить оставшихся в живых родственников. Учитель угощал ее крепким чаем с вареньем и вел долгие разговоры «за жизнь».

Школу мама окончила на «отлично», может даже с медалью — не помню точно, и сразу же поехала в Минск, где поступила на государственный факультет журналистики местного Университета. Студенческие годы пролетели весело и быстро, и вот пришла пора получать диплом. Как раз накануне 22 июня 1941 года.

Не знаю, как сейчас, но в предвоенные годы большинство минчан отличалось особой любовью к городским паркам. Особенно к «Парку имени Горького», называвшемуся тогда сад «Профинтерн», и парку «Челюскинцев», который располагался у самой черты города. В саду «Профинтерн» стояли незатейливые, но веселые аттракционы — разнообразные качели-карусели, тир, комната смеха с кривыми зеркалами… Танцплощадка и небольшое кафе. Летом любимым развлечением отдыхающих было катание на лодочках по Свислочи, достаточно широкой и очень чистой и прозрачной реке. В ней и рыбу ловили, и белье стирали, и купались. Именно там, неторопливо скользя по спокойной вечерней воде, мама и десятки других выпускников университета отмечали радостное событие получения дипломов, строили грандиозные планы на будущее. Может, и пиво-вино пилось, а почему бы и нет? Что тут плохого, если позади столько лет напряженной работы, а впереди та самая бесконечная даль, которая почти физиологически ощущалась в последние предвоенные годы. На 22 июня планировалось открытие «Комсомольского озера», котлован которого копали всем миром, и мама с друзьями собиралась продолжить праздник там. Но человек предполагает, а небеса…

Неожиданно, непонятно, невероятно — множество самолетов со страшным гулом протаранили темное небо. Казалось, оно

сорвалось и плашмя падает на голову, казалось, наступает конец света, апокалипсис… И эти образы оказались недалеки от истины: так начиналась война.

В ее первые дни на территории Белоруссии все развивалось стремительно и смертельно, ведь именно туда пришелся первый немецкий удар. Население пребывало в шоке, но никто не сомневался, что война продлится пару недель, от силы — месяц. И закончится нашей уверенной победой. И все ошибались. Бомбежки начались на третий день войны, на шестой — немцы взяли Минск, а за неделю — всю Западную Белоруссию. Практически молниеносное наступление врага привело к тому, что миллионы людей оказались на оккупированной территории. Не всем им удалось выжить, но и «выжить» не означало окончания горя и мытарств. Кого-то записали в предатели и отправили в сталинские лагеря, кого-то выслали в далекие, негостеприимные земли, а оставшихся просто отказывались брать на нормальную работу за положительный ответ на вопрос кадровых анкет «Были ли вы или ваши родственники на оккупированной территории?». Исчез этот вопрос только в 1992-м.

23 или 24 июня мама бежала к близким знакомым в городок Речица. Расположенный в самой глубинке республики, он в первые недели войны продолжал вести привычную и размеренную провинциальную жизнь. Правда, сразу же сформировали истребительный батальон, затем народное ополчение, готовился к боям Речицкий партизанский отряд. Но в целом население находилось под воздействием официальной успокаивающей пропаганды и не подозревало о размерах надвигающейся катастрофы. Далеко не все собирались в эвакуацию. В июле — августе 1941 года Речица пережила три так называемых «паники», когда распространялся слух, что немцы прорвали фронт и вот-вот войдут в город. Люди срывались с мест, укладывали нехитрые пожитки, брали детей и покидали городок. Шли пешком, ехали на телегах и на автомобилях, по железной дороге, плыли на баржах вниз по Днепру. Потом, когда слухи не подтверждались, дойдя до Паричей, Гомеля или Лоева, многие возвращались обратно.

Мама рассказывала, как незадолго до оккупации к ним домой приходила председатель горкома союза работников просвещения Сара Рабинович и настойчиво уговаривала уезжать, ибо в первую очередь будут отстреливать именно евреев. Впрочем, не все так думали. По Тюремной улице жил бывший нэпман Гуревич, явно недолюбливавший советскую власть, но слывший человеком грамотным и рассудительным. На вопрос, стоит ли оставаться в

оккупации, Гуревич отвечал, что немцы — люди цивилизованные и бояться их нашествия нечего. В империалистическую и гражданскую войны они, мол, всячески поддерживали порядок, защищали мирное население от погромов, а если что-то и брали, то за плату. «Кто тогда больше всех грабил и убивал?», — риторически спрашивал Гуревич и сам же отвечал: «Бандиты, булаховцы, националисты». Умный Гуревич, увы, не преуспел в своих оптимистических прогнозах. Реальность оказалась гораздо хуже самых плохих ожиданий, гораздо страшнее.

Евреи

Я — еврей. Моя мама еврейка, и папа той же национальности. И что из этого? Ровным счетом ничего. Я не чту иудаизм, не знаю его традиций и не интересуюсь его историей. Я не считаю евреев ни самым умным, ни самым гонимым, ни вообще каким-то исключительным народом. Принцип индивидуализма, давно исповедуемый мной, требует непосредственной оценки человека безо всяких сносок на национальную, половую или какую-либо иную принадлежность

Говорят, евреев в России всегда притесняли. Не знаю, не уверен. Во всяком случае, как мою семью обошли стороной сталинские репрессии, так и меня совершенно не затронул антисемитизм. Да, где-то это наверняка практиковалось, и друзья родителей, приходя к нам, иногда употребляли это слово вкупе с «дискриминацией». Говорили, что с «пятым пунктом» биографии нельзя работать в КГБ, не дают поступать в «сильно» научные вузы и продвигаться по партийной линии. Может быть, и так, но я туда и не лез. Зато ни в школе, ни дальше по жизни я не слышал обидных слов типа «жид» или «жидовская морда», брошенных ни в лицо, ни в спину. А услышал бы — дал бы по поганому рту. Не зря же моя фамилия переводится с иврита как «железный конец»! И иногда, когда мне приходилось особенно тяжело, я вспоминал этот дословный перевод фамилии и заставлял себя соответствовать ей. Воспитывал в себе терпение и стойкость к обиде и к боли, к несправедливости и хамству, и это мне очень помогло.

Когда я начал осознавать себя евреем, гораздо сильнее всяких национальных ген в крови сидело ощущение многонациональности и равенства всех народов, ощущение дружной советской семьи. Конечно, еврейская нация великая — одних продюсеров сколько, а уж о банкирах, артистах и ученых я помолчу. Но когда я ходил в синагогу с отцом, посещал Израиль как турист, ничего внутри не дрогнуло. Ничего. Поэтому я никогда не говорю «наша» нация. Я — сам за себя.

Речицу оккупировали 21 августа 1941 года, и сразу начались повальные обыски и аресты. Прежде всего именно евреев, которых насчитывалось свыше четверти населения. Тогда еще их поголовно не расстреливали, а угоняли в оперативно понастроенные гетто. А вот оттуда больным и отощавшим, окруженным колючей проволокой под напряжением, злобными овчарками и охранниками — еще более злобными собаками, выйти на волю не удалось почти никому. Официально решение о

тотальном уничтожении евреев было принято на Ванзейской конференции в январе 1942 года, тогда и задымили трубы концлагерей.

Уже после войны мамина подруга, которая оставалась в оккупированном Минске, рассказала удивительную историю о еврейке Розе и ее русском муже. Когда пришли немцы, Роза пропала. Соседи были уверены, что ее забрали в гетто. Правду же узнали лишь 3 июля 1944 года, в день освобождения Минска, когда из погреба вышла седая, очень бледная Роза. Всю войну она провела там, а ее муж, храня их общую тайну, носил ей еду.

Обыски и аресты в Речице продолжались несколько дней, с немецкой педантичностью прочесывался каждый дом, каждый сарай. Мама от обысков спряталась в скирдах соломы на чердаке, фрицы ходили практически по ее ногам, сделали даже пару выстрелов в стог, но ворошить его поленились. И той же ночью мама с группой друзей решила бежать к партизанам. Мужественная, спортивная, имеющая высокие разряды по волейболу и легкой атлетике, она той же ночью сумела вырваться из окруженного врагами города. Из пяти бежавших это удалось только двоим… Я не знаю, как мама вышла на Речицкий партизанский отряд, но до конца сентября 1941 года она пробыла, а точнее, прослужила именно там. Писала листовки, вела партизанскую газету. При генеральном штабе вермахта тогда существовало специальное управление по пропаганде среди населения оккупированных территорий, направлявшее в Белоруссию агитационные материалы. Воевать с типографскими станками сложно и не особо перспективно, но написанные мамой и ей же от руки растиражированные партизанские листовки все-таки в известной степени противостояли продукции немецкой агитационной махины. Рука затекала, в темной землянке почти ничего видно, но спина не разгибалась. Листовки мама разбрасывала в Речице, куда приходила под видом крестьянки, продающей молоко. И однажды, случайно или по предательской наводке, ее арестовали и доставили в местную комендатуру. Это могло закончиться очень плохо, но мама выпрыгнула из раскрытого окна и скрылась в небольшом леске. Ее портреты расклеили на всех столбах, обещая большое вознаграждение за «партизанку», поэтому больше в городе мама появляться не могла. Зато активно принимала участие в нескольких успешных диверсионных вылазках партизан, в том числе и в одном из первых подрывов немецкого эшелона с пушками и боеприпасами, бойко идущего «nach Ost».

Но против лома нет приема, и к середине осени партизанский отряд был рассеян превосходящими силами немцев на несколько

маленьких групп. В одной из которых оказалась и мама. Из оккупированной Белоруссии она ушла практически с последней из отступающих частей регулярной Красной Армии. Я помню, как в послевоенные годы мама уверенно и метко стреляла в городских тирах, и не сомневаюсь, что не один фашист у нее на счету. Многочисленные медали и ордена — еще одно доказательство моему предположению. Мама до самой своей смерти поддерживала связь с однополчанами, встречаясь и в День Победы, и в другие праздники, и когда кто-то бывал проездом в Москве. Фронтовые друзья-приятели вспоминали войну и поминали ушедших друзей, иногда плакали, а иногда и смеялись… И на одной из таких встреч к маме подошел бывший сослуживец и подарил ей свою книгу. В качестве прототипа героини своей повести автор-фронтовик использовал образ мамы и ее военную судьбу. Эта книга долго хранилась у нас с авторским посвящением, а потом в связи с многочисленными переездами пропала. Жаль! Как она называется, кто ее написал? Стыдно, но я сейчас не могу восстановить в памяти эту деталь, а ведь это могло сейчас очень пригодиться. После 15-летнего возраста у меня вообще особо не нашлось времени подробно расспросить маму о ее военной жизни или хотя бы просто внимательно выслушать. Все куда-то спешил, куда-то убегал. А теперь, увы, поздно.

Впрочем, я точно знаю, что мои родители познакомились в 1944 году на Белорусском вокзале. Именно оттуда отправлялось на фронт большинство эшелонов с боевой техникой и личным составом. Туда же приходили и другие эшелоны — битком набитые ранеными, с покореженными танками и боевыми машинами. И среди этого столпотворения людей и техники отец разглядел маму. Предки отца жили в Испании, и в детстве я гордо всех уверял, что были они самые настоящие бесстрашные торрерос, наездники и покорители злобных быков. Сам же отец — Шмиль Моисеевич (моим же друзьям впоследствии известный как «дядя Миша») — родился в Польше, а перед самой войной бежал в Россию, прозорливо спасаясь от наступающего еврейского геноцида. Многие из подобных эмигрантов впоследствии попадали под жернова сталинских репрессий, но отцу повезло. Он вообще считал себя везунчиком: без ранений прошел всю войну, познакомился с такой прекрасной женщиной, как моя мама, имел хорошую и высокооплачиваемую работу. И разве что мои похождения… Ну да не будем забегать вперед.

Для моих родителей, как и для многих других, Белорусский вокзал стал символом любви и надежды. И когда на экраны вышел одноименный фильм, они его могли смотреть бесконечно,

казалось, его сценарий написан практически по их жизни. И могли бесконечно слушать песню Окуджавы «10-й наш десантный батальон». Родители поклялись вместе дойти до Берлина, но эту клятву осуществил только отец. Ибо любовная страсть, «сделавшая» меня, заставила маму уехать рожать в далекую эвакуацию в Челябинск. Именно там 15 июля 1945 года появился на свет маленький Юра Айзеншпис.

Вперед, в столицу!

22.07.2003

Сегодня я включил, как обычно, телевизор, и приятная неожиданность — крутится на МузТВ клип Димы Билана на песню «Не надо плавить мои мозги». Да, не просто оказалось убедить их на ротацию, но я постарался. Естественно — без денег, я уже давно за эфиры не плачу. Как сама песня, как и сам Дима, клип получился нервный. Можно даже сказать, с острыми краями… Жалко, конечно, что «Руки вверх» по— свински украли нашу стилистику: та же агрессивная женщина-вамп в кожаном прикиде, тот же заброшенный завод как место съемок и даже те же декорации! Мы начинали снимать раньше, просто немного затянули с эфирами, точнее, нас немного затянули.

Но все равно у Димы более стильно получилось!

В общем, я доволен… Но довольство мое всегда длится очень недолго: очень быстро вспоминаю о несделанном, а если вдруг все сделано, то сразу строю новые планы. Чтобы не скучать, чтобы действовать. Но сегодня я точно знаю, чем займусь — я расскажу о первых годах моей жизни.

Нескольких месяцев от роду я переехал в Москву, где родители вместе начали трудиться в частях Главного управления аэродромного строительства, или сокращенно ГУАС. Вначале это было одно из подразделений в составе НКВД СССР, и основные работы велись силами заключенных, приговоренных к исправительно-трудовому «воспитанию» без содержания под стражей. Хотя встречались и строительные батальоны, и военнопленные, и даже колхозники, мобилизованные местными органами власти. Но в феврале 1946-го ГУАС передали вновь организованному Наркомату строительства предприятий тяжелой промышленности. Стройуправления передавали со всеми вольнонаемными рабочими, инженерно-техническим персоналом и служащими, а также оборудованием, транспортом, материалами, а вот заключенных и пленных НКВД оставляло себе. Акценты деятельности сдвинулись на мирное строительство и восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Одним из первых московских объектов «управления» стал институт МЭИ. Его решили основательно реконструировать, возвести много новых учебных корпусов — в общем, превратить в один их крупнейших вузов страны. Именно там находилась первая моя «московская квартира», в общежитии на Красноказарменной улице, 14, в здании, где сейчас находится

музей истории института.

А тогда… Жилищные условия, как и практически везде по стране: перенаселенность, шум, недостаток бытовых удобств, но ведь и запросы сохранялись весьма незначительные: крыша над головой, свет, тепло, элементарная пища. И отсутствие войны, бомбежек, расстрелов. А еще — колоссальный энтузиазм и вера в светлое будущее. Впрочем, все это скорее относилось к ощущениям родителей — лично я еще мало что соображал.

А вокруг, на территории в несколько квадратных километров, ударными темпами возводились бараки. Тысячи и тысячи, преимущественно деревянных и одноэтажных. Никто не сомневался, что это лишь временное жилье, хотя для многих жизнь в этих весьма сомнительных условиях растянулась на многие-многие годы. Но тогда и это жилье являлось существенным прогрессом по сравнению с ужасной теснотой общежития, мощным движением вперед. Вдобавок люди въезжали в новые постройки, а в гнилые и осевшие халупы они превратились еще не скоро. Я же, совсем еще малявка, тоже осваивал новую территорию. Что-то загадочное и влекущее присутствовало в больших чуланах, гулких коридорах, огромных печках, заросших палисадниках… Я любил исследовать эти дальние закоулки: сердце замирало, когда спускался на несколько ступенек вниз в темноту подвала и прислушивался. Из глубины раздавались какие-то звуки и шорохи, я пугался и стрелой улетал к свету. Там что-то жило, в этой темноте!

Тех бараков уже и не сохранилось в Москве — и слава богу! А может, стоило оставить изнеженным потомкам хотя бы один из них, превратить в музей неприкрашенной истории той жизни, наполнить незамысловатой атрибутикой первых послевоенных лет. Ведь для большинства людей моего поколения эти неказистые строения остались символом давно ушедшего детства, ушедших друзей и ушедших родителей. А значит, объектом ностальгии. И романтики.

Именно из барака я пошел в свой первый детский садик, оттуда же отправился и в первый класс школы.

— Вот, это твои новые друзья, — сказала мама, показывая на слегка испуганных ребятишек моего возраста.

Мы стояли перед воспитательницей младшей группы детского садика, что располагался возле Горбатого моста в районе шоссе Энтузиастов и Заставы Ильича. Кто-то прятался за маму, те, кто посмелее, с любопытством посматривали друг на друга. Мне понравилась одна девочка с рыжими косичками, и я сразу после маминых слов начал с ней активно «дружить». Подошел и протянул весьма дорогую вещь — маленькую

коробочку, похожую на спичечный коробок. Не знаю, какой секрет девочка ожидала увидеть внутри, но только не большого шустрого паука. Почуяв свободу, он стремительно побежал по ее руке, осмотрелся и шмыгнул за рукав. Девочка закричала, родители зашипели на меня, а я ничего не понимал: паук — это ведь так здорово!

Из этого садика я однажды весною сбежал домой и почти сразу же заблудился. Теперь и не вспомнить, зачем именно, а точнее — от чего я бежал: то ли от противной манной каши, то ли от скучного тихого часа. То ли от одной особенно нелюбимой воспитательницы, которая всегда заставляла по второму разу мыть руки. Я блуждал, 5-летний мальчуган, все более отчаиваясь, но и за помощью обратиться не решался. Я догадывался, что наверняка заругают и отведут обратно к рассерженным взрослым. Поэтому я старался двигаться с максимально уверенным видом, словно точно знал дорогу домой. За какими-то полуразрушенными сараями за мной увязалась большая серая дворняга. Наверное, она просто хотела поиграть или поесть, но тут остатки храбрости меня покинули, и я громко, громко заплакал. Старшие ребята вернули меня в садик, ибо правильно объяснить, где живу, я не мог. До прихода родителей я простоял в темном углу, «обдумывая» свое плохое поведение, дома меня тоже наказали. Нет, не ремнем — это у нас не практиковалось, — всего-то без сладкого оставили на неделю. Ну и подумаешь!

После войны обустраивалась вся страна, складные речи про ударные темпы возрождения не сходили со страниц газет и из речей коммунистических политиков. И в целом эти слова не сильно расходились с делом, причем многое происходило прямо на моих глазах, рядом с домом. Например, вырастали новые здания по Энергетической улице и Лефортовскому валу, пошли первые троллейбусы по Красноказарменной улице, и прокатиться на них считалось неплохим развлечением. Ведь до этого там лишь громыхал по чугунным рельсам грузовой трамвай, соединяющий хлебозавод с центром столицы. А вот когда построили основной корпус МЭИ, строение 17, проезжую часть уже полностью заасфальтировали и открыли для движения.

Часто выезжая с родителями в центр столицы, я видел грандиозное строительство тех лет. Везде стояли леса, кипела работа, в любую погоду, днем и ночью, в праздники и будни. И какая работа! При этом техники участвовало, наверное, не намного больше, чем при возведении египетских пирамид. Многое делалось вручную, те же кирпичи, безо всяких башенных кранов, а прямо на спинах поднимались на последние уровни знаменитых сталинских высоток. И, думаю, в отсутствие

передовых технологий они возводились не намного медленнее, чем современный «Триумф-Палас», который мне хорошо виден из окон квартиры. Говорят, со шпилем он станет самым высоким жилым домом в Европе — очередной пример нашей российской гигантомании. Так вот, его основные строители «интернациональны» — узбеки, молдаване, прочие граждане нищего СНГ. Их привозят из общежития и отвозят туда же, и, думаю, многие и до Красной площади еще не добирались. В сумме человек 700–800.

А тогда, хотя стройки и назывались «комсомольскими», вкалывали там преимущественно заключенные. Тысяч по пять-десять на объект. Не знаю, все ли высотные здания, но главный корпус МГУ строился именно подневольным трудом. Тогда недалеко от нынешней Олимпийской деревни стояли многочисленные лагеря, откуда и поставлялась основная рабочая сила. Дешевая и бесправная. А когда уже возвели этажей 20, лагеря переместили прямо на стройплощадку. Вся Москва тогда перешептывалась, рассказывая, как двое заключенных совершили оттуда дерзкий побег, сконструировав дельтаплан и сиганув на нем с высотной площадки. Одного вроде бы застрелили во время полета, а второго после поимки чуть ли не освободили по личному приказу Сталина «за смекалку и техническую одаренность». Но, скорее всего, никакого побега не было — просто одна из бытовавших городских баек. Как и о секретных подземных бункерах размером с несколько стадионов. И о втором специальном метро, лежащем глубоко под первым.

Обновление страны и размах положительных преобразований большинство народу связывало именно с именем Сталина. Я тоже должен был хорошо учиться и примерно вести себя, чтобы не огорчать вождя. Ведь он знал, думал и беспокоился обо мне. Второй отец! Именно строгий взгляд «кремлевского горца» смотрел на меня с плаката на обшарпанной стене и когда я засыпал, и когда просыпался. А рядом висел еще один красочный плакат, вольная иллюстрация на тему «Широка страна моя родная» — уж не знаю, как художник умудрился уместить там и нивы, и горы, и леса, и моря… Сталина сняли лишь через несколько лет после его смерти. Даже не сняли, а оставили при переезде на новую квартиру.

Сталин

Он являлся для меня, как и для многих других детей и взрослых, полусказкой-полубылью. Сверхчеловеком. Тем не менее, я никогда не сомневался, что он верный друг и мудрый учитель. Уже потом я узнал о нем другое, не столь приглядное и приятное, долго прятавшееся в тени всеобщего восторга и преклонения. Наверное, в нашей стране действительно немало всего построено на костях, немало орошено слезами, но я видел лишь лицевую сторону происходящего. А со стороны фасада все возводилось, обновлялось, менялось к лучшему. И траур, охвативший почти всю страну в день смерти вождя, был самым настоящим — горе народа, в том числе и своих родных, я ощущал почти физиологически. Репрессии, в которых канули миллионы, счастливым случаем обошли стороной и мою семью, и семьи моих друзей. Невероятное везение для тех страшных лет.

И уже потом, когда я «гулял» по российским зонам или тюрьмам, я думал, что эта страна все равно берет свое. Увы, в плохом смысле.

Мои родители всячески стремились развивать меня с малых лет. И физически — утренними зарядками и даже короткими пробежками с отцом по выходным, и интеллектуально. Когда еще до школы меня учили считать и писать, то приговаривали: вот не будешь образованным, останешься неучем, вырастешь дворником. Тезка-дворник дядя Юра почему-то вызывал во мне особую жалость: и встает рано, и работает много и в снег и в дождь, и всякую дрянь сметает. Да и живет в какой-то вонючей каморке. В общем, дворником я становиться не хотел, а метил в военные, как и мой отец. Но, кажется, в отличие от остальных мальчишек меня привлекали не столько погоны и ордена, оружие и форма, сколько особый пищевой паек. Наверное, где-то услышал об этом факте. А еще я хотел стать Тарзаном — американское кино крутили в военной части рядом с домом, и по воскресеньям мы бегали туда на бесплатные утренние просмотры. Никакой иронии, естественно, это зрелище в нас не вызывало, наоборот, очень нравилось. Герой фильма ловко прыгал по лианам, спасал и лечил попавших в капканы тигров и совершал еще кучу хороших и смелых поступков. Вот и я решил спасти от голода каких-то крикливых птенцов. Их пернатая мамаша, по моему мнению, плохо справлялась со своими родительскими обязанностями. И я решил ей помочь — столовой ложкой накопал в саду жирных червяков, почти целую банку, и полез на дерево. Падение было быстрым и болезненным — ссадины, кровь, необъяснимая злость

на этих самых птенцов. В общем, ловким Тарзаном мне становиться расхотелось. Глупость все это, кино…

Сладкая селедка

Школа — совершенно особенное, ни с чем не сравнимое время. Настоящий трамплин из детства во взрослую жизнь. Моя, отдельная мужская, стояла на Лефортовском валу недалеко от Лефортовской тюрьмы, где тогда находился следственный изолятор МГБ. Поблизости от 7-этажного кирпичного домины, куда мы переехали из барака. Заветная мечта 99 процентов москвичей тех лет, и, хотя из трех комнат нам принадлежала только одна, это жилье казалось настоящими хоромами. Уже потом, сидя в той самой Лефортовской тюрьме, я из зарешеченного окна третьего этажа видел крышу своего бывшего дома. Есть забавный анекдот про еврея, который всех уверяет, что очень удачно поменял местожительство, ибо сейчас у него куда лучше вид из окна. Если раньше он видел окна тюрьмы, то теперь видит окна своего дома. Так вот, этот анекдот почти обо мне.

Думаю, моя семья жила зажиточнее многих других. Еще в бараке мы приобрели патефон с кучей пластинок, а в новом доме появился даже телевизор КВН-49. Наверное, это год выпуска. Завидовали ли нашему относительному достатку соседи? Может быть, но я ничего такого не чувствовал. К нам приходили на общественные просмотры не только соседи по коммуналке, но даже из других подъездов. Пили чай с сушками и сухарями, вели длинные задушевные разговоры. А еще слушали военные песни и хором подпевали. Двери квартиры просто не закрывались, да и воровства тогда почти не было. Помню, как страшно расстроились родители, когда после подобного «набега» гостей у них пропали папины наручные часы. С дарственной надписью. И как радовались, когда потом их нашли: случайно завалились за комод. И не столько самим часам, сколько сохранению своей веры в людей… Общие беды и проблемы как самой войны, так и первых послевоенных лет всех сблизили. Фронтовое братство, без которого под пулями было просто не выжить, еще надолго сохранилось в сердцах наших людей.

В первых классах школы я был очень прилежен и собран, настоящий октябренок-активист, с примерным поведением и отличными оценками. Я учился, учился и учился, в точности как завещал дедушка Ленин. Мне хотелось быть лучшим, хотелось похвал родителей и педагогов, хотелось знаний, тяга к которым настойчиво вела меня в школьную библиотеку, куда разрешалось записываться только с четвертого класса. Но ждать я не мог, и как-то, надув щеки, увеличив объем тела свитерами и отнюдь не последний рост — толстенными стельками, *я* пошел на подлог.

Наверное, первый в своей жизни. Вскоре он вскрылся, но поскольку повод был уважительный, то наказывать не стали и даже от книг не отлучили.

А книги в те годы, да и многие десятилетия после были в дефиците, при этом чтение являлось и развлечением, и символом культурной жизни, и просто внутренней потребностью. Помню чувство огромной личной трагедии и стыда, когда я потерял какой-то роман! Родители компенсировали его стоимость в многократном размере, а я буквально проплакал несколько дней. Конечно, теперь это очень сложно представить.

Пик моего чтения пришелся на 4–7 классы: тут и Гайдар, и Тургенев, и Мамин-Сибиряк. Я заглатывал сотни страниц, и хотелось еще и еще. Легко одолел «Войну и мир», которую потом перечитывал еще несколько раз с позиций все более и более взрослого человека, с каждым разом все выше оценивая достоинства этого великого романа. Освоил Драйзера, всех Толстых. И если некоторые обязательные по программе произведения я осваивал лишь с целью ухватить сюжетные линии, то кое-что меня откровенно захватывало. Ну а потом времени для чтения оказывалось все меньше, а сосредотачиваться все сложнее. Хотелось не просто узнавать о чужой жизни, но и делать свою. И, как оказалось, о ней тоже можно написать книгу.

Вне школы я тоже не валялся на диване, хотя доступных развлечений насчитывалось совсем немного. Например, разные кружки типа «умелых рук». В пятом — шестом классе я занимался моделированием, выпиливанием, выжиганием — всем понемножку, не отдавая ничему предпочтения. Но и ни в чем не достигая особенного мастерства. Ходил в какие-то детские театры, иногда просто отбывал, а иногда с интересом. Реально же основных увлечений было два: футбол — о нем расскажу позже — и голуби.

Тогда голубятни виднелись везде: и на пустырях, и на крышках бараков, и на неказистых пристройках. Для нас, послевоенных мальчишек, они совмещали в себе и игру, и развлечение, и даже мелкий бизнес. Голубей меняли, покупали и продавали, за хорошего сизаря иногда с себя рубашку снимали. Эти птицы, которых теперь принято считать глупыми и заразными, тогда считались почти святыми. Причинить им боль равнялось преступлению, а за воровство могли крепко побить. И вдруг голуби стали пропадать. Слухи поползли самые нелепые: кто-то якобы видел в небе хищного сокола, а кто-то рассказывал об особом тайном свисте, которым заманивают птиц в соседние районы местные пацаны. Но самой дикой казалась история про каких-то бродяг, которые на дальнем пустыре зерном

приманивают голубей, ловят их и… варят в котлах вместе с перловкой. И едят! По эффекту этот рассказ был сродни жутким историям об африканских каннибалах-людоедах, я не мог поверить! Но именно это и оказалось правдой. И как-то огромный отряд голубеводов разных возрастов, вооружившись палками и прутьями, отправился мстить за падших птиц. Я не пошел в бой по малолетству, но мечтал о смерти этих бродяг, этих подлых убийц. Я даже не мог представить, что им просто нечего было кушать.

На улице, как и в школе, тоже шла борьба за лидерство, и здесь авторитет поднимался и кулаками, и энергией, и знаниями. И если особыми физическими данными я похвалиться не мог и в редких драках побеждал лишь благодаря напору, то в развитии я существенно опережал многих однолеток. И я подчинял себе не кулаками и страхом, а целеустремленностью и конкретностью. Я мог заводить идеей, заряжать энергией. И убеждать. Первый опыт — строительство всем двором волейбольной площадки. Убедил главного инженера строительного управления отпустить необходимый транспорт и выделить фонды, дворовых ребят — катать каток и сеять песок, а маму — руководить всем этим и обучать азам игры. А было ведь мне всего 12 лет! В школе предлагал организовать походы, соревнования, фестивали, собирал деньги на какие-то совместные мероприятия и подчас действовал куда эффективнее формального культмассового сектора.

…И дальше по жизни я неоднократно доказывал свою высокую эффективность как в организации крупнейших концертов и фестивалей, так и труда на зоне. Наверное, я мог бы создать какую-нибудь мощную политическую партию или общественную организацию. Только не интересно мне это. И даже противно.

Люди СССР

Я всегда смотрю вперед, люблю постоянное развитие и все новое: музыку, моду, технику… Я совершенно не понимаю охающих и ахающих представителей моего поколения, причитающих на лавочках у подъездов или у пивных ларьков: «А вот раньше…». А что было раньше — хорошо, что ли? Просто человек всегда склонен идеализировать времена своей молодости, но если в них всмотреться… Мало что хорошего можно увидеть, как ни старайся!

И все-таки, ей-богу, кое-что из прошлого мы потеряли напрасно. Я говорю о тех человеческих и духовных качествах, которые отличали граждан СССР. Особенно в первые послевоенные годы, когда люди были необычайно открыты и добры, душа нараспашку. Да и позже, в 60-е и 70-е, в их сердцах почти не находилось места корысти и зависти, злости и насилию. Возможно, вопреки всему. А возможно, нас не так уж плохо воспитывали: вся страна — большая семья, одно большое дружное общежитие. Сейчас миролюбие и спокойствие покинули наше общество. Нельзя утверждать, что оно озверело, но прагматизм и расчет все больше проникает в сознание и в поведение людей. И вот парадокс — я всегда стоял на стороне свободного предпринимательства и частной инициативы, но как-то не задумывался о минусах, которые с ним приходят. Большинство советских людей, вполне комфортно живших во времена заботы государства, материальной помощи и бесплатных путевок, во времена жалоб жены в профком на пьянство мужа — теперь все они оказались в растерянности перед необходимостью быть самостоятельными. Плата за свободу оказалась для них слишком высока, а сама свобода не особо-то и нужной. И мне их искренне жаль.

Из учителей неплохо помню первую — Нели Александровну. До сих пор вздрагиваю, когда вижу указку: по нашим стриженым головам обожала бить ею Мария Гавриловна — здоровенная бабища с грубым, почти мужским голосом. Жалею, что свою нелюбовь к учительнице английского языка я перенес на сам предмет. Среднее знание инглиша потом сильно мешало мне в общении с иностранцами, а главное — в переводе текстов моих любимых западных песен. А может, оно и к лучшему, когда мне однажды перевели, то не поверил — какой примитив!!! Но перевод был правильный.

Не ненавидеть же училку-англичанку казалось просто

невозможно, ибо она являлась откровенной мещанкой. В те годы это звучало жутким ругательством, хуже было только «фашистка». То, что нас учит мещанка, мы заключили из ее особенности просить одну из своих любимых учениц во время уроков бегать в буфет и приносить чай. И запивать им столь обожаемую селедку. Происходило все по единой схеме, урок за уроком, и мы удивлялись, как можно с таким постоянством поедать столь странную комбинацию. Происходило все так: после переклички «англичанка» ставила на стол большую пузатую сумку, доставала газетный сверток с сельдью и еще одну газетку — для чешуи. Затем начинала тщательно очищать рыбу, одновременно посылая за чаем одного из счастливчиков. Почему «счастливчика»? Да очень просто: его сегодня уже не спрашивали. Впрочем, особого страха вызов к доске не вызывал, благо ответы можно было подсмотреть в учебнике, тетрадке или на шпоре, которые открыто ставились прямо за ее огромную сумку. THE DOG — пожалуйста, собака. «Англичанка» не отрываясь чистила сельдь, а ученик не отрываясь подсматривал. Это не замечалось, и кто знает, сколько бы продолжалось сие хрупкое равновесие. Но у меня созрел план проучить мещанку, который одобрили мои верные сотоварищи. Требовалось лишь выбрать подходящий момент, когда противная училка выйдет из класса, и помазать селедку какой-нибудь гадостью. Рассматривались экстремальные варианты со скипидаром, собачьей мочой, еще какой-то гадостью, но в итоге остановились на вполне безобидном растворе сахара — фактически сахарном сиропе. Удобный случай представился достаточно быстро: заглянул завуч, позвал «на секунду» из класса. Этой секунды хватило, чтобы я окунул только что очищенную селедку в бесцветный раствор и вернул на газетку. С замиранием сердца мы ждали укуса: вот поднимает рыбку, вот открывает рот, вот… Мы не услышали ни крика, ни ругани — просто после гримасы нас обвели таким взглядом, что стало понятно — всем жить плохо, а кое-кому, может, и вообще не жить. Особенно главному проказнику. Короче, меня заложил кто-то из одноклассников, а может, собственный хитрый взгляд выдал. Вину я признал, но разбирательство проступка оказалось неоднозначным: неожиданно на мою сторону встал завуч, которому давно поступали сигналы о не вполне советском поведении англичанки. Да и сам ее предмет, мягко говоря, был не вполне советским. На первый раз все ограничилось предупреждением и снижением отметки по поведению до четверки. И это оказалось маленькой драмой для такого примерного мальчика, как я.

Но оставался ли я к тому времени действительно

примерным? Очень скоро выяснилось, что нет. После моей шутки с физруком Виктором Петровичем Носовым, здоровенным бугаем из бывших метателей диска, меня уже чуть было не исключили из школы. Носова, или «Носа», я не любил, и это единственный случай, когда отрицательное отношение к учителю не отразилось на восприятии предмета. Или, наоборот, когда любовь к предмету не смогла изменить негативное отношение к учителю. Носов вел себя с учениками весьма по-свински: то вовсю панибратствовал, хлопал по плечам, использовал всякие прозвища, то изъяснялся в том смысле, что мы — никто, нули, а он — бесконечная величина. А еще и по стенке размажет… В общем, личность достаточно отталкивающая.

И вот как-то наш класс гурьбой двигался на стадион, все веселились и дурачились, в снежки играли. Дружок незаметно встал на корточки за физруком, а я его легонько толкнул. И эта глыба рухнула в сугроб, покраснела от злости, уставилась на меня красными бычьими глазами — все думали, вот сейчас и закопает в этом же сугробе. Но мужик пересилил свою ненависть и пошел официальным путем, в смысле донес. На педагогическом совете меня строго предупредили и ввели дисциплинарную тетрадку, где каждый учитель на каждом уроке ставил оценку по поведению. Так вот я стал практически хулиганом.

О каком еще преподавателе могу рассказать? Например, о смешном учителе машиноведения Григории Ивановиче. Он часто изрядно опаздывал, приходил навеселе, фальшиво мурлыча популярные мотивчики… Потом не мог найти классный журнал, потом не мог попасть ключом в скважину замка своего кабинета. Уже взрослым, читая Генриха Манна «Учитель Умрод», я явственно увидел в нем нашего машиноведа. Я встречал людей, половина слов в речи которых была матерной, читал про Эллочку-людоедочку с ее мини-словарем, а вот у Гриши добрую половину разговора наполняли слова-сорняки:

— Итак, значит, я тебе поставлю двойку, а это значит, что ты можешь получить двойку за четверть. А это в общем значит, что ты можешь вылететь из школы. И, значит, будешь мыть там полы в уборных. И поделом тебе. Значит.

И так до бесконечности. В лексиконе литературного Умрода тоже присутствовало любимое выражение «это значит». И хотя Умрод по-немецки значит «дерьмо», а наш «герой» носил нейтральную кличку «Гриша» — просто одно лицо, если вслушаться.

В школе я учился взаимоотношениям с людьми, с учителями и соучениками. Думаю, что чувство личного достоинства, умение постоять за себя и за собственные взгляды, некие принципы, пусть

и не всегда такие уж правильные и безусловные, отличали меня уже где-то с 7-го класса. Я парировал придирки некоторых учителей, особенно той самой англичанки, которая нас учила так, словно повинность отбывая. Ругался с директором и завучем, которые даже за минутные опоздания портили дневник всякими записями. Защищал какую-то веснушчатую девчонку от нападок сотоварищей — не потому, что нравилась, а просто считая их несправедливыми. В общем, неосознанно завоевывал авторитет.

Смена дислокации

В 61-м году нашей семье дали отдельную квартиру в районе Сокола на улице Панфилова. Дом сохранился и по сей день, он рядом с Новопесчанной улицей, где я живу сейчас. Однажды, проезжая мимо, я не удержался, вышел, поднялся на знакомую лестничную площадку. Постоял немного и спустился вниз. Честно говоря, никаких эмоций, никакого желания зайти внутрь. А тогда я не столько радовался отдельной жилплощади и отдельной личной комнате, сколько переживал из-за необходимости смены привычного окружения. Идти в новую школу, завязывать новые знакомства??? Удивительно, я всегда был на редкость контактным, но этих перемен почему-то боялся. Решение пришло быстро, в стране как раз начиналась перестройка образовательной системы и стали появляться школы с различным профессиональным уклоном. Поэтому, если вместо обычной одиннадцатилетки попасть в школу рабочей молодежи, можно сэкономить целый год. Вроде не столь престижно, да выгода налицо. Зачем мне требовался этот выгаданный год, понятно — да чтобы скорее стать самостоятельным! Дети всех поколений стремятся быстрее начать взрослую жизнь, и я не являлся исключением. *Я* обошел массу вечерних школ, но везде требовали справку с места работы. И лишь на Скаковой улице, где-то *в* получасе езды от дома на трамвае, мне повезло. Благодаря серьезному недобору меня туда приняли под письменное обязательство, что я в трехмесячный срок устроюсь на работу и принесу справку. Справку я нес долго, но в итоге все-таки заимел какую-то формальную запись в трудовой книжке, и от меня все отвязались. Какой была моя первая фиктивная «работа» — теперь и не вспомнить. А на настоящую не было ни времени — весь день я отдавал спорту, ни необходимости — в деньгах я особой нужды не испытывал. Родители удовлетворяли мои основные потребности, не знаю, правда, насколько тяжело это им давалось. Наверное, не особо, ибо каких-то сверхурочных не припомню. Карманные деньги водились у меня всегда, но и особых трат я не делал — мороженое, кино, цветы девушке. Вкус к модной дорогой одежде тогда еще не проснулся, я не курил, вино не распивал, а ведь именно это требует немало средств. Вообще, так называемые «вредные привычки» ни у меня, ни у большинства друзей сверстников не водились. Кто-то увлекался учебой и мечтал о карьере ученого, кто-то ходил в технические и творческие секции, некоторые, как и я, большую часть времени посвящали спорту. Но во дворах, где я обычно проводил вечера и выходные, публика

гуляла весьма разношерстная. В том числе и дети-сорняки, жуткая безотцовщина, хулиганы, наводившие страх на приличных мальчиков и девочек, а особенно на их родителей. Могли ведь не только побить и отнять, но и вовлечь и испортить. Оружием отпетых сорванцов служили рогатки, кастеты, выкидные ножички и отборный мат, они пили, дрались, воровали и быстро расходились по колониям. Одного такого «грозу двора», ставшего матерым уголовником, я позже повстречал на суровой свердловской пересылке. Он сразу же узнал меня и подивился встрече: «Ба, и ты здесь… А ведь был таким приличным…».

Хоть и приличный, я и со шпаной вскоре нашел общий язык, ведь в чем-то тоже был уличным парнем. Сблизил же нас футбол: тогда на нем все просто помешались, а я неплохо владел мячом, чем и снискал уважение в среде «дворовых». Хотя в их пьянках не участвовал, в ножички, расшибец, орлянку и другие приблатненные игры тоже не баловался. И, конечно, не воровал белье, развешанное во дворах и на чердаках. Даже ради любопытства.

Свидание с королевой спорта

Где-то лет с 12 мои интересы практически полностью принадлежали спорту, спорту и еще раз ему. Вообще мое отрочество пришлось на период его явного расцвета в СССР, причем его культивирование во многом являлось глобальной государственной политикой. И вполне разумной. Спорт не просто не оставлял большинству из нас времени на всякие «глупости», он действительно растил крепкое и здоровое поколение. Конечно, наше здоровье требовалось прежде всего для армии и флота, для глобальных строек и воспроизводства населения, но это являлось тем редким случаем, когда интересы государства и народа совпадали. Ну а те из нас, кто достигал в спорте особых успехов, строем шли на мировые арены сражаться за честь родины. В своего рода спортивной войне, которую мы объявили мировой капиталистической системе, и просто обязаны были выиграть. И это обязательство, как правило, с честью выполняли.

Еще одним спортивным «стимулом» являлось отсутствие иных развлечений для молодежи тех лет — ни компьютерных игр, ни видео, ни Интернета, ни интересных телевизионных программ. И спорт удачно замещал этот дефицит.

Как и многие другие мальчишки, я начинал с футбольных баталий до темноты. Словно из кинофильма тех лет: теплое лето, медленно темнеет, мамы открывают створки окон и на весь двор зовут сыновей домой ужинать. А в ответ слышат традиционное: «Ма, ну еще полчасика, ну пожалуйста!». Почти у каждого из нас была в кумирах какая-нибудь футбольная команда, и часто мы приходили в школу минут за двадцать до начала уроков, чтобы обсудить перипетии последних матчей с участием любимчиков. Большинство одноклассников дружно «болело» за «Динамо» или «Торпедо», я же выбрал в фавориты «Локомотив». Почему именно железнодорожников, даже не знаю, может, из духа противоречия, из желания выделиться? Меня с этим клубом ничто не роднило: ни профессия родителей, ни близость стадиона, ни мечта стать проводником или машинистом. Да и клуб этот особо не блистал, хотя в 1963 году сумел-таки выиграть Кубок страны. Даже теперь я периодически слежу за их неплохими результатами, легкое чувство удовлетворения, конечно, присутствует, хотя энтузиазм уже не тот. Дискуссии вокруг футбольных матчей и качества их судейства шли жаркие и громкие, разве что до рукопашной схватки не доходило. В 1958 году мы горячо обсуждали процесс над Эдуардом Стрельцовым, которого привлекли к суду за изнасилование. Тут мы оказались единогласны во мнении, что

это несомненная ошибка или чьи-то злые козни. Этого классного игрока любили практически все, независимо от клубных пристрастий, он стоял явно выше рамок своего «Торпедо», был настоящим народным кумиром.

С отцом я посетил большинство значительных футбольных матчей того времени, почти все встречи с приезжающими в Москву европейскими или южноамериканскими командами. Стадионы ломились от народа, впрочем, пустых трибун обычно не было и на более ординарных матчах. Казалось, что людям было интересно все.

В 12 лет я увлекся еще и волейболом — классная игра. Мне так хотелось бить по мячу не только ногами, но и руками, что я привил к волейболу интерес моим дворовым друзьям, убедил «захотеть» этой игры. И по личной инициативе во дворе мы решили построить волейбольную площадку. По всем правилам, с дренажем, с разметкой, предварительно основательно изучив книгу о правилах ее обустройства.

Наш почин поддержали взрослые, тем более что на первом этаже одного из домов нашего двора находился «Штаб строительных работ района». Все стройматериалы мы получали бесплатно, а уж «возводили объект» своими руками, каждый день, каждую свободную минуту. А потом играли взахлеб, в том числе и со взрослыми, и с моей мамой, имевшей по волейболу спортивный разряд. Меня тоже не особо удовлетворял дворовый уровень игры, мне хотелось совершенствовать спортивные умения. А это могли обеспечить только многочисленные секции. Какую выбрать? Как ни странно, в итоге раздумий я не выбрал ни футбольную, ни волейбольную. Наверное, уже тогда желая не отставать от моды, я отдал предпочтение только что появившемуся гандболу, или, по-русски, «ручному мячу»

Но в спорте меня привлекали не только игровые соревнования. Я рос рядом со стадионом, принадлежащим Московскому институту связи — теперь на его месте понатыканы высотные дома, а я хорошо помню, как там занимались студенты. И я, ничуть не стесняясь, подходил к ним и тоже пробовал прыгать в длину и высоту, бегать на разные дистанции. И, хотя был существенно моложе их, многое у меня получалось существенно лучше. Их учителя видели мои результаты и часто ставили в пример какому-нибудь долговязому очкарику. И настойчиво советовали побольше тренироваться.

С 14-го по 16-й годы жизни я одновременно ходил в гандбольную и легкоатлетическую секции, а в итоге победила легкая атлетика. Может, для гандбола оказался слабоват комплекцией и маловат ростом, а может, больше нравилось

бороться не с мячом, а с метрами и секундами. Нравилось постоянно улучшать результаты. Сегодня лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня! Родители в целом приветствовали мои спортивные увлечения, просто периодически напоминая мне, что и учебу забрасывать нельзя. Вдобавок скоро им стало не до меня: в 1959 году родилась сестренка Фаина — золотой ребенок, выросший в замечательного человека. Но хоть девочка и золотая, а внимания требовала много. Но я не ревновал. Я уже стал почти самостоятельным.

Занимался я в детской спортивной школе завода «Серп и Молот» общества «Труд». Их спортивная база и спортлагерь размещались в Подольске, куда я ездил каждое лето на сборы. Там же находилась основная база сборной СССР по легкой атлетике, которая тогда готовилась к Олимпийским играм 1960 года. На моих глазах тренировались знаменитые Валерий Брумель и Игорь Тер-Ованесян, Роберт Шевлакадзе… Брумель только входил в силу, в 1960 году в Риме он получил серебро, зато 1964-й стал для него золотым. Я, совсем еще мальчишка, с народными кумирами здоровался за руку, беседовал о спорте, и они относились ко мне весьма серьезно. А чемпион по спортивной ходьбе мельбурнской олимпиады Леонид Спирин вообще являлся одним из моих тренеров, равно как и Галина Анатольевна Мадая — тоже выдающаяся легкоатлетка. Я смотрел на этих титанов спорта и восхищался, а присутствуя на тренировках сборной, ощущал приобщение практически к государственной тайне. Тогда ведь, повторюсь, советский спорт служил неким аналогом мирного оружия пролетариата, и секреты подготовки казались сродни военным. Разве что формы допуска у нас не было.

Мечтал ли я когда-нибудь стать одним из приближенных великой «королевы спорта»? Разве что в самой глубине души, и не особо серьезно. Как иногда абстрактно мечтаешь стать волшебником и творить чудеса. Реально же спорт давал необыкновенное чувство удовлетворенности собой, насыщенности и реальности жизни. Мне нравилось, когда я валился с ног от усталости, когда пот лил ручьями, когда болели все мышцы. И я умел терпеть, стойко переносить. И это умение терпеть, в том числе и сильную боль, удивляло многих из тех, с кем я сталкивался по жизни — от зубных врачей до матерых уголовников. И закалил меня именно спорт. Советский спорт.

Победы и поражения

Я всегда, с первых классов школы, был нацелен на успех и победу и сильно переживал свои неудачи. Этот соревновательный интерес, желание постоянно выиграть мне старательно прививал отец. Подтянуться больше раз, получить лучшую оценку… Соревноваться с другими, постоянно улучшать собственные результаты. Быть лидером. Быть только первым, только впереди всех! Любой ценой. Второе место равносильно поражению!

Потом я стал смотреть на неудачи проще, более реально, что ли: побеждает сильнейший, и если ты сделал все, что мог, но не сумел выиграть, не стоит делать из этого трагедии. Надо делать выводы и работать, работать, работать. В том же спорте, как и в шоу-бизнесе, как и в нашей жизни в целом — если кто-то добивается больших успехов, ему рукоплещут, смотрят в рот, готовы выполнить любую прихоть… Но стоит ему проиграть или показывать средний результат, даже руки не подадут. Поэтому и не стоит особо убиваться ради мимолетной победы.

И, осознав эту мудрую мысль, я вскоре стал относиться к спорту как к способу физического совершенствования, а не как к культу. Без излишнего фанатизма. А без фанатизма стать большим чемпионом превратилось просто в мечту, а не в реальную цель, ради которой готов на все. А потом и сама мечта потихоньку растаяла.

И все-таки в нашей жизни должно быть некое состязание, ради победы в котором ты не пожалеешь ничего. Состязание, где ты напрягаешь все свои силы, все свои возможности, где не позволяешь себе расслабляться и лениться. Для меня это, несомненно, шоу-бизнес. И хотя критерии успеха в нем не столь очевидны, рекордных секунд не бывает, мое первенство мало у кого вызывает сомнение. И не в смысле успехов прошлых, а именно настоящих. И, кстати, будущих.

Раз в два года в Москве проходили «домашние» соревнования легкоатлетов СССР и США, и я не пропускал ни одного из них, с неподдельным интересом следя за «битвой гигантов» и громко болея за «наших». Я и сам принимал участие в серьезных турнирах, не настолько, конечно же, громких, но все-таки. Например, в 1963 году выступал в первенстве Союза в Запорожье за спортклуб завода «Серп и Молот». В моем забеге на 100-метровке Виктор Усатый установил новый рекорд СССР — 10,90. Я видел только спину бегуна, отстав метров на 10, а то и больше. Во многом мои невысокие результаты объяснялись серьезной

травмой — защемлением мышцы, а вот чем объяснить мое грубое нарушение правил при передаче палочки в эстафете 4 по 100? За это команду дисквалифицировали, а меня хоть и не подвергли острой обструкции, но, конечно, смотрели косо…

Кстати, одним из первых моих друзей на новом месте жительства, Соколе, стал Валера Гуревич, чей отец тренировал сборную СССР по гандболу. Наша дружба с Валерой продолжилась и после моего прощания со спортом, он тоже интересовался музыкой, и отец часто привозил ему из загранпоездок фирменные диски. Переезд на новое место жительство никак не отразился на интенсивности моих занятий спортом. И почти каждое утро, иногда даже и по выходным и праздничным дням, я отправлялся в Лефортово на стадион «Энергия». Добираться приходилось уже не пять минут, как раньше, а почти час, но расстояния меня не останавливали. На стадионе был совершенно роскошный большой крытый манеж, наверное, уникальный для Москвы тех лет, что позволяло заниматься даже зимой. Со стадиона, подчас даже не успевая отдышаться, я нередко мчался прямо в вечернюю школу. Там училось еще несколько столь же активных спортсменов, благо ипподром находился совсем рядом. Наш учитель математики, бывало, приходил на урок и начинал перекличку:

— Петров?

— А вот на ипподроме, в синей шапочке скачет.

Учитель подходил к окну, подслеповато пытался разглядеть Петрова среди мчащихся наездников и грустно говорил:

— Надеюсь, хоть скачет хорошо!

Уже после окончания школы я еще некоторое время ездил на сборы, был даже призером спартакиад, становился чемпионом района и разных первенств Москвы. Вряд ли мне светили олимпийские награды, но, не случись у меня серьезной травмы, спортивная карьера наверняка продолжилась бы. А перелом в моих взаимоотношениях со спортом произошел из-за травмы мениска. Столь распространенная проблема у спортсменов, в те годы она очень тяжело подвергалась лечению. Мне делала операцию в ЦИТО на Войковской тогда еще малоизвестный врач-хирург Миронова. Спасибо ее золотым рукам. Теперь ее сын Сергей Павлович — начальник Медицинского Центра Управления Делами Президента. Операцию мне делали практически первому в СССР, по совершенно новой методике и, можно сказать, и по большому блату — за меня просили весьма известные люди. Новая методика позволяла оставаться в спорте, но после операции и последующего лечения результаты все-таки стали падать. А вместе с ними и спортивный энтузиазм. А может,

впереди уже маячило мое настоящее призвание — музыка.

Проблемы с ногой сделали меня нестроевым и для Советской Армии с формулировкой «Не годен к службе в мирное время», так что эта школа жизни меня миновала. Честно говоря, об этом совершенно не жалею. Возможно, в ком-то армия помогает вырастить стержень, но у меня он уже имелся. Вдобавок я не отождествлял службу в армии с патриотизмом и не стремился к карьере военного. А вне карьеры это представлялось просто пустой тратой драгоценного времени. Как ни странно, тот факт, что именно время и является настоящим сокровищем, я понимал уже тогда.

Секретный объект

6.08.2004

Почти две недели я не написал ни строчки автобиографии, но на это были вполне уважительные причины. Во-первых, моя поездка в Англию. Неделя в ее столице оказалась просто роскошной. Очень давно я мечтал посмотреть Лондон, и вот свершилось. При этом многие вещи, которые я ждал очень долго и наконец получал, нередко не вызывали во мне ожидаемого восторга. Например, летний визит в Москву Пола Маккартни. Этого выступления я ждал 40 лет, сидел в первом ряду, был прекрасно настроен и… И ничего особенного. Респектабельный сэр, давно устаревший материал, может даже фонограмма. Да совсем не то, хоть вставай и уходи. Я и ушел. А с Лондоном все оказалось не так — долгие ожидания встречи более чем оправдались. Вдобавок я совершенно напрасно боялся процесса получения визы… Странно, мне еще никогда никуда не отказывались выдавать визу, даже сразу после освобождения из заключения, но про английское посольство мне говорили, что очень тяжелое собеседование, нужно много справок и т. д. И поскольку всегда находилось чем заняться, я постоянно откладывал и думал: «Настанут лучшие времена, вот тогда». И вот они настали, визу дали заочно и без осложнений. Но проблемы не миновали моих попутчиков: Диме Билану пришлось лично явиться в посольство, ибо его новый загранпаспорт вызвал вопросы. А представителю лейбла «Гранд-Рекордс» Сергею — моему давнему другу и партнеру — просто отказали без объяснения причин. Он расстроился, огорчился и я. «Гранд-Рекордс» выпускает пластинки Димы и «Динамита», и во время поездки у нас был ряд творческих планов, которые так и не осуществились. Мы уехали вдвоем, а уже в Англии встретились с Катей Лель — моей давней знакомой, которую я выводил в свое время в мир музыки, и еще с сотрудниками МГВ. И неплохо отдохнули.

Я с юности жил музыкой этой страны: Битлы, Ролинги, множество других известных и подзабытых имен. И я очень хотел сходить на живой концерт какой-нибудь звезды. Не получилось. Зато удалось много побродить по столице и утвердиться в моем давнем подозрении, что это настоящее КОРОЛЕВСТВО. Огромный красивый центр города показался мне больше, чем вся Москва, множество главных улиц. Настоящий праздник для любителя шопинга, если у него, конечно, водятся немалые деньги. Выбор сумасшедший, но и цены очень высоки — процентов на 30–49

выше, чем у нас. Кстати, не только на одежду, а почти на все, может, лишь на такси не такие пугающие. Но я фунты особо не считал — вообще не имею привычки считать, когда трачу. Конечно, походил по обеденным заведениям и вкусно поел. Впечатлил ресторан японской кухни «Нобу», имеющий русского владельца — Сашу Волкова. У него есть рестораны и в Москве — в «Рэдиссон-Славянской», в «Балчуге». Лондонское же заведение примерно на двести мест, и вечером без записи туда не попасть, настолько раскручено это место. Часто в этом ресторане ужинает Борис Березовский, но нам встретиться с опальным олигархом не удалось: мы пришли туда раньше традиционного английского обеда — около четырех часов дня. Кухня роскошная, я заказал невероятно вкусный суп. Такого я никогда раньше не ел нигде. Дорого, конечно: обед на двоих обошелся почти в 450 долларов, а всего-то взяли два супчика, два стакана пива и мраморное мясо.

Один из прекрасных вечеров мы провели в недавно открывшемся и мгновенно ставшим модным среди местной тусовки «Скэтч клабе» — прекрасный чил-аут, уютные бары, вкусная еда. В основном его посещает продвинутая публика около 30 лет, явно зажиточная и имеющая свой бизнес. У входа припаркована куча роскошных авто, даже «роллс-ройсы». Посетил я и «Шугар клаб» — популярное место встреч деловой молодежи, а вот на дискотеки так и не попал, хотя некоторые, по слухам, весьма зажигательные. Эх, еще бы недельку, да работа звала в Россию. Ну и дабы не прослыть исключительно любителем развлечений, скажу, что и ряд местных достопримечательностей не обошел стороной. Их список не сильно отличается от описанного в школьном учебнике английского: королевский дворец, Биг-Бен, Тауэр. Но лучше один раз увидеть. А еще много времени я просто гулял по скверам, радовал глаз местной аккуратностью и красотой, постигал дух страны. И опять-таки недостаток времени, а то непременно съездил бы в Ливерпуль, на родину Битлз. Может, в следующий визит, хотя чего загадывать… и возраст, и здоровье… В целом визит на Альбион прошел чинно и гладко, а вот по возвращении на родину в Шереметьево-2 со мной произошла не совсем обычная история. По прибытии из-за границы я обычно прохожу по зеленому коридору, многие таможенники знают меня в лицо и легко пропускают, а тут остановили.

— Что у вас в чемоданах?

— Да так, ничего особенного, концертные вещи…

— Покажите!

Я открыл объемные чемоданы, где лежали результаты моего шопингового похода по весьма дорогим лондонским бутикам. Все

чеки и ценники я педантично сохранил в своем в бумажнике.

— *И на* какую сумму вещей?

— Да тысячи на две-три.

Сумму я изрядно приуменьшил, и был незамедлительно пойман на этом приуменьшении, едва девушка открыла мой бумажник и нашла там кучу чеков. И зачем их сохранил? Сумма покупок явно зашкаливала…

— Да тут же…

— Это на всю группу, — я вяло оправдывался…

— А где группа?

— Да вот, летят следующим рейсом…

По-моему, мне не поверили, и потребовалась консультация со старшим таможенным инспектором, я же тем временем часть чеков спрятал из бумажника в карман. Но вердикт уже вынесли:

— Надо заплатить пошлину триста долларов…

Ну, надо, так надо, но я решил немного побороться:

— Мы вот выступаем для вас, поем, радовать стараемся, могли бы и на поблажки пойти…

— А что за артисты?

— «Динамит», Билан. Приходите на концерт, спросите меня, посмотрите прекрасный концерт безо всяких билетов. А пока мой водитель сбегает к машине и принесет вам диски с их песнями.

В общем, пошлину я так и не заплатил. Музыка опять спасла меня. А также искусство жестко отстаивать свои интересы, которое впервые освоил после школы. А было все так…

Мы тогда проживали недалеко от института биофизики, одного из весьма закрытых заведений в районе площади Курчатова. Принадлежал он одновременно и Министерству здравоохранения, и какому-то военному ведомству и занимался проблемами космоса и медицины. И как-то я решил устроиться туда на работу, и со второй попытки мне это неожиданно удалось. Правда, не без помощи мамаши моего приятеля, которая многие годы служила в отделе кадров института. В силу его повышенной секретности на проверку документов соискателей уходило месяца три, а то и больше. Для меня же интерес представляла не только его сфера деятельности, но и сам факт — пройду ли комиссию. Сомнения в этом присутствовали серьезные: я еврей и слышал, что кругом царит ярый антисемитизм, вдобавок отец родился за границей, в Польше. И когда в первый раз подал документы на общих основаниях, у меня их просто не приняли. Ведь и безо всякого антисемитизма, ну что я мог предъявить — спортивные достижения, что ли?

Но мама приятеля по блату нашла свободную штатную

единицу, ведь хотя вакантных должностей существовало мало, но и соискателей отнюдь не очередь стояла. Прием на работу велся как ни странно путем каких-то обезличенных объявлений на проходной, тоже, кстати, без вывесок и прочих опознавательных знаков. В общем, мои документы приняли. Я честно заполнил все многочисленные графы, включая и национальность, и место рождения отца — город Томыши близ Варшавы. Я долго ждал без особых надежд, пока анкету проверяли в разных инстанциях, и сколь же велико было мое удивление, когда прислали открытку о приеме на работу.

Когда я пришел и оформился, то сначала прошел собеседование с заведующим лабораторией Ярких, не помню его имя-отчество. Мои формальные ответы на ряд общих вопросов его вполне устроили, и через две-три недели, пройдя медкомиссию и донеся еще ряд каких-то справок, я вышел на работу. На должность лаборанта радиомонтажника пятого разряда.

Во главе института стоял директор. Чуть ниже — ряд его замов, в том числе по производству на опытном заводе на соседней территории. Сам институт делился на сектора, те, в свою очередь, делились на лаборатории. В каждой лаборатории было несколько групп, которые возглавляли научные работники. В одной из таких групп работал и я: она занималась вопросами датчиков состояния здоровья космонавтов. Старший научный сотрудник, два врача и два лаборанта. Все мы преимущественно бездельничали, особенно когда уходили зав. лабораторией и начальники групп, а их часто вызывали на многочисленные совещания, пятиминутки и прочие бюрократические мероприятия. И тут младший персонал расслаблялся и сразу же начинал Ваньку валять.

Вначале мне все казалось очень интересным — новая деятельность, интересные люди, известные космонавты. Я имел допуск к самым секретным объектам, где проходили эксперименты в барокамерах, на стендах. Постоянное же место работы — комната в 35–40 квадратных метров, ряд канцелярских столов, печи обжига, еще какие-то камеры для испытаний «на месте». И телефон, который стоял у меня на столе и которым я активно пользовался, хотя звонить в рабочее время по личным вопросам строго запрещалось. А как же тогда время убивать???

Самая-самая книжка живого общения не заменит! Вот я и трезвонил друзьям и девушкам, вел с ними долгие умные беседы. О жизни, о любви. Однажды я так заболтался, что не заметил, как в нашу лабораторию зашел зав. секцией — человек исключительно заслуженный, лауреат Ленинских и Сталинских премий, видный ученый Городинский. То ли профессор, а то ли

уже академик, короче, одна из центровых фигур института. Он долго прохаживался мимо меня, пока я обратил на него внимание. А когда увидел его недовольный взгляд, быстро скруглил разговор.

— Молодой человек, с кем это вы беседовали только что?

— Я… ну… с девушкой.

— На какую тему, рабочую?

— Нет, личную…

— Ну так я вам делаю устное замечание. И скажите начальнику вашей лаборатории об этом инциденте.

Начальнику я ничего не сказал и наверняка бы «проскочил», да через пару дней история повторилась. Опять я трепался с барышней, опять минут пять Городинский раздраженно слушал эту пустую болтовню. И на этот раз уже лично пожаловался непосредственному руководителю. Сразу вскрылось, что и про первый случай я умолчал. После этого большой шеф меня сильно невзлюбил, всячески третировал и придирался. И потребовал от начальника отдела кадров отправить меня на их опытное производство. Вроде рядом, через забор, но идти туда станочником или еще кем я не хотел. Вдобавок я не видел для этого объективных причин. Разве что проявление антисемитизма просвечивалось, ведь самые страшные антисемиты, как известно, это евреи. А в советские времена особенно, если кому-то удавалось пробиться во власть, науку и т. д., то своих соплеменников они просто демонстративно угнетали и всячески от них дистанцировались. Может, чтобы в «еврейском сговоре» не обвинили? Эту смелую мысль мне подтвердили и другие сотрудники института.

Но я не сдавался, во мне заговорило собственное «я». Я смело открывал массивную дверь кабинета, куда многие откровенно побаивались заходить, требовал объяснений и отстаивал свои права. Это раздражало академика, хотя, кто его знает, может, в глубине души он даже уважал меня за настойчивость. Ну если и так, то совсем в глубине. Потому что вслух он выгонял из кабинета, причем как-то не сдержался и сделал это в весьма грубой форме. Я пошел к вышестоящему начальству, но его и там поддерживали и ставили мне в вину длительные телефонные разговоры.

— Ну и что, что я говорил? Другие в это время курят в курилках, а я вот так вот отдыхал. Что это — преступление, за которое человека гноить надо? Все задания и поручения я прилежно исполнял, так в чем же вопрос?

И я написал заявление в местком в комиссию по конфликтам, или как ее там называли, и на заседании месткома отстоял свою

точку зрения. Приказ о переводе на производство аннулировали.

Я подробно остановился на этой истории, ибо так произошел, наверное, мой первый взрослый конфликт, и я повел себя весьма достойно. Не дал себя в обиду, настоял на своем, проявил себя как личность, с которой необходимо считаться. Хотя после моей победы интерес к институту и работе в нем быстро угас, и через два месяца я уже уволился. И на этот раз действительно по собственному желанию. Мне было всего 19 лет и хотелось более настоящей бурной жизни, а не существования «лабораторной крысы». Ведь там творилась сплошная профанация: требовалось лишь приходить вовремя, не пререкаться с начальством, а по сути лишь просто отбывать и бездельничать. И я, как деятельный человек, в итоге заскучал.

Впрочем, когда ты молод и полон сил, плохое и неинтересное развеивается быстро. Перегорает, как сухие дрова или угли, и улетучивается без следа. И многочисленные подруги и приятели тебе активно помогают улучшить настроение, не дают заскучать и застояться.

Друзья детства

Я достаточно рано начал различать просто знакомых и друзей. Куда более романтичный и сентиментальный, чем теперь — таким меня воспитали семья и школа, — я свято верил в понятие «дружба» Честную, открытую и, конечно, слегка наивную. Здесь уже подразумевался строгий отбор, причем основанный вовсе не на том, что чей-то папа — банкир. Во-первых, банкиров тогда не было, да и с прочими «сливками» мы не общались. Общество являлось куда более закрытым, чем теперь, и его немногочисленная «элита» — политработники, дипломаты — надежно отделялась от прочего люда: ни в ресторане не встретишь, ни в кино.

И дети их, по-моему, в обычные школы не особо-то ходили. Хотя и тогда могла существовать материальная подоплека «дружбы» — хороший футбольный мяч или новый велосипед. Но я был другой, и мои друзья тоже.

Само значение слова «друг» я начал осознавать, наверное, класса с 6-го, а уже с 8-го появились приоритеты общения Возможно, близость определялась не столько общим «духом» — он еще и у самого не выработался, — сколько общими интересами. Тогда же отец попробовал влиять на выбор моего круга общения, иногда с ним соглашался, чаще это кончалось ссорами. Боря Рудман, Миша Левин, Валера Метелкин, Лена Шептова. Но, кроме имен и приятных воспоминаний, на сегодня никаких отношений со школьными приятелями не осталось. А вот лет с 18 до сих пор сохранились в моем активе верные друзья — Слава Черныш, ныне антиквар. Коля Резюков — владелец станции техобслуживания «Вольво». А вот друзей по криминальному бизнесу в большинстве своем уже нет с нами… Но это я больно далеко забежал…

Я был открыт новым знакомствам и встречам. Я стремился к интересному общению и ярким впечатлениям. Мы ходили в кино, на выставки, в парки, а когда у кого-то выпадала свободная квартира, например родители уезжали на дачи, то собирались там на вечеринки. Несколько бутылок пива-портвейна-водки, магнитофон с записями, интимная атмосфера. По этой эротической романтике даже сейчас иногда скучаю!

Для уединения с девушками служили не только комнаты, но и ванные. И даже туалеты. Может, и не особо комфортно и совсем не стерильно, но разве это могло помешать, если… Имена моих первых подружек звучат вполне обычно — Лена, Катя, Таня. А вот

фамилия у первой любви необыкновенная — Берри, Таня Берри. В будущем я узнал, что сестры Берри — одни из самых ненавидимых советской властью исполнителей, хотя к Тане они не имели никакого отношения.

Итак, я упивался своей юношеской страстью, доставал девушку своими неуемными признаниями и неумелыми домогательствами. Впрочем, ей вроде бы нравилось. Жила она совсем недалеко от Кремля, около Большого Каменного моста, в доме, где сейчас находится рок-кафе. На 6-м этаже, в огромной и обшарпанной коммунальной квартире, где по коридору действительно можно было бы кататься на велике, если бы убрать все эти громоздкие шифоньеры и прочую рухлядь. Тогда ничего не выбрасывали, а выставляли в коридор. Я протискивался к самой дальней комнате, и мама деликатно уходила готовить чай. Ухаживания, цветы, кино… Первые поцелуи, первые обнимания. Первые попытки физической близости, упорные отказы, постоянные переносы сроков. Чистая любовь, наверное, мы оба ее ценили и поэтому особо и не спешили. Скорее, чисто спортивные приставания. Впрочем, это сильное чувство не помешало моим конкретно эротическим похождениям на стороне, об одном из которых Танечка узнала. Большая обида, слезы, мольбы о прощении, цветы и конфеты… Формально я был прощен, но появилось некоторое отчуждение, недоверие. А может, и я уже перегорел. Таня умерла совсем молодой, по-моему, так и не выйдя замуж…

Навстречу музыке

Опьяненный звуками

С 16 лет музыка стала моим основным увлечением, хотя едва ли оно возникло на пустом месте. Конечно, родителей сложно было назвать меломанами, но хорошая радиола у нас стояла еще на старой квартире в Лефортово, часто покупались и прослушивались пластинки. В основном симфонии, классика, песни советских композиторов. Все это я слушал без особого восторга, меня куда больше привлекала западная музыка. Таким окошком в мир была серия «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», пластинки «Вокруг света». Там, среди песен «социалистических друзей», подчас появлялась одна или даже две английские или американские (Гарри Белафонте, например) джазовые композиции. В 1962-м я за три рубля купил диск Фрэнка Синатры, выпущенный по кубинской лицензии, который мог слушать почти непрестанно. Даже терпеливые родители не выдерживали и просили: «Юра, смени пластинку!». И я менял ее на Чака Берри. Вскоре роль пассивного слушателя меня уже не устраивала, я хотел общаться с музыкантами, находится внутри этого заманчивого мира. Находиться в качестве кого, ведь играть на музыкальных инструментах я не умел, сочинять композиции тем более, а зачем-то купленное родителями пианино так и оставалось всего лишь предметом интерьера? Но я не сомневался, что в мире музыки мне найдется достойное место. И, кстати, отсутствие профессионального углубления в структуру музыки, расщепления ее на составляющие спасло меня от излишнего скептицизма, свойственного многим музыкантам. Я где-то читал, что высшим критерием Генделя по отношению к чужим произведениям служила фраза: «Ничто в этой музыке меня не раздражает». Нет, я предпочитал восхищаться.

Первый шаг моего проникновения в царство звуков я сделал, встретившись с Толей Павловым, который впоследствии и стал моим проводником. С Толиком я познакомился в кинотеатре «Ударник» на каком-то просмотре: знакомый администратор всегда мне помогал с лишними билетиками. Я собирался пойти на дневной сеанс с девушкой, да она неожиданно приболела. И так получилось, что ее билет достался Толику, способному джазовому музыканту, трубачу и в общем-то бездельнику.

Как и я, мой новый знакомый отличался наличием свободного времени и любовью к хорошему кино. Он жил рядом с метро «Арбатская» на Знаменке и иногда приглашал меня в гости, при этом обычно включал магнитофон с джазовыми композициями. Я проникся этой необычной музыкой, а Толя

проникся моим неподдельным интересом и стал звать на различные музыкальные вечеринки, или сейшены, как мы их называли, используя модное английское словечко.

Основным местом встреч служило кафе «Молодежное» на улице Горького, официально открытое в 1961 году по решению горкома комсомола. Аккурат к очередному съезду КПСС. Вообще, в 60-е годы администрация каждого предприятия общественного питания могла сама определять культурную программу, которая это питание сопровождала, сама заключала договоры с музыкантами. Благодаря этой схеме некоторые московские кафе — «Молодежное», «Синяя Птица», «Времена Года» — стали на некоторое время центрами современной молодежной музыки. Однако по настоянию столичного общепита Московский горком комсомола решил взять под контроль пестрый мир новых молодежных увлечений, и в 1963 году в Москве был организован первый бит-клуб. Под «штаб-квартиру» клуба было выделено именно «Молодежное». Там люди в штатском наблюдали за пижонами и стилягами, любителями бибопа, свинга, джаза и прочей хитрой музыки. Ведь ее наконец-то разрешили, хотя и поднадзорно. Приходили «интересные люди» — писатели, художники, космонавты, артисты. От жаждущего народа, кстати, стены особо не ломились, далеко не для всех эта музыка являлась понятной и приятной, тяжело ложились сложные аккорды и отсутствие четких мелодий на русский слух, плохо подходили негритянские корни к славянской душе. Некоторые случайные люди, заходившие «просто посмотреть», быстро сматывались из кафе. В сердцах они кидали что-то типа «какофония» и уже никогда не возвращались.

Там я познакомился с известным саксофонистом Алексеем Козловым, а потом уже узнал интересную историю про его роскошный инструмент. Вот ведь авантюрист! Вначале Козлов дудел на трофейном альт-саксофоне, а в 58-м в витрине музыкального магазина на Неглинке он увидел новенький тенор-сакс немецкой фирмы «Вельткланг». Учащийся архитектурного института и организатор студенческой самодеятельности, Козлов остроумно провернул покупку через профком. Явился с официальным письмом и приобрел сакс по безналу. Оснастив впоследствии этот вполне легальный инструмент мундштуком подпольного московского мастера Телятникова, он не переставая удивлял нас своей виртуозной игрой.

Еще у Козлова был магнитофон «Яуза-5» с тремя скоростями. Прокручивая композиции в два раза медленнее, чем они звучали в оригинале, он списывал ноты саксофонных пассажей западных профи, которые на обычной скорости казались ему

недосягаемыми. Так оказался разъят на составляющие филигранный гений Чарли Паркера, и не он один. Все, что списывалось с «Яузы», было услышано у других музыкантов, сочинено и переделано, оттачивалось в «Молодежном». Люди узнали, что существует не только мировая классика и советская эстрада. Что есть другая музыка, которую мы называли «свободной». Кстати, там же, в «Молодежном», несколькими годами позже проходили первые выступления Пугачевой. Потом Алла поселится в двух шагах от него, а кафе уже после «перестройки» превратится в клуб «Карусель» и будет еще часто менять названия, теперь это «Музей». Что за странное название?

В «Молодежном» постоянно дежурили комсомольские дружинники — обязательный атрибут большинства кафе тех лет. Также там существовал совет — некий коллегиальный орган, определявший тематику вечеров, следивший за репертуаром и отчитывавшийся перед вышестоящими «товарищами». Полный «демократический централизм», как и сказано в Уставе ВЛКСМ. Естественно, в совете кафе заправляли комсомольцы-активисты. Председатель совета — Абраменко. Миша Сушков, впоследствии работавший в Телецентре Останкино секретарем парторганизации, а тогда тоже вполне заметная фигура — член горкома комсомола. Еще кто-то. По вторникам в «Молодежном» проводились конкурсы, где давались оценки по десятибалльной системе за каждую исполненную песню: максимум 60 баллов. По тем же вторникам, только уже вечерами, устраивались джазовые сейшены. Помимо Козлова и Павлова, там выступали такие отечественные звезды, как Макаршев, трубач Понаморев, пианист Борис Фрумкин… Кстати, с Борисом вообще занятное совпадение вышло: еще в Лефортово мы учились вместе, только в параллельных классах, но о его увлеченности музыкой я не подозревал. Хотя и сама музыка меня тогда не особо привлекала. И вот, встретившись через несколько лет в кафе, мы начали дружить и активно общаться. Фрумкин сейчас в США живет, однажды даже встречался с ним.

От джаза я получал необычайный кайф, мощный энергетический заряд. Я хорошо понимал и чувствовал эту музыку. Хотелось слушать ее и дома, и мне срочно потребовался магнитофон, а одним из лучших в те годы считалась катушечная «Комета». Я попросил денег у родителей, но выделенных ими средств не хватало, и пришлось сдать в ломбард роскошный костюм, который мне сшили на выпускной вечер. Получил немало — 600 или даже 800 рублей. И мечта сбылась — денег хватило и на магнитофон, и на десяток фирменных дисков. Первые мои записи — джазовые композиции ведущих музыкантов

мира. Джон Колтрейн, Вуди Герман, Элла Фицджералд, Луи Армстронг… Таких имен я мог бы назвать порядка ста. Знал различные направления — авангардный джаз, джаз-рок, популярный джаз. Потом меня потянуло к истокам рок-музыки, к основателям такого направления, как ритм-блюз.

Круг истинных меломанов Москвы большими размерами не отличался, почти все друг друга знали. Если у знакомых появлялась пластинка, ее сразу же переписывали, как правило за деньги или по бартеру. Основные же сделки по обмену и купле-продаже происходили на черных рынках столицы. Их периодически разгоняли, но они возрождались, как птица Феникс. Пластиночных спекулянтов называли «дискачами», хотя о какой спекуляции могла идти речь, если у дисков не было госцены? И «фарцовщик» — тоже неправильный термин. Конечно, это был в определенной степени бизнес, столь ненавистный социализму. В нынешней терминологии — «малый». С другой стороны, заниматься им успешно могли лишь истинные знатоки и любители музыки. И лучшее доказательство отсутствия исключительно денежной подоплеки — многие сделки в ущерб материальному эквиваленту, с целью заполучить любимого исполнителя или желанный диск. А именно это и отличает настоящих коллекционеров. Да и немалую долю зарабатываемых денег мы вкладывали в те же диски, но уже для своей домашней фонотеки.

Рядом с местом, где позже построили две гостиницы «Белград», в те годы находился весьма известный комиссионный магазин. Там продавалась аппаратура — кино-, фото-, радио-, теле-. Частью практически «антикварная», частью — просто старая и сильно б/у, и лишь изредка попадалась дорогая импортная техника. В основном она шла мимо прилавка, но кое-что выставлялось, смущая граждан многочисленными нулями ценников. Около магазина всегда толпилась масса народу — в выходные, наверное, до тысячи. Люди кучковались по интересам: кто-то собирал монеты и марки, кто-то — коллекционировал антиквариат, кто-то фарцевал жвачкой (на жаргоне — «чуин-гамом») и джинсами. Ну а я и еще сотня таких же любителей западной музыки занимались продажей и обменом пластинок. Милиция никогда не могла навести там полный порядок, но в толпе шныряло множество дружинников, оперативников. Иногда кого-то уводили под белы рученьки в опорный пункт, обыскивали, допрашивали, составляли протоколы. Отнимали товар и деньги, заводили уголовные или административные дела по факту спекуляции. Хотя на фоне подпольной торговли шубами или валютой наш бизнес вызывал скорее удивление: подумайте сами,

с какой стати пластинке стоить 30 рублей, если за 55–57 копеек можно купить отечественную и безо всякой очереди. С другими песнями, правда, но разве это важно? Вообще казалось странным, что такие деньги просят практически за воздух (за звук) и кто-то их легко отдает! Ненормальные! Впрочем, оперативники с большим стажем не сомневались, что от относительно невинных музыкальных забав до более серьезных провинностей и даже преступлений — один шаг. И были ох как правы.

В качестве нравоучительной профилактики меня однажды настойчиво привлекли на роль понятого при обыске пойманного местного валютчика. Хотя я всячески отнекивался, но фраза про «гражданский долг» звучала больно уж угрожающие. В опорном пункте сидел молодой парень с лицом столь же зеленым и мятым, как и баксы, которые извлекали из его носков. «Это уже на солидный срок тянет», — менты стращали бедолагу и смотрели на мою реакцию. Я же оставался совершенно невозмутим: я-то здесь при чем? Я никогда не буду заниматься этой «гадостью», а если и буду, то не попадусь.

Хотя на «дискачей» особо не охотились из-за малоэффективной последующей судебной волокиты, мы принимали разумные меры предосторожности: не расплачиваться на глазах у всех, а уходить на соседнюю улицу, не общаться с незнакомыми клиентами — могли попасться подсадные утки. Вдобавок многих оперативников мы уже знали в лицо, они знали, что мы их знаем, и отлавливали случайных людей, новичков… Подобное хрупкое равновесие сохранялось до начала очередной кампании, каких-либо показушных мероприятий и т. д. Тогда уж гребли всех подряд.

Однажды мой приятель Коля Рыжаков привел меня к легендарному Давиду — слабо видящему инвалиду первой группы, супермеломану. Сотни фирменных дисков, разбросанных по небольшой квартире, меня просто поразили. Моя коллекция по сравнению с этой казалась детской. Не менее подивился я способности Давида легко ориентироваться среди этого хаоса и быстро находить нужное. Именно на этих развалах я впервые увидел «родную» пластинку «The Beatles», впервые услышал их творчество в правильном звучании. Хорошо! Даже нет — просто здорово!

Давид «работал» крупным поставщиком импортной музыки на советский черный рынок, являлся ее серьезным знатоком и коллекционером. Еще таких людей называют филофонистами. Основным каналом поставки служила дружественная Индия — ее студенты, дипломаты или еще кто. Все диски были лицензионные, фирмы «Дон-Дон», но при этом очень

качественные, целофанированные, с отличной полиграфией. На рынке они котировались практически наравне с западными оригиналами. Давид, кстати, и по сей день увлекается собиранием фонотеки, думаю, у него сейчас не менее 10 000 дисков, в сумме и виниловых, и компакт.

Такие знакомства подтверждали, что я не одинок в своих пристрастиях, хотя, конечно, «узок круг подобных… коллекционеров». Да и вообще в коллекционировании есть что-то от чуждое социализму. Оно сродни накопительству, не так ли? Хотя по статистике им болеет всего 1 % населения, а накопительством-то куда больший! И я продолжал крутиться в «музыкальных» кругах не медленнее пластинки на проигрывателе. Количество важных и интересных контактов росло, а мое природное дружелюбие, умение отвечать за свои слова и умно вести коммерческие дела создали мне весьма положительную репутацию. Ореол правильного парня. Одним из знакомцев стал Дэвид, сын посла Индии. Английский я знал посредственно, зато он отлично говорил по-нашему, и мы активно общались. Дэвид часто ездил за границу, к себе на родину или в Европу, привозил диски, парфюмерию, одежду — что-то в подарок, а что-то на продажу. Для него это служило и бизнесом, и развлечением, мы часто вместе ходили на молодежные тусовки, в рестораны, по девушкам… Я потихоньку перестал испытывать неловкость перед иностранцами: такие же люди, такие же интересы, и теперь я мог легко заговорить с ними, установить контакт. Как-то в конце 1964-го, обедая в «Арагви», я обратил внимание на трех молодых людей, зашедших туда перекусить. Сводчатая система стен ресторана обладает отличной акустикой, и я легко услышал и распознал их речь — «британиша». Умение различать иностранцев на немцев — «бундесов», французов — «френч» и т. д. являлось важным условием успешности сделок, ибо разные нации обладали разной психологией и разными пристрастиями. Знание этих тонкостей и умение их реализовывать на практике являлось высшим пилотажем. Эти же «британиша» меня заинтересовали вполне конкретной вещью — лежащей на их столике пластинкой «Роллинг Стоунз». Тогда это название еще не не было на слуху, но мне уже было знакомо, как и ряд очень сильных композиций этой группы. И все благодаря «Радио Люксембург» и ряду других «вражьих голосов», которые вели не только словесную идеологическую атаку!

Подсаживаться за чужой столик я не стал, подобная навязчивость мне всегда претила, зато мастерски привлек к себе внимание, начал обмениваться с иностранцами какими-то короткими фразами типа: «Hello, how are you?». В эти моменты

всегда мне вспоминалась противная училка по английскому с ее вонючей селедкой — особых знаний оттуда я не вынес.

Уже потом, после ряда дружественных кивков в нашу стороны, мой собеседник, отлично владеющий языком, смог объяснить причину моего интереса — фирменный диск. В конце вечера англичане продали мне пластинку за 25 долларов, сделав на этом маленький бизнес: стоила она в пределах 18. Конечно, не эта разница послужила причиной сделки, а моя изрядная навязчивость и неподдельный интерес к творчеству их земляков. Это была первая пластинка «Роллингов», возможно даже их первая пластинка в Москве. И когда недавно мы с Матецким виделись с Миком Джаггером, то рассказывали ему, как после этой покупки в течение двух-трех дней их творчество слушала уже вся понимающая Москва. Списали с пластинки на пленку и переписывали все дальше и дальше.

Хотя мои музыкальные пристрастия довлели над всеми прочими, я старался не обеднять себя контактами и с другими видами искусств. Ходил в театры, но сказать, что сценическое действо меня захватывало, не могу. В целом «не верил», как говорил классик. В Большой театр в первый раз отправился в 21 год с девушкой. На «Евгения Онегина» — торжественно, не как сейчас ходят, а словно на праздник, во всем лучшем… Помню, как пили шампанское в буфете и подкреплялись бутербродами с икрой… Девушка охала от вида ценников, а я даже не смущался. А вот кино, да, этот жанр до сих пор меня захватывает, позволяет выплескивать эмоции. Иногда просмотры сопровождаются повышенным сердцебиением, активным сопереживаем, даже слезы навертываются на глаза. Честное слово, и так бывает. И я выхожу из кинозала, словно очистившись от всякой скверны, словно опустошенный. По-моему катарсис — так это называется. Как и в юные годы, я наиболее уважаю фильмы психологические, с интригой, экранизации классических произведений. А вот боевики, научная фантастика и даже комедии не для меня, балаган какой-то!

Советская власть и рок

Слушая и играя рок, мы никогда не чувствовали себя антисоветчиками, но ощущение постоянного противостояния власти и официозу нас не покидало. Вообще-то странно, если музыка начинает считаться идеологически вредной, но впервые это случилось с джазом: «кто сейчас играет джаз, завтра родину продаст». Про джаз плохо высказывался и Горький — мол, музыка толстых, — и «великий» культуролог А. А. Жданов, и другие. Я жутко смеялся, читая следующий пассаж Горького о джазе: «Вдруг в чуткой тишине начинает стучать какой-то идиотский молоточек… и вслед… точно кусок грязи в чистейшую, прозрачную воду, падает дикий визг, свист, грохот, вой… врываются нечеловеческие голоса… раздается хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки… и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных…».

Потом в силу вошла встречная мысль: музыка-то негритянская, а негры в США угнетаемы, за права с белыми расистами и богатеями борются, Мартин Кинг опять-таки… Получалось, что джаз — в чем-то музыка борьбы и протеста против буржуев. Так и с роком. С одной стороны, часть загнивающей западной массовой культуры. С другой — протест против западного образа жизни, буржуазных ценностей, антивоенные настроения некоторых команд. В общем, четкого отношения к року не было. Уже позже на каждого из западных исполнителей у комсомольских вожаков появилось досье с комментариями о текстах песен. Выходило, что если кто не пропагандировал секс, то насилие, если не насилие, то расовую ненависть. Рокеров, приглянувшихся советской власти, было совсем немного. Но за всем уследить и все запретить было невозможно, власть это понимала: музыка транслировалась радиостанциями, пластинки попадали в СССР через самих советских граждан, выезжающих за границу, и тиражировались ни магнитофонах.

На рубеже 1960–1970-х годов в самом СССР начинают выходить пластинки западных рок-групп. Инициатива, по всей видимости, исходила от руководства звукозаписывающих студий. Забавно, что на первой отечественной пластинке с песнями «Битлз» не указывалось название группы, а было написано «вокально-инструментальный ансамбль Англия». При том что «Битлз» никогда не был у нас под запретом. Круг западных исполнителей, издававшихся в Советском Союзе, был достаточно

узок, туда входили лишь наиболее известные и не проявившие враждебности к нам исполнители. При определении этого круга не существовало четких критериев, и вопрос о выпуске пластинки или приглашении в СССР какого-либо западного исполнителя решался на уровне конкретного руководителя в министерстве культуры. Решение целиком зависело от его личного отношения к исполнителю. Об отсутствии четкой скоординированной политики свидетельствует тот факт, что в список издаваемых групп и исполнителей попадали даже те, кого реально можно было обвинить в антисоветизме, а запрещены были отдельные альбомы и даже песни групп «Пинк Флойд» и «Бони Эм»). С другой стороны, многие группы и исполнители обвинялись в антисоветизме без достаточных на то оснований. Стопроцентным запретом пользовались только эмигранты или их дети: сестры Берри, Теодор Вики… Их диски, если попадались на глаза таможенникам на границе, просто разбивались мастерским ударом через коленку. Поэтому именно эмигрантские записи стоили дороже всего.

Первая рок-группа СССР

20.09.2003

Через пару недель после возвращения из Лондона я отправился в Юрмалу. Люблю это место, тем более с ним связаны приятные воспоминания давней молодости. Впервые я туда приехал в 18 лет, когда отправился в Ригу покупать очень дефицитный радиоприемник высшего качества «Симфония». Сел в ночной поезд, приехал в столицу советской Латвии, сделал желанную покупку. До обратного поезда оставалась еще куча времени, я сдал покупку в камеру хранения и решил посмотреть на море, подышать целебным воздухом. Раньше все как-то не доводилось, а оно ведь вот, совсем рядом. Ну не теплое конечно, но все-таки море.

Электричка быстро довезла до Юрмалы. Как и в Риге, складывалось впечатление, словно я попал за границу: чистые улочки, аккуратные домики, ухоженные газончики. Это, конечно, не Москва. И не Бухара. Совсем другой мир. И как смогли такие разные по ментальности религии и прочим характеристикам люди объединиться в одну страну?

По узким замощенным улочкам я спустился к морю, побродил по мягкому песку, но в воду залезать не стал, хотя кто-то купался — и прохладно, и плавок не захватил. Во второй раз я приехал в Юрмалу на один из музыкальных фестивалей еще в советское время где-то в 90-м году. На «Новой волне» — фактически «Юрмале», реанимированной под новым названием стараниями Раймонда Паулса и Игоря Крутого — побывал в прошлом году. И сейчас, если еще не забыл арифметику, получается четвертый визит. Программа состояла собственно из самого конкурса в летнем театре Дзинтари и двухдневной «звездной дискотеки» на пляже. «Динамит» и Билан выступали в non-день вместе с «Дискотекой Авария», «Мошенниками», «Варварой» и другими. Ну и еще одним из планов, вполне успешно реализованных, являлась съемка клипа для Димы. Сначала хотели снять на песню «Июльский дождь» Крутого, что было бы куда выгоднее и финансово, да и с точки зрения дальнейшей ротации, но творческие мотивы возобладали. Все-таки многовато совкового в этой песне, и поэтому клип снимали на «Я так люблю тебя».

В оргкомитете мы быстро получили аккредитацию, затем немного посмотрели подготовку конкурсантов. Их весьма юный возраст меня обрадовал, ну а мастерство… Пока же в основном потенциал, который может раскрыться, а может и нет. Я

пообщался с Лебзиным — режиссером-постановщиком всего действа, с Володей Матецким, поздравил Игоря Крутого с днем рождения и вскоре уже давал интервью ряду журналистов. Вопросов было много, кое-что повторялось, и как-то запомнился один журналист: его вопросы были наиболее провокационными:

— А вы, часом, не из желтой прессы?

— Нет, что вы…

На следующий день я читал свои маленькие интервью с несколько видоизмененными ответами. Ну, пресса есть пресса — особый жанр. А поскольку параллельно я готовил съемки клипа, то был совсем не против небольшого промоматериала в рижских газетах об этом событии. А поскольку у меня сохранился номер телефона подковыристого парня, то я сразу позвонил ему на сотовый номер. Поняв свою возможную выгоду, журналист охотно согласился поехать на съемки клипа и написать об этом. И мы договорились встретиться у концертного зала через час. И надо же такому случиться, что в течение этого часа я прочитал свежий номер газеты «Вести Сегодня» со статьей этого самого Димы Марта, оказавшегося заправским борзописцем. Статья шла под кричащим заголовком «Айзеншписа Юрмала не интересует». Хм, если не интересует, какого… тогда я сюда вообще приперся? Моя «прямая речь» совсем не соответствовала тому, что я в действительности говорил. Да, несомненно, поскольку я никого не привез на конкурс, он не вызвал у меня такого интереса, как в прошлом году. Тогда Дима поделил третье место с латышским исполнителем, и лишь националистическое лоббирование Паулса отодвинуло его на четвертое. Ну а коли так, то понятно, почему меня больше интересовали «Звездная дискотека» с моими артистами и съемки клипа. Но о конкурсантах я отозвался вполне уважительно и уж конечно не обзывал, что это конкурс пенсионеров. Мои хвалебные слова в адрес организаторов фестиваля — а это очень непростое дело — также были выхолощены из интервью. И я вскипел от злости. И, увидь я этого Диму через день или, может, даже через час, мог бы остыть, а тут вот он, тепленький. И я наехал:

— Я думал, ты порядочный парень, а ты порядочный негодяй…

И уже приготовился его бить, но он уловил мой боевой настрой и опередил меня, ударил ногой по ноге. И даже шрам остался. Тут уже все мои тормоза отказали окончательно, и я начал избивать его. Он закричал, начал вырываться. Высокий, гад, до лица дотянуться не мог, лишь порвал его майку.

Потом нас начали разнимать, он вырвался и убежал, а меня просто колотит — нервы, давление, сердце. Скоро Март мне

звонит на сотовый:

— За что, Юрий Шмильевич???

— А зачем ты все извратил в статье?

— Да я просто постебался, чтобы было смешнее. И что теперь делать?

— Чтобы было смешнее? А вот мне стало грустно. Теперь, надеюсь, и тебе невесело. Не знаю я, что делать. Например, извинись перед оргкомитетом, напиши опровержение.

— Да, да, обязательно сделаю, а сейчас я должен пойти к врачу, я весь залит кровью, голова болит.

— Неужели так сильно я побил тебя?

— Да-да.

Через час опять звонок от Марта, мол, отдал заявление ген. директору фестиваля Александру Румянцеву, а в газете напишет опровержение во вторник. Раньше не получается. Частично он свое обещание сдержал: в следующем номере в правом нижнем углу маленькими буковками действительно приводилась моя прямая речь о Юрмале. Если раньше Дима ссылался на отсутствие диктофона в качестве оправдания своих перефразировок, сейчас ее воспроизвели дословно. А в конце заметки стояла приписочка: «О том, что произошло позже, смотрите на последней странице». И на последней странице красовалась огромная фотография Димы, на щеке которого — огромный синячище. Да еще странная полоса на горле, будто я долго душил его. Вообще-то синяк проявляется не сразу, как-то ударили меня в глаз, так только назавтра он вылез, а тут типа «съемки с медосмотра». А если еще «футболка залита кровью», то должны быть царапины. И где же они? В общем, подкрасили парня, чтобы мои побои внушительнее смотрелись. Статью, кстати, написал не сам Дима, а его коллега Соловьева, которая якобы пришла на встречу вместе с ним и видела все происходящее из-за столика в кафе. В общем, тоже все сочинила. Например, что никто и не пошевелился, чтобы нас разнять. Вообще, «Вести Сегодня» были в оппозиции фестивалю, их даже не аккредитовали. Дима в качестве оправдания говорил, что это в редакции все переиначили. Возможно, что именно редакция собственной газеты его и подставила. Филимонов из столь же желтой «Экспресс-газеты» тоже мне как-то жаловался на своеволие местных редакторов, которые правят материалы корреспондентов «как интереснее» в ущерб объективности. Так их печатный товар лучше продается… Что же, в прошлом году торт от компании тортометателей влетел в Паулса, в этом — Айзеншпис подрался. Будет что вспомнить, может, вообще это самое интересное из произошедшего. Впоследствии, кстати, ряд более объективных газет отмечал обоюдную драчливость как

Марта, недавно имевшего схожий инцидент с Шурой, так и меня. В качестве избитого примера приводилась история моих мордобойных взаимоотношений с ведущим телепередачи «Вездеход» Александром Валовым. Первый раз он нахамил мне в клубе «Студио», за что и получил несколько тумаков. Может, и незаслуженно, авансом: скверное настроение было. А может, просто с кем-то его физиономию перепутал. Тогда Отар Кушанашвили благородно за него вступился, мол, не трогай паренька. Но, как оказалось, напрасно. Словно я чувствовал, что он еще крупно проштрафится. И точно — в передаче «Топ-40», которую он вел на радио РДВ, Валов стал бездарно прикалываться по поводу обилия эфиров моей подопечной Саши. Он прозрачно намекнул, будто она зарабатывает на эфиры телом. Как же можно такое говорить?! Эта тема не подлежит публичному обсуждению. Досталось от Валова и Никите. Он объявил, будто Никита всем жалуется, что я плачу ему мало денег с концертов. Не думаю, что Никита говорил что-то подобное. Он получал ровно столько, сколько было оговорено в нашем контракте, и финансовых претензий ко мне никогда не имел. В общем, в клубе «Кристалл» ровно на следующий день я изрядно проучил Валова, и пусть еще спасибо скажет службе охраны. Вообще-то я не против разумного стеба над артистами, все-таки шоу, а не заседание профкома, но многие журналисты просто их оскорбляют. И рано или поздно за такие выпады приходит расплата…

Битломания, охватившая весь мир, не миновала и меня. И еще как не миновала! Словно неизлечимая болезнь, словно окончательный диагноз. Уже первая услышанная композиция — «I want to hold your hand» — мне безумно понравилась. А когда громко прозвучали такие бессмертные хиты, как «Мишель», «Yesterday», которые признали и недоверчивые музыкальные авторитеты, любовь к группе стала безграничной. И если записи Пресли я мог слушать часами, то «Битлз» — сутками. И чтобы динамики погромче звучали! Отцу эти мои увлечения сильно не нравились, да и негативной реакции соседей он всерьез опасался. И действительно, как-то по их «стуку» к нам заявился участковый и сильно удивлялся моим космополитическим вкусам:

— У нас масса прекрасных, мелодичных песен с понятными текстами. Сколько можно ерунду эту западную слушать?

Отец его поддерживал, а мама вяло защищала меня, типа: «Ну послушает и скоро надоест». Жизнь показала, что не надоело. Пока же сошлись на том, что я резко убавлю громкость звучания. Мои уверения, что на тихом звуке нельзя расслышать всю красоту аранжировок, приняты не были.

Битлы в отличие от суперменского Пресли выглядели «своими свойскими ребятами», и именно этот образ «ребят с нашего, хоть и английского двора», дал импульс созданию многочисленных команд а-ля «Битлз». Попытки, как бы теперь сказали, клонирования происходили повсюду в мире, не остался в стороне и я с друзьями. И мы создали группу «Сокол». Как вы, наверное, уже догадались, название ей дали по месту жительства инициаторов проекта. Юра Ермаков, ставший музыкальным руководителем, проживал в генеральском доме у метро «Сокол», здесь же поблизости обитал гитарист Игорь Гончарук. Клавишник Слава Черныш тоже являлся нашим соседом, хотя его основное жилье находилось в центре, он имел вторую квартиру на Новопесчанной. Зная и признавая мою активность и организаторский талант, друзья назначили меня кем-то вроде импресарио новой команды. В ее первый состав также вошли отличный гитарист Валерий Сиротский и Серега Тимашов — гигант ударных. Два последних участника незадолго до этого работали в «Братьях». Иногда именно с «Братьями», образовавшимися в 1963 году, принято связывать начало советской рок-музыки, но тот коллектив был все-таки полуресторанным, исполняющим и советские песни. Для «Соколов» совок считался полностью неприемлемым, долгое время репертуар исполнялся только на английском языке.

Первые публичные выступления состоялись в кафе «Экспромт» на площади Курчатова. Купили красочные открытки, на обратной стороне которых напечатали: «Дорогой друг! Приглашаем на вечер встреч с группой “Сокол”». Поставили печать, вырезанную из школьного ластика с изображением хищной птицы. Билет стоил 5 рублей. Естественно, он продавался с рук и только по друзьям, официально через театральные кассы мы этого делать не имели права. Зато вполне легально могли снять на вечер все небольшое кафе, как его снимали на день рождения или свадьбу, и в общем-то могли петь для своих гостей практически что угодно. Идея набирать гостей среди своих друзей, друзей своих друзей и далее была в чем-то новаторской и оказалась весьма продуктивной. В первую очередь откликались любители музыки. Я звонил, например, приятелю Володе Киселеву и говорил как бы невзначай:

— Привет! Мы тут музыкальную группу создали типа «Битлз»…

— Ух ты, интересно. Ну и где будете выступать?

— Да вот, в пятницу в клубе. Приходи с девушкой и приятелей приводи. Правда, вход платный: надо поддержать пацанов…

— А сколько билет-то стоит? Пять рублей? О, ну это ерунда. Возьмем столик на четверых.

Кое-кто из приглашаемых начинал «умно» рассуждать, мол, какой из вас «Битлз», лоховство это, гонимый совок и т. д., но и эти скептики хотели увидеть нас в действии. Хотя бы для того, чтобы очно освистать «халтуру». В общем, 80 счастливчиков на свой первый концерт мы набрали без труда. Из оплаты билета полтора рубля шло в кассу группы, а на три с полтиной посетители получали еду и питье. Бутылка вина или водки на четверых, салат, горячее, мороженое, чай. Наши же полтора рубля делились поровну после вычитания всех накладных расходов. Часть инструментов была собственностью музыкантов, часть — собственностью группы, а вот вся весьма дорогостоящая звуковая аппаратура — пульты, колонки, усилители — принадлежала мне. Откуда я брал деньги на ее покупку? Ну, занимался мелким бизнесом, прежде всего вокруг пластинок. Ну, еще кое-чем.

Сотрудники кафе, у которых на кухне подпрыгивали сковородки от раскатов музыки, удивленно выходили в белых халатах и смотрели на беснующуюся молодежь. Такого шоу они и в кино не видели. В общем, первое выступление удалось на славу, хотя и не обошлось без эксцессов: басиста Игоря сильно тряхануло током, едва он взялся за стойку с музыкальной аппаратурой. Выключили весь свет, долго искали дефект заземления, но в итоге все остались довольны и решили подобные встречи продолжать. Помню, например, зиму 1966 года. Дело происходило в достаточно тихом, фабрично-заводском районе Москвы, в местном кафе-стекляшке. У входа не висело никаких афиш, а окна заведения оказались максимально плотно зашторены. Все объяснялось достаточно просто: там происходило нелегальное выступление (на жаргоне — «халтура»), вдобавок исполняемый нами рок-н-ролл уже фактически занесли в черные списки. Где-то в один ряд с проституцией и спекуляцией. И в случае обнаружения концерта его организаторам и музыкантам вполне могли инкриминировать статьи за «незаконную предпринимательскую деятельность и идеологическую диверсию — пропаганду западных ценностей». Наше выступление уже не подходило под категорию самодеятельности, а значит, требовались многочисленные разрешения и согласования с Министерством культуры и прочими органами. Требовались аттестация, залитованный репертуар, приписка к филармонии. Заполучить же требуемые разрешения тогда казалось столь же реальным, как увидеть живого «Битла». Или как на Марс полететь. А в зале стекляшки тем временем уже во всю гремел настоящий, громкий, примитивный, неотшлифованный,

напористый рок-н-ролл. В ресторанах и аналогичных публичных местах в те времена звучала в основном советская эстрада или песенки «стран народной демократии» — Венгрии, Болгарии и т. д. Карела Готта вроде сильно любили, а может, я путаю слегка, и он заголосил позже. Здесь же совсем неподготовленная публика, в особенности девушки нежного возраста, была просто ошарашена — вот это да! Но только первые пять-десять минут, а потом все вошли во вкус, и скоро заведение стало похожим на вертеп. Какая-то эйфория, фантастическая атмосфера пронизывала все и всех. Звук двух-трех обычных электрогитар чуть не сносил с места скромную «стекляшку». Люди вскакивали и устраивали первобытные а-ля рок-н-ролльные танцы, плясали и извивались, больше подчиняясь своим эмоциям, нежели рассудку. Да и сам рассудок полностью затуманили новое звучание и всеобщее воодушевление. Полный экстаз! Концерт закончился тихо и даже немного резко. На сцену вышел человек и просто сказал: «…Вечер закончен, всего доброго!». Получилось почти как у Булгакова: «Маэстро! Урежьте марш!». Все нехотя потянулись к выходу и стали расходиться, громко обсуждая увиденное и услышанное. И заметьте, никакой милиции!

Практиковали мы и джэм-сейшны, где играли или работали — как кому больше нравится — не только «Соколы», но и другие «форматные» группы и исполнители. Например, Виктор Спиридонов с псевдонимом Red, удачно и стильно исполнявший композиции Элвиса Пресли. Иногда мы выступали поочередно через номер, иногда последовательно, большими блоками.

Однажды в 1968 году мы даже встретились вместе с Высоцким на концерте в каком-то научном институте: одно отделение — бардовская песня, другое — рок. Абсолютно разные направления и абсолютно разные люди. Мы равнодушно встретились и равнодушно разошлись, а аудитория с энтузиазмом и аплодисментами приняла и Высоцкого, и нас…

Вещи и деньги

Где-то до 16–17 лет тема денег меня не интересовала. И сами деньги тоже. Всего, что связано с ними, я старательно избегал, особенно во взаимоотношениях с друзьями. Некоторое чистоплюйство, конечно, но даже в руки брать не хотелось. Конечно, и в те нищие годы не все окружающие были материально равны, но кичиться своим относительным достатком никому и в голову не приходило. Наоборот, иногда этого даже стеснялись.

Но после совершеннолетия я вдруг захотел выглядеть стильно и модно. Обязательно джинсы, пусть и самопальные, яркая майка с надписью на иностранном языке. Пусть даже Coca-cola. На толкучки я не ходил, да и денег на импортные шмотки еще не имел, но нашлись родственники за границей, иногда баловавшие молодого парня. С оказией передавались посылочки и из Израиля, и даже из ЮАР, где жила моя богатая тетушка. Брючки, рубашечки, маечки — этими яркими и добротными вещицами я заметно выделялся из общей массы.

Силу денег я понял несколько позже, когда помимо одежды меня стали интересовать дорогие развлечения, модная музыка и хорошие рестораны. Кому-то хрустящие банкноты связывают руки, приводят к накопительству и замкнутости, а меня они делали свободным и счастливым. Я их тратил направо и налево, на себя и родителей, на друзей и подруг, просто на случайных людей. Через деньги я научился получать радость и доставлять ее другим. Потом последовали годы отсидки, где через презренные купюры я обретал дополнительные блага, помогавшие переносить тяготы неволи. Выйдя на свободу, я снова начал много зарабатывать и еще больше тратить. Именно тратить, покупая удовольствия всех видов, мне нравилось больше всего, поэтому и банкира из меня не получилось. Красивая и модная одежда — этот культ и по сей день сохранился и обходится мне минимум в 40 000 долларов в год. При этом моя гардеробная по размеру не особо-то и велика: вещи там не задерживаются. Одену пару раз, надоест, подарю друзьям — соседу Отарику, например.

Дома и на студии меня окружает самая современная аудиовидеоаппаратура, езжу в роскошных автомобилях. Если существует что-то самое лучшее, самое современное, оно обязано быть у меня. И тут я средств особо не считаю.

И, конечно же, моя основная работа и основное хобби — шоу-бизнес. Именно в него я вкладываю охотнее всего, именно он и дает мне средства для вложения. Но особой математики тут нет,

и расчет предельно прост — чем больше вложишь, тем больше и получишь. Причем вкладывать надо не только деньги, но и силы, опыт и самое ценное — время.

Вскоре количество желающих услышать наше творчество существенно превысило возможности кафе «Экспромт» и ему аналогичных. Мы переехали в «Фантазию» на Автозаводской, где количество посадочных мест превышало 300. Там на одном из наших выступлений присутствовал иностранный фотокорреспондент, и периодически сверкали магниевые вспышки, когда он делал снимки для издания. Впоследствии большой очерк (с фотографиями крупным планом!) появился в американском периодическом журнале «Newsweek». Под одной из фотографий стояла подпись «Советская молодежь танцует манки…». После такой вот мировой рекламы мы не только попали в поле зрения компетентных органов, но и наши мероприятия стали посещать иностранцы, молодые дипломаты и дети не особо молодых. Да и советская элита, особенно их отпрыски, отнюдь не чуралась нас: сын министра авиационной промышленности Петра Дементьева, сын кандидата (в то время) в члены Политбюро Мазурова, Подгорного, внуки Микояна — кто только к нам не приходил! Следующим этапом развития стали выступления в «Москворечье», вмещавшем порядка 400 человек. В «Золотом колосе» нас слушало уже 600 посетителей. Какая впечатляющая динамика, не так ли? К этому времени власти уже просекли что к чему и решили: поскольку запретить подобные мероприятия нельзя, их надо максимально упорядочить. Для их проведения стали требоваться специальные разрешения, как правило на уровне местных или институтских комитетов ВЛКСМ. Ну а добыть нужную бумажку было совсем несложно, иногда просто за бесплатный столик для тех же комсомольских авторитетов. С этими разрешительными бумажками мы шли к руководству пищевых заведений, и остальное их уже не касалось — просто обсуждали меню.

Потом мы стали осваивать клубы, вмещавшие до тысячи человек — ДК «Горбунова», клуб «Салют» в Тушино. Там уже не кормили, а вход стоил около 2–3 рублей. В целом большие сборы, но, конечно, не целиком они шли нам в карман. Ведь фактически мы выкупали билеты на какой-нибудь киносеанс, а затем замещали его концертом. При этом билеты перепродавали уже по совершенно другой цене — двойной или даже тройной. Не особо законно, конечно, но с рук сходило. Тем более что мы уже тогда освоили великое правило делиться с теми же директорами клубов, с милицией. Траты не особо значительные, но

постоянные. Также существовали немалые накладные расходы на транспорт, на охрану. Если не ошибаюсь, и рекламу давали в газетах.

Наш коллектив начал пользоваться большим успехом у публики, и как-то нас даже пригласили во время ноябрьских праздников играть в фойе Дворца спорта в Лужниках на танцах. Первый репертуар составляли песни Elvis Presley, Bill Haley и The Beatles. Примерно тогда же, в начале 1965 года, возникла еще одна «русская» группа — «Славяне», организованная Александром Градским. «Славяне» пытались с нами конкурировать, но наш уровень и по профессионализму, и по аппаратуре отличался просто на порядок. Мое мнение. И если группа Градского исполняла в основном репертуар Beatles, то «Соколы» больше ориентировались на Rolling Stones, Cream, а впоследствии на Monkees. Нам казался ближе стиль «ритм-энд-блюз», более грубоватый, чем Beatles с его мягкой и лирической стилистикой «биг-бит». Да и внешне нас более привлекал хамовито-наглый образ Роллингов, чем прилизанные парни в костюмчиках и галстуках.

Летом 1965 года группа «Сокол» выехала на свои первые гастроли к морю, на турбазу «Спутник», расположенную между Сочи и Туапсе. Там находились студенческие лагеря МГУ, МХТИ и еще какого-то ленинградского вуза, в общей сложности более трех тысяч человек — молодых и веселых. Отдыхало немало иностранной молодежи и из числа обучающихся, и приезжающих в порядке студенческого обмена. Инфраструктура местечка являлась весьма развитой для тех лет — дискотеки, неплохо оборудованные пляжи, сервис уровня куда выше, чем в обычных курортных местах. Маленькие магазинчики, бары, хорошее питание. Именно в этот мини-рай нас пригласила дирекция международного лагеря, пригласила играть на дискотеке на одной из центральных площадок. Огромные бас-колонки запрудили проход к южному поезду на Курском вокзале, на нас грозно ругались проводники и шикали отпускники, но мы не обращали на это внимание. Впереди нас ждало замечательное приключение, большой отдых. Впереди нас ждало теплое Черное море, которое многие из нас, в том числе я, не видели еще ни разу. И три месяца работы на местных площадках. По их прошествии можно было уверенно сказать, что мы прошли прекрасную школу игры и существенно увеличили свой профессионализм. Выросла и наша популярность — южные концерты посещались многими весьма известными людьми, которые и по возвращении в Москву хотели продолжать нас слушать.

Именно там мои музыканты сочинили и исполнили одну из первых песен на русском языке — «Где тот край?», а вскоре появились другие вещи: «психоделический» «Теремок», «Солнце над нами». Эта песня получила 59 баллов при голосовании на «вторничной коллегии» в кафе «Молодежное». Из 60 возможных — максимум за всю историю голосований. Эта же песня стала гимном московских хиппи. Хиппи в те времена существовали не только в загнивающей Европе, но и у нас. Они носили длинные, не всегда мытые волосы, рисовали цветочки на лице и часто приходили на концерты «Соколов». Хотя прямых контактов и какого-то общения у нас не было.

Помню, правда, как один приметный длинноволосый парень стыдливо пришел к нам в натянутой до ушей клетчатой кепочке на абсолютно голой голове. Деталей произошедшего с ним казуса не помню, вроде его насильственно остригли наголо в одном из отделений милиции. Чего он очень стыдился.

Наиболее ярким представителем московских хиппарей, их неформальным лидером был Дима Солнцев, или «Солнышко». Западное движение «Flower Power» дало толчок «цветочной» тематике текстов наших песен, их основной идее, что возможности добра безграничны.

В чаще лесной,
В кустах между кочек
Жил в одиночестве
Белый цветочек

Был этот цветок чист и непорочен, но жил безрадостно. А поодаль росли и другие цветы, такие же нежные и одинокие. Они хотели жить вечно (хотя зачем, если жизнь так безрадостна?), но грубый медведь их в землю втоптал. Примерно так.

В 1967 году «Сокол» стал признанным лидером в московском бит-клубе, который вскоре из «Молодежного» переехал в кафе «Синяя птица».

Наши выступления проходили не только в помещении кафе, но и на репетиционной базе коллектива ДК «Энергетик» на Раушской набережной. Эта была уже третья база за нашу недолгую историю, самая приличная, и заслуга в ее находке исключительно моя. Первая, помнится, находилась в подвале дома, где жил Ермаков, а следующая во Дворце культуры Института атомной энергии имени Курчатова. В «Энергетике» проходили концерты, собирающие до тысячи человек, готовых платить десять рублей, чтобы услышать своих кумиров. Эти массовые мероприятия уже требовали серьезной организации и охраны, а ведь тогда самого понятия «секьюрити» не

существовало. Но охрана была необходима для управления возбужденной толпой: фанаты попадались даже похлеще, чем сейчас, некоторых особо буйных и разгоряченных музыкой и водкой явно требовалось выводить прохладиться. Мне пришла мысль организовать такую службу, чтобы и билеты проверяла, и надзирала за соблюдением порядка.

Интересно, что на эту работу я пригласил несколько своих весьма шпанистых знакомых, приводивших в трепет весь район.

Одним из них был авторитетный Сережа Тикунов, громила с квадратной головой и столь же квадратной челюстью. Своим грозным видом он пресекал саму возможность хулиганских выходок в радиусе ста метров.

Умер Сережа, совсем недавно умер, за свою непростую криминальную жизнь растеряв здоровье и силу по тюрьмам и зонам. В роли секьюрити некоторое время выступал и впоследствии «ужасный» Отари Квантришвили, кстати, общаться с ним я продолжал до самой его смерти от пуль киллера.

Встречаясь впоследствии со многими нынешними кумирами эстрады, я неожиданно узнавал, что когда-то и они посещали наши концерты, и аплодировали, и завидовали. И тоже решались вступить на этот очень непростой путь. Последнее открытие — Стас Намин — в те годы 16-летний юнец, тоже, оказывается, наш «болельщик». Говорит, здорово было, нравилось.

К началу 1968 года состав команды изменился. Ушел Сиротский, Тимашова за барабанами сменил Виктор Иванов. В конце 1968 года «Сокол» имел уже собственную концертную программу из двух отделений, большая часть песен была написана Ермаковым и Гончаруком на русском языке. Популярность группы объяснялась еще и тем, что она первой в Москве начала экспериментировать со светомузыкой. При этом практически вся аппаратура в те времена была самодельной, а ее проблемы решались стихийно-романтически.

Например, мы узнали, что в Казани продаются немецкие электрогитары, собрали деньги, снарядили барабанщика, он съездил, привез. У Игоря Гончарука была чешская акустическая шестиструнка — переделали ее на четырехструнку, поставили датчик, появилась бас-гитара. Динамики иногда мы собирали сами, у «Сокола» был свой радиоинженер, который всем этим занимался. Детали доставали отовсюду, откуда было возможно… Корпуса для акустики по чертежам изготовлялись на Войковской в мебельном цехе, сама же акустика производилась на Аэропорте в каком-то институте.

В 1967 группа записала музыку к очень известному мультфильму Хитрука «Фильм, фильм, фильм», причем

вокальную партию исполнял Леня Бергер, ныне проживающий в Австралии. Как-то Пугачева его пригласила на свои «Рождественские встречи», тогда мы и свиделись. По-моему, они вместе с Аллой учились. Эта музыка считается визитной карточкой ансамбля, так как других его записей практически не осталось. Хотя нет, был еще фильм «Мне двадцать лет», второе название «Простые парни», который тоже частично озвучивался нами. Наверное, у кого-то записи «Соколов» остались на катушках, но у меня с этим в фонотеке пробел.

Мы — профессионалы!

Выход «Соколов» на профессиональную сцену связан с именем Альберта Баяджана, известного в те годы концертной программой «Песни народов мира». Он предложил нам роль сопровождающей аккомпанирующей группы, и мы с радостью согласились. Это была уникальная возможность преодолеть аттестацию и начать легально зарабатывать. Очень прельщала обещанная возможность исполнять наши собственные песни в паузах концертных отделений. Единственное, что удивляло и настораживало Альберта, это наше название, оно почему-то ассоциировалось в его мозгу со станциями метро: «А почему не “Динамо” или “Аэропорт”?». Пришлось объяснить, что ведь и птица такая есть. Но название отстоять не удалось, и для афиш мы стали называться «Серебряные струны». Несколько месяцев продолжался бурный репетиционный период, с утра до вечера, без суббот и воскресений. Уровень игры требовался высокий, в комиссии сидели весьма дотошные профи, которые могли зарубить практически за одну неверную гармонию, за одну «киксу». Думаю, квалификацию прошли бы далеко не все из нынешних музыкантов, избалованных имитацией игры под фанеру. Экзамен мы сдавали в Управлении культуры, сильно волновались, но все закончилось успешно, музыканты получили квалификацию и тарифные ставки. Было это в марте 1967-го, в год 50-летия СССР. И вскоре новое название «Сокол» начало красоваться на афишах под надписью «Поет заслуженный артист Абхазской ССР Альберт Баяджан».

Сам Баяджан был весьма забавным типом, известным не только хорошим сильным голосом, но и громкими скандалами. Грузинский армянин, начинал он вокалистом в эстрадно-джазовом оркестре Сергея Игнатьевича Грознера. К своей нации он относился без особого восторга, в полушутку просил считать себя евреем. Помимо многочисленных музыкальных присказок Баяджан привнес в наш разговор и особый эстрадный сленг: барабан — «сиськи», играть — «лабать» и другие слова-заменители. Баяджан был весьма брезгливым товарищем, в ресторанах нередко рассматривал стаканы на свет на предмет чистоты, недовольно изучал пятна на скатертях и скопления тараканов в углах. Неудовлетворенность чистотой он выражал громогласно, в том числе и не особо цензурно. Мытье рук в исполнении Баяджана превращалось в длительную процедуру, над которой мы посмеивались: он надолго запирался в туалетной комнате, переводя по полкуска мыла, иногда параллельно

исполняя что-нибудь из репертуара. Помыв же с утра руки, он в течение дня никому их не подавал и не пожимал протянутой, чем многих настраивал против себя. Не каждому же объяснишь, что это в интересах личной гигиены! И при этом чистоплюйстве Альберт иногда мог подсесть к какой-нибудь зачуханной цыганке и долго держать свою ладонь в ее руках, пока та расшифровывала хитросплетения его судьбы.

Баяджан считал, что любой цели с гарантией можно достичь двумя способами: используя свое обаяние или свою наглость. И тем, и другим природа его наградила с избытком. Конкретный метод воздействия он выбирал в зависимости от обстоятельств, настроения и объекта. И однажды в Уфе, испытывая обычную для певцов проблему с горлом, он пошел к врачу на ингаляцию. Однако вначале ему предложили сдать анализ крови, что жутко возмутило заслуженного артиста. Он пробовал давить доктора авторитетом, а когда это не помогло, устроил безобразную скандальную сцену. Об этом написали телегу в горком партии, последовало долгое разбирательство и отстранение Баяджана от сцены на два месяца.

В отличие от вопросов личной гигиены в финансовых делах Альберт не придерживался особой чистоплотности. Помнится, почти сразу после нашего знакомства он без особых церемоний одолжил у меня тысячи полторы рублей — немалые деньги по тем временам! Мол, сильно поиздержался во время длительного музыкального простоя, и, как только выедем на гастроли, он сразу со мной рассчитается. Конечно, он может и проценты заплатить, но… Да ладно, какие там проценты, бери, коллега! Однако через пару недель коллега попросил еще рублей пятьсот. Я снова одолжил, уже совсем неохотно, словно чувствовал, как тяжело возвращать придется. Однако домогательства по части денег на этом не закончились, певец просил еще и еще. Играл в карты, что ли, или на кабаки с бабами все спускал… Когда же я предложил пойти к нотариусу, официально оформить долг, то сначала возмущаться начал: слову моему не веришь, что ли, но в итоге согласился. Долг оформили. Закончились же все эти одалживания общей суммой далеко за пять тысяч рублей и исполнительным листом, который я принес в свою филармонию. В бухгалтерии аналогичных листов оказалось еще несколько, и формально мне предлагалось возвращать свои кровные в пропорции с другими кредиторами. Честно говоря, такая растяжка во времени меня не устраивала. И поскольку авансы и суточные Баяджана я получал лично на руки, то легко «договорился» с ним, что он будет частично возвращать долг, минуя бухгалтерию. И больше никаких бесед о кредитовании не

заводить.

Нас прикрепили к Тульской филармонии, куда мы выехали сразу же после успешной аттестации и куда положили трудовые книжки. И свою концертную программу обкатывали именно по Тульской области, по ее городам, долам и весям. Вначале меня зачислили в состав группы простым музыкантом, а уже после обкатки программы, перед началом долгих гастролей, я стал директором коллектива, фактически начальником Баяджана. Я выдавал суточные и зарплату, связывался с местными филармониями, организовывал проживание в гостиницах и билеты на поезда и самолеты. И если сейчас гастрольный бизнес преимущественно теневой, то тогда левизны было очень мало, а у нас и вообще не случалось. Иногда в тех или иных городах в свободное время мы выступали «по заказам» и на фонды местных филармоний, что, в принципе, не запрещалось. Это означало, что мы удачно отработали концерты по заявке Гастрольбюро и нас хотят видеть и слышать дополнительно. В этом случае денежки мы получали уже наличными. Важно было лишь делиться с местной филармонией дополнительными доходами, и к тебе никто не придирался. Хотя теперь принято говорить о всеобщем бардаке во времена СССР, Гастрольбюро работало очень слаженно и эффективно. Залы набивались битком, очереди гудели, мелкие спекулянты зарабатывали на билетах, не происходило столь глупых нахлестов, как сейчас, когда в одном небольшом городе одновременно выступает десяток популярных артистов и публики просто не хватает на всех. А потом вдруг полное затишье и, кроме пивной, и податься некуда. Впрочем, это неудивительно, ибо сейчас любой желающий может организовать концерт, даже лицензии не нужно. Точнее, может попробовать организовать — прогореть тут проще простого. Не знаю, приведут ли к чему-либо попытки упорядочить эту деятельность, пока изрядный хаос царит и на местах, и в Москве.

А раньше даже просто хороший артист, не звезда, давал в каждом областном центре 5–10, до 20 концертов почти при аншлагах. Сейчас об этом уже и не мечтают. Юра Антонов как-то на СКК (крытая спортивная арена на 30 000 зрителей) выдал «на гора» подряд 31 концерт! Кстати, при этом достаточно ажиотажном спросе на творчество экономические соображения стояли во главе угла: маршруты составлялись так, чтобы получить максимальную прибыль, и не происходило пустых мотаний в разных направлениях. Мы последовательно перемещались из одной соседней области в другую, из одного крупного города в другой близлежащий. Некоторые поездки с продвижением из Москвы на Восток были рассчитаны почти на

полгода! Сложно, конечно, изматывающе, зато возвращались с тугой мошной. Теперь таких чесов уже нет.

Люди шли на концерты заезжих гастролеров далеко не всегда из-за высокого качества привозимых программ. Более того, исполнителей с афиш часто не знали в лицо, никогда не слышали их репертуар. Ведь «попасть в ящик», то есть в телевизор, было столь же заветной мечтой любого артиста тех лет, равно как и теперь. Только возможностей предоставлялось куда меньше: все телевидение состояло всего-то из пары каналов, преимущественно напичканных политикой. А из музыкальных программ вообще, кроме «Утренней почты», и вспомнить-то больше ничего не могу. Попасть в эфир стоило не нескольких десятков зеленых купюр в конверте, а массу времени и сил. Зато такие артисты сразу переходили в разряд «настоящих». Сознание советского человека работало прямолинейно. Если показывают Пугачеву или Кобзона, значит, они хорошие артисты, обязательно надо идти на них. Но таких «раскрученных» имен существовали единицы, вдобавок они редко удостаивали чести средние и малые города. Там выступали не столь именитые гости, и вся реклама их концертов нередко ограничивалась десятком плакатов перед ДК и статейкой в местной газетке. Но залы тем не менее набивались, выбор вариантов развлечений выбора не оставлял.

Я являлся не только директором группы, но и собственником практически всей ее аппаратуры. В стране, где почти все считалось «общественно-колхозным», это вызывало определенное удивление. С другой стороны, существовали вполне разумные инструкции Минфина, по которым музыканты получали материальную амортизацию за использование не только своих инструментов и аппаратуры, но даже за сценическую одежду. Туфли — 50 копеек с выступления, костюм — целый рубль. За аппаратуру же платили какой-то процент от ее стоимости. Ну, нормально получалось.

Само выступление артиста в зависимости от его уровня оценивалось от 5 до 17 рублей. При этом средний исполнитель получал порядка 7–9 рублей, а самые залуженные личности типа Кобзона (в те годы заслуженного артиста чечено-ингушской АССР), Машмаева или Зыкиной шли по максимальной тарификации. Это за номер. При положительном решении отдела культуры исполнитель мог петь целое отделение — это уже две ставки или даже сольный концерт — 3 ставки + 25 % гастрольной надбавки. То есть получать максимум 65 рублей за концерт. Таких счастливчиков насчитывалось немного, и в афишах их имена писали красной краской.

Я же, простой советский парень, с учетом амортизации

личной аппаратуры также получал за выступление примерно 60 рублей, почти на червонец больше Баяджана. При этом нам зафиксировали «гарантию» на 26 выступлений в месяц, что соответствовало заработку в полторы тысячи. Совсем неплохо, если учесть, что союзные министры тогда получали около трети от этой суммы.

Полтора года я отдал гастролям, исколесив всю страну. Поезда и самолеты, обшарпанные автобусы, захолустные гостиницы и второсортные рестораны… Вначале очень интересно, волнующе, некий новый этап развития и самореализации. Воплощение самостоятельности, той самой роли лидера, на которую я всегда претендовал. Но потихоньку я стал уставать и от бесконечных дорог, и от сумасшедшей личности Баяджана, и даже от музыки — каждый вечер одно и тоже. Устали и ребята из ансамбля. И в недрах коллектива созрело решение прекратить совместную деятельность с армяно-грузинским «евреем» и вернуться к независимой работе в Москве. Расставание со звездой происходило чересчур эмоционально где-то в районе Урала. Звезда бегала по гостиничному номеру, заламывала руки и обвиняла всех нас в черной неблагодарности. Пусть даже так, но решение являлось окончательным и бесповоротным и обжалованию не подлежало.

Мы вернулись в Москву, но что-то не клеилось. То есть залы все еще полны, аплодисменты все еще громкие, но внутри группы уже ощущалась не столько гармония, сколько назревающие сложности во взаимоотношениях. Какие причины? Да все скопом — и амбиции, и денежные дрязги, и творческие споры… А может, мы устали не только от Баяджана, но и друг от друга? Что касается меня, то мне действительно просто надоел наш творческий союз, пропали интерес и азарт. А если нет интереса, тогда зачем все это?!

Потом еще не раз я отмечал подобную особенность моего характера: еще легко можно и деньги выжать, и поработать еще можно, но если чувствуешь, что пик пройден, интерес тоже проходит. И манят новые горизонты. А еще, Как я впоследствии неоднократно проходил с «Технологией», Сташевским, Никитой, наступает этап, когда коллеги-музыканты начинают считать свой талант единственной причиной успеха, подвергать сомнению мои заслуги. А ведь это я помогал им раскрывать их же способности, вкладывал и деньги, и силы, и душу. Куда там, сами с усами! Это называется «неблагодарность». Тогда я к этому еще не привык, не относился к этому злу практически как к неизбежному, как отношусь сейчас. А еще это просто глупость. Провалы артистов после подобных «разводов» случаются постоянно. В общем, устал,

надоело, неблагодарность… А что же еще? А еще меня уже захлестнула волна нарождающегося бизнеса, который в итоге довел до скамьи подсудимых.

Конфликты, споры, выяснения «кто прав», «кто главнее» — все это прогрессировало во времени и в силе крика, и итогом разборок я забрал всю аппаратуру, кстати, весьма дорогостоящую, и отдал ее группе «Наследники». Да, так вот название совпало с сутью. Именно отдал, ибо даже условных денег у ребят не было. «Сокол» же стал медленно захиревать. Еще с какой-то периодичностью он просуществовал до 1973 года и потом умер. Из той команды я сохранил отношения только со Славой Чернышевым, зато очень хорошие и теплые. Мы много общаемся, ходим друг другу в гости, устраиваем вечеринки. Слава вполне преуспел в жизни, владеет несколькими антикварными магазинами и сам является большим знатоком и ценителем старины. Судьба остальных мне неизвестна.

Что я еще хочу сказать… Конечно, хотелось бы гордо назвать Соколов «первой рок-группой СССР», но так ли это? Тогда на просторах нашей необъятной страны наверняка и в других местах возникали подобные коллективы. Но мы были одни из самых первых, это точно. И лучшие — без сомнений. Для всех нас дело было новое, неизведанное, и мы походили на слепых котят, опущенных под воду. И все-таки мы выплыли!

Забавно, что совсем недавно весьма уважаемый мною Костя Никольский напомнил мне, что в те же годы я принимал участие в судьбе еще одной группы — «Атланты», где он начинал свою музыкальную карьеру. Помимо Никольского и еще нескольких ребят, которых я не помню, в «Атлантах» играл Ваня Лактионов, сын известного художника Сергея Лактионова. Сейчас на доме на Тверской, где первый столичный «Макдоналдс», висит его мемориальная доска. Подробности своего участия не помню, но, наверное, действительно чем-то им помогал. Все-таки хороший я человек!

После гастрольной деятельности я вернулся в Москву состоятельным и повзрослевшим и по-новому взглянул на окружающий меня мир. Мне захотелось видеть его более модным, современным, дорогим. Но мир изменить я не мог, а вот обстановкой в квартире занялся плотно. И когда родители уехали в какой-то отпуск, я купил новую мебель во все комнаты. Все же старые тумбочки и шифоньеры, громоздкие бельевые шкафы и сундуки выбросил на свалку. Столь бесцеремонное мое поведение вызвало грандиозный скандал. Жившие во времена лишений, мои родители ценили каждый заработанный ими табурет. Вдобавок оказалось, что под обивкой старого кресла существовал тайник с

небольшими накоплениями. Деньги я компенсировал, их долго не хотели брать, ругались. Я же жутко обиделся, ведь как лучше хотел, ведь не для себя старался.

Институт

Сразу после окончания школы я попробовал поступить в МЭИ, на радиотехнический факультет. Почему именно в МЭИ? Ну, наверное, влекло к старым добрым местам, где вполне счастливо провел свое детство. Почему именно на радиоэлектронику? Модное было словечко, да и идея весьма привлекательная.

Вдобавок когда учился по соседству с институтом в старших классах 631-й школы, то после 8-го класса проходил там практикум. И поразился многим «чудесам» науки, которые нам охотно демонстрировали.

Но в желанный институт я не прошел по конкурсу. Ха, наверное, вы думаете про себя: еще бы ему пройти, с такой звучащей фамилией! Вовсе нет, фамилия в моем провале особо ни при чем, да и родственница, двоюродная сестра, работала секретарем экзаменационной комиссии. Просто выступил не лучшим образом, а тогда все было строго и достаточно объективно. В итоге отправился в техникум со схожим профилем — радиоприборостроения. Чтобы без дела не болтаться и в армию не загреметь, ведь тогда еще с ногой проблем не заработал, и меня непременно забрали бы. И забрили бы. Но обучение как-то не заладилось, и через полгода за тотальную непосещаемость меня отчисли. И уже больная нога спасала от армии.

А еще через пару лет, в 1965 году, я поступил на вечернее отделение экономико-статистического института. Того самого, что на Пироговке, в Большом Саввинском переулке. Вначале я держал весьма суровые экзамены в безумно престижный Плехановский, но баллов заметно не хватило. Уже после поступления выяснилось, что у меня общие друзья и с ректором вуза, и с деканом факультета Юрием Ивановым. И, главное, что оба они заядлые меломаны. На этом и сошлись. Меня представили руководству как большого знатока и любителя современной музыки, и я подкрепил этот статус несколькими весьма дорогими и редкими дисками. В подарок. Несомненно, это знакомство давало определенные поблажки в процессе обучения, достаточно вспомнить хотя бы мои длительные гастрольные поездки. К декану обычно стояла очередь из студентов с их многочисленными просьбами и проблемами, но я уверенно шел мимо всех. Секретарша только успевала возмутиться:

— А вы, товарищ студент, куда это?

— А мне назначено…

Увидев меня, декан быстро закруглял разговор и нетерпеливо

спрашивал:

— Ну, показывай, чего новенького?

— А вот послушайте.

Я ставил диск на проигрыватель, и декан начинал пританцовывать, предвкушая удовольствие меломана.

Впрочем, если музыканты «Соколов» месяцами не приезжали в Москву, мой статус директора позволял это периодически делать. «Настраивал» работу на месте и уезжал сдавать зачеты. Фактически во многом я учился экстерном, ибо большинство лекций приходилось пропускать. Учебные «хвосты» висели всегда, но и всегда находились ходатаи, которые шли и решали мои проблемы. Не с пустыми руками, конечно. Впрочем, это не выстраивалось в систему исключительно корыстных отношений, поборы, типа пронизавших нынешнюю систему образования, просто небольшие дружеские поблажки. Тогда ведь и сам профессорско-преподавательский состав был относительно элитным «сословием», куда состоятельнее сегодняшних бедолаг, нуждающихся практически во всем. Я это знаю на примере моей сестры: работает в школе и получает даже не копейки — сущие гроши!

При этом она учит детей, учит будущее нашего общества, и это общество так вот «высоко» оценивает ее труд. Это, конечно, позор!

Институт я окончил по специальности инженер-экономист. И, уверен, если бы не мои занятия нелегальным бизнесом, в итоге приведшие на скамью подсудимых, передо мной открывалась вполне светлая перспектива участия в научно-техническом прогрессе нашей страны. Я мог стать хорошим специалистом и классным инженером. Бедным, но классным. Даже не сомневайтесь! Как эта перспектива совмещалась в моем сознании и в «картинках будущего» с желанием больших денег и почти физиологической потребности в частной инициативе и предпринимательстве? Не знаю, будущее не позволило мне разрешить этот парадокс. Однако существует, например, такой факт моей биографии: в последние годы обучения в институте, вплоть до самого ареста, я работал в одном из подразделений Главного Управления ЦСУ СССР на Мясницкой, 33. Не отрабатывал и не зарабатывал, а именно работал и достаточно увлеченно. Наш отдел занимался вопросами улучшения статистической обработки различных показателей народного хозяйства, а лично я — преимущественно эксплуатацией целого комплекса вычислительных машин. Тогда они занимали не малую часть рабочего стола, как сегодняшние компьютеры, а большие комнаты по 20–30 квадратных метров. Получалось, что

при определенной формальности учебы в институте я получил вполне достойные знания, особенно по тем предметам, которые меня интересовали. Экономика, финансы и математика давались мне легко, вопросы статистики и анализа результатов реально интересовали. И потом в дальнейшей жизни и работе я активно пользовался и этими познаниями и умело их применял на практике. И в профессии нелегального коммерсанта, и в роли легального продюсера. Помимо математики, и там и там особо востребованной оказалась теория вероятности. Впрочем, не столько научная, сколько интуитивная. Конечно, бурлила и моя личная жизнь, хотя уже в эти годы гораздо чаще девушки влюблялись и бегали за мной, чем наоборот. Наверное, наиболее сильные чувства и глубокие отношения в те годы связывали меня с одной девушкой из Югославии, чей отец работал в посольстве одноименной страны. Она жила на Грузинском валу в одном из первых дипломатических домов, прекрасно говорила по-русски и вообще казалась очень милой и страстной, к тому же в чем-то экзотичной. Помню забавную историю, когда ее отец подарил мне джинсы — великую мечту 99 процентов советской молодежи. Даже нет, куда большего процента! Я за подарок поблагодарил, но весьма сдержанно. Щедрый югослав поразился моей вялой реакции…

— Как, разве ты не счастлив?

Я промямлил, что, конечно, бесконечно счастлив, даже красноречие от счастья потерял. Объяснять, что у меня в шкафу висит не менее пяти пар куда более престижных лейблов, я не стал. Встречи с симпатичной и сексуальной югославкой длились года полтора-два, потом они уехали… А следом улетучилось и знание нескольких десятков слов из их языка.

Интересно, что хорошая возможность променять СССР на куда более продвинутую европейскую страну меня как-то не вдохновляла. Я хотел остаться здесь. И жить здесь, как в Европе. Большое и детское заблуждение. А может быть, еще интереснее, что даже после многих лет отсидки мысль покинуть родину меня никогда не посещала. Здесь мои корни, здесь мое дело и здесь мой народ. Поэтому могу совершенно определенно заявить, что я — самый настоящий патриот.

Я поступил на работу в ЦСУ в 1968 году, уволившись из филармонии, и получал на новом месте работы «целых» 115 рублей зарплаты вместо почти полутора тысяч музыкальных. Кстати, именно получал, а не зарабатывал. Зачем?

Совершенно точно не ради этих копеек: у меня присутствовал весьма прочный финансовый задел, который вдобавок постоянно пополнялся. Существовал иной комплекс причин: и

определенный интерес к процессу, и ощущение научной перспективы, да и к тому же работа по специальности являлась формальным условием обучения в вечернем вузе. Стопроцентной синекурой мою деятельность называть не стоит, но и понятиями трудовой дисциплины в ЦСУ меня особо не донимали. Я не записывался в журнал прихода-ухода и не объяснял, почему мой обеденный перерыв длился на час больше положенного, и без всяких последствий игнорировал субботники и овощебазы.

У меня установились прекрасные отношения с трудовым коллективом. Я являлся модным, богатым и весьма дружелюбным молодым человеком, с большим гардеробом стильной одежды, большей частью из валютных «Березок». Пахнущим не отстойным тройным одеколоном, а настоящим французским парфюмом. Тогда это считалось высшим шиком, а я — безукоризненным представителем золотой молодежи, мажором, да еще с деньгами. При этом не пьяница и не наркоман, не хам и не жалкий неуч. В общем, в чем-то образцово-показательный младший научный сотрудник. Конечно, на работу я частенько опаздывал на полчаса, а то и час, зато приезжал исключительно на такси и только в красивом отглаженном костюме. Однажды, помнится, мои брюки забрызгал проезжающий грузовик, так я вернулся домой и переоделся. Подобное поведение находилось явно за пределами понимания большинства, но не отталкивало, а притягивало.

За частые опоздания меня, конечно, журили, но я всегда находил оправдания: что делать, если автомобильные пробки уже тогда закупоривали столицу и, как назло, именно те дороги, по которым я ездил. Ведь так? Вдобавок не на конвейер опаздывал.

Утро на службе начиналось с общего сбора на импровизированной кухне, в каком-то закутке между конторскими шкафами. Там долго пили чай с баранками или сушками и обменивались насущными новостями предыдущего дня: кто и где был, какие цены, что дефицитного «дают». Еще немного об искусстве. И почти ни слова о политике. Обычные для тех лет разговоры НИИ, министерств и ведомств. Меня подобные беседы вначале даже интересовали, и я в них участвовал, умничал в меру сил. Потом пустой треп стал тихо раздражать, и я старательно избегал этих посиделок. Но всеобщая помешанность на «продовольственных заказах» позволила мне не только не отдалиться от масс, но и укрепить свой авторитет реальным делом. Помогло мое близкое знакомство с директорами нескольких крупных и престижных продовольственных магазинов, например гастронома в гостинице «Москва», который перед закрытием здания на реконструкцию назывался «Седьмым континентом». Красуется вывеска «Седьмого континента» и на

бывшем сороковом гастрономе, что на Лубянке, где я тоже был свой человек. Я смог пробить для сотрудников НИИ почти 200 дополнительных заказов ежемесячно — серьезная цифра! И теперь, если я куда-то отлучался, отмазка была железной: обсуждаю новый ассортимент заказов. Такая формулировка причины моего отсутствия всех устраивала. Наверное, сослуживцы догадывались, что вне работы я веду вторую жизнь, но подробностей не знали. А моя параллельная жизнь была впечатляющей!

Вечерами я устраивал страшные кутежи в ресторанах компаниями по 10–15 человек, в которых собирал и приятелей из института, и друзей со двора, и музыкантов-меломанов. Мы ходили и в «Арагви», и в «Арбат», и в «Националы— пафосные советские заведения, недоступные большинству советских граждан как в силу дороговизны, так и сложностей прохода. Я один оплачивал астрономические счета за стол и совершенно не напрягался по этому поводу. В любой день и в любой час и мне было это и по карману, и по кайфу. Гулянка продолжалась и после того, как эти кабаки закрывались на ночь. Тогда мы переезжали в другие, неофициально работавшие уже круглые сутки. Таким блатным местом, например, был ресторан «Сатурн» на улице Кирова, ныне на мой слух не особо благозвучной Мясницкой.

Потом в том помещении открыли столовую, следом еще какой-то ресторанчик, а в мои времена там собирались люди с высоким достатком — валютчики, проститутки высшей пробы, респектабельное жулье, крупные аферисты и махинаторы. Там лабал один из лучших ресторанных оркестров тех лет под управлением Леонида… Фамилию не помню, но вполне знаковая фигура тех лет. Все музыканты и два солиста — парень и татарка — были одеты в одинаковую красивую форму, аппаратура звучала просто отлично, исполнение отличалось редким профессионализмом и душевностью. Работа этого коллектива оплачивалась практически до утра, равно как и услуги официантов, буфетчиков, швейцара. А когда приходили местные менты, оплачивали и их «невнимание»: резервный столик за ширмочкой постоянно ждал их балычком и коньячком.

Еще одним атрибутом барского стиля жизни, который я вел в то золотое времечко, являлось личное такси. Причем не одно. В любом месте и в любое время машина с шофером стояла на приколе в ожидании моих распоряжений. В основном ездил сам, но иногда посылал водилу за друзьями и девушками, чтобы доставлять их к месту кутежей. Высший шик. Таксисты работали посменно, а иногда и посуточно и «привозили» денег куда

больше, чем при обычной работе с пассажирами. Я не скупился.

Впрочем, простой перевозкой мои взаимоотношения с таксистами не ограничивались. Каждое утро, где-то в полдевятого утра, я открывал шторки окна своей комнаты и во дворе видел машины с шашечками — от трех до семи, этакий мини-таксопарк. И чем больше стояло «моторов», тем благостнее становилось на душе. Нет, ушлые таксисты не устраивали конкуренцию за щедрого пассажира — они привозили валютную выручку с ночных смен. И каждый поочередно поднимался в мою квартиру и чинно обменивал зеленые на деревянные. Я платил хорошо, процентов на 10 больше большинства других перекупщиков, ибо очень хорошо знал, куда и как правильно их вложить.

Но все по порядку…

Золотой телец

Преступный бакс

Занимаясь куплей-продажей музыкальных дисков, почувствовав вкус к деньгам и красивой жизни, я недолго удержался в рамках этой не особо преступной, но и не сильно прибыльной деятельности. Потом последовали джинсы, аппаратура, меха. Потом золото и валюта. Именно в 1965 году я впервые увидел и пощупал американские доллары. Людей, видевших это «чудо», в стране тогда насчитывалось очень немного: доллары и фунты, франки и марки путем умелой пропаганды оказались изрядно демонизированы в сознании подавляющего большинства населения. Оно никогда не видело иностранных денег и представляло эти вполне обычные купюры не столько иностранным платежным средством, сколько практически «орудием дьявола», которого и касаться-то не стоит. Однако дельцы московского «черного рынка» куда менее суеверно относились к «зеленым» и стремились к обладанию наибольшим их количеством. Сердцем «черного рынка» была «плешка» (улица Горького, ныне Тверская) — от Пушкинской площади до отелей «Националъ» и «Москва». А сосуды пронизывали весь центр, каждый со своей спекулятивной специализацией: золотые слитки, а также шубы, шерсть, мохер — на Неглинке. На Садово-Кудринской — аппаратура. Бульвар перед рестораном Узбекистан — валюта. За кинотеатром «Россия» — музыкальные диски, пленки, кассеты.

Еженощно и ежедневно, невзирая на погоду, валютчики выходили на «охоту» в поисках потенциальных продавцов валюты — иностранцев. «Охотников» в народе прозвали «фарцовщиками» — производное от «форсельщик», в свою очередь производное от вопроса, задаваемого иностранцу: «Have you anything for sale?». Любители долларов и фунтов не являли собой беспорядочное скопление спекулянтов, ведь валюту в Советском Союзе невозможно было просто так купить и продать, существовала и структура, и иерархия. «Бегунки» или «рысаки» являли собой «первые руки», они скупали валюту на «плешке», на центральных площадях, в универмагах, гостиницах и на выставках. Собранный улов они продавали «шефам». Те, в свою очередь, продавали валюту «купцам». «Купцы» являлись наиболее тщательно законспирированным элементом структуры. Знало их очень небольшое количество людей, да и то под кличками. Сами «купцы», боясь засветиться, в контакты с иностранцами старались не вступать. Правда, иногда все же «купцы» и иностранные контрабандисты отыскивали друг друга и заключали своего рода

соглашения о сотрудничестве. Сами же контрабандисты проникали в СССР под видом туристов и коммерсантов, сбывали валюту, золотые часы, драгоценности. При этом именно золото считалось наиболее ходовым товаром. Цеховики, завмаги и прочие советские «теневики» считали, что вкладывать средства в золото надежнее всего. Кстати, эта тенденция возрождается и сейчас, когда доверие к бумажному баксу сильно ослабло. А тогда московские «купцы» изобретали всевозможные способы доставки «золотых» в Союз. Широко распространилось использование в этих корыстных целях многочисленных арабских офицеров, которые учились в СССР. Два раза в год им предоставляли отпуск, который многие из будущих вояк посвящали улучшению своего материального положения. Они по дешевке покупали в Швейцарии и Австрии червонцы и нелегально доставляли их в Союз. Через границу они провозили монетки в специальных потайных поясах, в каждый из которых влезало до 500 монет. Не менее распространенным видом контрабанды являлись посылки и ценные бандероли — или слухи об их стопроцентном досмотре являлись слишком преувеличенными, или на почте и в таможне сидели «свои» люди. Чуть дальше я расскажу о своих личных достижениях и похождениях на черном рынке «золота», а пока еще немного истории.

Моим проводником в мир валюты служил Эдик Боровиков по кличке «Вася». Его уже нет в живых, и сейчас, когда я пишу эти строки, странно думать, что, возможно, это единственное упоминание о нем. Эдик являлся несомненным профессионалом «черного рынка» Москвы, его весьма заметной фигурой, лично знакомой с легендарным Рокотовым, одним из самых известных «рыцарей крупной наживы». Рокотова расстреляли, поскольку он одним из первых поставил под сомнение практически главный тезис советской пропаганды: «Советские люди, как носители коммунистической морали, поголовно высоконравственные бессребреники, готовые пойти в огонь и воду ради идеалов коммунизма». Международный подрыв этого тезиса начался в марте 1959 года. Во время встречи Анастаса Микояна с американским экономистом Виктором Перло американец пожаловался, что его повсюду донимают какие-то сомнительные личности, настойчиво предлагающие продать валюту. Затем публицист Альберт Кан, встречаясь с партийным идеологом Сусловым, заметил, что в социалистической стране безнаказанно промышляют спекулянты валютой. Суслов обвинил руководство МВД в разгильдяйстве и потребовал борьбу с контрабандой и нарушением валютных операций передать в ведение КГБ. Что и произошло. Тогда основными фигурами на «черном рынке» были

Янев Рокотов по кличке «Ян Косой», Владислав Файбышенко (кличка «Владик») и Дмитрий Яковлев («Дим Димыч»).

Рокотов начал заниматься коммерцией еще со школьной скамьи, спекулируя фототоварами. Затем начал расширять ассортимент, постепенно поднялся и перестал заниматься скупкой товаров, предпочитая наиболее ценный из всех видов товаров — деньги. Рокотов не делал этого лично, одним из первых он стал привлекать к делу молодых людей, искавших легкий заработок. Сам же предпочитал оставаться в тени. Жил он на широкую ногу, воистину как король: спал до полудня, затем вызывал такси и ехал обедать в один из ресторанов, потом толкался на «плешке». Вечер завершался ужином в первоклассном ресторане. Он часто менял любовниц, кутил. Нигде не работал, и, разумеется, в те времена такой образ жизни не мог не вызвать пристального внимания органов внутренних дел. Но безнаказанность Рокотова во многом объяснялась тем, что он был агентом ОБХСС, хотя и ведущим двойную игру. В своих донесениях «Ян Косой» подробно рассказывал о том, что «видел» на «черном рынке». При этом главными преступниками он выставлял людей, замешанных в незначительных сделках. «Сдавал» милиции и своих «бегунков». Все были довольны: милиция регулярно отчитывалась об очередных поимках спекулянтов, валютчик же не волновался за свой бизнес. За долгие годы спекуляции «Яну» удалось сколотить огромное состояние. Но валюту и золотые монеты, составлявшие основу его капитала (значительная часть состояния постоянно «крутилась»), он никогда не держал при себе, а хранил в специальном американском чемодане с искусно вмонтированной системой сложных замков. Саквояж постоянно «блуждал» по квартирам его многочисленных приятелей и любовниц, а иногда сдавался в камеру хранения на вокзале. Именно там этот чемоданчик и «зацепили» ГБисты, устроив засаду. Через несколько дней жадность заставила вернуться за состоянием, сдать квитанцию, но едва рука коснулась чемодана, как его скрутили: «Это не мой чемодан! Ты что, дед, ослеп! У меня черный был!» — закричал Рокотов. Но комедия ему не помогла. Тем временем следственная группа вплотную подошла к аресту еще одного «короля» «черного рынка» — 24-летнего Владислава Файбышенко. Хоть и самый молодой среди московских «купцов», но не уступал им ни в хватке, ни в масштабах. Вскоре его тоже задержали с поличным, и вместе с Рокотовым он предстал перед Мосгорсудом. Суд назначил им максимальное наказание, предусмотренное 88-й статьей — по 8 лет лишения свободы. В конце 1960 года глава советского государства Н. С. Хрущев был с визитом в Западном

Берлине. Во время встречи с местными властями он упрекнул их в том, что «город превратился в грязное болото спекуляции». В ответ ему ответили, что «такой черной биржи, как московская, нигде в мире нет, так что чья бы корова мычала…». По возвращении домой Хрущев потребовал от КГБ справку о том, как ведется борьба с валютчиками и контрабандистами. Узнав, что осужденных валютчиков ждет всего лишь восемь лет лишения свободы, генсек пришел в ярость. Незадолго до этого Указом Президиума Верховного Совета СССР срок наказания за незаконные валютные операции был увеличен до 15 лет. Но поскольку Указ приняли уже после ареста «королей», такая мера могла быть применена к ним лишь при условии, что закону будет придана «обратная сила». Несмотря на то что Хрущеву пытались объяснить, насколько это противоречит общепринятой юридической практике, он ничего не желал слушать. Спустя несколько дней состоялся Пленум ЦК КПСС. В своем заключительном слове Хрущев заговорил о деле валютчиков как о примере «несовершенства» советского законодательства. Требуя вести жесткую борьбу с «черным рынком», он ссылался на письмо рабочих ленинградского завода «Металлист», выражавших возмущение мягким сроком. И подверг резкой критике Генерального прокурора Р. А. Руденко за «бездействие». Потом перекинулся на председателя Верховного суда СССР А. И. Горкина и открыто заявил: «Да за такие приговоры самих судей судить надо!». 1 июля 1961 года председатель Президиума ВС СССР Л. И. Брежнев подписал Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях». Генпрокурор Руденко моментально подал протест на «мягкость» приговора, вынесенного Мосгорсудом. Дело принял к рассмотрению Верховный суд РСФСР, и судьи отлично справились с установкой. Рокотова и Файбышенко приговорили к расстрелу.

Некогда приближенный к Рокотову и с 1964 года мой «валютный» наставник Вася-Эдик имел вполне официальный статус футболиста: он играл в команде мастеров «Динамо». Для меня же он открыл двери большого, хотя и противозаконного бизнеса. Вначале я периодически помогал ему, затем стал доверенным подручным. Потом вырос в младшего компаньона, а потом и в равного дольщика. На заре наших коммерческих отношений Эдик оптом скупал импортный товар, а я брал некоторые предметы «на реализацию». Но вскоре параллельно начал осуществлять самостоятельные операции, первая крупная из которых пришлась на лето 1965 года. Тогда, если вы помните, я в основном жил в «Спутнике» на Черном море, где группа «Сокол» ежедневно играла на дискотеках. Весело, здорово,

интересно, но где-то через месяц курортной жизни мне все приелось, захотелось движения и бизнеса. Тем более стали доходить слухи, что в Москве разразился коммерческий ажиотаж с плащами-болонья. К «раздаче слонов» я опоздал, зато приехал в самый разгар другого бума. «Березки» заполнились маленькими элегантными четырехдиапазонными приемниками фирмы «Панасоник» по 33 и 50 долларов — не помню точно, в зависимости от чего эта сумма менялась. Если покупать на чеки, выходило чуть дешевле. По сравнению с нашими громоздкими ламповыми магнитолами — просто верх изящества. Да и звук не в пример чище. Я решил, что максимальные деньги с единицы товара можно заработать, если загонять его в Одессе. Когда я поделился своими соображениями с Эдиком, он засмеялся: там ведь привоз, а ты «со своим самоваром». Его отработанная схема не требовала дальних поездок: купить валюту, на нее приобрести аппаратуру и продать ее оптом спекулянтам, толкущимся у основных московских комков на Садово-Кудринской, на Комсомольском проспекте. Навар неплохой, вот он и ленился придумывать новые схемы.

Но я хотел заработать больше и не сомневался, что в Одессе богатых граждан много, а таких прикольных вещей там еще нет. Ведь что такое местный привоз — ну джинсы, ну кофточки, жевачка, сигареты, прочая мелочь. А эти милые японские приемники только-только появились даже в самой Европе — так пока еще моряки доплывут. Я скупил 20–25 «Панасов», компактные, небольшие, они заняли всего один, правда, весьма увесистый чемодан. Товар я не сам покупал, конечно, иностранные студенты, живущие в общежитии рядом с метро «Сокол», являлись моими основными агентами по приобретению фирменного ширпотреба.

В советских аэропортах тогда почти не бывало проблем с провозом, содержимое сумок проверяли очень редко, так почему не полететь? В общем, я подбил на эту авантюру моего школьного приятеля, прибыли в Одессу, часть приемников положили в камеру хранения, а парочку взяли на пробу на рынок. Улетели в лет. Остальные — с такой же скоростью. И уже на следующий день я с серьезной махной денег отправился к своим музыкантам, для чего сел на большой теплоход «Петр Великий», доставшийся нам по контрибуции от побежденных фрицев (естественно, под другим именем). Он как раз курсировал между Одессой, Ялтой, Сочи и другими крупными городами Черноморского побережья.

Во время этого рейса я познакомился с Иосифом Кобзоном, который поздно ночью давал в кают-компании шефский концерт. До этой встречи он олицетворял для меня исключительно

солдатскую советскую песню, к которой я относился весьма скептически. Каково же было мое удивление, когда в тот вечер Кобзон исполнил много лирических песен, несколько даже на иврите, исполнил очень задушевно и человечно. И после концерта, когда я уже в баре подошел к нему знакомиться, и он обратил внимание на мои часы:

— Сейко?

— Сейко…

— А какой номер?

— Четвертый…

— Покажи-ка.

Я расстегнул массивный браслет, и Кобзон принялся уважительно рассматривать мои фирменные часики. У него тоже были «Сейко», но первый номер, вдобавок весьма убитые. В общем, часы у меня оказались гораздо круче. Потом, через много лет, я напомнил Кобзону этот момент нашего знакомства — он долго смеялся. Да, критерии крутизны с тех пор сильно изменились. Да и часы на его руке сейчас, наверное, подороже моих.

Едва я сошел с теплохода в Сочи и сделал несколько шагов по твердой земле, как меня задержали местные милиционеры. Неужели «по горячим следам» одесских спекуляций??? Я, наверное, побледнел, но не растерялся, а начал прокручивать в голове ответы на «Откуда деньги?» и другие возможные неприятные вопросы. Меня отвели в отделение и действительно начали расспрашивать, но проблема, к счастью, оказалась иной — на корабле кого-то крупно обворовали и искали похищенное. Вскрыли и мой чемодан, увидели деньги, подивились их количеству. Я же умело запудрил мозги рассказами об известной музыкальной группе, крупных гонорарах и средствах на покупку дорогой аппаратуры. А также приглашением всего их доблестного отделения на наш концерт.

Кстати, потом я еще не раз пользовался билетами на концерты, плакатами и дисками с автографами своих артистов для решения всяких насущных проблем. Пообещав прийти на концерт «всем отделением», меня быстро и безболезненно отпустили. Я на радостях от «свободы» накупил кучу алкоголя и закуски, загрузил в потрепанный «Москвичонок» частника-бомбилы и въехал в «Спутник» прямо на центральную площадь. Грандиозная пирушка со своими музыкантами, администрацией и прочими желающими продолжалась более суток. Я находился в центре внимания и чувствовал себя на все сто, королем праздника.

Заветная контора…

11.09.2003

На прошлой неделе я решил воспользоваться туром моих артистов по целому ряду городов бывшего СССР — Минску, Киеву, Баку. И хотя для гастролей существует концертный директор, я тоже решил сопроводить ребят. Кое-где я уже давно не был и хотел посмотреть, что же там изменилось. Должен признать, что изменения в лучшую сторону везде. Даже в Белоруссии, где во многом сохраняется традиционное советское государство и где немало людей затыкается при разговоре о Лукашенко — боятся. Он, конечно, откровенный узурпатор, решает все вопросы вплоть до назначения председателя колхоза.

Для бизнеса определены жесткие рамки, олигархов нет. Но денег у народа от этого больше не стало, знаем по собственным гонорарам. Стоимость наших выступлений меньше даже московских (а ведь есть еще дорога, гостиницы) на 15–20 процентов. Так что в чем-то наше выступление было шефским. Украина ближе по развитию к России: богатеи, оппозиция, мафиозность. Баку явно похорошел после независимости, хотя и там культ и мафия Алиевых. Но так ли плоха сильная власть? Думаю, для стран бывшего СССР она просто необходима. Поэтому на вопрос об отношении к Путину отвечаю: нравится, молодец. Наверное, лучшее, что заслуживает Россия и что может предложить политическая элита.

Получается, молодец и Ельцин, правильного преемника нашел. По крайней мере, и с демократией все в относительном порядке, и с бизнесом. Совсем не так, как почти 35 лет назад.

В 1969-м на Пушкинской улице неожиданно открылась коммерческая контора Внешторгбанка СССР, где продавали золото в слитках — высшей пробы в четыре девятки и весом от 10 граммов до 1 кг. Золото мог приобрести любой гражданин, но лишь на валюту или сертификаты серии Д, иные не котировались. Там же активно торговали золотыми медалями с барельефами великих русских писателей и даже бриллиантами. Странная эта была контора, между нами она называлась «кормушка», но я так не понял, кто именно там кормился. Иностранцы и дипломаты золотом заведомо там не затаривались, зачем им эти килограммы по цене более высокой, чем дома? Получалось, что основными потребителями являлись советские граждане — ювелиры, зубные врачи, подпольные миллионеры, то есть самая ненадежная часть нашего общества. А что, если это очередная оперативная хитрость

КГБ: выманить валюту, установить подозрительные имена и явки, затем арестовать и конфисковать? Естественно, эти мысли приходили на ум и мне, я максимально подстраховывался, но от такого сладкого бизнеса отказаться не мог. Судите сами. Килограмм золота стоил около полутора тысяч долларов. Допустим, я платил 5 рублей за доллар — это очень дорого, но допустим. Плюс по рублю за грамм купленного золота доверенным иностранным студентам, которые проживали в общежитиях на Балтийском проезде. Итого килограммовый слиток обходился в 8 500 рублей. А продавал его уже за 20 000. Больше 100 процентов навара — неплохой бизнес, а? Теперь о таком и мечтать не приходится.

Я разработал особый сценарий обеспечения максимальной безопасности наиболее рискованного элемента данного бизнеса — покупки слитков. Сложно судить, насколько была оправдана подобная сложность, но я предпочитал перестраховаться. Хотя, конечно, никогда не знаешь, где надо подстелить соломку. Итак, «мой» иностранец, назову его «агент», купив необходимое, на «моем» же такси ехал на Ленинский проспект. Заходил в небольшое кафе, выпивал чашечку-другую, а потом в условленное время выходил обратно на проспект. Все столбы вдоль трассы имели нумерацию, чтобы, встречая «дорогих гостей и важные делегации», представители различных организаций знали, где им стоять и приветственно махать флажками. Например, между 35-м и 40-м столбами. Агент подходил к условленному столбу и имитировал голосование. Если подъезжали чужие машины, называлась явно заниженная сумма, и водилы отказывались везти голосовавшего. Но вот точно в условленное время подъезжал «мой» таксист. После переговоров агент устраивался на заднем сидении, и они ехали по городу, петляя и следя за возможным хвостом. И в итоге оказывались в районе общежитий около метро «Сокол» — сейчас там кинотеатр и супермаркет, а раньше были пустырь, озеро и дорога в полтора километра вокруг этого озера. То есть, если проехать по периметру пару раз, было видно, следует ли кто за тобой или нет. Агент выходил, оставляя слиток на заднем сидении — ах, забыл, какой растяпа! И уже потом в машину садился я и забирал товар. Со сбытом же проблем не было: я контактировал с рядом перекупщиков, у которых всегда существовала потребность в благородном металле. Помню, как впервые попал к одному такому типу, который жил на Пушкинской площади во дворе дома, где теперь размещаются «Московские Новости». Зашел в арку, поднялся на пятый этаж, позвонил, представился через дверь. Мне открыл болезненный грузный мужчина в грязноватой майке, которому по

договоренности с нашим общим знакомым я принес на продажу два килограмма драгметалла. Туда ли я попал? Мои сомнения развеялись, когда совершенно безбоязненно, прямо у меня на глазах, мужик открыл железный шкаф, где лежало слитков еще килограммов на пятнадцать-двадцать. И целая гора банковских пачек рублей.

Почти каждый день для меня покупалось золото в этой удивительной конторе. По дороге на работу в свое ЦСУ я специально проезжал в районе полдесятого утра по Пушкинской улице, благо тогда двусторонней. Перед злачным местом уже толпился народ, я выдергивал взглядом своих агентов и, удовлетворенный, ехал дальше.

Про самую рискованную часть процесса я уже рассказал, а вот самая трудоемкая состояла в приобретении максимально возможного количества валюты. И этим благородным делом я занимался постоянно, денно и нощно. На Москву тех лет приходился весьма ограниченный объем «свободно конвертируемой», а именно объем ее закупок определял уровень последующих доходов. В этом бизнесе по-крупному играло человек сто, из которых почти половина — азербайджанцы. И все они охотились за долларами, понемногу поднимая рынок. Я приобретал «зеленые» в объеме от 1,5 до 3 тысяч в день, и, если официальный курс равнялся 60–70 копейкам, я платил по 2–3 рубля, а то и больше. При этом требовался контакт с большим количеством людей. Ну сколько мог скупить водитель такси за ночь? Сто, двести — не больше. Ведь далеко не все иностранцы соглашались поменять валюту по выгодному курсу, ибо в большинстве своем являлись весьма законопослушными гражданами, а перед поездкой в СССР вдобавок подвергались весьма серьезной «промывке мозгов». Им грозили всяческими неприятностями, вплоть до высылки и даже тюрьмы за обмен СКВ «с рук». Поэтому «развести на бизнес» являлось вовсе не элементарным делом. Умелые фарцовщики знали не только иностранный язык, но и психологию заграничных гостей. Многих приезжих с Запада интересовал не столько повышенный курс обмена валюты, сколько возможность непосредственного контакта с русскими, неформальной беседы, посещения «народных» ресторанов, а еще лучше жилья их собеседников. С помощью русского знакомого представлялась возможность куда интереснее провести досуг, чем следуя стандартной программе «Интуриста», побывать в экзотических местах типа наших пивнушек и получить неформальные ответы на вопросы. Итальянцы лидировали как самые бесстрашные коммерческие «форины», они охотно шли на контакт и соглашались на сделки.

Англичане и американцы — ну очень осмотрительны, от контактов обычно отказывались. Немцы, югославы, французы тоже не гнушались выгодных чейнджев, хотя и не столь безоглядно, как «макаронники».

Некоторые иностранцы не просто совмещали культурную программу с небольшим гешефтом, но становились самыми настоящими коммивояжерами. Они сознательно приезжали в Москву, иногда каждый месяц, чтобы зарабатывать деньги на местных особенностях. Предлагаемый ими курс превышал уличный, зато единовременный объем и удобства контактов это многократно окупали.

Фарцовщики скупали для меня валюту по всему городу — в центре, на Софийской набережной, на смотровой площадке около Университета, в помещении цирка, в Загорске. До десятка таксистов привозили мне свою валютную выручку, поставляли «зелень» даже валютные проститутки, или путаны, как гордо они сами себя величали. Кстати, в те годы я пользовался услугами проституток не только в коммерческом отношении. Иногда и по их непосредственной специальности со скидкой. Ну а к современным путанам отношусь с чувством брезгливости и оплачивать «любовь» сейчас я не готов. У меня известность, харизма — еще и деньги платить? Хотя как-то в Голландии попробовал запретный плод на улице «красных фонарей», да во Франции тоже отметился. От Амстердама впечатлений осталось куда больше — и лучше, и душевнее… Но это я отвлекся, сорри. А вроде уже не весна…

Продавали валюту и дипломаты, наши и импортные, но они знали черный рынок и его котировки, были опытными, или «крученными» на нашем жаргоне. Тут на дешевизну рассчитывать не приходилось, зато объемы и первые руки. При этом с некоторыми из иностранцев — гражданином жаркой Нигерии Адешином Фаволи и с Дэвидом, сыном индийского — посла у меня установились вполне дружеские отношения. Да и деловые контакты имели более широкий ассортимент, чем просто покупка валюты и золота. Например, редкие иконы, которые переправлялись на Запад в дипломатической почте. Мои знания в этом вопросе особо не впечатляли, поэтому я привлекал серьезных экспертов и специалистов к оценке «досок». Также я занимался экспортом тогда весьма и весьма экзотической киновари — в судопромышленности ее использовали для покраски подводной части судов, чтобы меньше подвергались коррозии. Уж не знаю почему, но сто граммов киновари стоили дороже килограмма золота!

А вот еще одна авантюрная история, которая могла

закончиться весьма нехорошо. Вместе с приятелем мы приехали в аэропорт Шереметьево-1, который тогда был международным. Там, в «Березке», что на втором этаже перед самой границей, продавались золотые монеты и медали. Стоили они куда менее интересно, чем слитки на Пушкинской, порядка трех долларов за грамм, то есть давали рентабельность всего процентов 20–25. Но основное «доходное» место закрыли на учет, а деньги требовали оборота. Таков закон. Да и руки просто зудели что-нибудь купить и продать — тоже своеобразный наркотик. Кстати, в те годы наиболее доходным являлось даже не золото, а мохер. 80 центов за моток, а продаешь уже рублей за 15. Но уж очень материалоемкий, объемный бизнес! Если выносишь целую коробку в 100 мотков, то все внимание приковывается именно к тебе:

— А зачем вам, товарищ, столько носков и свитеров? А вообще, кто вы такой?

Да и с оптовой продажей пряжи все гораздо сложнее, деньги ведь в мохер не вкладывают. В общем, в тот день я покупал золотые медали. На мне красовалось дорогое кашемировое пальто, с шерстяным галстуком вокруг шеи и солидным перстнем на пальце и я вполне мог сойти за иностранца. Используя некий акцент, я обратился на ломаном русском к продавщице:

— Хочу купить сувенир друзьям тридцать медаль золото.

Вообще-то усталой продавщице было совершенно все равно, сувенир ли, друзьям ли, в ее служебные обязанности не входило интересоваться легальностью действий покупателей и их настоящей национальностью. Плати и забирай. «Тридцать медаль золото» были куплены, я спустился к ожидающему меня такси и сел и…

— Юр, посмотри-ка аккуратно назад. Только без суеты. Что-то мне это не нравится… Сильно не нравится.

— Девушка, что ли? А…

Признаюсь, лично мне увиденное не понравилось тоже: несколько плотных мужчин в штатском, но с весьма характерными лицами, садились в черную «Волгу», искоса посматривая в нашу сторону. Конкретно так посматривая. Мы тронулись — они за нами. Мы повернули — они не отстают. Самый настоящий «хвост», первый и последний в моей практике. Виду мы не подали, ибо иначе мог начаться захват. А так, видимо, предполагалось, что мы приведем их прямиком к «адресам и явкам». Что же делать?! Выехав на Ленинградское шоссе, мы попытались оторваться, перестав притворяться, что белые и пушистые. Хвост же не отрывался. Возможно, уже передают по рации, чтобы нас задержали. И перед самым мостом у метро

«Войковская» наш таксист — бывший гонщик — совершает отчаянный и рискованный маневр. Он резко поворачивает направо, прямо перед двигающимся автобусом, создав серьезную аварийную ситуацию, но уйдя от погони. «Волга» преследователей не смогла вовремя затормозить и пролетела мимо под мост. А там так просто не развернешься. Такси же помчалось через лесной массив, но на Волоколамское шоссе выехало уже без пассажиров и без золота. Мы с другом вышли из массива пешком. Сфотографировать нас не успели, а вот номер тачки записали.

И вечером устроили водиле допрос в таксопарке — и так его крутили, и этак. А что конкретного предъявишь? Да, было дело, сели два иностранца, потом срочно попросили свернуть… Хотите верьте, хотите нет. Конечно, не поверили, взяли в разработку, установили слежку, а таксист сразу же от нелегальных дел отошел. Такой вот маленький прокол, единственный за несколько лет. Везло, конечно, все-таки сотни человек были вовлечены в незаконный промысел. А что знают двое, то знают все, поэтому теоретически облом мог подкрасться из самого неожиданного места! А может, и не везло: случись что-либо серьезное раньше, может, раньше бы понял всю глубину своих нравственных заблуждений. Ха-ха! Шутка. Горбатого только могила исправит.

Я занимался бизнесом не ради накоплений, образ Корейко меня не вдохновлял. Я не мечтал свалить из СССР и открыть магазинчик на Бродвее, не замышлял крупных покупок типа дачи или даже личного авто, а потому особо и не копил. Деньги я прогуливал в ресторанах, тратил на девочек и шмотки, «проезжал» в такси — в общем, тратил направо и налево в свое удовольствие. Еще с тех лет я уяснил одно: деньги жалко потерять или проиграть, но никогда не жалко растратить на себя и свои прихоти. Мной руководила своеобразная юношеская романтика. Кого-то она приводила в космонавты и милиционеры, а меня привела в валютчики. Риск, азарт, процесс и результат — все это присутствовало в моей жизни и работе. Гены испанских предков отца, которые не на полях кукурузу выращивали, неожиданно ожили во мне и требовали удовлетворения. Я не был уверен ни в ненаказуемости, ни в непогрешимости. Я просто жил, как хотел, за уголовным кодексом не следил, даже в руках никогда не держал. Как, кстати, и Библию или Талмуд.

Отдельный разговор о родителях, которые многое видели и понимали и хотели меня остановить. Находя в моих карманах валюту, чеки и сертификаты, они требовали объяснений, и я то отшучивался, то придумывал истории о друзьях иностранцах, срочно уехавших на родину и попросивших меня сохранить их

деньги до возвращения. Думаю, отмазки звучали весьма неубедительно. Иногда мама подсовывала обведенные красным карандашом статьи из газет о поимке того или другого валютчика. Они очень боялись за мою судьбу, за свое исключение из партии, за нравственное осуждение окружающих. Но меня было уже не остановить.

Я ворочал весьма большими суммами, но какого-то особого рэкета, бандитизма или крышевания не ощущал. Оргпреступности действительно почти не существовало в СССР, она появилась вместе с перестройкой, а так — обычные корыстные преступления. А возможно, просто мне везло. Я оказался близко знаком с некоторыми весьма авторитетными преступниками — с Монголом, с Борисом Ивановичем. Их боялись за дерзкие и громкие преступления, возможно, они грабили и валютчиков, но меня как дойную корову никогда не воспринимали. Нормальные уважительные отношения, хотя и не кенты, конечно. Может, они просто не знали объемов моих сделок или просто уважали музыкальную составляющую, ведь параллельно я руководил группой «Сокол», на концерты которой они иногда приходили.

В конце 1969 года арестовали хорошо известного мне крупного валютного спекулянта Генриха Караханяна по малообъяснимой кличке «Уборная». Вторая его кличка — «Ворррона» — объяснялась тем, что Генрих плохо произносил звук «эр». Через 7 лет я случайно с ним встретился в колонии-поселении. Тогда же оказалось, что мы оба отбывали наказание в тульском исправительном управлении — такое вот совпадение.

Но еще более любопытно другое совпадение. Вместе с группой «Сокол» я оказался приписан к Тульской филармонии и неоднократно бывал там в качестве музыкального директора коллектива. («Да уж, — думал я, сидя на нарах, — с тех не самых давних пор мой статус изменился явно не в лучшую сторону…»). Задержание Генриха, по идее, должно было раздаться громким звонком, предупреждением в мой адрес, но я его не услышал: звон монет заглушал.

Впрочем, не думаю, что мой арест в начале января 1970 года был напрямую связан с задержанием Генриха-Ворррона. Совместных дел мы не вели, знали лишь, что пасемся на одном поле. Да и масштаб его бизнеса в целом превосходил мой. Вообще-то в тот злополучный год залетело много «наших», возможно, начинался государственный ответ на новую спекулятивную волну, накрывшую Москву. Страх, вызванный расстрелом Рокотова, улетучился, и размах валютных махинаций и количество вовлеченных в этот промысел людей стало

нарастать из года в год. Ну и как следствие…

Что касается лично меня, до сих пор не понятно, в результате каких именно оперативных мероприятий органы вышли на мой след. Я больше всего опасался, что возьмут с поличным при продаже или покупке золота, а получилось иначе. Хотя от этого не легче. Вообще, после ареста Ворррроны я в глубине души уже ожидал скорого окончания и моей коммерческой эпопеи. Чувствовал, что догуливаю последние месяцы, последние сладкие денечки. Но все-таки верил, что умнее других, а значит, смогу лучше изощриться, обезопасить себя и свой бизнес. Я практически прекратил «тематические» разговоры по телефону. Хотя и без этого в коммерческих беседах, которые теоретически могли прослушиваться, я и мои компаньоны использовали особый сленг. Не традиционный сленг фарцовщиков, а известную только узкому кругу систему измененных значений слов, кодовых терминов, например: «поехать в гости» — встречаться со скупщиком золота. Хотя, наверное, при желании ее можно было легко дешифровать. Поскольку номер моего телефона знали лишь избранные, то периодически требовалось найти того или иного знакомца в общежитиях для иностранцев или где-нибудь в месте традиционных тусовок. В этом вопросе я тоже стал осторожничать. Особо плохие слухи ходили про общежития на Балтийской: мол, некоторые посетители уже плотно сели, поэтому я старался искать «пропавших» в институтах. А уж если приходил на Балтийскую, то стоял поодаль от входа, часами играя в железку с напарником. И внимательно смотрел за входящими и выходящими из дверей. Или вел наблюдение из такси.

Впрочем, возможность себя обезопасить, усилить эффективность конспирации была наивностью, так и хочется добавить — святой. Законопослушность, кстати, обычно определяется не моральными принципами, а страхом перед наказанием или даже просто порицанием. У меня же не было страха ни до первого срока, ни после него. И не развались Советский Союз и коммунистическая идеология, после второй ходки последовала бы третья. А затем четвертая. В этом смысле я был неисправим.

Первый срок

Приемка

У Александры Коллонтай есть фантастический рассказ «Скоро!», действие которого происходит 7 января 1970 года в «Доме отдохновения», где доживают свои дни ветераны революции. На рождественской елке они рассказывают молодым о тех героических годах. На этом фоне описывается жизнь и быт настоящего. Освещение не электрическое, а с помощью отраженных солнечных лучей. Работают люди лишь два часа в сутки, и жизнь налажена так, что живут не семьями, а расселяются по возрастам. Дети — в «Дворцах ребенка», юноши и девочки-подростки — в веселых домиках, окруженных садами. Взрослые — в общежитиях, устроенных на разные вкусы, а старики — в «Доме отдохновения». На всем земном шаре нет уже врагов, весь мир представляет собой федерацию коммун. Осталось последнее — победить природу!

Подобного коллективного рая 7 января 1970 года не наблюдалось. Наоборот, в этот день родился Ник Холмс, основатель английской металлической группы Paradise Lost — «Потерянный рай». И еще один знаменательный факт: в этот же день был утрачен рай одного отдельно взятого человека — Юрия Айзеншписа.

Помнится, примерно в полдень мне на работу позвонил Гиви Гулетани, хороший знакомый и активный участник ряда крупных совместных коммерческих сделок. Сам из Грузии, он приехал искать денег и счастья в Москву, учился на вечернем юридическом, днем изображал кипучую деятельность в какой-то сонной госконторе. Параллельно Гиви охмурял симпатичную и состоятельную москвичку, дабы окончательно закрепиться в столице. На этот раз из кодового разговора я понял, что есть возможность купить большое количество чеков серии Д всего по три рубля. Очень дешево, их рыночная стоимость колебалась от 6 до 8. Такой профит получался, если покупать чеки не у перекупщиков, а у их непосредственных владельцев, для которых они шли как 1 к 1. Точную сумму чеков Гиви не назвал, поэтому я отправился на стрелку к гостинице «Москва» с тем, что лежало в карманах, с 17 785 рублями. Что составляло примерно мою зарплату за 10 лет работы в НИИ. Это были деньги за килограмм золота, который я продал еще утром по дороге на работу. Но и этой немалой суммы не хватило, чтобы купить все предложенные 8 000 чеков. Поэтому, пообещав продавцу вернуться максимально быстро, я отправился домой, чтобы взять недостающее из укромного местечка. Гиви поехал со мной, а продавец остался нас

ждать. Предвкушение неплохой прибыли и боязнь потери продавца, который соглашался продать или все, или ничего, но побыстрее. Все это подгоняло нас. Ну а мы подгоняли таксиста.

И вот мы подъехали к дому на 2-м Щукинском проезде, где я жил. В добротной кирпичной шестиэтажке моя семья занимала большую трехкомнатную квартиру с просторной кухней, комнаткой для прислуги и ванной с окном. Очень душевное жилье! Заехали во двор и остановились напротив подъезда, который отделялся от дороги заснеженным газоном метров в пятнадцать шириной. Около подъезда, поеживаясь от мороза, перетаптывалось четверо мужчин в одинаковых ондатровых шапках, не соседи, не жильцы… Но, кажется, я их узнал: это сотрудники милиции или КГБ… Неужели я прав? Сердце екнуло, похолодело и сжалось. И я сказал Гиви практически словами из песни, которую мой артист Дима Билан споет через 33 года:

— Мы ошиблись, мы попали…

— Бежать? Поблизости стояла пара машин со столь же неприметными личностями в штатском. А значит, шансов не оставалось. По инерции, очень медленно и обреченно я пошел по аллейке в подъезд, мне дали войти внутрь. Мы жили на втором этаже, но инстинкт самосохранения заставил меня подниматься дальше. Именно так потом будет двигаться профессор Плейшнер из «Семнадцати мгновений весны», когда поймет о провале явки. Ватными ногами я одолел несколько ступенек, когда услышал голос снизу:

— Молодой человек, вы это куда направились?

Мой язык высох и едва ворочался во рту:

— На третий…

— Наверное, вы слегка ошиблись этажом, вы ведь проживаете на втором. Сами спуститесь или нам помочь?

Конечно, спущусь сам. Делал я это очень медленно, наверное, так поднимались на плаху осужденные. И вдруг из-за двери раздался испуганный голос моей сестры:

— Юра, это ты? Тут какие-то странные люди…

Фаина слегка приоткрыла дверь, и нас с Гиви грубо втолкнули внутрь:

— Вы оба арестованы, сейчас будет производиться обыск. Выложите все из всех карманов.

Один из сотрудников стал рапортовать по рации об успешном задержании, другой стал звонить в квартиру напротив в поисках понятых. Соседи, с которыми моя семья дружила и никогда не отказывала дать «до получки», от этой функции наотрез отказались. И слова о коммунистической сознательности и гражданском долге не помогли. Тогда привели кого-то с улицы,

составили протокол личного досмотра и начали шарить по карманам. Я еще не представлял всего масштаба случившейся трагедии, но явственно испытывал страх, чуть дара речи не лишился. А еще сильнее было чувство позора: все происходило на глазах несовершеннолетней сестры, вот-вот родители придут, уже, наверное, соседи судачат. Я находился в преддверии большой семейной трагедии.

Из моих карманов извлекли 17 785 рублей и удовлетворенно переглянулись — ясно, что пришли по адресу. У Гиви же нашли всего несколько мятых десятирублевок. Уличив момент, я закрыл на ключ дверь в свою комнату — шаг совершенно бессмысленный.

Оперативники ухмыльнулись, на первом этапе их интересовала кухня, прихожая, ванная, наверное, такова была отработанная схема обыска. Начали с кухни, почему-то с холодильника, который практически разобрали на части.

Я громко возмущался:

— Это не моя мебель, вы не имеете права…

— Теперь мы на все имеем право, мальчик, — незлобно отвечал мне пузатый мент, закусывая чай ломтиком дефицитного сервелата из моего же холодильника.

И ведь он был прав. Поняв это, я сник, потерял и счет времени, и ощущение пространства и просто тупо сидел на разбираемой кухне, уставясь в какую-то трещинку на потолке. Начался ступор.

Часам к семи вечера пришел с работы отец и узнал «приятную» новость: его сын арестован, а в его квартире производится обыск. Отец, большой любитель пошутить, и на этот раз что-то такое сказал. Но острота оказалась не к месту, да он и сам это понимал. Просто шок охватил и его.

С отцом я не успел перекинуться даже парой слов, как меня стали уводить. На прощание он так выразительно посмотрел на меня: «Доигрался…», что я отвел взгляд. Нас с Гиви отвезли в 12-е отделение милиции напротив высотного дома на Площади Восстания, в КПЗ. Всю дорогу я громко выгораживал приятеля:

— Да, я виноват, признаю, но Гиви-то тут при чем? Просто мой приятель, давно не виделись, встретились, в ресторан его хотел пригласить…

— А ну, помалкивай! — зашипел на меня один из сопровождающих и ехидно добавил: — Теперь ты ресторанов долго не увидишь…

Но не зря же Гиви учился на юридическом факультете, он все понял и, благо его карманы были чисты от запретных вещей, начал развивать мою мысль, активно негодуя, в том числе и на меня:

— Да уж, Юрик, спасибо тебе за угощение…

И следом на оперов:

— А вы что от меня хотите, я-то тут при чем?

И опять на меня:

— Ну вот, теперь ни за что ни про что могут в институт кляузу написать… Песочить на комсомольском будут…

Да уж, дружок, мне бы твои опасения…

Наверное, в невиновность Гиви опера не особо верили, вдобавок грузин выглядел весьма авантюрно, но предъявить ему ничего конкретного не могли. И, сняв формальные показания в КПЗ, его, счастливчика, отпустили домой. Наверное, он сразу же напился! Меня же основательно допросили: когда человек в шоке, он может многое порассказать. Содержание беседы я помню смутно, отвечал иногда невпопад или долго не мог понять суть вопроса. Потом меня еще раз обыскали, сняли с ботинок шнурки и глубоко за полночь втолкнули в камеру — мерзкий и холодный клоповник. Я тогда еще не догадывался, что в своей тюремной жизни увижу еще и не такое. Сквозь зарешетчатую и засиженную мухами лампочку пробивался тусклый-тусклый-тусклый свет, и я с трудом смог разглядеть обитателей камеры. Бродяга с испитой физиономией и большим синяком под глазом, еще какой-то щеголеватый тип, который нагло представился:

— Николай Иванович, карманник со стажем… Познакомимся?

Знакомиться с карманником мне не хотелось. Мне вообще ничего не хотелось. Помимо бродяги и карманника, еще один непонятный мужик громко храпел на твердом настиле. Прилег и я, но уснуть не мог: вонь, грязь, холод, под спиной голые доски, одеяло — рвань. Но это все мелочи по сравнению с той мутью, которая творилась в голове. Особенно невыносимо давили мысли о доме, об обыске, который там сейчас происходит, об ужасном состоянии моих близких. Страшный кошмар, да и только! В общем, сразу навалилось столько плохого, сколько и за всю прошлую жизнь не набралось.

Утром меня никто не вызывал, оставив наедине с мыслями и сокамерниками, на обед дали какую-то баланду похлебать, которую даже видеть было тошно. А уж какой запашок шел! В общем, есть я ничего не стал, в отличие от бродяги, уплетавшего за обе щеки. Он и мою порцию благодарно заглатывал. Подходил дежурный милиционер, рассказывал через дверь, что КПЗ посещали мои родители с передачей. Родителей не пустили, передачу не приняли. Я начал выяснять почему, но ответ был прост:

— Следователь не разрешил…

— Почему не разрешил?

— Не знаю. Что домогаешься? Я уже давно не девочка.

И по-дурацки захихикал. Полагаю, его фирменная присказка. Лишь часов в 10 вечера открылась дверь, назвали мою фамилию и предложили выйти из камеры. В сопровождении конвоя и в наручниках вывели к воронку и повезли на Петровку, 38, ту самую, про которую раньше лишь в кино видел.

На Петровку мы въехали с заднего двора, воронок долго стоял в очереди. В местный ИВС (изолятор временного содержания) ежедневно около 10 вечера свозили бедолаг со всей Москвы. Меня высадили из воронка по всей науке процедуры приема подследственных: «на корточки, руки за голову» — и отвели в маленький боксик или пенал — комнатку шириной метр на метр. Обитую жестью, наверное, чтобы гадости про ментов не писали, с глазком и узкой скамеечкой у стены. Сидел я в боксике достаточно долго, потом меня завели в комнату, где трое сотрудников внимательно изучали мое дело и задавали разные вопросы. Они же заполняли подробную анкету с множеством пунктов, начиная от имени и адреса проживания до наличия наколок и родинок. Там же меня раздели догола, еще раз обыскали вплоть до резинки от трусов, разрешили одеться и отвели на медосмотр.

В кабинете врача я снова, поеживаясь, стоял в чем мать родила… И каким же унизительным мне это представлялось! Если до этого в военкомате я раздевался за ширмой, то тут пришлось оголяться прямо на глазах. Впрочем, моя нагота явно никого не волновала. А еще через пару месяцев эти условности перестанут волновать и меня. Из всего происходящего я научился выделять лишь нечто по-настоящему важное, а на все остальное… забивать. Пока же добродушный врач всюду светил своей лампой, покачивая головой и внимательно осматривая и горло, и член, и прочие части тела. В итоге удовлетворенно хмыкнул. Я подтвердил, что абсолютно здоров, за исключением проблем с коленкой:

— Что, бывший спортсмен?

— Спортсмен. Бегун.

— Ну, здесь бегать не советую, — последовал очевидный шуточный совет, — пристрелят на бегу.

Но я даже не улыбнулся, улыбка вообще в тюрьме противопоказана. На курорте, что ли?

После осмотра я отправился за вертухаем на помывку в баню, где получил кусок коричневого хозяйственного мыла, а все вещи я положил на тележку, которая повезла их «на прожарку». Сама душевая, где меня заперли, показалась адом, настолько

непроглядным и горячим был окружающий меня пар. Какой-то необъяснимый ужас стал подкрадываться изнутри, я старался на ощупь обнаружить кран с холодной водой, водил руками по выщербленному горячему кафелю, но напрасно. Забарабанил в дверь. Когда ее открыли со словами «не успел сесть, уже буянишь», пар слегка рассеялся, и я увидел лейку с холодной водой. Ух, хорошо! И тут же грустно усмехнулся — ничего хорошего! Из душа я вышел через дверь с другой стороны, теплые вещи после прожарки уже поджидали меня. Мне выдали матрасовку — еще недавно я и слова-то такого не знал (и сейчас компьютер подчеркивает его красным, словно ошибочное), — куда я запихнул матрас, подушку с комками какой-то дряни под сероватой наволочкой, черенок ложки и алюминиевую чашку. И отправился в камеру на втором этаже, где уже сидел один человек.

Честно говоря, меня никогда особо не интересовали милицейские романы и фильмы о буднях наших доблестных органов, а то я бы наверняка знал, что в камерах существуют «подсадные утки». В исключительных случаях эту роль могут играть милиционеры, а обычно — те же заключенные, просто морально неустойчивые. В зонах и тюрьмах их обычно вербует зам. начальника по оперативной работе, а сама оперативная работа по своей сути прежде всего и есть агентурная. Практически любого заключенного однажды вызывают и начинают расспрашивать о вопросах, далеких от сути совершенного преступления: есть ли жалобы, не притесняют ли, какие просьбы, проблемы. Если человек словоохотлив и легко идет на контакт, ему и предлагают поработать стукачом. Работа эта опасная, прознают — и изувечить могут, но приносит и определенные дивиденды. А именно: чаще разрешают передачи и свидания, могут отправить в зону ни к черту на кулички, а куда-нибудь поближе. Могут и в тюрьме в качестве хозобслуги оставить. Теоретически могут оставить даже с усиленным режимом наказания, который я в итоге получил, но уже за особые заслуги. На тюремном жаргоне есть термин «западло». Так вот, мне представлялось «западло» оказывать услуги доносительного характера по чисто человеческим понятиям, которыми я всегда стараюсь руководствоваться. И работать на хозработах — варить баланду или даже книги в библиотеке выдавать — тоже совсем не хотелось… Гнусь какая-то.

В общем, первым встреченным мною стукачом оказался мой первый сокамерник Коля. Времени было 6 утра, когда я вошел в камеру и постелился, и сразу началось активное знакомство: кто, откуда, за что сидишь. В 8 утра открылась кормушка и дали

мерзкую кашу и кусок мокроватого хлеба.

Голод взял свое, и я впервые попробовал тюремную пищу. От одиночества и внутреннего раздрая я весь день проговорил с Коляном и только вечером мне пришло в голову, что уж больно подозрительный этот тип, все чего-то выпытывает, и надо бы откровенничать поосторожнее. На следующее утро моя настороженность проявилась в глухом молчании, и сосед начал рассказывать о себе. Мол, сидит за хозпреступления: в сговоре с бухгалтером уводил налево часть стройматериалов, это его вторая ходка, так что и срок светит немалый. Я поддакивал и кивал головой, хотя этим байкам не особо верил. В ответ сам начал рассказывать, но уже полностью вымышленную историю моего незаконного бизнеса, называл всех чужими именами, придумал некоего типа, якобы моего главного компаньона. Придумал и подробно описал: рост, возраст, имя. На пятый день меня вызвали на допрос, и уж не знаю, то ли следователь такой дурак, но я сразу понял, что все сказанное Коле ему известно. Впрочем, столь густую кашу из полуправды и вымысла было сложно переварить и привязать к делу. Когда я вернулся в камеру, Колю оттуда уже забрали. Но одиночество длилось недолго, вскоре пришел другой тип, весь в наколках, и снова затеял близкое знакомство, начал искать путь в мою душу. Доверия он внушал не больше прежнего, и я, уже будучи ученым, осторожничал и еще более заливал. На следующий день вызвали его, потом сразу меня. Следователям ведь неохота по несколько раз в тюрьму приходить, вот и стараются отработать в один прием: пообщались с подсадным, покурили-пообедали, потом допросили подозреваемого. Я сходу поинтересовался, почему передачу не позволяют принести…

— А потому, что ты нам ничего не рассказываешь. Сам таишься и преступных партнеров выгораживаешь.

— Как это не рассказываю? Что знаю — все честно…

— Ну, какова честность, таково и наше отношение.

Ко второму или третьему допросу я выяснил, что меня сдал один «надежный» приятель, у кого я хранил валюту, золотые монеты, коробки с мотками мохера и иные дефицитные товары из «Березки».

Студент первого курса, совсем еще молодой парень, при своем задержании вначале он демонстрировал мальчишеский патриотизм, не сразу выдав истинного владельца имущества, то есть меня. Мол, зовут Юрой, фамилии не знает, чем занимаюсь — тоже. А слегка поднажали — схематично нарисовал, где я живу. Еще немного постращали — вспомнил фамилию.

Этим приятелем был Леша Савельев, проживающий на

соседней улице, чью квартиру я использовал как перевалочную базу. Помимо Леши арестовали еще одного нашего общего знакомого — Александра Лукьянченко, арестовали по совсем уже странному обвинению в спекуляции электрогитарой. Хотя это сейчас оно кажется странным, а по тем понятиям — чистый криминал. Ведь гитару, да и любую другую вещь позволялось продавать лишь одним путем: сдав в государственную комиссионку и заплатив процент за реализацию. А если отечественный инструмент стоил 7–10 рублей, то сколько стоил импортный — 40 долларов? Допустим, а 300 рублей — это по какому курсу получается? Неужто по спекулятивному?

После первого срока я пару раз встречался с Лешей, потом наши связи оборвались вплоть до 2003 года, когда мы снова начали общаться. Если тень в отношениях и существовала, то теперь полностью рассеялась, что уж ныне судить-рядить! Сколько воды утекло!

Лукьянченко же я лет пять назад неожиданно встретил у своего друга Славы Черныша. Там проходила небольшая вечеринка, находился ряд музыкантов прошлых лет. Как туда попал Саша, не знаю. Хотя все возможно, ведь мы и сошлись на почве музыки: ребята тоже какую-то группу хотели создать, какие-то инструменты у меня покупали. Преподавателем труда в их школе был Коля Резюков, мой школьный друг (потом тоже сидевший за валюту). И они дружили, благо разница в возрасте была невелика — Леше и Саше по 17, Коле — 25. Тогда и со мной познакомились.

На квартире у Савельева нашли портфель с 30 золотыми монетами царской чеканки, больше 30 000 долларов, объемные коробки с мохером и шубами. Перечень конфискованного товара занял полстраницы. Я признался, что весь товар — мой. Немало денег изъяли и у меня дома. Думаю, если бы не этот облом, к лету стал бы миллионером. Подпольным, естественно. Впрочем, никогда к этому статусу я не стремился. Просто круглая цифра нравится. Помимо непосредственно конфискованного, я еще больше потерял на сделках, которые находились в стадии незавершенного производства. Например, в операциях со знакомым нигерийским студентом, женатым на русской девушке. Проживал он на Нагорной улице, звали его Виктор с ударением на последнем слоге. На момент моего задержания он изрядно задолжал мне за несколько сотен килограммов меди, за киноварь, редкие иконы. В сумме многие десятки тысяч долларов. После освобождения я решил найти должника, долго по памяти искал его квартиру, нашел, позвонил в дверь. Никто не отвечал, а я продолжал трезвонить. Тогда из квартиры напротив вышла

любопытная соседка, у которой я поинтересовался, кто здесь проживает. Я помнил, что в мое последнее посещение Виктора, помимо его жены, видел грудного ребеночка, а также одного карапуза пяти-шести лет. Соседка подтвердила: да, дети есть, их отец действительно чернокожий, только он давно забросил семью и укатил в свою Африку «бананы лопать». Я вышел на улицу и пошел в сторону школы в надежде чудом встретить темнокожего подростка. И чудо свершилось: из школы выбежала ватага мальчишек, и среди них один выделялся своей отнюдь не славянской внешностью. Мальчик оказался весьма разговорчивым, но на вопрос об отце помялся, сказал, что тот давно живет у себя на родине, а их почти не навещает. Тут я мысленно простился с надеждой вернуть свои деньги, впрочем, и так не особо сильной.

В течение первых 15 суток после моего задержания в основном проводились оперативные разработки по делу, необходимые для предъявления обвинительного заключения. На мое полное чистосердечное признание после первого допроса никто особо не рассчитывал, поэтому к следователю вызывали весьма редко. Дверь в камеру могла не открываться по несколько дней. Обстановка в компании с уголовным соседом в наколках была гнетущей, тишина пугающей, ни радио, ни газет, постоянно наедине со своими безрадостными мыслями. Хотелось общения, но я уже знал, чем это может кончиться. Все было для меня новое, новое-хреновое. По ночам в питомнике рядом с корпусом тюрьмы злобно лаяли собаки, угрожающе тарахтели моторы воронков. Этих машин, народное название которых, похоже, пришло от черных воронов — вестников смерти и иных плохих событий, подчас во дворе скапливалось несколько десятков. Они подвозили все новых подневольных обитателей Петровки.

Через 15 суток, как и положено, мне предъявили обвинительное заключение по 88-й статье, что значило одно — воли не видать. И если не век, то достаточно долго. Вечером меня вывели из камеры, и началась история с переездом в следственный изолятор, знаменитую Бутырку. В ее дворе — опять неторопливая очередь из машин, причем большинство задержанных свозили непосредственно с районных КПЗ. Опять «приемка». Заходишь в тюрьму по одному, тебя принимает дежурный помощник по следственному изолятору, называешь фамилию, имя, год рождения, статью. Тебя помещают в одну из камер «вокзала» — некоторые из них на одного-двух человек, есть и большие. Все зависит от степени твоей изоляции, которую прописывают на обложке дела. Если подельников много, сидеть тебе в гордом одиночестве. Если подельников почти нет — в

общей. В любом случае тебя изолируют от соучастников, если таковые имеются и тоже пойманы. Вызывают по одному в комнату, где сидят три инспектора, которые заполняют на тебя карточку: имя, отчество, рост, цвет глаз, наколки — много-много всякой информации, которая идет в твое личное тюремное дело. Потом ведут к врачу: на что жалуетесь, какие хронические заболевания? Осматривают, опять в бокс, оттуда на санобработку. На Петровке не стригли, а здесь стригут. Или, если угодно, остригают. В районе полшестого утра меня повели в баню, дальнейшее же не сильно отличалось от уже испытанного на Петровке — кусок хозяйственного мыла, прожарка, матрас и матрасовка, ложка без черенка. Даже камера — впрочем, это уже совпадение — тоже оказалась угловой. Когда я зашел в хату номер 253, а именно так правильно надо называть свою новую «коммунальную квартиру», там зычно играл гимн СССР — всем гадам подъем. Заключенные, смачно матерясь, продирали глаза и с интересом смотрели на вновь прибывшего: что еще за крендель? По-любому это развлечение — новый человек, новая история, да и из еды может кое-что перепасть. Ведь вновь прибывший, особенно по первому разу, очень всего боится и стремится наладить взаимоотношения, заручиться поддержкой. Что лучше всего осуществляется съестным. Я тоже осматривался по сторонам: камера совсем небольшая, на 6 человек, одна шконка у окна и две двухъярусные по бокам. Еще одна у двери. Та, что у окна — свободная, меня дожидается. Иногда это место считается козырным, но это кому как нравится — из окна часто дует или жар идет. Я уверенным шагом направился туда.

Так я оказался на СПЕЦУ, где основной вид изоляции — небольшие камеры.

Существовало правило, которое и теперь стараются соблюдать: держать уголовников отдельно от хозяйственников, рецидивистов отдельно от попавших за решетку в первый раз. Но, по сути, все определяется наличием свободных мест, а также потребностью воздействовать на тебя особыми методами, а то могут и к матерым бандитам засунуть.

В 8 утра — первая проверка в Бутырке, зашел старшина, обозвал меня «новеньким злодеем» и удалился. А я начал знакомиться с обитателями камеры. Впоследствии передо мной прошла целая череда угрюмых лиц, но первые я особо хорошо запомнил. Например, Вилью Лейбовича Миллера, на вид лет 50, полного и лысого, с большим отвислым животом. Сидел за хозпреступления, ранее уже судим. Легенда — прямо как у Коли с Петровки. И еще «забавное» совпадение — Вилья тоже оказался подсадным. Наверное, по принципу «валютчик хозяйственнику

скорее душу откроет».

Еще с нами сидел грузин Гоша за многочисленные квартирные кражи и худой молодой парнишка, идущий по 117-й. Эта статья за изнасилование в те годы применялась часто и без разбора. И даже при обоюдном согласии совокупляющихся сторон угодить под нее не составляло особого труда. А вот выжить с ней… Гоша всячески стращал парнишку зоной, мол «лучше бы мента замочил». Зона всегда уделяла настоящим или мнимым насильникам повышенное внимание, обычно очень даже не дружелюбное.

Из весьма скандальных персон того времени со мной сидел далеко не последний фигурант по делу магазина «Океан». Дядечка в возрасте, жаловался на больное сердце и предпочитал молчать, тупо упершись глазами в давно небеленый потолок.

До закрытия дела и передачи его в суд я несколько раз менял камеры. Из одной из них я угодил в штрафной изолятор, точнее в карцер. Случилось это в пятницу 10 июля 1970-го, в преддверии моего двадцатипятилетия. В этот день я как раз планировал написать письмо родителям. Вообще к письмам в тюрьме отношение особое. Послание от родных, от друга, от любимой женщины — немалое событие в жизни зека. Он читает его много раз, иногда вслух, дает почитать другим. Любит писать и сам: в различные надзорные органы, в суды и т. д. с прошениями о смягчении срока. Это достаточно рутинный и шаблонный процесс в отличие, например, от поздравительных открыток родным, друзьям, женщинам. Вот их написание требует больших мыслительных и творческих усилий. Особенно ценятся стихотворные тексты или оригинальные, насыщенные сравнениями, гиперболами и метафорами. И в большой цене люди, способные красиво изъясниться. Если открытка «складная», то на одной ее части исполняется на заказ тематический рисунок — портрет отправителя или получателя, пейзаж на тему, символический натюрморт. А еще у многих зеков есть адреса заочниц — одиноких женщин на воле, готовых как минимум переписываться с заключенными, а то и связать судьбу. Егор и Люба из Шукшинской «Калины красной» — вполне реальные персонажи из зековской жизни. С помощью «заочной любви» устраивает свою судьбу не меньшее количество пар, чем через газетную «Службу знакомств» на свободе. Ну и, конечно, отдельно надо выделить письма к родителям. В них извиняются за непутевость, обещают исправиться, жалуются, просят деньги и передачки и так далее. Вот и я захотел поблагодарить папу с мамой, что родили меня, повиниться перед ними, попросить прощения за весь доставленный им кошмар. Но, чтобы написать

письмо, требовались ручка и бумага, которых в камере не водилось. Смена белья, ложка-кружка, туалетные принадлежности, причем не зубная паста — в тюбик могли засунуть всякие запрещенные штучки, — а порошок. Вот, пожалуй, и все богатство, которое разрешалось иметь заключенному. Нахождение же в камере прочих предметов, в том числе и писчей бумаги, уже было чревато серьезными последствиями. Сейчас правила изменились, можно держать в камере и электробритву, и холодильник, и даже не один, если есть место. А тогда все было строго.

У дежурного по корпусу писчих принадлежностей не оказалось, и я стал требовать дежурного помощника по следственному изолятору (ДПСИ), трезвонить в звонок, после каждого нажатия над дверью камеры загоралась лампочка. Поскольку в ведении у дежурного камер двадцать, в каждой человек по 5–7 и каждому что-то нужно — то нитку, то иголку, то лекарство, то бьют кого-то, — зажигающиеся лампочки дежурного сильно раздражают. Иногда он их просто игнорирует, что произошло и сейчас. Тогда я стал настырно тарабанить в дверь, а конечный эффект оказался таким: вместо ДПСИ вызвали группу усмирения, здоровенные бойцы ворвались в камеру и начали всех подряд избивать. Дубасили ногами, кулаками и резиновыми дубинками, больно и от души. Меня же, как зачинщика всей этой бучи, засунули в смирительную резиновую рубашку и подвесили к потолку в каморке полтора на полтора. Стены и пол каморки тоже были обиты резиной.

Да уж, это, видимо, оказалось проще, чем принести бумагу. Потом меня отвязали от потолка, я упал и с заломленными руками провалялся еще несколько часов. Камеру периодически открывали:

— Успокоился, бунтарь? Осознал вину?

Я гордо молчал или проявлял свое негодование. Потом сдался и смиренно попросил:

— Отпустите!

И меня отпустили… в карцер. В сыром подземелье находилось около десятка подобных усмирительных помещений, куда еле-еле пробивался свет. Обстановка соответствовала назначению: стационарный унитаз с краником-рукомойником, который одновременно служил и для слива. Деревянный настил, на котором можно спать (естественно, без матрасов, подушек и белья) с 10 вечера до 6 утра и который на остальное время складывался, как верхние полки в купе. Под замок. По-моему, даже табуретки не стояло. Если ходить — два шага максимум. Кормят через день: один — как обычного заключенного, другой —

полкирпича хлеба и кипяток. Максимальный срок заточения в карцере 15 суток, я получил 10. И в знак протеста начал голодать. Через два дня обход делал начальник тюрьмы, которому я подробно изложил, почему попал сюда. Естественно, попал несправедливо. Резюме было кратким:

— Все заслуженно. Значит, ты так себя вел.

Я же с виновностью не соглашался, считал наказание незаконным и продолжал голодовку. Через день начальник снова риторически общался со мной:

— Вот вы, Айзеншпис, голодаете, а это тоже серьезное нарушение режима. Ведь в чем смысл тюрьмы? Вы должны честно отбыть наказание, исправиться и живым-здоровым вернуться в общество и отработать ему свои неоплатные долги. А не сесть на шею народа больным инвалидом. В общем, если начнете принимать пищу, может, я и смягчу меру наказания. А если не начнете, может, и ужесточу.

Голодовка в тюрьме считается грубейшим проступком. За нее зека могут больно побить дубинами, а то и обратить на него гнев всей камеры. Как этого добиваются? Да очень просто и как всегда незаконно: отбирают пищу и у тех сокамерников, которые в общем-то и не собираются голодать. Ну а апофеозом свинства можно считать насильственное кормление через резиновый шланг, по которому прямо в глотку закачивают вонючее пойло.

В общем, я решил не искушать судьбу, на пятые сутки начал есть приносимую бурду, а на седьмые меня досрочно освободили из карцера. Но поместили уже в другую камеру в соответствии с малообъяснимым принципом ротации. Вот так я и разменял свой «четвертак» — унижением вместо праздника, черствым хлебом вместо обильного ресторанного застолья. Очень плохо!

Итак, «на свободу» я вышел 17 июля и с небольшим опозданием, но все-таки отметил свой юбилей. Как раз подоспела передачка с «деликатесами», на которые, будь я на воле, и внимания бы не обратил. Но по сравнению с местной пищей! Нас кормили на 37 копеек в день, плюс повара еще и подворовывали на кухне, и эту официальную «еду» без содрогания не вспомнить. Если суп, густо замешанный на комбижирах, застывал, им можно было гвозди забивать. Очень часто, получив свою баланду, арестант сливал всю жидкость в парашу, затем тщательно промывал оставшееся водой. Из «второго блюда», и так не особо значительного по объему, изымались гнилые и подозрительные кусочки, волосы, кости и другие мало аппетитные предметы. И уже потом с помощью продуктов с воли и индивидуальных кулинарных способностей заключенные старались сотворить себе что-нибудь съедобное. У этого процесса существовал лишь один

плюс — на него тратилось очень много времени, столь медленно текущего в этих местах, столь бесполезного.

В общем, продуктовые передачи, которые позволяли получать раз в месяц, фактически спасали нас от голода. Тогда существовали куда более жесткие, чем сейчас, ограничения на вес — не более 5 кг. Ассортимент продуктов тоже жестко фиксировали: сырокопченую колбасу — не более 2 кг, сало, масло, овощи, фрукты, сахар. Чай и кофе нельзя. Холодильников в камерах не было, поэтому летом приходилось изворачиваться, например, масло хранить под водой в банке. Помимо продуктовых передачек, на 10 рублей в месяц позволялось отовариваться в ларьке со столь же незатейливым выбором. В силу запрета иметь наличные деньги их перечисляли тебе на карточку родственники. Деньги там и хранились, оттуда тратились и путешествовали за тобой по тюрьмам и зонам. И если в зоне их еще можно было собственноручно заработать и по сто, и даже по триста рублей в месяц, то в тюрьме приходилось ждать милостыни со стороны. И не все ее дожидались: некоторые заключенные попадали в Бутырку из других городов, некоторые уголовные граждане были совсем малоимущие. Но на СПЕЦУ, где сокамерников обычно не больше 6–7, всегда существовал продуктовый общак — делились тем малым, что позволялось принимать в ежемесячных передачках. Так проявлялась определенная тюремная солидарность, хотя почему-то принято считать, что в подобных местах каждый сам за себя. А вот уже в общих камерах, на 30–50 «посадочных», такого общака не бывает. Там «живут семьями» или «кентуются» группами по двое-трое, хотя не возбраняется жить и одному. Так что общак там локальный. Ну а если так сильно жрать хочешь, что невмоготу, а своей хавки нет, не возбраняется и попросить. А вот крысятничать — воровать у своих — не советую. Могут последовать избиения, унижения. Могут и изнасиловать.

Я категорически против романтизации тюремной жизни, но хочу отметить, что в этих условиях действительно проявляются истинные, глубинные черты характера, суть того или иного человека. И так называемые «игры» или «прописка», хотя и жестоки, но вполне легко проходимы. Надо просто кое-что знать о традициях и правилах поведения, иметь личное достоинство и уметь его продемонстрировать. Если в общие камеры попадаешь после нескольких месяцев на СПЕЦУ, тебя обычно не трогают, ты уже опытный. Хуже тем, кто ходил под подпиской и был взят под стражу прямо в зале суда. Что же касается меня, я интуитивно всегда правильно строил взаимоотношения и ставил себя в камере на нормальное авторитетное место. Я никогда не боялся,

не стеснялся. Я, когда заходил в новую камеру, не останавливался нерешительно у двери, а уверенно шел к столу, начинал искать свободное место, заговаривал с кем-нибудь.

У меня существовал еще один существенный «плюс»: я нес багаж крупного и громкого дела. И когда на новой хате меня вяло спрашивали, за что сидишь, я всегда громко открывал маленькую пресс-конференцию. И у всех уши сразу поворачивались в мою сторону, ибо в речи фигурировали суммы, которые большинству и не снились. Кто-то украл доски со стройки, кто-то перепродал мебельную стенку, а тут такой преступный размах! Моя личность сразу оказывалась окруженной ярким ореолом. Вдобавок «тюремное радио», которому известно обо всех крупных делах местных постояльцев, давно уже разнесло весть обо мне по большинству камер. Из 3–5 тысяч заключенных, а именно столько обычно сидит в Бутырке, громких историй насчитывается максимум несколько десятков, и все они на слуху. А уж крупные валютчики по тем временам вообще являлись местной достопримечательностью, ибо обычно проходили по линии КГБ.

Шли недели, все ближе становился день суда, все явственней маячил суровый приговор. Отделаться легким испугом я не ожидал, но получить по минимуму хотелось. И я попытался связаться с Эдиком (Васей) Боровиковым, находящимся тогда еще на свободе. Его обширные связи теоретически могли мне помочь, прежде всего во время судебного процесса. Некоторые судьи брали взятки, максимально уменьшая срок обвиняемых, и, возможно, Эдик имел на них выход. Но попытка контакта оказалась провальной, хорошо еще, что не привела к тяжким последствиям. Я попал на очередную «подсадную», столь прекрасного артиста, что и не подумаешь. Эдик мудро не вышел на связь, хоть это и не спасло его от скорой поимки и заточения. Позже я с ним встретился в одной из пересыльных тюрем, и он образно сказал, что «выкупил эту попытку», почувствовав подвох. Эдик отбывал в Архангельской области, и когда мы оба освободились, то нередко встречались за рюмочкой, вспоминали ошибки и проделки молодости. Да, на славу мы порезвились! А потом корешок попал в автокатастрофу и погиб.

О провале моего контакта с волей проболтался следователь, и я сразу понял, откуда ноги растут. Я был подавлен, раздавлен, очень переживал и даже поседел. А в камере инициировал разборки — сделали сексоту конкретную предъяву. За мной последовали и другие заключенные, почти у каждого нашлась тайна, которая в итоге стала известна следователям. Предателя крепко избили, почти изувечили, после чего из камеры всех раскидали. А меня оставили, и несколько дней я сидел в полном

одиночестве. Вообще-то такие расправы над стукачами, даже пойманными практически с поличным, не всегда практикуются. Ведь оперчасть может затеять ответный террор, начать постоянно перетряхивать камеры и т. д. Да и саму камеру напрочь расформировать. Поэтому иногда ставится задача просто «выломить из хаты» доносчика. Иногда это решается, например, так: доносчику подбрасывают в тумбочку чужой сахар, утром узнают о пропаже и просят всех открыть тумбочки. Так вот же он, мой рафинадик! А это значит — крыса на борту. А это уже легальный повод — у и так нищего кента воровать! Но задача опять-таки не столько бить, сколько так напугать, чтобы гаденыш сам принялся колотить в дверь камеры и истошно орать:

— Все скажу!!! Гадом буду!!! Заберите меня!!! Убивают!!!!!

В конце августа меня впервые повезли на суд, а приговор зачитали 2-го сентября. Дело насчитывало 4 тома ходатайств, жалоб, допросов, экспертиз. Судили меня в нарсуде Ворошиловского района, и председатель суда Скокова выдала десять лет — очень много, несправедливо много. Хотя и меньше пятнашки, которую требовал вконец оборзевший прокурор. Выходов на Скокову я не имел, а, как оказалось в дальнейшем, она активно брала взятки. На одной из них и закончилась ее карьера, ее поймали с поличным и саму строго осудили.

Основными обвинительными в моем деле были статьи 154, часть 2: «Спекуляция в особо крупных размерах» — и 88, часть 2: «Нарушение валютных операций» — и тоже в особо крупных. По их совокупности, в случае первого срока, обычно давали не более 5–8 лет, и, почему я получил десятку, не совсем понятно. Возможно, так проявился скрытый антисемитизм судей, возможно, существовали иные причины. Вместе со мной на скамье подсудимых сидел Савельев Алексей, тоже под стражей, а «подписной» Лукьянченко — в первом ряду. Именно на суде, то есть через 9 месяцев после задержания, я впервые увидел родителей, представляете, все это время мне отказывали в праве на свидание! Отец выглядел сурово и одновременно сконфуженно, мама — усталой и заплаканной.

В моем приговоре значилась «скупка валюты в неустановленном количестве у неустановленных людей по 5–7,5 рублей за доллар». И в неустановленном месте. Так где же состав преступления, если ничего не установлено? Какая нелепость — все остальное неустановлено, а «курс» покупок известен. Даже мое признание, даже если его не выбивали, не есть основание для обвинения. Может, я шутник, может, мне приснился этот бред после порции отвратной баланды или падения со шконки??? Получалось, что 90 процентов предъявленного не имело никакого

иного подтверждения, кроме моих слов. А я ведь вообще мог молчать, но был молодой, испуганный, неопытный. И хоть никого не сдал, но наверняка и не лучшим образом защищался. Мог бы сказать, что все нашел — и что дома хранил, и что у Савельева, и что в карманах, и золото, и чеки, и доллары. И шерсть с мохером — где доказательства, что я их купил? Да, шел, обнаружил толстый дипломат и десяток тюков, решил не сдавать государству. Что произошло бы, поведи я себя именно так? Сомневаюсь, что наказание ограничилось бы конфискацией «найденного». Могли найтись и лжесвидетели, могли начать обрабатывать уголовники в пресс-хатах, могли начаться угрозы родителям. В общем, такой глобальный уход в «несознанку» был бы игрой по-крупному, и непонятно, чем бы она закончилась. Государство ведь проигрывать не умело. Но эти размышления абстрактны, я добровольно признал факт скупки валюты, и опера этим в целом удовлетворились. По поводу подельников и соучастников меня если и допрашивали, то не особо активно. Бюрократия требовала не столько новых дел, сколько закрытия старых в установленные сроки. Да и действительно, в моих показаниях фигурировали какие-то мифические Коли и Пети, с которыми я где-то встречался и занимался гешефтом. И даже искренне желай я поделиться информацией со следствием, о большинстве клиентов действительно не знал ничего, кроме имен, да и то не исключено, что вымышленных. В целом же я старался следовать мудрому подходу «меньше скажешь, меньше получишь». Это такая же истина, как «раньше сядешь, раньше выйдешь». Хотя, еще раз оговорюсь, будь со мной адвокат, наверняка посоветовал бы вообще не свидетельствовать против себя, просто молчать и стереотипно отвечать: «не помню». Но адвокат появился не сразу, возможно, и не самый квалифицированный, а все его вялые ходатайства с ходу отклонялись. Если надо осудить, то будет осужден!

В заключительном слове я лишь частично признал свою вину, хотя уверен, что и полное раскаяние ни на что не повлияло бы:

— Да, я нарушал советский закон, но этому есть и некое оправдание. Я же не виноват, что в моих жилах течет коммерческая кровь испанских предков, и я ничего не могу сделать с этим наследственным даром. Это объективно. И еще. Мои сделки приносили не столько вред, сколько являлись экономической инъекцией и движением к прогрессу. И настанет время, когда частная инициатива будет поощряться. Обязательно настанет!

Моя пламенная речь особого впечатления не произвела. Помимо «десятки» усиленного режима, я заработал и

конфискацию имущества. К сожалению, это касалось не только валюты, золота и мохера, но и вещей в моей комнате, например коллекции из 5000 музыкальных дисков. Да и самой комнаты в 26 кв. м. Два лицевых счета, которые мы слишком долго ленились объединить, существенно облегчили эту задачу отъема. Естественно, квартиру в итоге родителям пришлось разменять, не жить же с подселением, вдобавок оказавшимся тихим пьяницей весьма низкого пролетарского происхождения! Мытарства и разбирательства по этому поводу продолжались еще года два после моего ареста: суды, жалобы, ходатайства и т. д. Сколько здоровья и лет жизни это стоило моим родителям, даже думать не хочется. Но уж бесследно эти нервотрепка и унижения явно не прошли.

Савельеву, как активному соучастнику преступлений, выдали пять лет общего режима. Больше всех повезло Лукьянченко — ему отвесили условный срок в 3 года. Везунчик уже тогда учился в мединституте и состоял в близких отношениях с дочерью его ректора профессора Лопухина. Лопухин, его будущий тесть, представлял общественную защиту, и весомость его имени сыграла роль в мягкости обвинения Саше. Хотя и само дело о спекуляции электрогитарой представлялось достаточно смехотворным.

Интересно проследить дальнейшую судьбу трех молодых людей, обвиненных судом в совершении преступлений в тот злосчастный день. Савельев — крупный ученый, биофизик, Лукьянченко — профессор медицины, работает в институте онкологии имени Блохина на Каширке. Не зря же они жили практически на площади Курчатова, считай, в своеобразном научном городке. Ну а третий подсудимый — это я. Если в переводе на научную степень, наверное, уже и академик. Шоу-бизнеса.

Кстати, в те годы в советской прессе обычно писали о наиболее громких судебных процессах под популярной и любимой народом рубрикой «Из зала суда». Видимо, мое дело являлось вполне подходящим по масштабу злодеяний и возможному воспитательному последствию, ибо вскоре последовала статья в «Советской России». Она называлась «Серебряные струны», словно в память о музыкальной группе, с которой я когда-то катался по стране. Там проводились какие-то «умные» параллели, делались дурацкие обобщения, выводы и прочее, и прочее. Мне статья не понравилась. Бесталанная идеологическая заказуха.

После оглашения приговора меня перевели в другую камеру, где сидели уже осужденные судом. Сидят они в ожидании

печатной версии своего обвинения, и это ожидание может длиться и неделю, а может и месяц. Все зависит от объема приговора и от количества самих приговоров, которые надо напечатать. Лично мое обвинение насчитывало страниц 15–20, в общем-то не слишком и много, поэтому его копию я получил на руки буквально через несколько дней. Прочел все внимательно и, конечно же, написал кассационную жалобу. И пока ждал ее рассмотрения в пересыльной тюрьме, получил первое свидание с родителями. Отец оставался непримирим и активно это демонстрировал, а мама же опять проливала слезы — все то же, как и на суде. В общем, я чувствовал себя вдвойне виноватым и несчастным. Итогом жалобы могла стать отмена приговора и отправка его на новое расследование, рассмотрение дела новым составом суда или смягчение срока. Но это в идеале. Практически же моя жалоба осталась неудовлетворенной, а значит, приговор подлежал незамедлительному исполнению, а я — этапированию на зону. Со следующими жалобами, которые называются надзорными, можно дойти и до Верховного Суда. Но пишут их уже в местах исполнения наказания, превращая это занятие в навязчивую и, как правило, бесполезную идею.

Что ж, значит — в путь. Слава богу, что и не в последний, но и не в добрый. И хотя выбирать мне не приходилось, я был совсем не прочь отправиться на зону. Я вполне освоил тюремное житье-бытие, и оно успело мне изрядно надоесть. По сравнению с камерой в пару десятков квадратных метров зона давала более разнообразное общение, возможность найти нормальных и интересных людей, куда больше вариантов прилично устроиться. Хотя кому что нравится, ибо на зоне все-таки надо работать. Поэтому некоторые находят тюрьму более привлекательной: этаким своеобразным местом отдыха, где можно ничего не делать. Кто-то развлекается азартной игрой, другие пишут длинные письма, третьи сами с собой беседы ведут. Но моя психика устроена иначе: работа совершенно не пугала (и не пугает), а вот замкнутое пространство угнетало.

В пересыльной тюрьме я находился около месяца, и в начале октября был отправлен в Красноярск. Конечный пункт твоего назначения определялся в Управлении исправительно-трудовых учреждений, которое находится при пересылке. Как только приговор вступает в законную силу, по поступающим разнарядкам тебя отправляют в одну из зон.

Куда именно? Помимо формальных моментов, связанных с видом режима, здесь присутствует изрядная лотерея. А особенно могут пригодиться связи, даже не самые тесные. Ведь нет никакого нарушения, если твое дело положили в другую стопку и

тебя послали отбывать назначенный срок не в холодный Хабаровск, а в близлежащий Смоленск.

Попросить о более приятном маршруте и пункте назначения может и следователь, с которым ты хорошо сотрудничал, и прокурор, и общий знакомый, и знакомый общего знакомого. В моем багаже таких связей не нашлось, у родителей и друзей, к сожалению, тоже. Поэтому только через несколько лет благодаря неожиданно открывшемуся высокому знакомству мамы я смогу получить маленькое послабление.

Рано или поздно всему приходит конец, пришел он и ожиданию отправки по этапу. Я уже обратил внимание, что все переезды происходят вечером, часов около 10. Вот и сейчас примерно в это же время я вышел из камеры с вещами и был отконвоирован в пункт сборки на вокзал. Там тебя принимает конвой, независимый перед администрацией пересылки, обыскивает прежде всего на предмет заточек и прочих режущих предметов и сортирует по направлениям. Естественно, по тем, что отходят сегодня ночью. Я оказался в группе «на Свердловск». При этом конечный пункт назначения я не знал, да особо и не интересовался — хрен редьки не слаще. Но догадывался, что он находится дальше Свердловска. Путь заключенного обычно проходит в несколько этапов, ибо по правилам более двух суток тебя не имеют права держать на сухом пайке. Хотя иногда кажется, что настоящая причина отнюдь не в этом. Движение по пересыльным тюрьмам словно является частью некоего устоявшегося ритуала подношения зека зоне. И оно просто обязано быть долгим, мучительным и безысходным — не в отпуск, поди, едешь! Еще со времен царской России вагоны для перевозки заключенных называют «столыпинскими». Они и являются основным символом этапа, главным соединительным элементом тюремной карты России. В целом же никакой экзотики, вполне обычный вагон, где проемы между купе затянуты решетками, где окна существуют только со стороны прохода и куда набивают невольных пассажиров столь же плотно, как и сельдей в бочку. И они там действительно засаливаются на славу!

Сами поезда тоже вполне обычные, как правило, почтово-пассажирские, просто первые один или два вагона — столыпинские. Загрузка зеками обычно происходит где-то в отстойниках, в местах формирования составов, и на вокзальный перрон поезд подается уже вместе с заключенными. Выгрузка — тоже в тупиках, подальше от испуганно-любопытных взглядов. И лишь изредка, если ссаживают на промежуточных станциях, эта процедура происходит на общем перроне на глазах у честных и

законопослушных граждан.

Нашу «делегацию» примерно в 90 человек повезли на нескольких воронках, мы подъехали к какой-то сортировочной станции, вышли, сели на корточки. Я сразу зачерпнул ботинком воды из какой-то лужи, сначала расстроился, а потом подумал: «Ну и ладно. Заболею — так заболею. Сдохну — так сдохну». А потом сам же себе отпарировал: «Нет, не сдохнешь! Выживешь, не сахарный!».

Во время этого внутреннего диалога начальник конвоя произносил свою привычную речь:

— Всем встать. Строем к вагону. Шаг в сторону — побег. Стреляю. Метко.

Это, конечно, звучало не так поэтично, как тюремная поговорка:

Коль попал под конвой,
жалобно не вой:
шаг влево — провокация,
шаг в право — агитация,
прыжок вверх считается побег.

Но бежать ни желания, ни возможности не было: по бокам колонну охраняло человек десять солдат с оружием и злобными псинами. Да и куда? А вот и вагон… Похоже, не двухместный СВ, в котором я ездил в последний раз на юга. И даже не плацкарт.

В каждое купе-боксик нас набилось душ по 10–12, но это еще по божески, далеко не предел уплотнения. Иногда умудряются засунуть до 18 человек: восемь внизу, шесть на верхней полке, на которой делался настил. И еще на багажной 4. Вот это уже точно кошмар!

Из этапируемых практически никто не знал, куда в итоге попадет, и разговоры и догадки на эту тему занимали немалую часть времени. Делились слухами о строгостях режимов, нравов и природы в тех или иных зонах, рассказывали о побегах, бунтах и т. д. Пребывающие на верхних полках старались подглядеть пункт назначения — надпись типа «КрасЛаг» на своем тюремном деле во время переклички контролеров. Но это удавалось редко.

В Свердловск нас привезли под покровом темноты, и вся процедура приемки повторилась. Именно там, в местной пересылке, я понял и увидел весь смысл понятия «беспредел». Временное обиталище оказалось переполнено заключенными сверх всякой меры. Весь пол камеры, шершавый и бетонный, без всяких плиток, устилали грязные клопастые матрасы, да так плотно, что приходилось проходить прямо по ним. На шконках емкостью в 20 спальных мест валяются вповалку человек 30 — по трое на двух матрасах. Поворачиваться можно только всей тройке

одновременно. Еще человек 10 под шконками, на полу еще 20. Еще 10 вообще непонятно где спят. Нет и намека на вентиляцию, стоит жуткий смрад, в карты играют, курят. Заваривают чифирь, поджигая газету под алюминиевой кружкой. Кого-то насилуют в углу за «занавесочкой» — очередь стоит. Параша не закрывается ни на секунду. Более того, она не только ничем не отгорожена от камеры, а даже слегка приподнята, словно на пьедестал.

Словно постоянное напоминание о твоем нынешнем незавидном положении:

Ты — зек, ты — раб, ты — животное.

Именно в эту пересыльную отрыжку, иначе и не назовешь, я вошел одетый в импортное шерстяное пальто, в ондатровую шапку, весь модный и с иголочки. В этой одежде меня задержали прошлой зимой, в ней пошел и по этапу. А когда в подобные отдаленные места приходит этап из Москвы, он сопровождается не только похабной присказкой: «Прилетели к нам грачи, пи….сты москвичи», но хорошими шансами лишиться своей нормальной одежды. Голым ты, конечно, не останешься — твой прикид «по беспределу» обменяют на какое-нибудь рванье. А еще со мной прибыло продуктов килограммов на 15 — и выигранных в карточный покер, который обычно играется фишками от домино, и купленных в ларьках. Тоже могли заставить поделиться. А я бы заартачился. И чем бы это кончилось… Но мне повезло. Едва я зашел внутрь, со шконки прозвучал властный вопрос:

— Откуда сам?

— Из Москвы…

— Валютчик, что ли?

Я просто потерял дар речи. Так вот, с одного взгляда мою сущность могли распознать только очень понимающие люди. Свои люди. И таким свояком оказался Алик Зейналов, бакинец, азербайджанец. Я весь задрожал. Не от страха, отнюдь — от удовольствия. В этом мраке, в этой безнадеге оказался человек моей бывшей тусовки, а значит, чем-то близкий. Не шаромыжник, не шантрапа, не бандит. Вообще в таких трудных местах интуитивно ищешь людей, с которыми существует хоть что-то общее — высшее образование, город проживания, даже одинаковое имя — и то уже теплее. А тут…

— Ну подходи, размещайся… Ей, братва, раздвиньте матрасы, дайте место человеку.

Оказалось, что у нас с Аликом масса общих знакомых. Вообще, среди моих деловых партнеров проходило немало представителей солнечной республики. И мне действительно как-то упоминали о таком непростом «пассажире» — Алике, и что его

недавно приняли. На год раньше меня. Алик обо мне тоже слышал. По его реакции — вполне нормальное. Судили Алика примерно год назад, а сейчас за систематические нарушения режима переводили в другую колонию. Он являлся авторитетом или, как еще говорили, «шерстяным».

А еще блатных интеллигентов кличут «профессорами». В общем, меня сразу же приняли в «профессорскую» семью третьим, и теперь никакие косые взгляды или недобрые поползновения не могли меня коснуться.

И то хорошо!

На этой пакостной пересылке я пробыл дней 15–18, а оттуда отправился в Новосибирск. В Новосибирске мы с Аликом попали в разные камеры, но его поддержка чувствовалась и сквозь стены. Он, кстати, тоже шел этапом в Красноярск, и туда мы добирались уже в одном вагоне. Дни сливались, лица сливались, все походило на затяжной дурной сон. Не особо мучительный, но серый и безнадежный. Я всегда любил что-то делать, чем-то заниматься, а делать-то как раз было абсолютно нечего. Вести же долгие пустые беседы «за жисть» или штопать носки мне совсем не хотелось. Или тараканов давить.

В местной пересыльной тюрьме я пробыл несколько дней и вот-вот должен был отправиться в ведение Красноярского управления исправительно-трудовых учреждений, как вдруг…

Ранним утром декабря 1970 года тяжелая дверь моей камеры открылась, и на пороге вырос мрачный конвой:

— Айзеншпис, с вещами на выход.

Я еще спал и не сразу понял, что от меня хотят. Куда это в такую рань? Ведь большинство переездов осуществлялось под вечер. Надеюсь, не на расстрел… Прапорщик гаркнул громче:

— Тебе помочь?

Меня завели в какое-то крохотное помещение, очень быстро и тщательно обыскали, причем делали это офицеры, а затем сообщили, что летим в Москву. В наручниках меня повезли в аэропорт и лишь в самолете их сняли. Меня сопровождало трое: офицер у иллюминатора, я, еще один офицер и еще один через проход. В процессе перелета я пытался завязать беседу, но сопровождающие угрюмо молчали и позевывали. И вот дорогая моя столица — не думал, что так скоро снова ее увижу. Впрочем, видно-то как раз ничего не было. Погода стояла отвратительная — снегопад, буран, — и вместо аэропорта назначения нас приземлили во Внуково. Поэтому мы долго ждали, когда нас заберут, часа три или четыре. Красноярские офицеры раньше никогда не были в Москве, очень волновались, боялись, что их не найдут, и все время бегали куда-то звонить. Когда, наконец,

подошел микроавтобус, они облегченно вздохнули и передали меня в руки сотрудников КГБ. И мы поехали по знакомым улицам, и я, впервые за долгое время, смотрел в окно, на котором не было решеток. Мы направлялись в следственный изолятор Лефортово.

В застенках КГБ

27.09.2003

Я ехал со съемок домой, вдруг мне звонит директор: к нам в студию ворвались менты, приезжайте скорей. Я попросил передать им трубку, они представились — из МУРа, а их визит связан с убийством бывшего жильца одной из квартир, которые я купил, объединил и создал студию. Вскоре я познакомился с ними лично — двое мужчин, обоим лет под 50. Их интересовал некто, проживавший здесь целых три сделки назад. Продав квартиру, он выехал в хрущевку, которую вскоре превратил в притон, поселив там несколько бомжей. Потом без вести пропал, а вот теперь вроде бы нашли его труп. Я этого бедолагу и в глаза-то никогда не видел, никаких сделок с ним не заключал. И вообще эта квартира не моя, а моей жены. Все это я высказал милиционерам, а они в ответ то ли уныло, то ли язвительно парировали:

— Вы, наверное, уже позвонили наверх, пожаловались на нас.

Я ничего не ответил, а помахал перед их глазами пропуском в МВД, который остался у меня после концерта:

— Сейчас к генералу вашему поеду, расскажу, как вы от работы с артистами отвлекаете…

— А кто ваши артисты?

Ни о «Динамите», ни о Билане незваные гости ничего не слышали, и я посоветовал позвонить их детям. Пятнадцатилетняя дочка одного из «сыщиков» стала умолять папочку взять автограф у Билана. Не сложно, благо Дима живет рядом. На том и расстались.

А вообще в очередной раз наши органы продемонстрировали некомпетентность и формальность подхода. Топорный стиль работы как был, так и остался их визитной карточкой. Как уже сказал, юридически эта квартира не моя, а супруги. Получается, пришли не пойми к кому, не пойми с кого взяли показания. А вот еще в тему.

Недавно мне позвонили в дверь:

— Мы из городского московского суда и собираемся принудительно доставить вас в суд в качестве свидетеля.

— Вы что, сума сошли?

Оказалось, рассматривалось давнее дело с разбойным нападением на моего водителя: у него не так давно угнали мой новый «Гелентваген». Дело, кстати, прелюбопытное. Руководителем шайки — а на скамье подсудимых оказалось 15 человек — оказался сын сотрудника администрации президента

Белоруссии. Двое подсудимых — бывшие сотрудники правоохранительных органов: майор милиции Сергей Петавкин и сержант милиции Андрей Сметанюк. Майор милиции Руновский — формально действующий сотрудник милиции — скрылся от следствия и находится в розыске. По сценарию налетчики в милицейской форме останавливали автомобили — исключительно дорогие внедорожники — и просили водителя пересесть в их машину, якобы для проверки документов. Затем остальные участники банды нападали на водителя и угоняли его автомобиль. Они угнали не только мою машину. Пострадал посол Казахстана в РФ. Жертвой стал и криминальный авторитет по кличке «Грек». С ним произвели точно такую же операцию, с той лишь разницей, что вместо подвала отвезли в лес и приковали к березе. Так «Грек», как и я, остался без «Гленвагена». Поначалу он попытался разыскать нападавших через своих людей в уголовной среде, но, когда это не удалось, обратился в милицию. Поимка бандитов — готовый сценарий для хорошего фильма, не хочу им загружать свою книгу, пусть их заслуженно покарают, но при чем здесь я? Я уже устал ходить по судам, тем более напали не на меня, а на моего водителя, я и сказать ничего не могу. Но судья решил сыграть роль властелина судеб и прислал за мной чуть ли не с наручниками. Я позвонил адвокату, и он мне посоветовал:

— Можете вызвать врача, и если он подтвердит, что вы больны, то не имеют право вас насильно отвозить на суд.

Лишь после такого юридического отпора пришедшие за мной люди позвонили судье и выяснили: во-первых, кто-то опять не пришел, а во-вторых, что если я уж такой больной, то могу написать, что не возражаю о рассмотрении дела без моего присутствия.

Я-то не возражаю, да лучше бы угнанную машину с тем же усердием искали.

В общем, на суд я не поехал… Ну а если следовать логике моих книжных воспоминаний, то я приближался к Лефортовскому СИЗО.

Если раньше меня неплохо ознакомили с тюрьмами системы МВД, то теперь привезли в вотчину всесильного КГБ. Априорное мнение о серьезном статусе этого заведения, о его высокой государственной значимости полностью соответствовало увиденному мной. Начиная от ворот, которые гораздо солиднее и массивнее, чем в обычных тюрьмах, до наличия чистых ковровых дорожек в изоляторе и даже штор. Меня поместили в комнату с незарешетчатым окном, правда, густо закрашенным матовой

краской. Вокруг все столь же опрятно и цивильно, стол и стулья не прикручены, дверь обыкновенная, без глазка. Может, правда, какая-нибудь тайная «подглядывалка» существовала…

Долго ждать не пришлось, появились сотрудники, провели предварительный допрос, без обычной тюремной суеты осмотрел врач, подробно расспрашивал. Впрочем, мое физическое здоровье оставалось вполне удовлетворительным, ну а моральное… Сам виноват.

После помывки, где выдали кусочек нормального мыла и одноразовую мочалку, меня повели в камеру — везде аккуратно, тишина и уют. Еще бы канареек в клеточках да цветочков в горшочках! И вокруг никого нет. Вот когда тебя ведут по корпусам СИЗО, по пути следования видишь массу других подследственных, здесь такое недопустимо по внутреннему распорядку. Пока одного заключенного не заведут в камеру, другой в коридор не выйдет. Привели меня в угловую камеру 25, два спальных места одно напротив другого, умывальник и небольшая металлическая параша. После года в системе МВД — почти курортные условия. Чистый матрас, материал постельного белья явно лучше, не серая матрасовка, а белая, да еще простыня под одеяло. И не вонючие, не рваные. Парадоксально, но изменникам родины создавались лучшие условия, чем обычным преступникам, хотя через десять дней полного одиночества я понял, что и здесь не так сладко. Изоляция практически полная, не существовало даже привычного для камер МВД радио, по которому с 6 до 10 вечера транслировалась первая программа. На полчаса давали единственную газету — «Правду», которую потом забирали и тщательно осматривали на предмет пометок. И передавали в другую камеру. Впрочем, в Лефортово весьма лояльно смотрели и на посылки с воли, и на встречи с родственниками. И я пользовался этой лояльностью.

Я догадывался, что новый оборот в моей тюремной биографии определенно связан с делом Жукова. Ко мне еще в Бутырку приходили следователи из КГБ, я запомнил их «космические» фамилии: Севастьянов и Елисеев. Они часа два расспрашивали меня о Давиде, но ушли ни с чем. Хотя и других людей, которых могли арестовать и которые могли дать показания на меня, существовало немало. В общем, я мог оказаться в роли свидетеля или привлеченным по новому делу — никакого облегчения ни то, ни другое мне принести не могло. Единственный положительный момент — очередной познавательный элемент, новый жизненный опыт.

Дня через три после моего заключения в камеру туда в сопровождении охраны пришел начальник СИЗО. В правилах

тюремного распорядка, висевших в рамочке около двери, на этот случай существовал прописанный соответствующий ритуал. Я должен был встать, бодро вытянуть руки по швам и громко назвать свою фамилию:

— Айзеншпис Юрий Шмильевич.

— Статья?

— Восемьдесят восьмая.

— Срок?

— Десять лет…

— Ну и наплодил же вас Янев Рокотов…

Я не успел ничего ответить, да и не знал, что отвечать, как полковник круто развернулся и вышел. Хлопнула дверь, лязгнул засов. С валютчиками у начальника были давние и сложные отношения. Являясь следователем следственного отдела КГБ, он достаточно долго вел дело того самого Рокотова. Назначение на должность начальника СИЗО являлось понижением в карьере, возможно, из-за недовольства властей попытками объективно расследовать ту громкую историю. Полковник, как мне говорили, был человеком, которого все уважали. Как же его фамилия???

На пятые сутки меня повели на допрос. Я снова шел по мягким ковровым дорожкам и мог достаточно подробно разглядеть Лефортовское СИЗО. Оно находится в крепости XVII века, построенной еще при царице Екатерине II. Архитектура сооружения весьма оригинальна: от поста на первом этаже линиями расходятся коридоры, и вверх ведут лестницы. Еще два этажа достроено уже при советской власти из-за потребности в дополнительных местах для врагов родины. Последний ремонт, видимо, сделали совсем недавно или просто постоянно подновляли-подкрашивали. В какой-то мере тоже ведь лицо советской власти.

Мне предстояло перейти из здания тюрьмы в следственный корпус, который находился рядом и соединялся коридором. Очень удобно, следователям никуда не надо мотаться, заключенных приводят прямо к ним в кабинеты. Вот и я оказался на рабочем месте уже знакомых мне «космонавтов», тех, что уже приезжали на расспросы в Бутырку. Меня вежливо усадили, предложили чай, покурить, стали расспрашивать, как дела, как прошел суд, какой срок дали. Несомненно, все это они прекрасно знали, просто разводили чисто человеческим разговором. Посетовали, что давно уже хотели вернуть меня с этапа, да никак не могли отловить. Забавно, словно я беглецом от них бегал. А причина в том, что бюрократическая переписка шла медленней, чем мы двигались, и из Красноярска пришлось уже вытаскивать по звонку. Кабинет следователей был завален разными папками,

настежь раскрытое окно выходило на прогулочные дворики. Час в день — святое право на прогулку для всех и везде. Если ты, конечно, не нарушитель. И приглашают здесь на нее так: «Пожалуйста, пройдите на прогулку». Кстати, существует шуточный вопрос:

«Какая разница между общением с надзорным персоналом в двух пенициарных системах?». Ответ такой:

«В КГБ говорят на «вы». В МВД тоже говорят на «вы»: «Вы, е*** в рот».

После небольшого лирического введения мне задали вопросы по существу и, дабы не играть в долгие игры, показали чистосердечное признание Бориса Жукова. В той части, которая касалась меня и наших совместных махинаций. Забавно, что само признание предварял некий философский эпилог, мол, «чего уж скрывать и так очевидное, а тут, глядишь, больше скажешь — меньше дадут». Я всегда считал иначе, но, может, и ошибался. В итоге Боря заработал ту же «десятку», что и я, хотя масштаб его преступлений был значительнее.

В признаниях Бориса речь шла о сделках с золотыми слитками, в которых мы были партнерами. *Я* использовал его канал поставки, ибо ему было выгодно покупать у поставщика-контрабандиста по максимуму. Скидки за опт, никуда не денешься. Необходимые объемы закупок помогал обеспечивать также я, доставая валюту в значительных количествах. Другая вполне вероятная причина нашего союза — желание Бориса иметь компаньона в своем нелегком ремесле. Я идеально подходил на эту «должность» — незапятнанный авторитет, надежность, известность.

— Что скажете? — спросили меня следаки.

А что тут особенного скажешь… Бориса арестовали в марте или апреле, но, когда именно появились признательные показания, не знаю. Возможно, дата стояла, но тогда я не обратил на нее внимание. Но, скорее всего, во время моей первой встречи с ГБистами конкретных показаний против меня еще не существовало. Или требовалось все еще перепроверить. Да, похоже, именно так все и было — на меня тогда вышли чуть ли не просто по записи в телефонной книжке, обведенной карандашом. И следователей во время допроса интересовал не столько я, сколько возможность дополнительно изобличить Жукова моими устами. Но я тогда отбрехался, в знакомстве не признался:

— Да мало ли я Давидов знаю? Может, фамилия одного из них и Жуков. Хотя странно, имя еврейское, а фамилия… А на фотографии… Да сложно сказать, у меня плохая память на лица.

В общем, сдавать Жукова и сотрудничать с КГБ я наотрез

отказался. А Жуков меня сдал. Хотя я не особо удивился его признанию, каждый воспитан по-своему. Вот я бы очень переживал, посади я кого в силу малодушия, поведись на посулы уменьшения срока. В моем деле этих «признаний» нет. Я или соглашался с чужими показаниями в силу безысходности, или очень абстрактно описывал ситуацию. Да, конечно, ощущение разочарования в Давиде присутствовало, но зла на него не держал и не держу. А что прикажете — убивать его? Глупо… Не общаться? Тоже не особо умнее. Кстати, недавно моя группа «Динамит» выступала в гостинице «Советская» на дне рождения сына одного влиятельного бизнесмена. И в холле я встретил Бориса, как оказалось, приятеля этого бизнесмена. Мы выпили за встречу. Может, он и чувствовал какую-то неловкость, не знаю… Хотя уже столько лет прошло.

Вдобавок свидетельство Жукова уже не могло усилить состав моего преступления, тем более что операции с золотыми монетами и так фигурировали в деле. А уж где монеты, там и слитки — разница невелика. Удивительно, но, словно предчувствуя продолжение разбирательств, я сознательно говорил о своих сделках даже чуть больше, чем могли вменить в вину. Но всегда речь шла о неустановленных лицах, я никого не называл, обрезал информацию. Я уверял, что наша связь была односторонней и я знал людей только по именам. В это трудно поверить, но поди докажи обратное!

И по уму, и по правилам большинство моих признаний требовалось исключить из фабулы обвинения, ибо никаких реальных доказательств собрано не было. Кто, где и когда — только при наличии ответов на эти вопросы состав преступления может считаться доказанным. А иначе презумпция. Но *я* уже об этом говорил — страна беззакония…

В общем, я показания Жукова признал, да, что-то подобное имело место быть. Ряд вопросов касался старшего инспектора таможенной службы Орлова, который помогал коммивояжерам проносить золото и прочее запретное добро через границу. Он встречал гонцов, вытаскивал их из толпы приезжающих и приглашал в свой кабинет. Там якобы тщательно обыскивал и, ничего не найдя, отпускал на волю. После этого другой инспектор, понятное дело, уже не досматривал. Я признался, что слышал о нем и его противозаконной деятельности, но лично никогда не общался. В итоге Орлов — преступный чиновник, пособник контрабандистов — получил всего восемь лет; я говорю «всего» по сравнению с моей десяткой.

Что касается Адешина Фаволи, который лично покупал золото и которое мы сбывали вместе с Жуковым, то его

задержали с 17 кг драгоценного металла при выходе из гостиницы «Спутник». Куда уж больше! Свои контакты с нигерийцем я также признал, но подробности вспомнить не мог. Странная моя память: что было давно — не помню, что недавно — тоже далеко не всегда. Тюремную школу Фаволи также ограничили банальной восьмилеткой.

В Лефортово я несколько раз встретился с родителями, к визитам родственников там относились лояльно. Во время одного свидания я краем глаза увидел давнего знакомого Юрия Фомина, который сидел по аналогичному делу и куда-то шел по коридору. Воистину редкостный промах ГБистов: обычно никого увидеть случайно невозможно.

Несмотря на чистосердечное признание и на совпадение показаний, чекисты все-таки предъявили мне новое обвинение. Материалы относительно моих правонарушений выделили в отдельное судопроизводство, которые и рассматривал Мосгорсуд. И хотя в обвинении появилась новая статья «контрабанда», мне определили 8 лет, то есть в пределах ранее назначенного срока наказания. Зато само обвинительное заключение неимоверно распухло: с 25 до почти 150 страниц.

В Лефортово я провел несколько месяцев, в разных камерах и с разными людьми. Ханыг, синяков и прочих мелких преступных гегемонов там не держали, и большинство встреченных мною заключенных являлись весьма приметными людьми и приятными собеседниками, в речах которых каждое второе слово не являлось ни матом, ни жаргоном. Особенно мне повезло с двумя «товарищами», с которыми я как-то оказался наедине в достаточно просторной камере о восьми шконках. Едва я вошел туда, как немедля оказался в центре жаркого политического спора. С одной стороны выступал некто Макаренко (он же Ершкович, он же Хершкович, он же еще черт знает как), который ждал, когда напечатают его приговор. До этого знаменательного момента он отсидел здесь уже почти три года — столь затяжной характер носило его дело.

История его жизни оказалась не менее интересной, чем моя, хотя из услышанного сложно было понять, что правда, а что чистый вымысел и наглый авантюризм. Макаренко якобы родился в боярской Румынии и в 1941 году бежал с родителями оттуда то ли от фашизма, то ли соблазнившись советской пропагандой о «стране светлого будущего». Потом стал сиротой, попал в детдом, удрал оттуда на фронт и заделался сыном полка. И так далее, просто вереница сумасшедших приключений. Ныне же он обвинялся как в антисоветской деятельности, агитации и пропаганде, так в спекуляциях, аналогичных моим. В активе

Макаренко оказались статьи 74, 77, 88, 154 и другие — целый букет. Себя заключенный считал официальным лицом. Он, по собственным уверениям, являлся заместителем председателя центрального исполнительного комитета коммунистической партии «Трудящиеся за коммунизм». Самопровозглашенной и альтернативной, якобы созданной в СССР еще 1948 году и существующей в условиях жесткого подполья и конспирации. Его же личный арест спровоцировали письма альтернативных советских коммунистов в партии дружественных стран соцлагеря. Письма с просьбой о признании и материальной помощи. Вместо признания пришли с Лубянки.

Макаренко помимо идеологических диверсий занимался еще коллекционированием дорогих картин, которые в итоге конфисковали. Среди имеющихся у него работ встречались очень известные и ценные, например несколько полотен Шагала. Находилась в деле и переписка Макаренко с самим Пикассо! Картины являлись для Михаила одновременно и средством организации просветительской деятельности. Он устраивал выставки своей частной коллекции и в Новосибирском Академгородке, и в Питере, и вроде даже в Москве. Валютных ценностей Макаренко тоже не чурался, хотя и утверждал, что зарабатываемые средства тратил на нужды своей организации, то есть на благородное дело. В общем, печати негде поставить.

С Макаренко активно, хотя и уважительно, дискутировал другой весьма оригинальный постоялец Лефортово — Александр Покрещук. Известный ученый, с отличием окончивший МГИМО. Институт восточных языков, долго работавший в Японии и Китае. Его антисоветская агитация и пропаганда заключалась в издании в Западной Германии книги под звучным названием «Кучка авантюристов под маской марксистов» или что-то вроде этого. Книга содержала в себе весьма негативную информацию об основных деятелях коммунистической партии. Сообщались многочисленные отрицательные подробности практически обо всех членах верхушки. Брежнев, мол, получил высшее образование заочно, уже будучи первым секретарем партии, а Косыгин вообще учился на одни двойки. Приводился компромат — не берусь судить о его достоверности — и о личной жизни партбоссов, коррупции, сомнительных увлечениях, нетрадиционной сексуальной ориентации, внутрипартийных интригах и т. д. Покрещук считал себя настоящим марксистом и являлся категорически не согласным с проводимой КПСС внешней и внутренней политикой. Тем самым демонстрируя самое настоящее кондовое инакомыслие, даже покруче Макаренского авантюризма. А это уже требовало медицинской

экспертизы. И в Сербского его признали душевнобольным и по приговору суда гарантировали скорое принудительное лечение в закрытой лечебнице города Казани. В это же время там «лечили» другого известного диссидента — бывшего генерала Григоренко, во многом единомышленника Покрещука, автора множества работ по военной теории, орденоносца и т. д. В первый раз Григоренко попал в ту психушку за критику «неразумной и часто вредной деятельности Хрущева и его окружения» и создания «Союза борьбы за возрождение ленинизма» в составе 13 человек. После падения Хрущева его выпустили и в 1969 году посадили во второй раз за выступление в качестве свидетеля защиты на процессе диссидентских лидеров в Ташкенте.

Забавно, если можно так выразиться, что арестовали Покрещука случайно: на Калининском проспекте его приняли за какого-то мошенника. При личном же обыске нашли рукопись, которую, по заключению экспертизы, признали антисоветской. А потом уже всплыла и немецкая книга.

Хотя формально оба моих соседа являлись «антисоветчиками», они стояли на разных политических платформах и яростно их защищали. Я вставал то на одну, то на другую сторону, но чаще всего имел особое мнение. А потому наши дни проходили в ярких и жарких дискуссиях. Хотя и без рукоприкладства. Даже не хватало дня, дебаты продолжались глубоко за полночь. Нам стучали в двери, требуя прекратить разговоры, запрещенные после десяти вечера. Мы нехотя подчинялись, а утром все возобновлялось. Михаил Макаренко получил восемь лет — совсем немного для его «букета», потом эмигрировал в Германию и выступал ведущим в русской службе «Немецкой волны». В 1971 году его дело широко освещалось советской прессой, помню как-то на Красноярской зоне в «Литературной газете» я увидел знакомую хитрую физиономию. За решеткой. Какое-то время мы даже переписывались. Судьба Покрещука мне неизвестна, его дело основательно засекретили. Возможно, закололи его «успокоительными», гады!

Новый год я встречал в Лефортово, в маленькой камере. Ни одного лишнего предмета или продукта, ни радио, ни телевидения — ничего, что напоминало бы о празднике. В 10 часов отбой. Я сначала решил дождаться, когда стрелки дойдут до 12, а потом подумал: ну и что же за праздник я буду отмечать? Что хорошего может меня ждать в новом году? Выжить бы, да с ума не сойти. С этими позитивными мыслями и уснул.

Кстати, на зоне Новый год уже отмечается и официально — булочкой белого хлеба, компотом, лапшой с тушенкой, и неофициально — кто во что горазд. Даже и шампанское

случается. А еще через семь дней, 7 января 1971-го, когда исполнился ровно год с момента ареста, я уже мысленно поздравил себя незатейливой присказкой: «Год прошел — ближе к смерти и свободе».

Стройка века

Из Лефортово в пересыльную тюрьму я уже не попал — по спецнаряду меня доставили напрямую на вокзал. Поздней весной 1971 года я повторно проделал уже пройденный путь до Красноярска и оказался на его окраинах, в индустриальном поселке. В зоне «Красноярск-27». Почти одновременно со мной туда пришел и ее новый начальник — полковник внутренней службы Ротов Илья Иванович. Он доблестно прослужил всю войну, затем долго работал в органах оперуполномоченным, а с 1958 года начал делать карьеру в ИТК Красноярского края с простого начальника отряда. Затем стал замом ИТК-9 и уже потом к нам попал. Точнее, я попал к нему.

Этап в зону происходит 1–2 раза в неделю по графику с целью соблюдения среднесписочного количества, ведь именно оно определяет план, бюджеты и прочие важные экономические показатели. А со времен Сталина зэков все еще рассматривали как эффективный и практически бесплатный инструмент экономического роста. Трудовое перевоспитание — вот как красиво звучит!

На этот раз нас набралось человек 15, приехали, сдали свои вещи и отправились в баню. После помывки получаешь спецодежду установленного образца (если твоя собственная спецодежда несильно отличается от стандартной, ее разрешали оставить), постельные принадлежности и идешь в санитарный блок. И ждешь распределения по отрядам. Нас мариновали почти три дня, а потом по одному начали вызывать в кабинет начальника НТК, где помимо него находились его заместители, начальники отрядов и представители различных служб. Входишь, представляешься, называешь статью и срок, отвечаешь на вопросы. Обычно — что окончил, какая специальность, где работал. Если ты что-то путное умеешь, то направляют в отряд, где существует потребность в подобного рода специалистах. Я же ничего особо полезного не умел. И хотя высшее образование довольно-таки редкое явление для зоны, меня отправили в общий строительный отряд.

Тем же днем я наконец смог осмотреть новую территорию моего вынужденного проживания. Для начала меня поразили ее размеры, количество зданий и корпусов различного назначения. Несколько десятков, в том числе 3-, 4-этажные корпуса для осужденных. Снаружи обнесенная заборами и инженерно-техническими сооружениями, изнутри зона представляла собой единое целое. Лишь впоследствии целое стали делить на

локации, что стало затруднять общение с заключенными соседних бараков, только через решетку. Или если идешь в баню, на обед, в клуб. А раньше гуляй по территории, тусуйся, где душе угодно. Довольно-таки интересно, а по сравнению с тюрьмой — полная благодать.

В моем отряде насчитывалось около 100 человек, а всего примерно в 20 отрядах парилось более 3 тысяч. Я надеялся найти знакомых, и мне это удалось практически в первый же день: издалека я узнал могучую фигуру Коли Панова, бывшего стюарда авиалиний Москва — Баку, 25–27 лет от роду. Веселый парень, невероятных физических данных, он сидел по похожему обвинению. Через него шел золотовалютный транзит в солнечный Азербайджан, граждане которого на удивление активно (хотя бы по сравнению с другими народами Закавказья) работали на этой преступной ниве. Он тоже хорошо знал Алика Зейнаева и других крупных дельцов. Стюард отбыл на зоне почти полгода, основательно освоился, стал одним из лидеров московского землячества. В которое попал и я, и не только по прописному признаку — я был им весьма интересен как личность. Покровительство Николая оказалось весьма на руку и спасало меня в некоторых сомнительных и щекотливых ситуациях. Но, возможно, еще полезнее оказался мой контакт с одним из местных парней — Олегом, проживавшим до зоны в Красноярске. Это ведь москвичей и питерцев раскидывают по всей стране, а других обычно далеко от дома не отправляют. Мы подружились, стали кентами, кушали вместе, вместе по-мелкому химичили, дабы слегка украсить нашу серую жизнь.

Зона строила крупный объект комсомольской ударной стройки — КРАЗ, Красноярский алюминиевый завод. Его первую и вторую очереди. Причем на каких-то участках только начинался нулевой цикл, а где-то уже стояли возведенные огромные двух— и трехэтажные корпуса, и работы носили отделочный характер. Тот самый завод, который потом пытался откусить в период приватизации Толя Быков и которым слегка подавился. И члены чьей группировки потом сидели в том же ИТК-27. Вот такие парадоксы истории. Еще незначительная часть заключенных строила местную ГРЭС, но основные силы оказались сосредоточены именно на заводе. Режим дня был такой: подъем в 6 утра, затем завтрак, в 7.15 развод на работу. После переклички мы садились в большие машины типа трейлеров, только с окнами и с решетками на окнах. В каждый набивалось по 50–70 заключенных, и процессия из 30–40 машин медленно выезжала за пределы зоны на шоссе, двигалась окраинными поселками и останавливалась на территории строительства. По периметру

стройплощадка занимала несколько километров, и к началу работ происходило ее полное оцепление. В основном наблюдение шло с вышек, установленных через каждые сто метров, а то и чаще. Вот мы выгрузились из машин, опять проверка, и на работу. Восьмичасовой рабочий день, и снова нудная перекличка. То есть за день нас пересчитывали минимум четыре раза. Если кого-то недосчитывались, то отправлялись его искать по всей стройке, и обычно этот «недосчет» не означал побега — просто напился зек пьяным и валяется где-нибудь. Или очень устал и почти беспробудно уснул. И хотя сирена орала истошно, как во время немецких бомбардировок, ничего не слышал. Побег я помню лишь один раз, через два часа нашего стояния в колонах его констатировали, найдя следы на контрольной полосе.

Благодаря Олегу, моему местному авторитетному приятелю, я смог установить хорошие контакты с нашим бригадиром. Причем настолько хорошие и доверительные, что за пять месяцев на Красноярской зоне я ни разу не дотронулся до лопаты или кирки. Не работать на стройке могли либо «за авторитет», либо за деньги. Я, понятное дело, больше брал вторым. Стартовую авансовую сумму родители оперативно переслали, а дальше услуги бригадира оплачивались из «заработанных». Например:

При выполнении нормы плана бригадир тебе закрывает нарядов на 160 рублей. Если же ты условно «вкалываешь с перевыполнением», например на 200 рублей, то 80 идет зоне за «постой», а 120 на твою карточку, на лицевой счет. После налогов остается 100. Из них 50 — тебе, а 50 — бригадиру. Думаю, в подобном сговоре участвовало не более 10 процентов всех заключенных, ведь и строить объект тоже требовалось. Далеко не все умели найти «пути» к бугру, еще меньше могли грамотно реализовать схему перегона денег домой и обратно. Ну а некоторые работоманы просто вкалывали как слоны и домой уезжали богатыми людьми. Как раз перед моим приходом в зону оттуда освободился один такой работяга, за два года напахавший на 5000 рублей!

Это оказалось неожиданным открытием: подневольным трудом можно заработать относительно неплохие деньги. Не такие значительные, как на валютных операциях, но подчас побольше, чем в НИИ. При этом лишь максимум 15 рублей ежемесячно позволялось потратить в магазинчике-ларьке: базовая сумма в 9 рублей + 4 рубля производственных (если норму выработки выполняешь) + 2 поощрительных, если хорошо работал, не нарушал порядок. В общем, негусто, да и позволялось всего две продуктовых передачки по 5 кг в год. В тюрьме же — каждый месяц. Однако условия и возможности для качественного

питания здесь оказались гораздо лучше. Стоило лишь приложить немного ума и фантазии, правильно учитывать местную специфику.

А специфика состояла в том, что, когда оцепление снимали, на территорию строящегося объекта мог зайти любой. И спрятать в одном из многочисленных укромных мест водку, деньги, еду — да что угодно! Конечно, требовалось иметь связь с местными. А еще требовалось иметь деньги, причем не на карточке, а живые. Отработанная финансовая схема была такова: с карточки деньги переводились в Москву родителям, затем шли обратным телеграфным переводом вольному жителю Красноярска, а потом уже переправлялись мне. Как правило, вольнонаемными, которые трудились рядом с нами. И хотя по всей стройке шныряло человек 50 надзорсостава, срочники и сверхсрочники, хотя вольным строго-настрого запрещался контакт с заключенными, засечь многочисленные нарушения не представлялось возможным. Да и зачем, если это всем выгодно?

Отоваривались деньги теми же вольнонаемными или в лагерных ларьках, где работали заключенные. При стандартных «безналичных» операциях они ничего не зарабатывали, а тут продавали товар из-под полы — скажем, чай не по государственной цене в 38 копеек, а по рублю — и неплохо на том зарабатывали. В общем, спекуляция похлеще, чем на воле, только цены выше за счет риска и безальтернативности. Чай в зоне вообще на вес золота, местная валюта. И сахар в цене. Ну и водка, конечно. В мелком бизнесе участвовали и контролеры, и надзиратели. Это было всегда и всегда будет. Таков человек, такова Россия.

В Красноярской зоне я неплохо устроился и в бараке, и на стройке. Моя кентовка жила в теплом и светлом углу, рядом с окном. Хозслужащие-шныри и просто шестерки таскали нам с кухни еду — иногда за деньги или за «я боюсь». На стройке жилось ничуть не хуже: я с «семьей» выбил себе так называемый балок — вагончик с печкой, лежанкой и укромными местами, где всегда хранились затаренные продукты и спиртное — водка и даже коньяк. Кое у кого во время набегов контролеров, когда балки взламывались, находили наркотики, но мы этой дурью и дрянью не баловались. Наш балок, кстати, вообще не трогали — столь сильная существовала поддержка с воли.

Вообще в местах заключения, так же как и на воле, все определяется твоим поведением, твоей сутью. К тебе присматриваются, тебя вычисляют. Кто ты — бомж и бродяга, бандит или солидный человек? Как ты себя поведешь в критической ситуации? Как делишься продуктами, как играешь в

карты, как отдаешь долги? При этом тюрьма, как относительно мимолетный этап для большинства, не особо располагает к выстраиванию отношений, к дружбе… Даже если и возникнет, то проходит несколько месяцев и вас раскидывают по разным зонам. Вдобавок ухо постоянно надо держать востро: а может, это и не друг вовсе? А может, разговор по душам лишний год добавит?

В зоне же, где проводишь большую часть срока, дружба может стать крепче, основательнее. Возникают отношения, появляются действительно близкие люди, которые поддержат и заступятся. И кое-кто из них остается с тобой и на воле. Но разные интересы и социальный статус, занятость, географические границы — лично мне все это мешало сохранению общения.

А в целом же твое окружение в тюрьме и на зоне — безликая серая масса. Например, за восемь лет первого срока, если учесть, что списочный состав меняется в среднем раз в три года… Значит, прошло 7–8 тысяч человек. И иногда во вполне респектабельных компаниях ко мне подходит вполне солидный господин и говорит:

— Юр, а помнишь, мы вместе…

Нет, как правило, не помню…

Приезжали и родители, опять поохали, принесли денег и посоветовали беречь себя. Я прощался с ними и думал, что Москву увижу еще очень нескоро. И я ошибался. Как-то по радио объявили мою фамилию и приказали «явиться к зам. начальника колонии через 15 минут с вещами». Я явился: что изволите? Да ничего особенного, просто меня отправляли этапом обратно в Москву, одним из главных свидетелей по делу Жукова. На его суд. Но не только за этим. Параллельно против меня дали показания несколько валютных проституток, пойманных за мелкие грешки, и здесь тоже требовались очные ставки и прочая ерунда.

Сам судебный процесс я запомнил плохо, никакой особой интриги не присутствовало и в помине. Я вяло безучастно подтверждал ранее сказанное и признанное самим Борисом. Я в очередной раз дивился бессмысленности расходования государственных средств, ведь все мои признательные показания уже имелись. Морально я уже готовился отправиться в Красноярск по третьему кругу, но отправка задерживалась. Оказывается, все это время мои родители хлопотали о моем более близком к дому распределении, и это им удалось. Меня отправили в Тулу.

Бунтарская зона

Тульская зона неплохо благоустроена, самая ближняя к Москве, в чем-то даже образцовая. И показательная. Иностранцев по линии тюремных дел всегда возили именно туда — ровные асфальтовые дорожки, все чисто и аккуратно (конечно, за несколько дней до подобных визитов местный спецконтингент чуть ли языком не заставляли все вылизывать, даже траву красить). А недавно, слышал, сам Карпов там сеанс одновременной игры 12 зэкам давал. В общем, внешне все казалось весьма уютно — этакий пионерлагерь за решеткой. Но внешность обманчива. В отличие от молодой Красноярской зоны, еще не успевшей обзавестись историей, местное ИТУ существовало десятилетия, и кое-кто из заключенных старался сохранять классические воровские традиции. Это приводило к частым конфликтам, даже бунтам. Незадолго до моего приезда по зоне прошла очередная буча против нумерации каждого зека и его одежды личным номером. Вообще-то, до 80-х годов каждый из заключенных имел свой порядковый номер, который обязан был помнить в любое время суток и в любом состоянии. Эту система регистрации, возможно, переняли в немецких концентрационных лагерях. Когда зек «отыграл на рояле» в оперчасти (сдал отпечатки пальцев), ему присваивался номер, к примеру Г-357. Этот номер выводился мелом на темной дощечке, которую вешали на шею. В таком виде он и фотографировался для тюремно-лагерного архива. А дальше заключенному выдавались четыре белых полоски материи размером восемь на пятнадцать сантиметров, и эти тряпки он нашивал себе на места одежды, обозначенные администрацией. Любопытно, но единого всероссийского стандарта не существовало: номера могли крепиться в разных местах, но в большинстве случаев — на левой стороне груди, на спине, на шапке и ноге (иногда на рукаве). На ватниках на этих участках заблаговременно проводилась порча. В лагерных мастерских имелись портные, которые тем и занимались, что вырезали фабричную ткань в форме квадрата, обнажая ватную подкладку. Беглый зек не мог скрыть это клеймо и выдать себя за вольняшку. Бывало, что место под номер вытравливалось хлоркой. Служебная инструкция требовала окликать спецконтингент лишь по номерам, забывая фамилию, имя и отчество, стирая индивидуальность. При этом начальники отрядов часто сбивались, путались в трехзначных метках и порой переходили на фамилии. В помощь надзирателям на каждом спальном месте зека прибивалась табличка с номером и

фамилией. «Вертухай» мог зайти в барак среди ночи и, обнаружив пустую койку («чифирит где-то, падла»), просто записать номер, а не пускаться в длительные расспросы. В конце 80-х годов с началом исправительно-трудовых реформ нумерация зеков отошла в прошлое. «№ Г215» стал «осужденным Петренко», а «гражданин начальник» мог называться «Николай Алесанычем».

Но тогда, в уже далеком 1971 году, нумерация практиковалась практически повсеместно, и в нашем ИТУ лишь несколько десятков отрицательно настроенных осужденных активно выступало против такого «оскорбления личности». Их сажали в штрафные изоляторы и помещения камерного типа, но утихомирить не могли. Зона разделилась на враждующие группировки, и начались кровопролитные стычки. Ну а я без вопросов надел номерную «форму», я даже не знал об этой подоплеке. В курсе ситуации оказались лишь некоторые местные, и если они искали «авторитета», то отказывались надевать номерную одежду уже на распределении. И тоже прямиком попадали в штрафной изолятор. А то и в пресс-хату, где постоянно сидело несколько жутких головорезов с задачей усмирения непокорных. В зону они не выходили: замочили бы гаденышей сразу, зато в своей камере зверствовали беспредельно. После избиения они обычно начинали насиловать бунтовщика, на чем его блатная карьера заканчивалась.

Блатные с зоны, в свою очередь, всячески отыгрывались на новичках, не упуская возможности придраться к ним. Например, если во время прохождения этапа в карантине его привлекали к благоустройству контрольно-смотровой полосы или ремонту ограждений зоны. Это провозглашалось «западло», и потом вполне могли предъявить: «Непутевый, не пацан, укреплял нашу тюрьму». И некие, зная об этих нравах, отказывались от этих работ и тоже попадали под прессинг администрации. Я же безболезненно прошел распределение, в тот период провокационных заданий не было. Но по-любому не стал бы от них отказываться и строить из себя матерого авторитета. Еще раз хочу поблагодарить Бога, в которого, впрочем, не особо верю, что он берег меня все эти годы в заточении. Тюрьмы, пересылки, зоны, в том числе мордовская «мясорубка» — мало кто проходит такой длинный путь без серьезных стычек, мало у кого, если побрить ему голову, не окажется там шрамов и ссадин. Я же лишь пару раз попадал в мелкие бытовые драчки — повздорили и потом помирились. Да еще как-то стал жертвой нападения одного сумасшедшего: пока спал, он ранил меня в грудь осколком стекла. Видно, очень хотел уйти с нашей зоны, вот и принялся вытворять черт знает что. Одного ударил, другого, третьего — в

ответ ребята очухались и начали его дружно лупить. Примчалась охрана и забрали маньяка. Ну, в такую переделку можно и на улице попасть.

Конечно, мое уважительное, но независимое поведение, знание психологии, контактность сыграли важную роль в процессе адаптации в этих тяжелых условиях. Но с таким количеством шизофреников, уголовников, беспредельщиков лишь этим объяснить мою «неприкосновенность» сложно. Все-таки мне везло, если можно назвать везением почти два десятилетия за решеткой.

В Тульской НТК я попал в цех по производству переключателей мощности для электроплиток. Тумблерами их называют, что ли? Работенка нудная, однообразная, но непыльная. Делаешь несколько однообразных движений, под нос себе напеваешь. Достаточно долго работал как все, никаких привилегий не имел. Вроде и понимал, что способен на большее, но или я не выпячивал свои таланты, или их никто не замечал. Периодически писал ходатайства о помиловании, да и мои родители активно атаковали Президиум Верховного Совета. Один из маминых однополчан, некто Коровин, на мое счастье оказался заведующим отделом рассмотрения прошений о помиловании. Вроде вот оно, как на тарелочке с каемочкой, столь заветное знакомство! Да уж статья больно тяжелая и неподъемная, больно антигосударственная — вначале даже слушать ничего не хотели. Но вода камень точит, так, наверное, и матушкины слезы растопили чиновничье сердце: общий срок снизили на год — до 9 лет. Всего лишь на год и одновременно на целый год. Фактически вернули целый год жизни. И это был праздник!

Тем временем пошла вверх и моя карьера: из работника цеха я поднялся до нарядчика в заводоуправлении. Инженерная должность, основные функции которой — учет и организация труда. Ежедневно я следил за списочным составом, точно знал, кто находится в каком отряде и в какой бригаде, какой срок и за что получил. По запросу начальников я мгновенно выдавал информацию, где сейчас находится тот или иной заключенный — в изоляторе, больничке или на работе. Если на работе, то где именно, что делает, каковы его трудовые показатели. Славно пригодилось мне статистическое образование!

Мне выделили отдельный кабинет, который я вскоре увешал графиками оперативных сводок, цифрами вывода на работу, производительности труда и прочими численными характеристиками. И эта работа у меня получалась лучше, чем у многих опытных хозяйственников, которых в зоне тоже хватало: и по шумному делу магазина «Океан», и по незаконному вывозу

алмазов в Израиль… Хотя зарплата, конечно, оставляла желать лучшего, совсем как у рядового советского инженера — 120 руб. Вдобавок половина зоне отдавалась.

Относительно высокая должность повлекла за собой и определенные жизненные льготы, которые в любой зоне имеют лишь несколько наиболее весомых в структуре заключенных. Я обедал отдельно, значительно вкуснее и питательнее остальных, иногда самостоятельно готовил в кабинете на маленькой электрической плитке. Даже пиры устраивал! В моем меню всегда присутствовали дефицитные продукты, ну, не ананасы, конечно, но их и на воле тогда не водилось. Однако и волос из жидкого супа не вылавливал, а желудок никогда голодно не урчал. Через вольнонаемный состав я активно контактировал с волей, а водки и колбасы иногда просил принести даже старшего надзирателя. Нарядчики, которые находились в моем подчинении, могли провести человека из одной части зоны в другую, из жилой в производственную. И не одного, а с грузом… Понимаете, какую из этого можно извлекать выгоду?

Руководство зоны не обращало внимания на мелкие злоупотребления нарядчиков, и их привилегированное положение легко объяснялось. Именно посредством нарядчиков администрация использует труд заключенных в личных целях. Например, начальник колонии имеет автомашину «Волга», которую надо починить, не будет же он платить за ремонт государственному автосервису?! Он загонит личное авто в зону, в особый боксик, где местные слесари-умельцы все сделают в лучшем виде. Сделают и начальнику управления, и прокурорам, и просто знакомым руководства зоны. Особенно это касается бесконвойных, мастерство которых вовсю используется на благо руководства. Это и строительство, и ремонт, это и поделки — тюремные промыслы. Шашки и шахматы, ручки, ножи, зажигалки — голь на выдумки хитра. И себе в дом, и большому человеку подарить, может, и на рынке продать. Ширпотреб — совершенно отдельная тема в жизни зоны, один из источников денег и поблажек, и если ты рукаст, то не пропадешь. Конечно, в привилегированном положении находится человек 15–20, не более. Им закрывают наряды за счет основного производства, и они живут как в шоколаде — ни проверок, ни режима. У меня дома, кстати, хранятся красивейшие шахматы, которые сделал сам, под руководством одного великого умельца. Обязательно найдите их среди иллюстраций к этой книге и оцените!

Печорская эпопея

Тем временем зима сменяла осень, летняя фуфайка замещала зимнюю телогрейку, вот и приблизилась 2/3 срока, а значит, и потенциальная возможность уйти *в* колонию-поселение. Условно досрочному освобождению я не подлежал, стройкам народного хозяйства (или «химии») — тоже. Ну а на поселение вполне мог рассчитывать. Местный нарсуд мое ходатайство удовлетворил, и я отправился по этапу в Печору. Туда свозили со всех колоний Тульской области, поэтому на вокзал я ехал буквально на одной ноге — столь тесно набили наш воронок. Но никто не жаловался и не скулил: скоро наш статус изменится в лучшую сторону! Из Тулы в Ярославль, затем в Котлас. Местная пересылка мне показалась худшей из увиденных. Уже потом я прочел воспоминания о ней Александра Солженицына:

«Эта пересылка всегда была напряженней и откровенней большинства. Напряженней, потому что открывала путь на весь Европейский русский северо-восток, откровенней, потому что была уже глубоко в Архипелаге и где не перед кем хорониться. Это просто был участок земли, разделенный заборами на клетки, и клетки все заперты. Хотя здесь уже густо селили мужиков в 1930, однако и в 1938 далеко не все помещались в хлипких одноэтажных бараках из горбылька, крытых… брезентом. Под осенним мокрым снегом и в заморозки люди жили здесь просто против неба на земле. Правда, им не давали коченеть неподвижно, их все время считали, бодрили проверками (бывало там двадцать тысяч человек единовременно) или внезапными ночными обысками. Позже в этих клетках разбивали палатки, в иных возводили срубы высотой в два этажа, но чтоб разумно удешевить строительство междуэтажного перекрытия не клали, а сразу громоздили шестиэтажные нары с вертикальными стремянками по бортам, по которым доходяги и должны были карабкаться, как матросы…».

Я, конечно, таких ужасов уже не застал. Гнусно, тоскливо, но жизни и здоровью ничего не угрожает. Наконец, прощай, Котлас! По узкоколейке в двух вагонах мы тронулись на Воркуту. Кругом зоны, зоны, зоны, все время кто-то выходит — Ухта, Княжпогорск, еще какие-то городки. Наконец, прибыли в совсем еще молодой городок Печору, перекантовались недельку в местной пересыльной тюрьме и…

Утром нас вывели за ворота, человек 20 или 30, посадили в старенький скрипучий автобус и повезли к речному порту. Мы смотрели в окна и очень радовались. А знаете чему? Вовсе не

окружающим незатейливым пейзажам, а тому факту, что на этих самых окнах не было решеток! Мы смотрели на свободу, как свободные. Или почти свободные. В речном порту мы долго ждали катер, и потом кто-то сообразил, что можно уже, не скрываясь, извлечь свои нычки и даже отовариться в местном ларьке. Откуда только не доставали вчерашние зеки свернутые в трубочку купюры! Их прячут в подошвы ботинок, вшивают в пояса и воротнички. Их глотают на время проверок, предварительно завернув в целлофан, и даже засовывают в такое место, о котором и говорить не хочется. Многие настолько искусно овладевают умением надежно спрятать свое богатство, что попадаются крайне редко. Впрочем, поскольку обыски обычно производятся очень быстро и в массовом порядке, это не так и сложно. А если и попался, иногда можно откупиться, поделив находку по-братски.

Я, хорошо помню, купил свежие сдобные булочки с изюмом и с аппетитом их уплел за обе щеки. Какие вкусные! Белый хлеб в зоне видишь нечасто, а уж про сдобу и думать нечего. Только мечтать. Сотоварищи на мое кушанье смотрели ухмыляясь, как, наверное, смотрят на малого ребенка, лакомящегося конфетками. В большинстве своем они уже прикупили водочки и отмечали долгожданное событие. Наконец пришел катер, полный вольных пассажиров, и мы расположились среди них всего лишь с одним сопровождающим. Наверное, нам хотелось показать им, что мы равные, не приниженные, не забитые. Мы громко смеялись, шутили и даже что-то пели. У места нашей высадки пристань еще только строилась, и катер долго ждал посредине реки, пока появится баржа. Сначала мы взобрались на нее, потом пересели на весельные лодки и уже на них десантировались на берег. Очень холмистый и скользкий. Пытаясь подняться по крутому склону, некоторые, уже пьяненькие, скатывались вниз под гогот остальной братии. А вообще-то радоваться оказалось особо нечему: очень сыро, куча комаров, наверху на поляне несколько срубов, сарайчик с электрогенератором, условная столовая и большие армейские палатки. Разве что название неплохое — Березовка.

Мы являлись свежим пополнением к 50–60 поселенцам, которые уже жили там и вели нулевой цикл строительства новой зоны. Сейчас, говорят, помимо колонии построен и большой поселок, и нормальный причал. А тогда — ну полная глухомань. Медвежий угол! Помимо нас на территории поселения жили начальник, дежурный помощник, да парочка надзирателей. И, может, еще несколько вольнонаемных. Вот, пожалуй, и все население.

Стоял октябрь, весьма прохладный, но солнечный. И первым

делом мы поехали на лодках в близлежащий поселок Усть-Вой, некогда город, да уже наполовину вымерший. Множество домов грубо заколочены, на улочках непролазно грязно, крохотный аэропорт для кукурузников зарос бурьяном. Уныние и упадок. Но мы ехали не городскими красотами любоваться, а закупить водки и немного закуски. И вечером состоялась грандиозная пьянка, на которую администрация попросту закрыла глаза: понимали наши чувства. Но праздник прошел, и на следующее утро нас отвели на место работы:

— Ну, Айзеншпис, и что же ты умеешь делать?

— Да ничего особо не умею. Могу нарядчиком работать.

— Здесь нужно работать руками, и не просто работать, а вкалывать. Не можешь — научим, не хочешь — заставим. Ты все понял?

Я понял прежде всего, что мне здесь шибко не нравится. *Я* ожидал цивилизованных условий, а эти совершенно дикие и лесные. Я ожидал интересной работы, а здесь просто переноска тяжестей. В общем, с одной стороны — нечего ловить. А с другой — я ведь не вольный парень, просто так плюнуть и уйти не могу. Но, видимо, эта дилемма имела решение, и подобные мысли одолевали не только меня: при списочном составе поселения человек в 80 в бегах находилось не менее 15. Ну, одним больше, одним меньше. Беглецов особо не искали, но если они случайно попадались, их сначала отправляли в штрафной изолятор, а потом по приговору суда могли и в зону закрыть. Если же отсутствие в поселении квалифицировали как побег, то могли и срок добавить. Но побегом это считалось только при условии, что поселенец покидал административную территорию Печорского района. То есть если беглеца ловили за его пределами.

И я решил бежать, но не совсем на «авось», а обладая определенной информацией. В это же поселение несколькими месяцами раньше распределили одного моего приятеля по Тульской зоне, и я точно знал, что он самовольно покинул это гнилое место. А затем как-то сумел легализоваться и остаться жить в Печоре. Значит, такой путь в принципе существовал, и я хотел его повторить.

Натаскавшись носилок с землей и заработав стертые ладони и боль в пояснице, на следующее утро я пришел к начальнику поселения и сообщил, что мне нужно в больницу.

— Что, родовые схватки начались?

Я проглотил его дурацкий юмор:

— Вовсе нет, отнюдь. У меня алопиция очаговая, а ежели по-латыни, то alopecia areata. И ее надо срочно лечить.

От этих непонятных слов начальничьи зенки аж из орбит

повылезали, что еще за ужасный диагноз? На самом деле это означало, лишь когда волосы на голове очагами выпадают то ли от неправильного обмена веществ, то ли на нервной почве. В Тульской областной больнице, расположенной как раз через дорогу от зоны, меня осматривали и сказали, что существуют методы лечения. И ими стоит воспользоваться, если я не хочу вообще всю шевелюру «под ноль» потерять. Но начальник поселенцев алопицию за серьезную проблему признать отказался и сразу же озлобился:

— А, так ты приехал сюда болеть! Так знай, я здесь и доктор, и прокурор, и могильщик. Что захочу, то и сделаю с тобой. Такую работку подыщу, сразу вылечишься.

А я не люблю, когда мне угрожают и по-хамски общаются, и начал было возмущаться, но собеседник вообще вошел в раж и принялся нести уже полную ахинею. Лечить стоило не только меня — этот гусак явно страдал манией величия. Что ж, это только укрепило меня в решении поскорее покинуть эту дыру. И надо было поторапливаться, если не хотел здесь встретить зиму. Не хотел.

Торопилось и руководство Печорспецлеса, стараясь завезти стройматериалов по максимуму, дабы обеспечить выполнение объема работ на ближайшие месяцы. Скоро начиналась шуга, скоро начнет замерзать река. А значит, если не успеть сейчас, придется ждать зимника, а доставка по нему уже куда дороже и неудобнее, чем по воде. Поэтому к нам каждый день приходило по несколько барж, и поселенцы в основном занимались их разгрузкой. И вот на одной из них, уходившей под вечер, я с попутчиком решили «валить отсюда». Или, как еще принято говорить, «себя амнистировать». Благо работали на барже те же поселенцы, только приписанные к Печоре, и за несколько бутылок водки они спрятали нас в дальнем закутке трюма. Мы затаились, как мыши перед приходом кота. Но контролер детальным осмотром себя не утруждал, лениво посветил в темноту, прокричал:

— Живые есть? Мертвые есть? Отплывай!

Когда баржа отплыла, мы выползли наверх и немного попировали. А через 9 часов уже выбрались из баржи в порту города Печора. Было часа два или три ночи, темень и глушь. Куда идти? Видя наши затруднения, «коллеги» предложили переночевать в каком-то сарайчике недалеко от порта, еще всего-то за бутылку с носа. И новоявленным беглецам ничего не оставалась, как провести остаток ночи на каких-то тюках, а наутро каждый пошел своей дорогой.

Лично я отправился на поиски домика-балка, где проживал

мой товарищ, вышедший на поселение на несколько месяцев раньше. Тот самый, чей пример оказался столь заразительным. Володя Рогачев отсиживал 15 лет за убийство неверной жены, о чем, впрочем, ничуточки не сожалел. Талантливый художник, он и в Тульской зоне работал оформителем, и здесь работал по профилю, выполнял заказы на агитационные и учебные плакаты. Рисовал и портреты руководства, и красивые пейзажи, которыми украшали жилища. Еще и кустарничал: вырезал из дерева какие-то фигурки. Меня он принял радушно: живи, сколько надо, меня не стеснишь. А вот каким образом можно устроиться в Печоре, он не знал, сложный вопрос, так сразу и не ответишь. Из Печоры я позвонил домой и сумел получить срочный денежный перевод, вот не помню точно, на мое ли удостоверение поселенца или на чье-то другое имя. С деньгами я почувствовал себя увереннее и для начала решил нормально одеться. И для себя, и для конспирации. В условиях тотального советского дефицита в городке существовали так называемые УРСы (управления рабочего снабжения), куда по контрактам за лес из Японии и Финляндии поступали вполне приличные шмотки. Ну и я основательно прибарахлился. Потом сходил в лучший местный ресторан, в баньке попарился, даже в кинотеатре какую-то комедию посмотрел.

По городу я гулял достаточно спокойно, догадывался, что наверняка еще не объявлен в розыск. Ну убежал, с кем не бывает, первые 3–4 дня начальник колонии-поселения или старший контролер ничего никуда не сообщают. Уверены, что в поселке у какой-нибудь одинокой бабы завис или тихо пьянствует. Вернется, получит втык. Сообщают о пропаже обычно на 7-8-й день. Эта сводка передается в управление, но управление тоже не начинает розыск, шума им не нужно, и министерство они не информируют, дабы не портить статистику. Знают: из этих мест очень сложно уйти без документов, всего одна ж/д ветка Котлас-Воркута, на станциях и по вагонам ходит патруль и почти у всех паспорта проверяет. Возможно, и сейчас ничего не изменилось. Какие-то вялые меры к розыску, возможно, и принимаются, но по опыту уже известно: или пьет беглец, пока деньги не кончатся, и тогда вернется сам, или совершит преступление, и его поймают.

В общем, несмотря на изрядную провинциальную захолустность, жизнь в Печоре протекала куда цивильнее и приятнее, чем в Березовке. Но ее еще надо заслужить! Пока же никаких конкретных путей собственной легализации я не видел. Оставалась последняя надежда — найти еще одного шапочного знакомого, который, освободившись, остался здесь жить и наверняка имеет какие-то связи. Я поехал по его адресу, не

будучи уверенным, что запомнил его точно. А листик с координатами потерялся на барже. Дом то ли 32, то ли 23. Улица то ли Советская, то ли Социалистическая. В общем, делать нечего, сел в городской автобус, который ехал на Социалистическую (благо Советской в городе почему-то не оказалось). Рядом со мной сидела женщина, которую я расспрашивал, сколько еще остановок осталось, еще какие-то вопросы задавал. Женщина любезно отвечала и завела ответный разговор. Она мной заметно заинтересовалась, а почему бы нет: вполне милый и интеллигентный, хорошо одетый. По всему приезжий, скорее всего столичный житель. В крайнем случае — из Ленинграда:

— Простите за любопытство, а что вы ищете на Социалистической? Тут в основном частный сектор…

— Вообще-то я сюда приехал на заработки, я инженер-экономист, ищу ваше местное ЦСУ.

— Но на Социалистической нет такой конторы…

— Мне сказали, что есть…

— Да я здесь с рождения живу, нет, вы ошиблись…

(И чего привязалась):

— Ну не знаю, поищу…

— Хорошо. А если что, заходите на чашечку чая, я живу на втором этаже в доме как раз напротив остановки.

Мы вышли из автобуса, я поблагодарил попутчицу и отправился на поиски. Ни в 32-м, ни в 23-м номерах домиков про друга-поселенца я ничего конкретного не разузнал. Вроде где-то поблизости жил с такой фамилией, да недавно женился и куда-то переехал. А может, и не он это вовсе… В общем, мало чего вразумительного и утешительного. И что теперь делать, куда идти? Идти мне было некуда. Точнее, только к Ларисе — так звали мою новую разговорчивую знакомую. А номер ее квартиры я запомнил правильно? Слава богу, да:

— Здравствуйте. Извините за вторжение. Вот, решил воспользоваться вашим милостивым приглашением. Вы были совершенно правы, какая-то путаница… Нет здесь никакого ЦСУ. Надо будет завтра позвонить в Москву, уточнить адрес…

Женщина визиту московского гостя заметно обрадовалась, сначала побежала прихорашиваться. А потом — хлопотать на кухню, накрывать на стол, быстро организовала вкусный дружеский ужин. Я же осматривал обстановку: провинциально, конечно, но все чисто и явно в достатке. Сама же хозяйка постарше меня лет на 5–6 и не совсем в моем вкусе… И тем не менее она вызывала мое мужское желание. Еще бы, 7 лет без женщины! Но я, превозмогая естественные позывы плоти, мудро решил не сразу идти на близкий контакт. Главные задачи все-

таки ставились иные — максимально определиться. Да и вообще в те времена так быстро редко когда бывало. По крайней мере, не в первый же день знакомства. Лариса мне показалась дамой интеллигентной, и безудержным сексуальным напором я боялся испортить нарождавшиеся отношения. А они давали мне шанс жить в нормальной квартире, а не в сарае на окраине города. Типа той развалюхи, где я провел первую ночь после побега. Так что бытовые соображения победили половой инстинкт, и первую ночь мы провели в разных постелях. Точнее, я спал на полу, но на столь чистом и прокрахмаленном постельном белье, столь мягкими казались мне матрас и подушка, и я был настолько усталый, что сразу вырубился, едва прилег. Когда на следующее утро Лариса уходила на работу, я еще крепко спал. Она доверилась мне, оставила ключ в прихожей, а на кухонном столе сытный завтрак и любезную записку:

«Можешь приходить, когда хочешь. А можешь оставаться здесь, пока не найдешь нормальную работу и жилье, мне будет приятно».

Я блаженно потянулся и налил крепкого кофе из термоса. Небольшая победа, черт возьми!

Естественно, я воспользовался предоставляемой возможностью, весь день валялся на диване и смотрел телевизор. Во вторую же ночь мы с хозяюшкой общались уже более близко, предварительно несколько часов задушевно проговорив и опустошив бутылочку вина и чекушку водки. Интим сразу сделал наши отношения менее официальными и, надеюсь, ей понравился. В моем лице Лариса нашла интересного мужчину из Москвы, наверняка и планы на будущее начала строить. А коли так, то почему бы не ввести меня в круг ее знакомых, показать им столичного жениха? Ненавязчиво, конечно, но городок-то маленький, слухи быстро распространяются. Работала моя пассия в жилищном управлении Печоры далеко не последним человеком, имела обширные связи и немало серьезных (по местным меркам) знакомых. Почти каждый вечер мы ходили в ресторан, где собирались достойные люди города, и почти за каждым столиком ей приветственно кивали.

Так прошла неделя или чуть больше. И Лариса сказала, что сегодня к нам придет семейная пара — видный военный с женой, которому в свое время она помогла в решении насущного жилищного вопроса. Очень важный человек. У них, мол, горячую воду отключили, а хотелось бы ванну принять. Ну, надо и надо. Но, видимо желая подчеркнуть высокий статус будущего гостя, Лариса продолжала уточнять:

— Полковник он. Начальник всего управления.

— Какого такого управления?

— Самого главного — Печораспецлеса.

Я аж вздрогнул:

— УВД, что ли?

— Нет, еще больше. Милиция подчиняется МВД Коми ССР, а Печорспецлес входит в состав главных исправительных учреждений МВД СССР. Здесь несколько отделений, в каждом по 5–10 зон. И Олег Василега начальник над всеми, в чине полковника на генеральской должности.

— А ты откуда все это так хорошо знаешь?

Лариса хмыкнула. Уже потом я подумал, что, наверное, в прошлом этот Олег был ее любовником и все эти подробности ей рассказывал.

И вот гости пришли. Он — высокий, статный, лет 40–43. Его жена Лена лет 35, очень красивая ухоженная женщина. Пока они мылись в душе, хозяйка накрывала на стол: салаты, закуски, жареные цыплята, пиво и водка. Мы непринужденно общались ни о чем, я рассказывал все ту же легенду, что приехал сюда искать работу. Для большей правдоподобности привел историю о несчастной и неразделенной любви в Москве. Женщины сочувственно переглянулись, а Василега философски заметил:

— Что ни делается, к лучшему. Зато вот познакомился с такой прекрасной девушкой, как Лариса!

Лариса покраснела, а я согласно кивнул. Еще выпили, я рассказал несколько анекдотов — явно с бородой, но до этих мест еще не дошедших. Рассказал о последних московских стройках — этот репортаж я посмотрел в дневных новостях. После чего включили проигрыватель и стали танцевать.

Конечно, теоретически можно было использовать этот шанс и устроить день признания, но я пока не хотел рисковать. Четкий план действий еще не созрел, и я не спешил. Пусть катится, куда кривая вывезет. Или попадусь, или найду верное решение. Хотя забавно: мои друзья искали возможности для контакта с тем же Василегой или хотя бы его замом для решения моего вопроса, а я сидел и пил с ним водку, произносил тосты за любовь и за здоровье дам. В общем, познакомились, завязались нормальные отношения, потом даже какой-то праздник справляли в ресторане вместе с ним и его коллегами по управлению.

Хорошо еще, что начальник Березовки не присутствовал. Лариса же все расспрашивала, как работа, какие планы, давай помогу… Я же отнекивался, а она особо и не настаивала: у меня были деньги, на ее шее не сидел. Опять-таки типичная ситуация: не побегу же на первое попавшееся место, надо найти что-нибудь получше, поденежнее. Истории о несчастной любви она поверила

и, может, даже сопереживала. И все-таки однажды она проявила собственную инициативу в вопросе поиска моей работы. И обратилась за помощью… к Василеге:

— Давай все-таки устроим на работу Юру Айзеншписа. Толковый он парень, а слоняется без дела.

Полковник вздрогнул, пристально посмотрел на просительницу, и какая-то мысль словно стрельнула в его мозгу. Он сразу же снял трубку и позвонил в спецотдел:

— Скажи-ка, ты не встречал такой фамилии Айзеншпис?

Начальник спецотдела — человек явно профессиональный, да и фамилия посложнее «Иванова» или «Петрова». Он переспросил:

— Не встречал где?

— Да хоть где!

— Да, что-то припоминаю, вроде проходила среди поселенцев. Минуточку, подниму картотеку… Точно, есть такой, в Березовке. Юрий Шмильевич, валютчик.

Немая сцена. Попытка сдержать собственные эмоции. И прорыв:

— Какой же я дурак бестолковый, как же я мог не догадаться! Совсем бдительность потерял. Ну это же надо!!!

На этом самом эмоциональном месте рассказа Лариса неожиданно расплакалась, начав шмыгать носом и утирать глаза рукавом, ведь я обманул не только полковника, но и ее:

— Как ты мог так со мной поступить, Юра?!

— А что, ты хотела, чтобы я все конкретно рассказал? Итак все белыми нитками шито: приехал-де к вам в «тьмутаракань» из столицы на работу устраиваться… Как же, такого не бывает!

— Как это не бывает? Едут за длинным рублем. И я поверила тебе, лгуну несчастному. И преступнику. И беглецу!

Произошел небольшой «семейный» скандальчик, затем легкая истерика, в косяк двери полетела и разбилась об нее пепельница, и я тихо скомандовал себе: «С вещами на выход». Я стал решительно напяливать ботинки, но Лариса меня не отпускала, мгновенно изменив тон голоса:

— Останься, врунишка, останься, мне будет плохо без тебя. А завтра, сказал Василега, ты должен прямо с утра к нему подойти в управление. Олег тебя знает чисто по-человечески, хорошо отзывается, думаю, не закроет в зону. Как-нибудь договоритесь. Только не вздумай деньги давать. Не купишь.

Денег у меня уже почти не оставалось, да и не такой он человек, это факт. Я чисто интуитивно тоже не ожидал от завтрашнего дня никакой гадости, ведь не прислали же за мной группу захвата. Наоборот, я верил в благоприятную развязку истории. Хороший психолог, Олег Павлович знал, что я никуда не

сбегу. Да и куда?

С легким сердцем я встал рано утром и подъехал в штаб управления. Около половины девятого утра у подъезда остановилась черная «Волга», и Василега поднялся по крыльцу. Протянул руку (хороший признак), крепко пожал, поздоровался:

— Ты подожди меня, пока закончу с важными делами, тогда и поговорим.

На утренней оперативке решались вопросы снабженческие, режимные и уголовные: каторжанский край, 80 процентов всех преступлений приходится или на заключенных в зонах, или на поселенцев. Как раз на моих глазах подъехала спецмашина и вывели двоих в наручниках, эти беглые поселенцы кого-то уже ограбили, их отловили и привезли на допрос.

Наконец Василега освободился от текущих дел и пригласил меня в свой кабинет площадью метров 30, стол буквой Т, ряд стульев вдоль стен и окон, портреты Брежнева и Дзержинского:

— Ну, рассказывай…

И я начал свою историю. Полковник слушал меня с нескрываемым интересом, до этого он успел узнать меня с совершенно другой стороны. Мое личное дело находилось в зоне, к которой приписана Березовка, и теоретически его легко можно было запросить. Но, словно не сомневаясь, что я буду говорить правду, Василега об этом не распорядился.

Во время беседы в кабинет приходили разные люди с докладами, протягивали мне руку, здоровались, представлялись. Я чувствовал себя неловко, статус-то не тот, но Василега его никак не подчеркивал. Впрочем, во время беседы меня все равно немного вжимало в кресло. Называть собеседника Олегом я уже не имел права, «гражданином начальником» — язык не поворачивался, оставался только «Олег Павлович». Я объяснил, что рисовал себе совершенно другую картину поселения, нормальное общежитие, а не палатку, полную грязи и комаров. Я человек столичный, даже в зоне сидел весьма комфортно. Вот и сорвался. Василега вроде как даже оправдывался:

— Да, мы ведь только строим поселок, нулевой цикл…

— И ко всему прочему меня заставило уйти вот что, — я показал голову и пролысины на ней. — Так можно и все волосы потерять, срочно необходимо предпринимать меры. Но начальник Березовки пообещал скорее угробить, чем позволить лечиться.

Для Василеги моя болезнь оказалась неплохой причиной, за которую при желании можно ухватиться. Позвали майора, вроде как с медицинским образованием:

— Это наш поселенец, болезнь волос. Посмотри.

Майор с видом знатока стал щупать мою голову, но я понял,

что он совершенно ничего в этом не смыслит. Тем не менее он произнес, нахмурив брови:

— Да, серьезная проблема… Похоже на инфекционное заболевание.

Полковник инстинктивно отпрянул, но я не стал разыгрывать инфицированного и вытащил ряд справок:

— Болезнь совершенно не заразная, но требуется комплекс лечебных процедур. Который в Березовке уж точно никак не осуществить…

Малость посрамленный майор что-то буркнул и ушел, а Василега поинтересовался:

— Водить машину можешь?

— Увы, нет.

— Жаль. Если бы водил, устроил бы в свое управление, в гараж, может даже личным шофером. А иных вариантов нет. Еще недавно я оставлял в Печоре кое-кого из поселенцев, да получил нагоняй.

Тогда я спросил о судьбе известного мне художника.

— Во-во, из-за таких случаев нам и сделали предписание. Водители — единственное исключение. В общем, с Печорой тебе придется проститься, но есть в относительной близости два поселения, где тебя могут устроить и которые, наверное, могут устроить тебя. Станция Чикшино, южнее на 60–80 км, и станция Сыня, 120–130 км чуть севернее. Василега подробно рассказал о них, и, хотя глобальных различий я не помню, а может, их и не было, посоветовал ехать в Сыню:

— Это территория бывшего племенного совхоза, там поселенцы живут в общагах, а некоторые и в отдельных домиках, даже благоустроенных. Будешь работать по специальности в штабе отделения экономистом. Все-таки не сучки в тайге рубить!

Меня это несомненно прельщало, без наказания за побег и без тяжелой физической работы — прекрасный итог моих приключений. Я с благодарностью дал согласие на Сыню. Олег Павлович сразу же позвонил начальнику отделения полковнику Крупко и сказал, что направляет осужденного поселенца — толковый парень, желательно использовать по специальности. Срочно послали курьера за моим личным делом, а я же отправился к Ларисе забрать кое-какие вещи и попрощаться. Она пообещала навещать при первой возможности и приглашала приезжать на выходные, что я и делал. Не знаю, насколько крепкими являлись наши отношения, насколько искренними. Что по уши влюбился — не могу сказать, но нам вместе было хорошо и уютно.

В электричке на Сыню меня сопровождал капитан,

дружелюбно болтая всю дорогу. Станция и строящаяся железнодорожная ветка на Усыньск (ныне большой город газовиков тысяч на 200 жителей) разделяла город на две части. Вольную — с хорошей столовой, клубом, магазинами и жилыми домами, где появляться поселенцам разрешалось только со спецмандатом. Впрочем, лично мне получать его оказалось совсем несложно. Мне верили, знали, что я не пьяница, человек степенный, с хорошими связями на высоком уровне. На другой стороне от станции находилась вотчина Печорспецлага, куда я и отправился с сопровождающим. Сначала зашли в спецотдел недалеко от станции и сдали дело, затем — в кабинет полковника Крупко. Он вызвал начальника отдела труда и зарплаты:

— Нужен грамотный специалист?

— Очень нужен. А вы знакомы с нормированием, со сметами?

— Конечно. Несколько лет этим занимался в Тульской колонии.

— Отлично. Тогда приходите завтра.

И я начал трудиться, причем не только в отделе труда и заработной платы, но и в отделе главного технолога, там не хватало квалифицированного нормировщика. В общем, за двоих, благо руки уже набиты.

Поселение находилось в 9 км от станции, добирались пешком или на автобусе, на попутках или даже на лесовозах. Затем требовалось переехать речку Сыня по весьма ненадежным мосткам на забитых сваях, которые каждую весну сносило. И ты попадал на небольшой островок, со всех сторон окруженный речкой. Ранее действительно территория советского совхоза, скотоферма. Вымирающий район, вольных несколько десятков, остальные — поселенцы. Всего не более 500 человек.

Там я неожиданно встретил Караханяна, мы посидели, выпили, поговорили о жизни, о знакомых, об этапах тюрьмы и этапах жизни. Но наши помыслы были обращены только к свободе: около двух лет осталось, не за горами. Незабываемый вечер: старые знакомые, схожие судьбы, люди одного круга интересов и желаний. Но, если у меня все складывалось неплохо, дела Генриха шли не особо гладко. И он надеялся на мою помощь, сам не особо понимая, что делать.

А пока проходил день за днем, все достаточно интересно: новые знакомства, новая работа, новый климат — морозы под 40, разряженное пространство и безоблачное небо. Суровые места. В ясный день вдали виднелись горы полярного Урала. Местные поселенцы в основном занимались вывозкой леса на больших лесовозах на нижние склады или, как это называлось, на биржу. А валил лес в основном контингент зоны строгого режима, которая

тоже находилась недалеко от станции. На бирже другие зеки делали пиловочный материал и грузили его на железнодорожные платформы.

Вскоре за небольшой магарыч я смог переехать в персональную избушку, где жил один: сени, кухня две проходные комнаты. Друзья-поселенцы помогли сделать недорогой ремонт, обошелся рублей в 50 и в ящик водки. В Печоре я купил приемник, маленький телевизор, стало достаточно уютно. Я отдельно питался, только ходил на проверку. Для собственных нужд самостоятельно колол дрова колуном, укладывал поленья штабелями. И это весьма благотворно действовало на нервы, успокаивало. Освоил и другие элементы сельской жизни, завел рыжую собачку-дворняжку и котенка.

Работа в конторе меня не утомляла и даже где-то нравилась — экономика, статистика, нормирование… На заработки в эти края приезжали молодые ребята и девушки, и с одной из Ир я закрутил небольшой романчик. Ходили в клуб, на танцы, обычно вечерами в пятницу или субботу. И тогда я не возвращался в поселение, оставался у нее дома в станционном поселке. В тех краях подавляющее большинство жило в бараках, с коммунальными кухнями и туалетами на улице. А у Иры квартирка в каменном двухэтажном доме, со всеми удобствами. Как-то во время моего отсутствия приехала Лариса, нашла избушку закрытой, заподозрила меня в измене. Отношения стали чуть прохладнее.

Вечерами у меня обычно собиралась маленькая компашка, выпивали, судачили. У друга Генриха, как тогда показалось, жизнь тоже стала потихоньку налаживаться, он уже не обрубал сучки, вкалывая точковщиком, не считал лес, а реализовал свои коммерческие способности и открыл магазинчик на вахтовом участке. Учли, что непьющий и хорошо умеет считать. Вахта находилась в лесу, километрах в 40–50 от лагеря, я пару раз приезжал туда, исключительно из любопытства. Такие же неприхотливые полевые условия, что и в леспромхозах, на приисках, что и у газонефтедобытчиков.

Живут в поселении от зарплаты к зарплате. День ее выдачи — пьяный день. Все разбредаются в поисках самогонки и водки и «злачных» мест, где можно в тепле выжрать пузырь — другой и завалиться дрыхнуть. Я никогда не понимал подобного свинства. Одно дело немного выпить в удовольствие, закусить, погутарить… Не скажу, что знаю особый толк в алкоголе, но в зоне водка мне перепадала, может, и чаще, чем многим другим, и немного расслабиться я не гнушался. Но не до полной же «отключки» бухать! Хотя здесь, в суровых северных краях,

ежемесячная «отключка» являлась неотъемлемым образом жизни большинства. Хотя во многом, что и говорить, она провоцировалась безрадостностью и сложностью существования. Да и специфика северного изрядно разряженного воздуха такова — сидишь и выпиваешь, вроде все нормально, голова ясная, вышел на улицу — и повело. И многие падали в сугробы и даже замерзали насмерть. Со мной сидел один музыкант, очень хороший гитарист Гриша. Он убил барабанщика своего же ансамбля в пьяной ссоре из-за какой-то юбки. И однажды после получки и попойки в жуткий мороз он упал в снег и уснул мертвецким сном. Спасти жизнь бедолаге удалось, но все пальцы рук пришлось ампутировать.

Эту слабость поселенцев по полной программе использовал надзорсостав. В «пьяный день» он работал в усиленном режиме, разыскивал пьяниц, погружая их штабелями на самосвалы и прямиком отвозя в штрафной изолятор. В этом поселении не как в Березовке, где 1–2 контролера, а добрый десяток. Точнее, злой. Усиленная вахта в дни зарплат проходила и на станции, и за станцией, на вольной стороне, где можно было появляться лишь с разрешением и маршрутным листом. И когда в штрафном изоляторе набиралось 15–20 человек, начиналось их тотальное избиение. По одному выводили в комнату, напяливали шапку-ушанку и начинали… политико-воспитательную работу. Человек приобретал синяки, зато терял деньги, которые у него, как правило, отбирали. И это развлечение продолжалось всю ночь.

А бывает иначе: пьяные надзиратели от дикой скуки просто шатаются по поселку с одной мыслью — кого бы зацепить, кого бы больно побить? Не понравилась морда зэка — а такую «красоту» действительно на глянцевой обложке журнала не увидишь — получай в рыло! Или если сигарет с собой не носишь. Или если носишь, но плохие, подмокшие… Или… В общем, повод придраться всегда найдется. Это называлось «попасть под молотки». А после избиения могут еще на вахту затащить и там добавить тумаков. Однажды и в мою избушку ворвались якобы с проверкой, а у самих кулаки чешутся. Пять бугаев начали бегать по комнатенке, опрокидывать стулья и табуретки, требовать, чтобы показал, где водка и наркота спрятана. Мол, верные сведения, что я притон-рассадник здесь развел. Немного страшно, конечно, но я молчать и забиваться в угол не стал, а гневно возмутился:

— Что вы делаете? Хватит беспредельничать, не имеете никакого права.

В ответ один хулиганский жлоб меня больно ударил локтем в живот, но я не успокоился и продолжил негодовать. Более того,

пустил в ход одну известную всем фамилию:

— Я буду… жаловаться.

Лишь после этой угрозы старший надзорсостава наконец прикрикнул на свою распоясавшуюся братию:

— Ша! Стоп! Тишина! Не бузить! Кстати, нет ли чего выпить, Айзеншпис? Вишь, до чего жажда ребят доводит.

— Есть выпить, есть, — пробурчал я, изображая жуткую обиду: — Так спросите по-хорошему, чего буянить-то???

— Хорошо, в следующий раз спросим.

Получив вожделенную бутылку, проверяющие потопали восвояси на горе другим сидельцам. А вообще яблоко от яблони недалеко падает: местный офицерский состав «выступал» столь же зло и непредсказуемо. Тот же начальник режима вполне мог пьяным заявиться в балок (он же гвоздодерка), где во время перекура отдыхал какой-нибудь поселенец, и начать лупить его безо всякой причины, для «острастки». И обзывая так, как не всякий стерпит. И иногда поселенец поддавался на провокацию, хватал топор и дико, истошно орал:

— Уйди, гад! Я тебя сейчас, суку, зарублю на хрен!

Провокация удавалась, угроза убийства уже очень серьезный проступок. Начальник уходил, а через несколько минут в балке появлялась надзор-служба, все отбирает, все отбивают… Вот и дружок мой Караханян как-то попал под кулаки беспредела полковника Крупко, начальника отделения. Его нрав был, пожалуй, самым крутым в поселении. В нетрезвом виде его тянуло на подвиги, он садился в оперативную машину и ехал по различным объектам не столько проверять, сколько опять-таки придираться к поселенцам. Все это оканчивалось мордобитием, штрафным изолятором на 10 суток, а то и запиранием в зону за всякие выдуманные повинности. Всегда существовали свидетели его хулиганских выходок, писалась масса жалоб, но, когда приезжали проверки, все от страха замолкали. Поэтому злыдню ставили на вид и уезжали восвояси. И он начинал злобствовать еще сильнее.

Но когда массивные кулаки Крупко больно коснулись интеллигентного Караханяна, тот свою жалобу отправил весьма высоко, и я оказал ему помощь, сочиняя текст письма. Мы писали о творящемся беспределе, о бессмысленно жестких нравах местного руководства, упоминали множество других жалоб, которые уже были якобы рассмотрены, а затем почему-то оставлены без внимания. Поскольку обычно рука руку моет, это письмо шло прямиком зав. отделом Административных органов при ЦК КПСС Савенкову. А еще в Генеральную прокуратору и в МВД.

Наш «крик души» имел резонанс, и вскоре началось масштабное и детальное расследование. К нам нагрянула весьма серьезная комиссия с представителями прокуратуры, МВД, Административного отдела. Уж больно грамотно и складно мы написали письмо, уж больно много возмутительных фактов там приводилось. Боясь последующей расправы, запирания в зону и иных репрессивных мер, Генрих в письме назвал себя «осужденный поселенец Х». И логично объяснял причину такой анонимности: «Я готов открыть свое имя, но только если в плане расследования начнут приниматься серьезные меры. А все не ограничится обычной профанацией, как уже неоднократно происходило. Мне пока еще жизнь дорога!».

На этот раз копали действительно глубоко, не покупаясь на предложения «выпить водочки и в баньку сходить попариться». Крупко понимал, что дело принимает нешуточный оборот и сильно нервничал, даже заикаться начал. Вместе с представительной делегацией в нашем поселении теперь часто бывал и Василега, явно выдерживая нейтральную позицию.

И вот как-то он вызвал меня и показал письмо, которое и вызвало столько шума:

— Это грамотный человек писал, не простой бродяга… Вот ты послушай, как гладко стелет, мерзавец.

Он поделился некоторыми яркими выдержками моего сочинения, при этом внимательно следя за моей реакцией. Я же как можно равнодушнее пожал плечами:

— Да, гладко написано. Ну, может, какой умный вольнонаемный постарался. А вы на меня подумали? Нет, я, конечно, этого Крупко недолюбливаю, но особо вреда от него не испытал. Может, благодаря нашему знакомству. Еще раз спасибо вам!

— Не ты, Шпис, не ты. Почти верю… На самом деле, я ведь многое знаю про Крупко и им творимые безобразия… Но у него «волосатая рука» в лице первого секретаря Воркутинского обкома партии, а это уже уровень, понимаешь? И хоть я его непосредственный начальник, да не могу освободить от должности. Вот такие пироги…

И вдруг Василегу осенила какая-то хитрая мысль. Наверное, мозг сработал по той же схеме, как в недавней истории, когда пришла Лариса хлопотать о моем трудоустройстве:

— Ага… Я сейчас приду. Подожди-ка меня. Надо кое-что проверить.

И он прямиком отправился в спецотдел, где хранились бумаги, написанные разными заключенными. Он сравнил почерк, вычислил Караханяна и захотел, чтобы я позвал его. Генрих

пришел. Заметно нервничал, выглядел испуганным и угрюмым и явно ожидал подвоха.

— Я тебя пригласил по одному очень важному вопросу. Тут вот пришла жалоба, подписанная «Х», а написал ее ты. Но ты расслабься, я никому ничего не скажу. Во многом ты прав, что уж тут!

Генрих с укором посмотрел на меня.

— Нет, Юра не виноват. Вот твое заявление на новую шапку, а вот «телега», я просто почерк сравнил. Но ты обязательно все расскажи комиссии. Справедливость восторжествует, мы все честно расследуем. Обещаю лично.

А его обещание многого стоило! Когда начались допросы поселенцев, сначала никто ничего не говорил. Но Караханян, понимая, что ему уже отступать некуда, проводил разъяснительную работу в массах. Прежде всего объяснял, что своим молчанием они обрекают себя на будущие беды. И вот уже поселенцы начали признавать описанные в письме факты, приводить новые, не менее вопиющие. Возбудили уголовное дело, Крупко отстранили. Мы победили! А тем временем наступила весна, снег растаял, и в свет выпустили новый позитивный закон. Или про амнистию, или какой-то иной законодательный акт, но многих заключенных стали условно-досрочно освобождать. И я решил воспользоваться этой радужной перспективой, благо приблизилось уже 3/4 полного срока. Прошло и 6 месяцев моей жизни на поселении, необходимых, чтобы начать ходатайствовать. Хорошую характеристику подписал начальник отряда Шулыгин, начальник колонии тоже не пожалел доброго слова. Наблюдательная комиссия от поселкового совета единогласно голосовала за мое освобождение — целый вечер пил с ее председателем и приглашал в гости в столицу:

— Давай, погуляем…

— Нет, не тянет что-то. А вот дочку хотел бы отсюда вытянуть, пусть уезжает из этой глухомани… Поможешь ей?

Пьяный председатель тыкал мне в лицо фотографию какой-то толстухи, которую называл «ласточкой», и скоро уже не вязал лыка.

Характеристика, копия приговора, решения наблюдательной комиссии — все это ушло в Печору в народный суд. Василега позвонил председателю суда и попросил рассмотреть мое дело поскорее. А этот звонок много чего значил. Прокурор тоже обещал не опаздывать на заседание, которое назначили на следующий день. Со мной приехал начальник отряда, который выступил, зачитал решение наблюдательной комиссии. Суд удалился на весьма формальное заседание, и вскоре я уже был

свободен. Сбегал за шоколадками для секретарши, чтобы быстрее напечатали определение суда. Вот оно, готово! Но требовалась еще справка из спецчасти. А уже пять вечера, все закрыто, и майские праздники на носу. С каким же нетерпением я ждал 3-го мая! Вроде всего два дня, хорошая погода, но как мучительно медленно двигались стрелки часов. Вдобавок снесло мост, и я с провожающими двигался вброд в резиновых сапогах по шею. Но чего ради свободы не сделаешь! Основные вещи, телевизор, приемник я оставил Генриху, остальное имущество несли на вытянутых руках. Иногда и меня самого слегка приподнимали за подмышки, как самого маленького по росту. Мы изрядно вымокли и вымерзли и сразу же пошли отогреваться в баню по ту сторону Сыни, потом в спецчасть за справкой. А поскольку поезд Воркута — Москва останавливался только в Печоре, то с последней местной электричкой я уехал туда. Часов в восемь поехал к Ларисе, на прощальный ужин. Она хотела, чтобы после ресторана я поехал к ней, но я отказался: поезд уходит в пять утра. Мы простились, у нее в глазах стояли слезы. Мы пообещали списаться, я даже приглашал ее в Москву, но жизнь распорядилась иначе. И больше мы уже никогда не встречались.

На вокзале я купил место в комнате отдыха, но мне не спалось. Меня мучили радужные перспективы, я вскакивал и смотрел на часы, боялся проспать поезд. Соседи шикали. Не спалось мне и в поезде, на верхней боковой полке. Я лежал и смотрел, как в ночи проносились редкие огоньки затерянных станций и покосившихся избушек, где кого-то, как и меня, мучила бессонница.

Словно случайно залетевшие светлячки, огоньки таяли, и оставался лишь стук колес, с каждым оборотом приближавших меня к Москве. Я возвращался и наслаждался каждой минутой своего возвращения. Это сладостное ожидание жалко было отдавать сну, я сполз со своего лежбища и вышел в тамбур. Там нещадно смолил лысоватый мужичок с синими наколками на высохшей руке. Из «наших»… Нет, скорее из «чужих»:

— Что, братишка, тоже только откинулся? Куда путь держишь? Или не до разговоров?

Я молча кивнул. Мне не хотелось бесед с этим «братишкой», не хотелось расспросов «где сидел и за что мотал», тюремного сленга и тяжелых воспоминаний. Несмотря на долгий срок, я так и не стал принадлежать этому зарешетчатому миру, он оставался для меня чуждым и неприглядным. В принципе, достаточно интересная экскурсия, которая просто излишне затянулась. Ну да чего уж теперь жалеть, дело прошлое… Я возвращался.

Так закончилась моя Печорская эпопея. Кстати, несколько лет

назад мне домой позвонил один молодой человек и представился сыном Олега Павловича. Говорил, что его отец тепло отзывался о нашем знакомстве, следил за моей судьбой и считал меня одним из самых интересных заключенных, прошедших через его систему. Молодой человек звонил не просто передать комплименты, он якобы мечтал попасть на сцену и просил моей помощи. Я был совсем не против, назначил встречу, но никто на нее не пришел.

Второй срок

Такая недолгая свобода

Днем 5 мая 1977 года я приехал на Ярославский вокзал. Меня не встречали, да я и не особо хотел этого. Все-таки не покоритель Полюса вернулся. К тому же сложно было дозвониться из Печоры, требовалось заказывать разговор, потом долго ждать соединения. Пусть будет сюрпризом! Короче, сел я в такси — эту привычку я так и не забыл — и поехал по новому адресу. Родители жили на Дмитровском шоссе, и все как раз находились дома. Конечно, слезы радости и счастья — сын вернулся! Мои же чувства были смешанные, конечно, свобода — это здорово. Но родители заметно постарели, и виновато в этом не только время. Квартира, где они теперь проживали, показалась темной и тесной. В сером невзрачном доме, далеко не в самом козырном районе Москвы. И виноват в этом только я. И еще — что делать дальше, как жить.

По первому сроку я не терял прописки и не отправлялся за 101-й километр, но какие-то проблемы с легализацией были. А может, я не терял прописку в связи с условно досрочным освобождением. Да, скорее всего не терял, иначе бы документы до Москвы не выписали. Требовалось найти какую-то официальную работу, дабы за тунеядство не привлекли. А еще меня беспокоили деньги… Вечная проблема для большинства стала вдруг актуальной и для меня. Да, я кое-что привез из зоны, но прежними темпами расходов этого надолго хватить не могло. А сбавлять темпы не хотелось, как раз наоборот — оттянуться бы на всю катушку за нары, баланду, парашу и прочие «удовольствия» тюремной жизни. Но для начала стоило одеться. И тут я не стал изменять привычкам и покупать совдеповское барахло, а приобрел чеки и оделся в «Березке». Вообще, я обратил внимание, что «Березки» в столице за семь лет моего отсутствия выросли как грибы. Уже не один магазин в Лужнецком проезде, а больше десятка — и на Астраханском, и на Шаболовке, и на Академической. И очереди — великий символ советской эпохи — проникли даже туда. Самих чеков, бон, сертификатов появилось великое множество — и желтые, и синие, и с полосой, и без полосы. Да и отоваривались в магазинах уже преимущественно те, кто лично эти чеки не заработал. Что уже особо никого не волновало, чеки ведь могли и подарить. Тут уже требовалось сильно глаза намозолить, чтобы тобой заинтересовались органы.

Приодевшись, я отправился по друзьям и родственникам. Кого-то нашел, кого-то нет. Форсировать восстановление прошлых связей не хотелось, мои бывшие приятели повзрослели, некоторые уже добились в жизни определенных успехов, начали

делать карьеру. Возможно, не все горели желанием вспоминать прошлое и общаться со мной, как-никак бывший заключенный. Поэтому и я никому навязываться не хотел. Впрочем, узнав о моем возвращении, мне звонили многие из тех, о ком я основательно позабыл за годы отсидки. Меня не то что не стали сторониться, наоборот, звали в разные компании, и вскоре я уже устал рассказывать о моих злоключениях. Одним из первых, с кем я встретился на воле, был Леша Савельев. Тоже повзрослевший, тоже отсидевший, мы с ним проговорили много часов кряду. А вот с Лукьянченко встречаться особо не хотелось. Где-то внутри сверлило подозрение: уж коли отделался условным срок, так наверняка чем-то заслужил такую поблажку. Да и само мое дело с чего-то ведь начиналось, кто-то же сдал меня! Хотя и на воле, и на зоне особого желания анализировать прошлое не возникало. Не испытывал я и злости на возможных виновников моего заточения. Ведь аресты, допросы — это очень серьезное испытание на силу воли и крепость характера, и далеко не все его выдерживают. В общем, «кто виноват?» меня не интересовало. Скорее всего, сам и виноват. А вот второй излюбленный вопрос русской интеллигенции — «что делать?» — стоял передо мной весьма остро.

Повторюсь, что я очень изголодался по светской и красивой жизни, а для нее требовались деньги. А заработать деньги в СССР, не входя в конфликт с УК, я не умел, если это вообще являлось возможным. Наказание должно воздействовать для страха, а у меня он отсутствовал. Кстати, как и у 40–50 процентов других заключенных, которые повторно совершают преступления и повторно садятся на нары. Конечно, это малоприятно, когда живешь в скотских условиях, когда подвергаешься моральному унижению, не можешь свободно передвигаться и видеть родных. Но способность человека к адаптации просто поражает воображение! Моя тюремная жизнь отнюдь не изобиловала романтическими воспоминаниями и меня совсем не приворожила, как подчас привораживает других. Но, не испытав моральных и физических унижений, я не испытывал и особого ужаса.

Преступление и наказание

Жить в обществе и быть от него свободным нельзя — полностью согласен с этим положением марскистско-ленинской, да и вообще любой разумной философии. И элементарной логики. И если в стране существуют законы, или не нарушай их, или эмигрируй. Или же нарушай и будь готов к наказанию. Но, поскольку безнаказанно красть и убивать мало где позволительно, отъезд из нашей страны требовался меньшинству, прежде всего любителям свободы слова, вероисповедания и… честного частного предпринимательства. Их зона точно не могла исправить: это в крови.

Но не могла она исправить и остальных, ибо наказание не готовит почву для исправления и раскаяния, а просто демонстрирует неоспоримость силы. Остается страх. И вот парадокс. У многих ни разу не сидевших за решеткой боязнь неволи куда больше, чем у прошедших этот этап. И поэтому многие из освобождающихся отнюдь не становятся на правильный путь — лишь начинают действовать изощреннее. А некоторые, типа меня, даже этого не начинали.

Получается, что русский человек скорее следует не закону, а внутренней этике. У фраеров и государства воровать можно — у друга нельзя, это можно, а это нельзя. Я считал, что заниматься бизнесом можно, и не понимал, почему нельзя. Потому что посадят? Для меня это не казалось весомым аргументом. Кстати, когда я жил в тюрьме, местные негласные законы оказались куда и понятнее тех, что на воле. Например, нельзя красть у соседа из тумбочки. Все ясно, комментариев не надо. А вот «подрывать социалистический строй незаконной коммерческой деятельностью» — это как расшифровывать?

Мой бизнес был связан с валютой и золотом — самая страшная, расстрельная статья. Но ощущение собственной правоты мешало мне правильно оценить ситуацию. Не было ни страха, ни даже чувства опасности. Я считал, что поступаю естественно и нормально. А многое вокруг, наоборот, казалось неестественным и непонятным. Почему инициатива одного человека душится государственными структурами, будь то торговля, производство, культура? Почему, что петь, диктует государство? Я над этим задумывался, но не мог найти объяснения, мешало мировоззрение, впитанное в семье, в школе, в институте. Где-то в глубине души я знал, что прав. Вдобавок государственные законы не соответствовали природе человека, даже первобытный питекантроп хотел носить шкуру лучшую, чем

у соплеменника. Вот и я хотел. И хотел ее носить не где-нибудь за океаном, а на своей родной земле. Там, где я родился, там, где могилы моих родственников и друзей. Но это — поэзия. А проза жизни стоила мне 17 лет и 8 месяцев.

Помнится, в моей персональной избушке на Печоре мы с Генрихом часто собирались за чашечкой чая или рюмочкой водки и мечтали о светлом будущем. Вот освободимся, вот заживем счастливо. И, конечно, не будем заниматься прежними делишками. Но в наших мечтах напрочь отсутствовала логика: хорошая сладкая жизнь требовала денег, а при аресте мы потеряли все. Нас обобрали как липку, не осталось никаких тайников, никаких скрытых накоплений. Но когда умозрительно рассуждаешь, такие детали не особо важны. А сейчас уже требовались конкретные решения. Идти на 120 или даже 200 рублей в месяц? Нет, это не для меня. Тогда что?

Где-то через пару недель после появления в Москве я заглянул в ресторан при гостинице «Россия» — сейчас это клуб «Манхеттен-экспресс». За время моего отсутствия он превратился в место встреч представителей золотой молодежи и просто хорошо обеспеченных людей. То есть прежде всего фарцовщиков и валютчиков всех мастей, их денежный достаток начинался где-то от тысячи рублей в месяц. В переводе на доллары, смешно сказать, около двухсот, но тогда доллар весил куда больше, чем сегодня. Джинсы стоили зеленую десятку, а вполне приличная шуба — полтинник. Я встретил немало старых знакомых, ощутил некогда привычную атмосферу, по которой изрядно соскучился. Судьбы у всех сложились по-разному, кто-то под жернова закона попал почти так же серьезно, как я. Кто-то отсидел незначительный срок: судья миловал. А кого-то миловал Бог, и он вообще миновал решетку. И если в 1970 году по «моей» статье прошло человек 50, не более, то новое поколение стало куда активнее нарушать закон. Ну и попадаться куда в больших количествах. В общем, общество загнивало на радость уже загнившему Западу.

Разложению во многом способствовали многочисленные иностранцы, которыми Москва просто кишела. Компания «Интурист» работала на полную катушку, пополняя казну твердо конвертируемой валютой и одновременно подтачивая устои общества. Люди стали лучше одеваться, почти исчезли абсурдные музыкальные строгости, коротковолновые приемники вовсю ловили вражеские «голоса». И что, разве я мог устоять?

За дальним столиком, уставленным закусками и бутылками, в полумраке и гордом одиночестве сидел человек, которого я

плохо помнил, он же приветливо махал мне рукой и подзывал к себе. Да, конечно же, это Олег Голенищев, мой давний знакомый, просто сильно изменившийся. Модные затемненные очки в золотой оправе, перстень с бриллиантом на пальце, лакированные ботинки. Да, у него все хорошо, и его я действительно рад был видеть! В свое время мы общались, может, и не особо тесно, но воспоминания присутствовали самые хорошие.

После обильного ужина мы пошли по центру столицы прогуляться. Навстречу нам попались итальянцы, которые приняли Олега за своего — такой же южный типаж — и его спросили, как пройти куда-то. Олег немного знал итальянский, равно как и английский, французский, турецкий, и потому бойко ответил. Завязалась беседа. Точнее, говорил мой приятель, а я лишь убедительно кивал головой. Слово за слово, шустрые итальянцы выразили готовность продать нам шмотки и валюту. И, конечно же, мы не погнушались предложением, приехали в гостиницу «Дружба» на Ленинском проспекте, прошли в их номер.

Шмотки как на подбор — модные, качественные, недорогие — я просто обалдел. Мы купили все оптом, частью для себя, частью на перепродажу. Ну и валютой неслабо затарились. Увидев в нас конкретных деловых людей, итальянцы в свою очередь порекомендовали нас своим знакомым, и закрутилось-понеслось…

Да, вот именно, не прошло и трех недель, а я снова нарушил УК. Правда, с золотом на этот раз не связывался, зато валюта просто валом шла, как рыба на нересте. Причем не всегда настоящая.

Одной из самых рискованных и прибыльных в моей коммерческой деятельности была операция по купле-продаже 50 000 фальшивых долларов! Она вообще стоит особняком. А начиналось все так. У Центрального телеграфа на Горького подошли двое незнакомых мужчин и предложили большую партию фальшивок по 80 копеек. С одной стороны, предложение подкупало открытостью и перспективностью, с другой стороны… Не подсадные ли? Однако я не сомневался, что хорошо разбираюсь в людях, и подвоха не почувствовал. Попросив день на раздумье и анализ рынка, мы перенесли встречу и сделку на завтра. Никаких сотовых телефонов тогда и в фантазиях не существовало, домашние номера никому не давались, поэтому, если не придешь на стрелку, потеряешь важный «конец». Впрочем, большинство «потерявшихся» в итоге отыскивались через третьи или пятые руки, через рестораны, где были завсегдатаями, или точки работы. Одного моего должника искали по злачным местам

несколько месяцев, но все-таки нашли. И по-хорошему попросили вернуть долг. Если ограбил, это другое дело, тут каждый зарабатывает по-своему, а если деньги взаймы взял — это долг чести… Но я отвлекся, к чему это??? А, так вот, этих «фальшивомонетчиков» мы раньше не видели, поэтому вопрос, идти на стрелку или нет, являлся принципиальным. И мы рискнули и не прогадали. Назавтра мы купили на пробу первую фальшивую тысячу. Качество неплохое, хотя, если сильно наслюнявить, краска слегка сползала. Но тогда никаких детекторов никто и в глаза не видел, сделки осуществлялись в полутемных переулках, да и доверия было больше. Первая тысяча ушла влет. Потом мы встречались еще несколько раз, покупая партиями и по пять, и по десять тысяч. В итоге всю сумму мы слили через афганцев, которые ведрами возили к нам штамповки часов «Сейко» и «Ориент». Тусовались афганцы обычно в ресторане «Узбекистан» и на бульваре перед ним, но я, естественно, как сильно засвеченный, самостоятельно продавать левые доллары не стал. Сделал это Миша, царство ему небесное, в те годы бедный студент и одновременно любитель широко гульнуть: с шампанским, икрой и девочками. Мы разработали целый ряд сценариев на случай провала, что и как надо сказать и сделать. Я произвел подробный инструктаж, как осматриваться на местности, как внешность менять — что-то от шпионских страстей. Даже книгу читали про конспирацию разведчиков. Слава богу, обошлось. День за днем мы подъезжали к ресторану на такси, и я незаметно показывал Мише, к кому именно надо подойти, что он неукоснительно делал. Товар предлагался по 4,20 за доллар, предел падения — до 3,80, меньше могло вызвать подозрения. За неделю все и разлетелось. Через неделю после последней покупки мы должны были встретиться на предмет еще большей партии, тысяч в сто. Но продавцы не пришли… Может, оно и к лучшему.

В те же жаркие деньки в каком-то ресторане я познакомился с бригадирами бельгийцев, которые строили Совинцентр. Славные, понимающие ребята, хотя и достаточно ушлые. Но раз в неделю они получали хорошую зарплату в валюте и с готовностью меняли на деревянные до 10 000 долларов единовременно по вполне адекватному курсу. Меня этот масштаб устраивал, и взаимовыгодное сотрудничество началось.

Легко зарабатываемые деньги так же легко и прогуливались. Как говорят англичане, «easy come, easy go». На уикенды и праздники мотался с друзьями и подругами в Сочи и в Питер, жили в лучших, подчас Интуристовских гостиницах, питались отнюдь не в диетических столовых. На несколько дней

арендовали небольшой кораблик с десятком кают на Речном вокзале и катались по реке. Прогулка сопровождалась обильными обедами и ужинами, танцами, любовными утехами. Друзья юности, студенты, недавние знакомые — мне доставляло удовольствие платить за всех, шокировать своей состоятельностью и благородством. Это и есть красивая жизнь, ее наркотик. За который надо платить. Вообще, это интересная мысль — оценить стоимость денег, во что тебе обходится их получение. И стоят ли эти купюры того?

Жарким днем 2-го августа 1977 года около 11 утра мы с компаньоном уже неплохо поработали, успев затариться четырьмя тысячами баксов. Отвезти бы их домой, да не успевали: в час дня предстояла важная встреча с иностранцами на Ленинских горах. Требовалось обсудить ближайшие взаимовыгодные коммерческие перспективы. Это, конечно, опрометчиво и безграмотно ехать с такой суммой валюты, никакой техники безопасности. Могли ведь просто задержать для проверки документов. Я еще помнил историю Покрещука, который попался именно на безобидной проверке. Но, как говорится, урок не впрок.

На смотровой площадке толкалась куча иностранцев, московских зевак, приезжих со всей страны. Перед ними как на ладони лежала столица, золотом светили купола Кремля. Но красоты Москвы не сильно интересовали сотрудников КГБ и Петровки, членов молодежных оперотрядов, которые тоже находились здесь во множестве. Не особо их интересовала нелегальная торговля матрешками и военными фуражками — зло мелкое и по сути неискоренимое. Наверное, столь же неискоренимым являлись валютные спекуляции в отсутствие легального валютного рынка. Но это зло куда большее!

Наших контрагентов мы с трудом нашли в шумной толпе, долго общались в сторонке, из-под полы передавали пачки денег. Потом жали руки и обещали скорой встречи и новых сделок. Потом зашли в маленькое кафе, выпить холодненькой минералки. Олег взял еще какой-то бутерброд, и, пока он неторопливо дожевывал, я отправился ловить такси. И в этот момент ко мне подошли.

Их подошло человек пять, нежно взявших меня за локти и попросивших предъявить документы. Документов со мной не было, и мне предложили пройти в отделение милиции, что в главном корпусе Университета. Я мгновенно согласился и пошел, что слегка расслабило моих сопровождающих. Ноги передвигались медленно, а мозги вращались с бешеной скоростью: в кармане валюта, первый арест, долгий срок, второй

срок… Легкая атлетика…

И я решил бежать. Я взял молниеносный старт, воспользовался замешательством сопровождающих и оторвался. И я бы убежал, не стали бы мне в спину стрелять, да вот невезение. И еще какое. Только вчера я купил классные кроссовки и весь день ходил в них, а сегодня переобулся в модные туфли на высоком каблуке. Мало того что совсем еще не разношенные, да на размер меньше. Другого просто не было, а именно эта модель уж очень мне приглянулась. Думал, разносятся. В общем, в таких тисках далеко не удерешь.

Я пытался их скинуть на ходу и бежать босиком, один туфель слетел, а второй, гад, ну словно прилип. А еще я скидывал валюту — прямо как в кино — в лужи, под ноги, в кусты. Банкноты разлетались веером, их подбирали и снова бежали за мной. И тут я подвернул ногу, ту самую, в предательском ботинке. Все. Конец.

Меня накрыли, скрутили руки и уже никуда не вели, а ждали милицейскую машину. Вскоре она подъехала, и меня отвезли в отделение. Карманы мои были девственно пусты: я выкинул все четыре тысячи зеленых, и рубли, и даже ключи от квартиры, но свидетелей этой «широты души» оказалось хоть отбавляй. Забавно, что в итоге мне предъявили всего 2,5 тысячи — остальные или присвоили, или не нашли. Все равно особо крупный размер.

Затем устанавливали мою личность, ехидно кивали — «недолго погулял и за старое взялся», — допрашивали. Вначале я от всего отказывался, хотя устало и не особо убедительно. В соседней камере КПЗ сидел Олег, начавший имитировать душевную болезнь, в точности как описано в какой-то умной книге, которую он изучал специально для такого случая. Параллельно с этим занятием он писал записки, первая из которых дошла ко мне в пачке сигарет. Суть послания являлась весьма незатейливой: «Бери все на себя, все равно ведь вся валюта была у тебя». Собственно говоря, именно так я и собирался поступить, по возможности отмазать компаньона. А вот вторая ксива с аналогичными наставлениями беспокойного Олега его сильно подвела, попав в руки к следователям. Текст записки выдавал совершенно разумного, но очень испуганного человека, что изрядно противоречило его гавканью, мяуканью и прочим животным визгам. Это же подтвердили и в Сербского — симуляцию какой-то там душевной болезни. Короче, закосить не удалось.

Следующие несколько дней в КПЗ прошли в допросах и раздумьях. Как описать мое состояние… Ну, если первые дни первого задержания походили на острую зубную боль, то теперь

— на боль тупую, ноющую. Какое преступное легкомыслие. Даже котенок, который написал на ковер и которого побили, старается не повторять своего проступка. А меня жизнь так основательно тряханула, и вот опять! На те же грабли, на тот же, если не на больший, срок.

Опять баланда, параша, мат-перемат. В душе царила холодная пустота, и было на все наплевать. Нап-ле-вать…

Из КПЗ меня отправили прямиком в «родную» Бутырку, где я просидел еще полгода. Свидание со старой зарешетчатой знакомой после семи лет разлуки особой эмоциональностью не отличалось. Лучше бы и не виделись вовсе. Впрочем, некоторые изменения я отметил: быт стал более чистым и демократичным, зато и теснота возросла. Все больше и больше советских граждан активно нарушали законы своей социалистической родины и расплачивались за это тюремными сроками.

Что же касается расследования по моему делу, то особо глубоко не копали, мне в вину вменялся единственный эпизод, являющийся, впрочем, серьезным рецидивом. Правда, на этот раз следователи обеспокоились очными ставками и какими-то свидетелями. Липовыми, конечно, да ничего не докажешь. Они утверждали, что видели, как я скупал доллары на смотровой площадке на Ленинских горах, видели, как разбрасывал их на бегу. Кстати, один из лжесвидетелей на суде, когда его спросили о цвете долларов, после долгих раздумий ответил: «Коричневые…». Но скажи он хоть «прозрачные», все уже было давно решено. И не в мою пользу.

Еще хочу рассказать, что за короткий срок моего пребывания на воле я познакомился с замечательной девушкой Леной. Планов на будущее мы не строили, зато многие вечера и ночи проводили вместе, тусовались по курортам, дружеским вечеринкам и модным ресторанам. Ну и интима не гнушались, понятное дело. Так вот, после наших похождений Лена «залетела». Случается такое иногда, знаете ли. Она узнала об этом уже после моего задержания, а я — только в дни суда. Оказывается, уже когда я грел нары, Леночка созвонилась с моей мамой, даже пару раз заходила к нам в гости. У них образовались дружеские отношения, и мама мудро, хотя и слегка цинично, посоветовала ей сделать аборт. Ведь срок мне грозил немалый. Лена трезво последовала маминому совету, хотя, не знаю, что творилось в ее душе. И когда меня судили в Мосгорсуде, туда каждый день приходила какая-то незнакомая девушка, усаживалась в дальнем ряду и тихо сидела до конца заседания. А ведь кроме родственников, моих и Олега, больше там никого не было.

— Кто такая? — я поинтересовался у адвоката.

Адвокат развел руками.

— Может, практикантка какая уголовным процессом интересуется? Диплом пишет? Вы бы спросили у нее, что ли…

Адвокат вернулся очень удивленный. Мною. Ведь этой девушкой оказалась Лена, моя недавняя любовь, которую я просто не узнал. Может, ее внешность так поменял недавно сделанный аборт, или волосы покрасила, или я в тюрьме слегка ослеп. В общем, опять некрасиво перед ней все получилось. Тем не менее перед отправкой на зону я получил вещевую передачку со свитером и шапкой, связанными собственноручно Леной. Спасибо тебе!

Выйти на председателя московского городского суда мы опять не смогли, а ведь она, как и первая, тоже брала взятки. И тоже в итоге попалась. А есть такая примета — коли уж судья берет на лапу, делая поблажки для «своих» клиентов и выдавая приговоры ниже низшего предела, то «чужих» она гасит со всей жестокостью. Вот и у этой дамочки передо мной было расстрельное хозяйственное дело. Мне же дали 8 лет плюс 1,8, не досиженные по условно-досрочному освобождению, итого почти десять. Олег же отделался чистой восьмеркой.

Колония Мясорубка

05.10.2003

Вчера в моей продюсерской жизни произошло весьма радостное и значительное событие: Билан подписал контракт на выпуск своей первой пластинки с «Гала Рекордс». «Гала Рекордс» — российский представитель крупнейшего звукозаписывающего лейбла «EMI/Virgin», который является одним из пяти основных мировых компаний-мейджоров. Сумма контракта — около 100 000 долларов, тоже в общем-то неплохие деньги, но дело даже не в этом. Рабочий контакт с этой компанией — потенциальный путь на Запад. Конечно, путь этот необычайно сложный. Существенного успеха здесь добилась лишь группа «Тату», хороший продукт благодаря своей эпатажности, но знакового мало и музыки мало. И никакой долговечности, уж поверьте мне, одной скандальностью ее не завоюешь. И потом, артист, который поет под фонограмму, это не артист. Но шоу, да, неплохое… Разгорелось и затихает, думаю, их пороху надолго не хватит, и, когда моя книга выйдет из печати, на музыкальном небосклоне их уже не будет.

Сейчас сложно сказать, кто же из наших исполнителей сможет пробиться на Запад основательно и фундаментально. Нужна поддержка мощной западной рекордс-компании, правильный репертуар, цепкие и грамотные продюсеры. Кое-что у Димы уже есть, немногое еще предстоит доработать. Песни обязательно будут на английском, музыка и аранжировки тоже должны соответствовать понятию «западный продукт». У нас же даже лучшие аранжировщики не способны его сделать — стремятся как побыстрее, как попроще, со звуком работают тяп-ляп. Студии вроде нашпигованы дорогим оборудованием, а его возможности используются процентов на десять. Тут, конечно, еще причина в постоянной экономии средств большинством исполнителей, желании как можно меньше заплатить за студию. И если на Западе на создание альбома может уйти до года основательной работы в студии, то у нас день-два на песню. И все подчас делается одним «умельцем на все руки», а в аранжировках западных песен иногда до пяти музыкантов участвуют: один пишет барабаны, другой — подкладку, третий… Ну да что говорить, там качество экономически оправдано.

«Гала Рекордс» возлагает большие надежды на молодого талантливого певца и намерена позиционировать Билана как артиста международного уровня с продвижением его в странах Европы и Америки. Дима Билан — один из самых ярких и

актуальных исполнителей на сегодняшней российской поп-сцене, сумевший за короткое время завоевать миллионы слушательских сердец во всей стране. И это не только мое мнение.

По контракту Билан выпустит на «Гала Рекордс» три альбома, в первый из которых вошли все уже известные хиты Димы, а также совершенно новые композиции в стилях R'n'B, евро-поп. Жаль, что три кавер-версии в исполнении Димы таких известных песен, как «Памяти Карузо» Лючо Далла, «Fever» Элвиса Пресли и «Lady» дуэта «Modjo», так и не вошли в дебютную пластинку. А ведь композиции эти получаются у Билана куда лучше собственных песен. Впрочем альбом записан и спет очень профессионально, и, мне кажется, даже на русском в силах конкурировать на западном рынке с представителями европейской поп-музыки…

Мы долго искали выпускающую компанию, ибо к ней существовали определенные требования: близко стоять к европейской музыке, понимать разные стили работы, мыслить творчески и перспективно. Таких в России немного, в основном стремятся сиюминутно и побольше заработать и поменьше вложить. Вообще, этот бизнес связан с большим риском, вполне вероятна ситуация (но не в этом случае), что продукт себя не оправдает. И тогда компания покрывает убытки за счет других прибыльных проектов и в зависимости от их соотношения может или развиться, или погибнуть.

Компания берется финансировать следующие альбомы Димы, при этом запись может обойтись в 30–40 тысяч, а может и во все сто. Соответственно, может уменьшиться итоговый гонорар артиста. Ну и мой, как продюсера, представляющего его интересы, поэтому априори сумму будущих гонораров сосчитать сложно.

Общение с западными рекорд-компаниями, к которым относится и «Гала», куда приятнее, чем с отечественными. В соответствии с их бизнес-принципами они и не принимают участия в концертах «своих» звезд и в доходах от них. Многие же компании с отечественным менеджментом активно лезут в концертную деятельность, желая максимально монополизировать шоу-бизнес: АРС-рекордс, Айсберг-Мьюзик, Реал-Мьюзик — они дают эфиры для своих артистов, а потом стригут их по полной программе. Конечно, это их право, и артистов никто насильно в кабалу не тянет, но сама постановка вопроса весьма драконовская. С другой стороны, если артист готов продаваться за копейки, туда ему и дорога. Но это к слову. Я же пока занимаюсь подготовкой к презентации: это и большая рекламная компания, и промоушен с ТВ-версией, и сама организация,

думаю, в тысяч 70 обойдется. Ну, гулять, так гулять!

Ну а давным-давно моя «прогулка» вела меня в Мордовию.

Итак, мой путь лежал в Дубровлаг. Звучит как край света, но в принципе это не так уж далеко. И опять спасибо маме: ходила по мукам, таскала справки, что она заслуженный человек, фронтовик. Стыдилась, но ходила. В сталинские времена Дубровлаг был знаменит сидевшими иностранцами и серьезными отечественными госпреступниками. Да и в 80-е на том почтовом отделении, куда я попал, в числе прочих находилась и маленькая зона, человек этак на сто, где примерно в те же годы отбывали наказание Солженицын и иные диссиденты. Я же угодил на строгий режим, на «семерку», в поселок Сосновку. Там томилось более тысячи заключенных, называлась она предельно доходчиво — «Мясорубка», и о ней ходили жуткие слухи. Мол, каждый день убивают, калечат, творится полный беспредел. Вот в эту «мясорубку» я и отправился из пересыльной тюрьмы на станции Поти. Нас посадили в вагончик, и он, не торопясь, покатил по местной узкоколейке. Через каждые пять километров новая зона, а значит, и остановка: «Кому сюда — милости просим!». Центральное же мордовское управление ИТУ, опекающее в сумме 20–30 тысяч заключенных, расположилось в городе со смешным названием Явас (смешнее только «Ананас»). Но меня это совершенно не веселило.

По приезде, как всегда, посещение банно-прачечного комбината, санитарная обработка, стрижка. Выдали серую ЧИСовскую (часть интендантского снабжения) униформу. Кстати, понятие моды существовало и на зоне, и ходить в казенной одежде являлось уделом мужиков и бичей. Более материально обеспеченные носили более качественную одежду и обувь. Но если сейчас можно хоть фирменный «Адидас» напялить, тогда требовалось существенное внешнее сходство со стандартным одеянием. Поэтому вся разница, впрочем, весьма очевидная наметанному глазу, состояла в чуть ином покрое, в материале поплотнее, если телогрейка, то с воротником, а не местная битловка. Раз в месяц дозволялась вещевая передачка, и родственники заключенных бегали по магазинам спецодежды, выискивая подходящие шмотки.

Когда я сел во второй раз, слово «колония» уже стало жаргонным, правильно это заведение следовало называть «ИТУ». Во главе ИТУ стояли начальник и ряд его замов: по оперативно-режимной работе, политико-воспитательной, по производству и по общим вопросам. У каждого зама существовали отделы, а зам по производству одновременно являлся директором завода, на

котором зэки и работали. Завод выпускал и мебель, и садовые домики, но основным в ассортименте являлись корпуса для советских телевизоров. Тогда ведь японской техникой обладали единицы, а остальные довольствовались просмотром передач по отечественным «ящикам». Пластиковых корпусов тоже еще не существовало, все делалось из дерева. А собрать качественный деревянный корпус совсем не просто, но именно этим мы и занимались. Заводы, прежде всего Александровский, ждали нашу продукцию и подгоняли руководство зоны. А оно, в свою очередь, шпыняло своих сидельцев.

В большом кабинете начальника ИТУ набилось свыше 30 человек — начальники всех отрядов, руководители разных служб. Там происходило распределение по отрядам и по цехам. На ковер вызвали меня. Я рассказал, что по образованию инженер-экономист, имею серьезный опыт работы. Не скрывал своих амбиций и готовности к самым ответственным должностям. В общем, вызвал такое доверие, что меня сразу же назначили начальником сборочного цеха. Предыдущий глава цеха работу почти развалил и сам это понимал, а потому даже с облегчением выслушал «приказ свыше».

— Сдавай дела Айзеншпису, вводи его в курс работ.

Так я, простой советский заключенный, оказался на руководящей должности, на которую нередко назначают и вольнонаемных граждан. В мои обязанности прежде всего входило выполнение (а еще лучше перевыполнение) плана, посещение оперативок, плотная работа с администрацией и с осужденными. Приходилось давить на бугров, которые, по местным меркам, очень серьезные товарищи. Приходилось спорить с администрацией, доказывая свою правоту.

Приходилось много работать.

Конечно, мой пост требовал максимальной гибкости и контактности, но все возможно, если правильно себя поставить, мудро и аккуратно вести себя. Тогда тебя начинают уважать, идти на контакт весьма авторитетные люди, чтобы определить свое положение — работать или не работать, есть ли хорошая синекура или нет. Ищут к тебе пути и люди из администрации колонии, у них свой интерес. В общем, следовало правильно сориентироваться в этой ситуации, не допустить промашки. С высокой должностью на мои плечи легла и большая ответственность, и все это понимали. Поэтому вначале особо не давили, присматривались ко мне. И я присматривался, кто есть кто.

Качество руководства определяется не столько знанием и образованием, а опытом и особым складом ума и характера. Я же

не только имел понятие о статистике, бухучете, об экономической оценке ситуации, но и обладал качествами лидера, завидной энергией и активностью. Я увлекался психологией и философией и успешно применял некоторые познания на практике. Бродяга ли, уголовник, авторитет или работяга — я с каждым находил общий язык и имел неплохие отношения. И, конечно, жизненный и тюремный опыт, которого уже успел набраться. При этом я всегда предпочитал оставаться собой и делать вещи по собственному разумению.

Так, например, за все годы в неволе я не сделал ни одной наколки, считая это ниже моих эстетических принципов.

Я не расхваливаю себя, просто хочу объяснить, что только эта совокупность качеств помогла мне удержаться в местах заключения на достаточно высоком уровне. Да еще и состав моего преступления, а я сидел за большие деньги, за серьезное госпреступление. А так ведь в основном один шапку с прохожего снял, а другой кирпичи украл. И если даже эта ерунда происходит по второму разу — сразу в строгий режим. При этом средний срок здесь года четыре-пять, то есть вовсе не самые большие злодеи сидят. Очень многие попадают за тунеядство, за бродяжничество. При этом сама «исправительная» система как бы определяла для впервые оступившегося зону как альма-матер и способствовала его возвращению на круги своя. Большинству освобождающихся просто некуда было податься.

Существовал многочисленный список населенных пунктов: столицы союзных республик, города-герои, погранзоны, портовые города и т. д. и т. п., куда бывшему зеку путь-дорожка была заказана. Многие прописывались за так называемым «сто первым километром» или маялись по паспортным столам, исполкомам, приемным всяких «президиумов» в тщетной надежде получить разрешение жить в родном доме с отцом и с матерью. Чем строже режим, тем больше ограничений на прописку. А если у зека, независимо от режима, вообще не оказывалось родных, его жилплощадь переходила в ведение государства и отдавалась нуждающимся, например молодым специалистам УгРо и ОБХСС. Возвращались в зону и те, кто излишне глубоко впитал принципы уголовной жизни и не мог освоиться на воле. Где «петухи» свободно гуляют по улицам и хватают за рукава прохожих, где слово «козел» в повсеместном обиходе, где все посылают друг друга и поминают нехорошим словом мать. Как жить в таком мире, где смещены все понятия, сняты запреты и пахнет беспределом?

Но я опять отвлекся. В общем, мой новый статус — руководитель сборочного цеха, мои работники — 300 человек.

Наш цех получал многочисленные деревянные детали, крышки, днища, отражатели. Требовалось их обработать, подогнать, склеить и предварительно отполировать перед окончательной лакировкой, которая осуществлялась уже не у нас. Зачистить рубашку. Если где трещинка, вскрыть скальпелем, загнать туда эмульсию и утюгом «прожарить». Практически хирургическая операция. Каждый заключенный должен был выдавать на-гора по 26 таких ящиков каждый день. А дальше ОТК начинает их придирчиво осматривать, обрисовывать белым мелом всякие недочеты и дефекты, отбраковывать иногда до половины продукции.

Я весьма быстро вошел в курс дела, ознакомился с основами деревообрабатывающей промышленности, изучил технологические карты процессов в моем цеху. Чтобы максимально избежать брака, требовалось знать технологию производства и всех предыдущих цехов, насколько сухой должна поступать древесина, например. И не путаться в широкой номенклатуре — три вида корпусов, на каждый десятки своих деталей.

Но главным и ближайшим делом я видел очистку территории от завалов бракованной продукции. Казалось, 70 процентов полезного пространства занимали высоченные катакомбы от пола до потолка. Узкие коридорчики пронизывали их, словно муравьиные ходы, при этом последние ряды часто содержали большие «карманы». Там зэки организовывали укромные лежбища, на которых занимались черт знает чем. И я пошел на брак мощной атакой, и его количество потихоньку начало уменьшаться. А ведь весь этот ужас накапливался годами, передавался от одного начальника к другому по балансу, причем цифры уже давно не соответствовали реальности.

Кое-что из корпусов оказалось вполне реально отремонтировать. Кое-что легально списывать на брак, не портя показатели и учитывая разрешенные нормы. А кое-что ночью вывезти в топку котельной и там тайно уничтожить. Дело пошло на лад, и в рекордные сроки я полностью избавился от незавершенки — воистину великое достижение. Все, что поступало в мой цех, тем же днем уходило «по этапу» в другие цеха. Остатки равнялись нулю и документально, и реально.

Директор предприятия не мог нарадоваться и всячески меня поощрял. И если раньше цех с трудом выполнял суточный план, то теперь стали расти и другие важные номенклатурные показатели, характеризующие хозяйственную деятельность: экономичность, производительность.

А еще я минимизировал воровство, а на зоне воруют везде и

все ничуть не хуже, чем в остальной стране. Воруют, что нужно и не нужно, что лежит плохо и что лежит хорошо. Вроде кругом заборы и замки, колючка и охрана — не верь глазам своим! Бревна и фанера, доски и гвоздики, наждачная шкурка мелкая и крупная — если это можно уволочь, это уволакивается. Зайдите в поселок, который при зоне, и там непременно найдете массу всего, украденного из-за решетки. Тот же сержант приходит на склад — дай гвоздей! Если не дашь, начнет придираться. А дашь — парой пачек чая отблагодарит. В итоге склад пустой. У меня такое не проходило, полный контроль над кладовщиками, никто ничего не украдет и не отнимет. На ночь все закрывалось на массивные засовы, даже мышь не проскочит.

И вскоре каких только сокровищ не хранилось у меня на складе! Лак и краска, марля, спецодежда. Ведь каждый цех получает некоторые лимиты, а дальше надо уметь их экономить, обменивать, хранить. Иногда на заводских складах шаром покати, а у меня полные бочки стоят. И приходит ко мне директор завода и просит:

— Дай для детского сада красочки…

— Как это дать? А нам что? Это мое.

— Как это твое? Ты же это наверняка сп…л!

— Ничего не знаю. Ничего не дам.

И тогда уже сам кум вызывает, по-доброму отчитывает:

— Имей совесть, куркуль недобитый, дай детишкам краски. Глядишь, с тебя не убудет.

Ну и как такому человеку откажешь… Приходилось давать, побурчав для приличия.

За счет реконструкции цеха я увеличил его мощности, открыл еще один участок с машинной обработкой, этот процесс важно было контролировать самому. Теперь у меня работало уже четыре отряда. С помощью вольного и опытного технолога я сумел выбить более современное оборудование, что еще круче подняло кривую показателей.

Все приезжающие проверки отмечали мой цех на фоне всех остальных. У меня все летало, как на конвейере, никто не простаивал, не бездельничал, все тикало, как часы. Я принимал гостей и проверяющих в своем персональном кабинете, с великолепной мебелью из шпона красного дерева, угощал их хорошим чаем с вкусными конфетами, и на какое-то время терялось ощущение, кто есть кто.

Рабочие в сборочном цеху постоянно ощущали мою заботу, практически отец родной. Она проявлялась не только в красивых раздевалках, уютных душевых и просто в чистом производстве. Я всячески поощрял и поддерживал их усердие и смекалку: если

обеспечивали норму выработки, получали возможность дополнительно отовариваться на три-четыре рубля в ларьке, перевыполняли план — подписывал списки на дополнительный чай. До 5 пачек в месяц. Старался, чтобы носили качественную спецодежду, почти все работающие рабочие ходили в блестящей мелюстиновой униформе. Формально доступная лишь для узкой категории заключенных, я выписывал ее сверх лимита. Это ложилось на себестоимость, но я имел такую возможность. Я беспокоился о «своих» куда больше самой администрация, и это понимали и матерые уголовники, и простые мужики.

При этом постоянно приходилось балансировать, стараясь соблюсти интересы различных сторон. Например, часть людей моего цеха работала целиком на сторонние заказы: кое-что делали для меня, например мебель в кабинет. Кое-что для пользы отряда: например, качественные поделки типа шахматных столиков или нард менялись и на хорошую спецодежду, и на дополнительные мясо, овощи, чай. Об этом все знали, знали и то, что я как-то выкручиваюсь, закрывая основным производством план и зарплату умельцев. И закрывали на это глаза, ибо те же ремесленники выполняли заказы и для руководства зоны. Такая вот круговая порука.

Конечно, высокий, по местным меркам, статус приносил мне определенные дивиденды. Хорошая еда, свободное перемещение из рабочей зоны в жилую и обратно, возможность не посещать переклички, неограниченные контакты с вольнонаемными. Ну что еще? Мне предоставлялись свидания максимальной продолжительности два раза в год по три дня. Хотя сам «дом свиданий» выглядел совсем как тюрьма, ей-богу: десяток клетушек-комнатушек, общие кухня и туалет, душ со ржавой водой. На окнах решетки, в потолке засиженная мухами лампочка Ильича, чтобы и родственники ощутили этот дух. Тоже ведь, поди, виноваты — не воспитали, не образумили, не уберегли. А то и гены еще добавили! Девушки приезжать не могли — только официальная жена. Или невеста при наличии каких-то подтверждающих бумаг. У меня же ни жены, ни невесты.

И так продолжалось два или два с половиной года, пока не сменился начальник колонии. И я пал жертвой интриг, ибо чем-то не устраивал руководителя смежного цеха, некоего вольнонаемного парня, который состоял в приятельских отношениях с новым кумом. Майор Лукин Николай Кузьмич в течение дня передал мою должность вольному, а меня отправил в третий отряд простым строителем. Несправедливое решение, незаслуженное падение, не напился, правонарушений не совершил. И все это видели, и в основном сочувствовали мне. И я

понимал, зона есть зона, все может случиться, но все равно переживал. И ждал, когда все изменится.

В новом отряде я должен был и землю копать, и забор красить, как простой советский заключенный. Но неглупый начальник отряда прекрасно понимал, что я там случайный человек, и особо не доставал трудовой дисциплиной. Ну, что-то, наверное, я все-таки делал, а то ведь скучно. Не могу, как некоторые авторитеты, вверх пузом целый день лежать! И хотя с привилегированного положения я слетел, и деньги, и связи остались. Поэтому, дабы особо не напрягаться, я просто покупал нормы ОКС, как в свое время в Красноярском ИТУ. Прошла пара месяцев, и дефицит в хороших специалистах среди спецконтингента, отсутствие умелых организаторов производства взяли верх над личными амбициями. Вдобавок директор завода непрерывно канючил, мол, когда перевели Айзеншписа, совсем плохо стало. План горит. Того гляди и головы полетят. А это уже серьезный аргумент. Поэтому вскоре нашли компромиссное решение: я вернулся руководителем, но уже в раскройный цех. В мое ведение перешли биржа, пилорама, сушилка цеха сборки садовых домиков и мебели. И целых шесть отрядов — человек 600–700. Процесс, которым я руководил, можно описать примерно так: железнодорожный ус идет прямо в зону, к платформе. Естественно, через несколько высоких заборов и КПП, дабы никто не сбежал под шумок. На платформе козловым краном разгружают лес штабелями. Как правило, в соответствии с его классификацией и дальнейшим назначением. Дальше на очереди первый раскройный цех: тележка подъезжает к пилораме, обрабатывают кромки, затем в сушилку рядом с котельной. Это основа мебельного производства: 3–12 дней просушки в зависимости от породы и того, где использоваться будет. Дальше во второй раскройный цех — на реечки, если для сборки домиков, если на корпуса — то брусочки. Если для небольшого мебельного цеха, тоже существующего на территории, то еще какие-то варианты. Труд, надо сказать, относительно механизирован, разве что по рельсам тележки катают вручную. Вроде бы все просто, да только издалека. И лес упрямый, и народ упрямый, но и я не лыком шит.

На подшефной территории, как и некогда в сборочном цеху, везде царил жуткий беспорядок, все раскидано-разбросано, никакого учета и контроля. Около котельной, которая обслуживала еще и поселок, отходов собралось видимо-невидимо. Гектары раскройного цеха просто покрыты непроходимыми горами опилок. С точки зрения режима это вызывало постоянные претензии проверяющих: весьма огнеопасно, часто начинало

произвольно тлеть. А то и возгоралось от различных мелких шалостей и пакостей заключенных. Помимо опилок, повсюду масса других отходов, которые все скапливались и скапливались. Этакие авгиевы конюшни, которые мне предстояло убрать.

Разбор завалов я начал с сортировки деревянных отходов, оказалось, что определенную часть горбыля можно использовать в производстве для мелких деталей. А что нельзя, я отправлял в котельную. Конечно, куда проще бросить в топку лопату угля — тепла будет куда больше, но я ввел строгий контроль за его использованием, ввел практически запрет на расход. И сразу видимая экономия средств.

Затем я начал наступать на опилки, внес несколько рацпредложений, даже нашел покупателей, которым отправил сто или даже больше вагонов прессованных опилок. Общий экономический эффект от моих нововведений составил несколько миллионов рублей, то есть, если я и нанес своей спекуляцией ущерб стране, теперь с лихвой его покрыл.

Я полностью освободил территорию от отходов, и поселок реально начал испытывать дефицит дров. Ведь раньше грузовик древесины вывозился за ворота зоны всего лишь за бутылку водки! На меня даже обозлились, но я продолжал делать свое дело. За внедрение рацпредложений я получил грамоту министра внутренних дел Мордовии и ряд патентов. А не будь я заключенным, то представили бы к званию заслуженного рационализатора РСФСР. Но очень большое денежное вознаграждение — порядка 10 000 рублей — мне все-таки перепало. И на воле оно мне весьма пригодилось.

Так начался второй этап моего восхождения. Опять большинство цехов стояло, а у меня все работало без сбоев. Опять руководство выпрашивало у меня дрова «для мерзнущих детишек» и солярку для «простаивающего сельского транспорта». Опять мои работники питались лучше остальных, имели больше чая и прочих доступных благ. Опять я оказался на высоте.

Надзорслужба относилась ко мне с почтением, как-никак авторитетное лицо, да и человек приличный. Разве что один толстый и доставучий мордвин, стоящий на вахте между жилой и рабочей зонами, иногда доманывался:

— А, Айзеншпис, начальничек блатной… Стой, стрелять буду!

— Да, начальник, а чего стоять-то?

— А того! Сейчас я тебя раздену. Почему в шапке неустановленного образца? Почему ботинки перешиты?

Лицом багровеет и звонит завхозу:

— Беги, неси стандартную одежду.

А пока ее несут, издевается надо мной. И получает удовольствие. Сегодня он старший, выше только дежурный начальник. Вдобавок все по уставу: одет я действительно не по форме.

— Ну, давай, переодевайся!

А я уже знаю, что через пару дней он придет извиняться с несколькими пачками чая:

— Не обижайся, это я для формальности.

Пока я налаживал производство, периодически писал ходатайства о помиловании. Хоть на зоне жил я, может, и неплохо, а на воле все равно лучше. Даже сравнивать странно. Мама тоже постоянно предпринимала отчаянные попытки вызволить меня раньше срока. Но все они отклонялись, мне ведь уже один раз снизили приговор на год. Дважды такое происходит редко. Мне отказали после пяти и шести лет. Через семь с половиной я отрядил еще одно прошение: под ним подписался сам министр МВД Мордовии, начальник зоны, наблюдательная комиссия при поселковом совете. По опыту я знал: отказ обычно приходит быстро. Если же рабочий комитет по рассмотрению ходатайств о помиловании выносит просьбу зэка на высокую комиссию, есть неплохой шанс. И вот тогда уже эта процедура длится долго, пока ее рассмотрят под личным предводительством Председателя Верховного Совета РСФСР, пока отпишут резолюцию. Поэтому, отсчитав месяц, а затем и второй, я очень сильно занервничал. Я в нетерпении ждал решения, и, пока я заведовал производством, это как-то отвлекало. А когда ничего не делал, мою голову будоражила мысль о надвигающейся свободе, я ведь практически не сомневался, что она скоро грядет.

Тюремный шансон

Этот песенный жанр в его сегодняшнем виде меня совсем не трогает, он слишком адаптирован к эстраде. И вообще, почему стиль тюремной романтики называют шансоном? И я, тонкий, творческий, эмоциональный, имеющий опыт прослушивания разной музыки, ощущаю его искусственность и пластмассовость. Мне ведь встречались музыкально одаренные заключенные, которые брали за душу своими песнями. Бывало, идет «Столыпин», и из клетки поет мальчишка — хороший голос, правильный слух и потрясающая искренность. И пройдя через тяжелые испытание судьбы, долгие годы находясь в центре уголовной жизни, прочувствовав ее каждым нервом, сейчас могу сказать одно: нет в нынешнем блатном шансоне правильности чувств, искренности надрыва, непосредственности и натурализма, который я слышал в зоне. Я вообще считаю, что на воле эти песни даже вредны, ибо способствуют излишней романтизации тюрьмы и зоны. Нет там ничего хорошего, ничего такого, к чему стоило бы стремиться. Да, это колоссальное испытание характера и силы духа, но упаси вас небо от подобных испытаний.

А вообще-то истоки тюремной песни ближе к сталинским временам, когда наряду с отпетыми уголовниками по зонам сидело много политзаключенных и просто случайных людей: опоздал на работы, подобрал колосок. Вот среди этих невинных жертв репрессий и находились настоящие музыкальные таланты, и лучшие песни слагались именно тогда. Ну а нынешние коммерческие «страдания» никуда не годятся, просто расхожий жанр. Но на чувствах играет удачно, ибо 30 процентов населения страны прошло через тюрьму. И немало, как это ни странно, ностальгирует по этим «похождениям».

И вот как-то вечером мы с приятелем тусовались на плацу, где обычно происходит поверка. Кстати, а вы знаете, что понятие «тусоваться» пришло из блатного жаргона? Это значило «ходить туда-сюда» по дворику, камере или иной маленькой локальной территории. Наверное, произошло от карточного термина, когда на 60 метрах гуляют человек 30, так просто не пройдешь, придется лавировать. Уже в 90-е годы это слово вошло в лексикон вольных, и образовалось ныне известное всем «тусовка». В общем, вдруг подбегает шустрый шнырь с вахты:

— Эй, тебя зовет начальник. Поторопись.

Я вздрогнул. А знаете почему? Да опять-таки моя обостренная интуиция. Несколькими минутами раньше по асфальтовой дорожке от вахты прошел начальник спецчасти. Ну

прошел и прошел, хрен его знает зачем. А тут я врубаюсь, что наверняка он принес какое-то известие. Начальник спецчасти — нормальный мужик, майор, племянник начальника колонии. Наши отношения как минимум нормальные и деловые, друг другу по возможности помогали. Сначала я почти побежал, а потом слегка сбавил темп: «А вдруг новости безрадостны. Какой же это будет облом… Нет, да мне особо и не хочется на волю. Мне и здесь неплохо…». Но когда я зашел на второй этаж, откуда просматривалась изрядная часть зоны, и увидел довольную физиономию начальника спецчасти, я почти возликовал. Сейчас мне скажут что-нибудь приятное, я не сомневаюсь! Наверняка снизили срок. На год? Или…

— Ну, мастер, поздравляю. Срок снижен на год и восемь месяцев. До звонка тебе осталось всего четыре месяца. Так что потихоньку сдавай дела на своих участках. И отдыхай.

Чем ближе «звонок», тем медленнее сменяются дни. Время бессовестно замедляет свой обычный ход. Последний месяц длится как три предыдущих, а последняя неделя — как предыдущие три месяца… Две-три недели ушло на введение в курс дела моего сменщика, а потом я просто отдыхал и загорал, благо лето уже полностью вступило в свои права. В принципе, зона не армия, здесь работают до последнего дня. Но меня в силу исключительности трудиться не заставляли, да и не пойду же я простым рабочим! А если по совести, то я ведь столько лет вкалывал даже по воскресеньям. Если бы эти дни сосчитать…

Кстати, работал я не за деньги или не ради желания выслужиться — скучно было!

В ночь перед освобождением я устроил небольшую пирушку для кентов и соседей по бараку, я заварил изрядно крепчайшего чифира и просто «купеческого» чайку и устроил проводы. Меня о чем-то просили, что-то я обещал, кому-то позвонить, например. Но лишних обязательств на себя не брал. А то, бывает, кто-то в возбуждении от предстоящего освобождения кричит: «Выхожу за ворота — и в магазин! Обязательно переброшу — чай, сгущенку…». Тогда обязательно кто-нибудь вставит ехидно:

— Каски-то надевать?

— Зачем?

— Чтобы консервными банками не убило.

Освобождающийся часто идеализирует предстоящую жизнь, это связано, конечно, с опьянением свободой, вольным воздухом.

Но я выходил на волю уже повторно и особых иллюзий не питал.

Срок третий и последний

101-й километр

20.10.2003

В минувшую субботу на служебном входе в ДС» Юбилейный» со мной случился забавный случай: я забыл приклеить себе на свитер специальный бейдж, и охранник дворца спорта встал на пути у видного музыкального деятеля: «Вы куда?». Ну я, конечно, не звезда эстрады, чтобы меня в лицо знали, но я объяснил, кто я и что сильно спешу, а бейдж посеял. Не подействовало, а я возмутился и пригрозил наглецу увольнением. Тот угрозы не испугался, и тогда я попытался применить силу и начал толкать охранника. В конце концов вмешалась какая-то женщина из администрации, и меня пропустили. Уж не знаю, что я так разнервничался, формально охранник был прав. Вдобавок за несколько минут до моего прихода его сильно допек Леня — солист «Динамита». Этот Леня, напялив на башку капюшон, появившись у служебного входа, начал прикалываться: «А чей это концерт сегодня?».

— Иди отсюда, парень, — отреагировал охранник. И тоже долго не хотел пускать шутника. Кстати, несколько часов спустя разнузданный Леня на концерте такое вытворял… Он надувал на сцене презервативы, целовался с поклонницами. А когда ему из толпы швырнули чьи-то красные трусики, не придумал ничего лучше, как вытереть ими пот. Н-да, такие вот у меня проказники в группе собрались…

На следующее утро, 2 августа 1985 года, за мной приехали родители, цивильные вещи привезли, и я поехал с ними в Москву. Стояла прекрасная теплая погода, народу в столице оставалось немного, и я несколько дней просто с удовольствием бродил по улочкам города. Увы, остаться здесь жить я не имел права. Идиотское положение о паспортах требовало, чтобы для снятия судимости я достаточно долго жил и работал за 101-м километром. Под это положение попадало большинство отбывших наказание, попадало в замкнутый круг. Ведь у многих освобождающихся возникает колоссальный соблазн заехать домой, повидать детей, родителей. Через неделю появляется участковый, если гуманный, на первый раз просто предупреждает. Еще через неделю — подписка. Третья подписка — в суд и в зону строгого режима. Обычно освобождающегося спрашивает администрация колонии:

— Куда поедешь?

— Да вот туда бы или хотя бы…

— Нет, туда нельзя, туда тоже…

— Ну, давайте к дальним родственникам в Тьмутаракань и без дискуссий.

Затем связываются с наблюдательной комиссией, с органами опеки и выписывают документы в разрешенную глухомань. Приезжаешь — надо трудоустраиваться, уж куда примут. На хорошую работу не рассчитывай, сидевших обычно сторонятся, и в целом справедливо. Может, грузчиком возьмут или на скотобойню. А если нет, то за тунеядство могут и привлечь!

Да и деньги тоже надо где-то брать. В общем, живи и радуйся, что свободен, если сможешь!

За время моего отсутствия мать фиктивно разошлась с отцом, и все это ради решения жилищного вопроса, уж больно плохоньким было жилище на Дмитровской. Как участники войны, они обеспечивались отдельными квартирами, и отец к сорокалетию Победы уже успел получить однокомнатную на Фестивальной, а мама пребывала в состоянии ожидания. Ее квартира на Зеленоградской улице появилась в 1986 году, туда я и съехал от отца. Интересно, что если после первого срока я максимально рвался погулять, то сейчас фактически днями торчал дома, не хотелось никуда идти и ни с кем общаться. И где-то через неделю моей вольной жизни на Фестивальную нагрянули из милиции с проверкой. Я находился дома, открыл дверь и… получил первое и последнее предупреждение. Звучало весьма убедительно, и я поклялся участковому завтра же уехать за 101-й километр. Что и сделал.

Куда ехать, мне было абсолютно все равно, поэтому я выбрал город Александров — самый близкий из тех, где разрешалось жить. В душную электричку, набитую дачниками и запоздалыми грибниками, я уселся в весьма скверном настроении. Шел дождик, за окном мелькали унылые пейзажи родной страны и проносились незатейливые названия станций… Черт, как же все по-дурацки у меня в жизни складывается!

Проведя в пути положенные два или даже два с половиной часа, я оказался в весьма глухой провинции. Вроде вот центр города, а через два шага уже частный сектор — маленькие домишки с палисадниками и покосившимися заборами. Именно здесь я надумал снять временное жилье, здесь я и бродил, посматривая по сторонам. Для Александрова это типичная картина: многие освобождающиеся, имеющие денежные средства, стремятся прописаться и жить на съемной жилплощади, а не в какой-нибудь задрипаной общаге одного из местных заводов. Искал я недолго — на лавочке перед вполне милым домиком на завалинке сидела полная дама бальзаковского возраста и читала

какую-то книжицу:

— Добрый день. Не подскажете ли, где здесь можно комнатку снять?

— А, только освободился? По какой сидел?

Да, мой интеллигентный вид ей все «рассказал», а валютная статья понравилась, дама неплохо разбиралась в тонкостях УК. И понимала, что с такой статьей соленья из погреба не воруют. Оказалось, что ее сын здесь же, в Александрове, отбывал небольшой срок на стройках народного хозяйства или, в просторечии, «на химии». Получалось, в чем-то родственная душа. Дама предложила жить у нее. В домике три большие комнаты, сени, кухонька, удобства, понятное дело, во дворе. Но летом все выглядело вполне мило: садик, беседка, высокий забор и игривая собачонка. Я выдал аванс-задаток и уехал в Москву, пообещав вернуться через неделю. Я действительно приехал, сходил в паспортный стол, заявил о себе в местном отделении милиции. Они запросили надзорные документы, и, пока шла переписка, меня никто не проверял, пожил два-три дня и уехал. Потом вернулся и пытался устроиться на работу. Условия труда на картонном заводе меня просто поразили, хуже, чем в любой зоне, два года — и на кладбище, и я отправился на местную деревообрабатывающую фабрику, а куда еще возьмут с двумя судимостями? Мой опыт в Мордовской зоне их заинтересовал. Я сказал, что приеду не сразу, на что услышал равнодушное: «Когда приедешь, тогда и приедешь».

Однако переезжать в эту дыру из Москвы ох как не хотелось. И я завис у родителей, прятался, не открывал дверь проверяющему участковому.

Валюта во мне уже вызывала конкретный страх, да и вообще с подпольным бизнесом снова завязываться не хотелось. Какие-то деньги я привез из Мордовии, их вполне хватало, чтобы нормально одеться, ходить в костюмах от «Большевички» я физиологически не мог.

Тем временем я потихоньку оклемался, принарядился в модные джинсы, яркую рубашку и отправился на поиски развлечений. Но развлекаться я предпочел не в Москве, с большой опасностью нарваться на неприятности, а на море. И с приятелем Давидом в конце сентября я махнул в Гагры. Отдыхающих там оставалось совсем немного, но погода стояла еще весьма теплая. Тепло и приветливо ласкало меня море, которое я не видел много лет и из которого практически не вылезал. Сочные и вкусные фрукты словно просили: ну съешь меня. Девушки…

Мой же дружок, сильно пьющий, особо не увлекался ни

морем, ни фруктами. Он не мог проходить мимо дешевого и отличного местного вина и очень укоризненно смотрел на меня, если я отказывался составить ему компанию. И для меня, хотя и потреблял, наверное, раза в два меньше, вечный праздник закончился инфарктом. Кое-как подлечившись в местной больнице, я перебрался в Москву. Но, несмотря на это предостережение сердца, кутить не перестал.

В столице я начал встречаться с девушкой, с которой познакомился на юге. Имени не помню. Может, Оля? И еще с одной — то ли Нина, то ли Вика. И еще с Наташей с Беговой, ныне женой моего друга. И, когда через полтора месяца я угодил в больницу со вторым инфарктом, однажды меня посетили одновременно две верные подруги. В палате произошла небольшая, но отвратительная сцена ревности, одна из немногих в моей жизни. Но и после второго инфаркта я не остепенился: уж больно сильно изголодался по праздникам за столько лет в неволе. Кутил напропалую. При этом я успешно продолжал уклоняться от попыток милиции вычислить меня, на квартирах родителей появлялся редко, что-то снимал, иногда у подружек и друзей зависал. Но все равно не особо спокойно себя чувствовал, вздрагивал от каждого настойчивого звонка в дверь.

В начале февраля 1986-го я познакомился с двумя веселыми девчонками, мы пошли в ресторан, а после его закрытия я вместе с двумя бутылками шампанского отправился к ним в гости, куда-то в район Останкинского телецентра. А тогда, надо заметить, вся страна жила в ожидании очередного съезда партии, в столице постоянно проводились милицейские рейды и облавы, попались и мы: около метро «Рижская» нас остановили взмахом жезла. Всем пассажирам такси предложили показать документы. Документы обнаружились лишь у одной из девушек. Нас заставили расплатиться с водителем и доставили в ближайшее отделение милиции. Вскоре девчонок отпустили, а меня оставили, ибо я без утайки назвал свое имя, и после пробивки наверняка установили, что я числюсь поднадзорным. До утра я просидел в местном «обезьяннике» в компании с какими-то бродягами и алкашами. Мне было хреново, хотя, казалось бы, ко всему уже привык, но опять недоразумения, огорчения, опять слезы родителей. Привлечь, конечно, не смогут, но кровь попортят. И от этих мыслей мне стало плохо с сердцем, очень плохо. Вызвали скорую, госпитализировали в больницу, вкололи массу всего оживляющего. Утром пришел врач, посмотрел и говорит:

— Ну, лежите, больной, отдыхайте, все обследуем, а там видно будет.

Через три часа он заглянул ко мне снова и выдавил сквозь

зубы, уставясь глазами в пол:

— Мы вас вынуждены выписать…

— Но я же плохо себя чувствую, почему?

— Такая ситуация сложилась, не могу все рассказать… Но оставить вас не в моей власти. Не волнуйтесь и собирайте вещи.

Ничего себе — не волнуйтесь! Где это видано, чтобы больного за дверь больницы выставлять? И я испугался не на шутку. Когда же я оделся, меня отвели в какой-то пустой кабинет с пожелтевшими плакатами устройства внутренних органов. Я долго ждал, и вот заходят двое, представляются следователями и говорят после расспросов:

— Ты злостно нарушил паспортный режим, мы тебе делаем предупреждение и берем подписку. Еще раз приедешь в столицу — посадим.

— Да я только вчера приехал…

— Врешь. Где билет???

— Ну ладно, сейчас прямо и поеду…

Но меня не отпускали, чего-то ждали. Потом сказали: «Поедешь с нами». Посадили в черную «Волгу» и куда-то повезли: я зажат посередине заднего сидения, двое здоровяков по бокам и водитель. *Я* пытался завязать разговор, но безуспешно. Машина проехала ВДНХ, мне стало интересно:

— Куда везете?

— Сам увидишь.

И вот мы выехали за пределы столицы, сопровождающие сначала упорно молчали, а потом снова начали грозить:

— Еще раз появишься, гаденыш, сразу под наши молотки попадешь. Тут тебе в больнице не помогут… Уяснил?

На этот раз уяснил. Все это проходило в рамках кампании очистки столицы перед съездом КПСС от подозрительных элементов, а именно таким я и являлся — госпреступником.

Проскочили несколько подмосковных городков, стали приближаться к Владимирской области, на сотом километре остановились, прижавшись к обочине, стали звонить кому-то. Вскоре с другой стороны подъехала «Волга»-близнец, и прошла передача особо опасного преступника владимирским властям. На прощание один из московских ментов отвесил мне обидный пиндаль грязным ботинком.

Меня повезли в городской отдел Александрова, опять последовали допросы, заполнили карточки и объявили надзор. Раз в неделю требовалось приходить отмечаться, а каждый день после десяти вечера как цуцику сидеть дома и ждать проверки. Утром следующего дня я позвонил на мебельную фабрику и трудоустроился на должность старшего мастера. И стал ходить

туда, какую-то ерунду из дерева делать. 400 человек лениво работали дедовскими методами, даже производство корпусов для телевизоров куда лучше налажено было.

Поскольку проблемы с сердцем продолжались, я периодически посещал местную горбольницу и как-то удачно попал на очень хорошего врача. Рассказал ему историю жизни, тот отнесся персонально и неформально. Подтвердил, что требуются квалифицированные исследования в хороших центрах Москвы и начал выдавать мне разрешения выезжать в столицу. После таких поездок я приносил врачу то бутылочку коньяка, то коробку конфет. Почему не доставить удовольствие хорошему человеку?! Наиболее же ценной оказалась рекомендация собирать документы на ВТЭК. Признай врачебная комиссия мою инвалидность, я сумел бы вполне законно вернуться в Москву.

Вскоре я встретился с сыном хозяйки Поповым, авторитетным человеком в городе, он только что отбыл три года срока и вернулся домой. В целом бездельничал. С ним я проводил время, иногда в единственном приличном местном ресторане. Там по пятницам собиралась местная «знать»-жулье, воришки и прочие, живущие не на одну зарплату. Часов в 11 все замолкало, и только периодически слышались пьяные песни и крики. Что же, обычная жизнь обычного провинциального городишки. Хоть и скукотища, да меня в общем-то не особо раздражала.

На заводике я проработал несколько месяцев, особо не утруждая себя, но и не наглея и не прогуливая. А потому надзор за мной сильно ослаб, лишь изредка приходил пьяный участковый, громко стучался в ворота дома, а сам даже мою фамилию не мог выговорить:

— Здесь живет ААА…?

А хозяйка дома, острая на язык баба, передразнивала:

— ААА… Выучи сперва фамилию, а потом уже будешь трезвонить. Все дома. Пошел ты!

Эта самая хозяйка, дама хоть и в возрасте, но и в самом соку, практически с самого начала оказывала мне недвусмысленные знаки. Иногда это было приятно — пампушечки да свежая простынка, а иногда и слегка навязчиво. Но возможная интимная связь с нею меня не привлекала. В то же время к нам периодически заходила на чаек милая девушка Оля, и вот с ней у меня установились тесные отношения. Сначала я переехал к ней в комнату в коммуналке, а затем в добротный купеческий дом, где жила ее мама. Весной там все расцвело, и я просто наслаждался… Оля жила с сыном 6–7 лет, периодически заикающимся и часто болеющим. Еще теоретически существовал муж-алкоголик, уехавший на заработки на Север и канувший неизвестно где. В

общем, обычная бестолковая история.

В мае состоялся ВТЭК, я получил долгожданную инвалидность, что означало требование постоянного ухода за мной. И тогда я вернулся в Москву и смог прописаться на основании этой справки. Потом еще несколько раз я ездил к Оле, но интервалы между поездками становились все больше и больше, чтобы добираться в такую даль требовались более сильные чувства, чем имелись у меня. И во время одного из таких посещений выяснилось, что женщина беременна. Что делать? Мы, а скорее я, решили делать аборт… Почему? Честно говоря, не хочу об этом особо распространяться. Наверное, наши отношения строились по принципу разумного эгоизма и глубина чувств была весьма условной.

Кстати, уже после Александрова в моей жизни появилась еще одна девушка, по уши влюбленная в мою скромную персону. А ее папа, надо сказать, служил ни много ни мало одним из руководителей крупной внешнеторговой организации. Тем не менее в моем лице он увидел достойного жениха для своей дочурки.

И вот однажды он вызвал меня на Смоленку в одно из зданий Внешторга в огромный кабинет с дубовым столом и строго спросил:

— Какие у тебя отношения с моей дочерью?

— Нормальные…

— Что значит нормальные? Они будут нормальные, только если их упорядочить. Ты должен на ней жениться. Собираешься?

— Может быть.

— Ну, думай. Женишься — подарю машину. А потом и квартиру куплю. Нет — больше у нас не появляйся.

Когда я выходил из кабинета, то уже понимал, что ни «Москвич» не нужен, ни женщина, на которой «должен жениться». Я никому ничего не должен, ну, может, кроме родителей. Короче, сильно задело.

Опять за решетку!

10.11.2003

Неделю накануне назначенной на 31-е презентации первого Диминого альбома «Ночной хулиган» на солнце наблюдались вспышки. Я же испытывал большое напряжение, непривычные ощущения, головную боль и повышенную возбудимость. Говорят, это волнения солнечной атмосферы посылали на землю какие-то негативные импульсы. Но на земле все складывалось неплохо, по крайней мере у меня.

Презентация состоялась в обновленном «Арлекино», именно здесь лет десять назад я презентовал первый альбом Сташевского. 1500 человек, очень душно, кондиционеры не справлялись.

Перед началом презентации журналистов пригласили на пресс-конференцию. Я заботливо встречал их и иных гостей на входе в зал, уговаривая побыстрее занять свои места. Впрочем, особой необходимости в этом не было, поскольку виновник торжества жутко опаздывал. Ведущим пресс-конференции стал солист группы «Динамит» Леонид Нерушенко.

Я же поведал, как нашел подопечного на вечеринке журнала «Yes!» в МДМ, где выступала группа «Динамит». За кулисами, где, как всегда, тусовалась творческая молодежь, ко мне подошли познакомиться учащиеся музыкального училища имени Гнесиных Дима Билан и Саша Савельева. После этой судьбоносной встречи и началась звездная карьера парочки: один стал сольным артистом, а его подруга отправилась на «Фабрику звезд».

Я сразу же устроил Диму на конкурс в Юрмале «Новая волна — 2002», где тот занял совсем неплохие позиции. Опередила новоявленного певца тогда лишь группа «Smash!!», популярность которой сейчас ничуть не выше, чем у Билана.

Я открыто заявил, что очень доволен своим протеже как человеком образованным и талантливым по наследству (мама исполнителя в свое время закончила консерваторию). Журналисты поинтересовались у выпускающей компании, каким образом она намерена продвигать Диму Билана на международный рынок. Глава «Гала Рекордс» Александр Блинов заверил, что альбом «Я ночной хулиган» появится по всему миру: этим на Западе занимаются специальные промоутерские фирмы. Надо сказать, что дату российского релиза пластинки, приходящуюся на праздник Хэллоуин, мы выбрали абсолютно случайно. Но, несмотря на отсутствие какой бы то ни было знаковой связи, я выказал свое удовольствие от созерцания некоторых гостей, пришедших в жутковатых карнавальных

костюмах: «Значит, наш праздник пройдет еще веселее!».

В разгаре пресс-конференции собравшиеся наконец смогли поприветствовать Диму Билана. Герой вечера виноватым голосом лаконично объяснил причину задержки: «Пробочки». «Надо раньше выезжать — это у тебя уже болезнь!» — я слегка пожурил подопечного. У певца поинтересовались, как он относится к Баскову и Галкину, не сделал ли еще последний на него пародию. Дима заметил, что уважает коллег, но ощущает себя в несколько ином жанре, а вот пародий удостоился пока только в КВН, зато дважды, и это уже показатель. Профессиональными же кумирами Билана являются Уитни Хьюстон, Робби Уильямс и Мэрайя Кэри. Артист признался, что ничуть не стыдится время от времени выступать на заказных мероприятиях и днях рождения бизнес-магнатов, тем более что все они — очень хорошие люди. Затем ведущего пресс-конференции попросили озвучить его отношение к тому, что я-де в последнее время уделяю гораздо больше внимания Билану, чем группе «Динамит». Нерушенко признался, что, хоть и немного ревнует, но прекрасно понимает, что сейчас его коллеге нужна большая поддержка; «Динамит» же уже состоявшийся и самостоятельный коллектив.

После небольшого фуршета началась музыкальная часть программы. Пока гости наполняли зал, под бодрую танцевальную музыку по нему расхаживали циркачи на высоченных ходулях, а на специально расставленных платформах «зажигали» максимально облегченные в плане одежды танцовщицы. Шоу продолжалось долгое время, пока, наконец, на сцене не возникли ведущие Тутта Ларсен и Леонид Нерушенко, настойчиво выпрашивавший у зала поддержки в связи с дебютом в роли конферансье. Расписав все достоинства виновника торжества, зычными голосами парочка объявила выход собственно Димы Билана. Со стильным беспорядком на голове, но в строгом черном костюме аудиодебютант в одиночестве исполнил «Памяти Карузо» Лучо Далла, продемонстрировав, правда в записи, свой широкий вокальный диапазон. Следующим блоком было представление песен со свежевыпущенной пластинки, для чего на сцене появилась живая инструментальная группа. Переодевшись в более свойственные имиджу джинсы и белую рубашку, Билан зарядил обещанную «живую» программу — «Бум», «Girlfriend», «Ночной хулиган» и прочие уже знакомые уху любителей отечественной попсы композиции.

В качестве дополнительного визуального эффекта на сцене время от времени появлялись две танцовщицы в полупрозрачных белых материях, изображавшие не то привидения в честь Хэллоуина, не то романтическую направленность песен Димы

Билана. У сцены тем временем образовалась мощная группа поддержки, состоявшая в том числе и из редких для ночных клубных мероприятий юных девушек, забрасывавших певца цветами и разнообразными плюшевыми изделиями.

Еще раз переодевшись, Билан вновь появился перед гостями, но уже один, и представил еще несколько вещей с диска в привычных электронных аранжировках. Сладким завершением сета гвоздя программы стал вынос большого торта в виде проигрывателя пластинок с соответствующей событию надписью на «пятаке» аудионосителя. Подарок от кулинаров «Арлекино» разрезали все участники прошедшей ранее пресс-конференции, полакомились также и оставшиеся журналисты. Вторая часть музыкальной программы была отдана под песенные поздравления гостей. На сцене выступили группы «Фабрика», «N'Evergreen», «Hi-Fi» (обрядившиеся в исключительно мужские костюмы по случаю Хэллоуина), «Гости из будущего», «Блестящие», «Динамит», Саша, Дарина, «Любовные истории», Алексей Романов. Дима Билан послушно выбегал из-за сцены на каждый зов коллег и виновато сообщал, что опаздывает на самолет в Красноярск. Однако главный герой вечера успел-таки исполнить дуэт с певицей Дариной (в клипе которой он недавно появился, к чему бы это?) и, выбежав к зрителям уже в походном спортивном костюме во время выступления «Любовных историй», окончательно попрощался со всеми, ему предстоял полет в Красноярск, где Дима принял участие в праздновании пятилетия МТВ. Самолет задержали, но все обошлось.

В общем, презентация прошла на ура. Гостей было множество: «Фабрика», Киркоров, «Гости из будущего», «Hi-Fi», Саша… Кого-то из гостей искренне интересовало творчество Билана, кто-то любезно откликнулся на мое приглашение, а кто-то просто пришел поразвлечься. А по большому счету зачем еще, как если не для развлечений, нужна вся эта музыка?!

На основании решения ВТЭК вернувшись в столицу, я старался максимально избегать незаконных дел, но от судьбы не уйдешь. По крайней мере далеко. И как-то, сидя с приятелями в ресторане, я познакомился с одной бизнес-леди, как это теперь принято говорить. Осведомленная о моем неравнодушном отношении к хорошим шмоткам, дама предложила слегка обновить мой гардероб. Я поехал к ней «на примерку». Предложенный мне товар в лучшую сторону отличался от продаваемого в «Березках» как по качеству, так и по эксклюзивности. Он покупался непосредственно за границей или самой дамой, или ее мужем арабом. Потом за скромный процент

я обновил гардероб моих приятелей. А потом все это превратилось в небольшой бизнес. Так меня вовлекли в процесс фарцовки импортным ширпотребом в качестве одного из звеньев цепочки. С валютой я уже не связывался — руки жгла, а занимался сбытом одежды оптовикам. Конечно, сказать «вовлекли» можно лишь условно: на невинного и наивного мальчика я не тянул и все делал вполне сознательно, но деловой импульс плюс женское обаяние сыграли свою роковую роль. Плюс все тот же запах легких денег. Товары уже стали не привозиться из-за границы от случая к случаю, а закупаться непосредственно в «Березках» и не единичными, а мелкооптовыми партиями. Масштаб операций поменьше золотого, но тоже вполне достойный и прибыльный — несколько тысяч рублей в месяц да приносил. То есть я зарабатывал раз в пять-шесть, а то и больше самого высокопоставленного чиновника и в очередной раз не находил в себе сил сказать «стоп!».

В зависимости от вида товара — косметика, тряпки, электроника — существовало несколько точек «сбора», где и совершались сделки. Кстати, там я встречал многих из нынешних сырьевых и банковских олигархов, первых лиц правительств. Свой первый капитал они сделали именно там. Сейчас они вряд ли в этом признаются, да и я не хочу чужими именами швыряться, хотя что тут зазорного? На тот момент это являлось максимально возможным масштабом проявления частной инициативы. Не считая, конечно, партийно-хозяйственных преступлений. Впрочем, появление, а тем более сделки на «точках» несли большую потенциальную опасность, поэтому, как правило, все происходило по телефону или через знакомых. Каждый делал свой маленький бизнес в качестве звена той или иной цепочки, и, если где-то происходил обрыв, все очень быстро рушилось.

Араб в итоге попал в оперативную разработку КГБ, дал показания против меня и своей подруги и свалил из страны. Однако еще весомее оказалось предательство валютчика Шпеера, с которым я и водочку пил, и с девочками гулял… Вот гнида! По делу он проходил как свидетель, однако без очной ставки и прочих формальностей, и о его неблаговидной роли я узнал совершенно случайно.

За мной установили тотальную слежку, и как-то, когда я приехал на деловую встречу к театру имени Моссовета, мою машину блокировало несколько автомашин сотрудников милиции. В багажнике находилось несколько кассетных «Грюндигов», парочка видеомагнитофонов и десяток видеокассет. Авто с товаром забрали, а меня отправили проторенной дорогой — сначала на Петровку, а после предъявления обвинения — в

Бутырку. На дворе стояло 10 октября 1986 года. Недавно купленные «Жигули» шестой модели — мою первую машину и весь находящийся в ней товар, а также порядка 15 тысяч рублей из карманов изъяли и описали. В квартире на Зеленоградской также произвели тщательный обыск, но ничего предосудительного не нашли и ничего описывать или конфисковывать не стали. Благо я успел туда лишь временно прописаться, да и товар не хранил.

Единственным официальным свидетелем моего обвинения являлся подлый араб, успевший покинуть СССР и не отзывавшийся на международные телеграммы, идущие к нему на родину. Именно этот факт не давал следствию законной возможности поставить в моем деле очередную жирную точку. А потому само следствие шло вяло и бесперспективно, я же, уже опытный в вопросах законности и юриспруденции, имел четкую линию защиты. Наличие импортных вещей в моем автомобиле и большой суммы денег в кармане само по себе преступлением не являлось, поэтому требовалось лишь придумать некую правдоподобную версию и ни в чем не признаваться. А иначе, как уже случалось, мое признание вопреки всем юридическим нормам могли посчитать за доказанное обвинение. Я искусно отпирался и параллельно строчил огромное количество жалоб, из двух томов дела один полон моих кляуз. Писал я их по любому поводу: по делу, по условиям содержания, по состоянию здоровья — и в самые разные инстанции, даже в Европейский суд по правам человека…

Мое дело представлялось изрядно сфабрикованным, и защита его удачно разваливала. Лучшим же защитником выступал я, как наиболее заинтересованный в итоге, имеющий серьезный опыт контактов с правосудием и лучше всех знающий суть дела. Адвокаты и юристы в подавляющем большинстве работают не творчески, лишь формально отрабатывают, основываясь на каких-то законодательных актах, выискивая какие-то процессуальные нарушения. Кто-то основательнее знает законы, кто-то — более поверхностно, язык у кого-то подвешен лучше, чем у другого, но в суть дела мало кто вникает. Родственникам обещают золотые горы, но обычно к серьезному бою за клиента не готовы. Поэтому, общаясь с адвокатами, я лично выстраивал линию защиты, говорил, на что стоит обращать внимание и на чем акцентировать выступление. Короче, два раза меня судили и дважды разные суды отправляли дело на доследование. И во второй раз прокурор не дал санкцию на мое дальнейшее содержание под стражей. Видимо, предполагаемое преступление не представляло такую социальную опасность, как десять или даже полтора года назад.

Близилась перестройка, подул свежий ветер перемен, и это стало касаться и судопроизводства: оно теперь вершилось более серьезно, лояльно и демократично. В преддверии социальных свершений в людях наблюдался невиданный внутренний подъем, значимость человека выросла, уменьшился беспредел власти. Активно освобождали под подписку в качестве меры пресечения, так как камеры уже не распирало сверх всякой меры.

Тем не менее активно арестовывались попавшие на взятках и злоупотреблениях дельцы от советской торговли, шла серьезная чистка рядов. Забрали начальника главного управления торговли Мосгорисполкома Николая Трегубова и около 130 его сотрудников, в том числе замов его главка. Мне «посчастливилось» сидеть с двумя из них — сначала из управления продовольственных, а затем и промышленных товаров. А также с директором крупного гастронома на Проспекте мира у Рижского вокзала. Уже в весьма преклонном возрасте, под 60, он пребывал в постоянном шоке и все твердил:

— Какой позор на мою седую голову…

Я сочувствовал, но внутри думал: «А раньше что, не догадывался?».

Еще весьма интересный пассажир — вор в законе Валериан Кучулория по кличке «Песо». Его отца — заместителя председателя Верховного Совета Грузии — расстреляли в 1936 году, практически в год рождения сына. Мы много общались, его беседы об уголовной жизни были интересны даже мне, уже немало повидавшему за решеткой. Он понимал, что я, валютчик, бизнесмен, все-таки не из криминального мира и не собираюсь туда переходить, и относился ко мне со сдержанным уважением. Как и я. А вообще, обитатели тюрьмы, где находится крупный уголовный авторитет, всегда проявляют повышенный интерес к его персоне, стараются максимально поддерживать морально и материально. Подогревают по всем статьям. Как-то я прочел автобиографический рассказ некоего Константина Гумирова, тоже сидевшего, и нашел там строчки. По-моему, об этом человеке:

«Однажды в камеру зашел грузин Песо, «вор в законе». В тот же вечер за ужином он вдруг бросился в угол и напал на Женька, который пришел вслед за мной из моей хаты в Бутырках. Он чуть не загрыз Женька, и тот стал ломиться из хаты. Только тут я понял, что Женек — дятел.

— Как ты почувствовал эту суку?

— У нас чутье на них в Грузии.

Узнав, что я поэт, Песо попросил меня сделать ему для племянника и племянницы акростих.

— Не хочу, чтобы мой племянник встал на воровской путь.

Пусть будет лучше футболистом.

Я сделал акростих, где пожелал ему достичь мастерства Давида Кипиани.

— Я буду хранить твой стих под стеклом и выполню любую твою просьбу, Константин. Приезжай ко мне в Грузию».

Кстати, похожую кличку носит и один авторитетный вор из фильма «Антикиллер» и одноименной книги Корецкого. Образ, несомненно, списан с моего знакомого. А в книге Николая Модестова «Москва бандитская» немало места уделено уже конкретно этому человеку. Впрочем, на момент нашего знакомства Песо уже сильно и неизлечимо болел: рак гортани пожирал его неуемную личность, из горла торчала трубочка. Поэтому и выпустили его из-под стражи, выпустили умирать. Вместе с общим знакомым — ныне тоже покойным авторитетом Отари Квантришвили — уже после моего освобождения мы как-то собрались проведать больного, да на несколько дней не успели. На пышные похороны на Ваганьковское кладбище я не пошел, как не пошел потом на похороны застреленного в 1994-м Отарика, как не пошел проститься с еще сотней достаточно близких мне людей. Не люблю я это, не люблю и не понимаю. Только отца и мать я проводил в последний путь. И Цоя.

А вот еще одна история: Я находился «на больничке» в Матросской тишине, куда меня перевели из Бутырки на курс лечения. Почему именно туда, сейчас сказать сложно, возможно, нужное мне сердечно-сосудистое отделение присутствовало только там. И вот однажды меня вызывает к себе начальник медчасти. Случай достаточно редкий, по крайней мере раньше таких высоких приглашений мне не поступало. Настроенный явно благодушно, медик начал задавать вопросы, приятно волнующие мою память и совсем не связанные с нынешним положением подследственного. Меня спрашивали, что делал до начала череды заключений и злоключений, какое имел отношение к музыке, к рок-группам. Я с удовольствием отвечал, не особо понимая, к чему он клонит. Начальник в свою очередь сыпал названиями западных рок-команд и признавался в любви к этой категории музыки. А потом взял со стола какой-то номер журнала «Юность» и прочитал: «Для многих советских рок-групп Юрий Айзеншпис является тем же, что Брайн Эпштейн для “Битлз”». Вот так сравнение! И кто же это написал, какой-то мой бывший приятель? Автора экскурса в историю советской рок-музыки я не знал — некто Евгений Додолев. Но написано было вполне профессионально и позитивно. Также в весьма объемной статье упоминалось, что ныне Ю. Айзеншпис отбывает наказание в советской тюрьме, что, впрочем, ничуть не умаляет его

музыкальных заслуг. Начальник медчасти широко улыбнулся:

— Это о тебе, что ли?

— Да. Не только темные пятна в моей биографии…

Через некоторое время после освобождения я неожиданно встретился с тем самым Додолевым. Очень усталый, я ехал в 31-м троллейбусе и задремал. И вдруг сквозь сон слышу зычный голос: «А это тот самый Айзеншпис спит, о котором я статью написал».

Додолев, которого я тогда увидел впервые в жизни, обращался к своему попутчику и показывал пальцем на меня. Они выходили у здания ТАСС, и Евгений сунул мне свою визитку и попросил позвонить. Мы начали общаться, а через какое-то время он стал мужем Натальи Разлоговой. Той самой, пусть и неофициальной, но самой настоящей и любимой жены Виктора Цоя. Вот такая «ирония» судеб.

Именно в эту «матросскую» больничку вскоре после неудачного суда и пришел следователь, причем по интонации его приветствия и унылому выражению лица я понял, что он собирается меня освободить. Следователь мою версию подтвердил, и я начал просить, практически умолять его: освободите меня сегодня! Была пятница, и хотя вроде бы два лишних дня на фоне общего срока моего заключения роли не играли, но я просто физиологически не мог больше оставаться за решеткой. Сначала он отнекивался, ведь уже два часа дня, пока выправлю все бумаги, пока то да се. Но я его упросил, пробудил в нем человеческое чувство и подвиг на хорошее дело. Да и вообще он, видимо, был неплохим парнем!

Около 8 вечера мне сказали собраться с вещами. Здорово, да только все вещи я уже раздал ребятам. И когда я вышел с пустыми руками, с меня затребовали показать свое имущество.

— Да не нужно оно мне, раздал…

— Не имеешь права, должен забрать все в соответствии с карточкой…

Конечно, вещи в тюрьме и теряются, или проигрываются, или меняются. И если бы я хоть какие-то шмотки при себе имел, может, особо детально и не проверяли бы. Вдобавок совсем недавно я получил серьезную посылку со свитерами, брюками и т. д. В общем, я вернулся обратно в палату, меня приветствовали незлой шуткой:

— Как, уже соскучился?

Нет, отнюдь. Забирать подаренное обратно неприятно, но что поделать? Хотя кое-что я сумел оставить «братве» после небольшого торга с надзирателями.

Меня привели в одиночный боксик, чтобы ни с кем не мог пообщаться, ничего не мог передать на волю. Я долго ждал, как

оказалось, начальника спецчасти, без которого меня не могут освободить. Он же как раз успел уехать домой, но, если пришло распоряжение освободить, ничто не может служить причиной его неисполнения. В мучительном ожидании прошла еще пара часов, и около 11 меня в последний раз в жизни обыскали, вывели на сборку и открыли ворота. Так закончился мой последний срок с 10 октября 1986 года по 23 апреля 1988 года и мой последний день в неволе. Говорят, от тюрьмы и от сумы не зарекайся. И все-таки зарекусь…

Новый мир вокруг меня

6.05.2004.

Почти полгода я не подходил к своей книге, ибо вдруг неожиданно осознал: 15 июня 2005 года мне будет 60 лет. Вот она, круглая дата, в которую совершенно не верится. Не хочется верить, вот и не верится. С одной стороны, всего лишь цифра, а с другой… Я где-то читал, что если бы все вокруг нас жили в среднем по двести лет, то и мы бы доходили до куда большей продолжительности. У нас бы не включался этот чертов счетчик, и я был бы в свои 60 еще юнцом. Красивая мысль, но, скорее всего, неверная.

В любом случае позади 12 пятилеток, и это вполне логичный повод подвести некую черту, надеюсь, промежуточную… А коли так, то времени на книгу еще много, и пока займусь-ка другими делами.

Полгода пролетели как один день, и вот я снова усадил себя за работу. С большим трудом. Итак, почти 16 лет назад…

Стоял теплый весенний вечер, практически ночь. Столица не спала, отогреваясь и оттягиваясь после долгой зимы, сюда спешили серьезные люди и веселые компании. И я, вновь свободный гражданин, с радостью влился в этот людской поток. С коей целью, с тощим вещмешком за спиной и справкой об освобождении в кармане, тормознул частника и поехал. Сначала собирался отправиться домой, но потом все-таки не решился. Я знал, что увижу там: сильно постаревших родителей, слезы радости и одновременно глаза, полные упрека. Услышу слова отца, что еще одной подобной истории он уже точно не переживет. А мне сегодня хотелось веселья, пьяного и тупого. И я поехал на Чистопрудный бульвар к Давиду, тому самому полуслепому коллекционеру музыкальных пластинок и дисков.

Тюремные вещи я подарил таксисту (или просто оставил на заднем сидении) и позвонил в знакомую дверь, за которой громыхал какой-то рок. Давид подивился и обрадовался и повел в комнату. Там уже выпивали — как раз то что надо.

Меня приветствовали, усадили за стол, стали обильно наливать. Сыпались тосты за долгожданную волю, за новую жизнь, за женщин, и тут Миша Маркаров широким жестом пригласил нас в ресторан. Не знаю, какие дела он тогда вертел, но крутость присутствовала и в его взгляде, и в одежде, и в поступках. Мы поехали в особо популярный в те годы ресторан «Союз», что на Речном вокзале. Мест, конечно же, не было,

причем реально — все битком. Но для нас — «особо дорогих гостей» — выставили дополнительный столик. И понеслось.

Я давненько не посещал таких приятных мест, где все сияло и гремело. Где так вкусно пахло и столько милых самочек. Я кайфовал. Мы заказали почти все пункты меню, уставив стол блюдами почти в два яруса, обильно ели и еще обильнее потребляли. Миша вроде бы находился под следствием, так что тематика «тюрьмы и воли» являлась актуальной и для него. Вкусная пища, хорошая музыка, крепкий алкоголь — так хорошо и душевно мне уже давно не было. Я периодически отключался от ресторанного гомона, закрывал глаза, и передо мной проплывали картины из прошлой жизни. Не особо приятные. Господи, сколько же лет я потерял по лагерям да нарам! Я, который привык так ценить время! Конечно, *я* приобрел колоссальный жизненный опыт, закалку, но все-таки… Именно сейчас я воочию видел, как выросло общее благосостояние, и, хотя зависти не испытывал, понимал: хватит сидеть, надо поработать.

Но в тот вечер я отдыхал по полной. К нам подсели две девушки, не помню, кто именно их организовал. После окончания вечера я поехал к одной из них, благо жила она на Петрозаводской улице, совсем рядом с Фестивальной, 46, с квартирой родителей. После бурной ночи я отправился к ним — их радости не было предела. *Я* свободен, я оправдан. А через пару недель пришла официальная бумага, что мое дело закрыто и мне официально принесли извинения. Вернули деньги, магнитофоны, машину — «орудие преступления». Ну, с паршивой овцы…

На дворе стоял 88-й год, начинались большие перемены в обществе и в сознании. И если частный бизнес еще широко не развернулся, то контроль над творчеством практически сошел на нет. Публичные выступления все еще литовались, но уже скорее по инерции. На базе райкомов ВЛКСМ как грибы возникали молодежные центры с функциями и творческими, и коммерческими, через которые прошли многие мои коллеги — Лисовский, Фридлянд… После долгих и бессмысленных запретов начался настоящий расцвет рок-музыки. Концерты шли практически каждый день, практически на всех крупных площадках столицы: и в Лужниках, и на «Динамо», и в ДК институтов — везде. И обычно с аншлагами, даже когда команды не отличались особым профессионализмом. Сама возможность услышать то, о чем раньше и подумать-то было страшно, являлась очень притягательной. Поп-музыка тоже пользовалась изрядным спросом, ведь и ее подчас весьма безобидные песенки не всегда разрешались раньше. Например, как слишком унылые, эротичные или еще какие-то там.

Жить по-своему

Я всегда жил и живу по-своему: и в государстве, и в тюрьме, и в шоу-бизнесе, и в семье. Ко всем существующим законам и традициям, правилам и нормам отношусь с немалой долей критики, пропускаю через себя, проверяю на соответствие внутреннему миру и личной морали. Иногда я им подчиняюсь, иногда для внешнего приличия соблюдаю, но всегда даю свою оценку, всегда имею свое мнение. Считаю, что отсутствие шаблонов, умение каждый раз взглянуть на ситуацию или людей незамыленным, свежим взглядом — великое благо, доступное немногим. Вообще, все и везде должно строиться исключительно на человеческих понятиях, и тогда никаких конфликтов не будет.

Мой определенный скептицизм касается и авторитетов (музыкальных, криминальных, прочих) — никогда их не имел. И даже общаясь с весьма уважаемыми мною людьми, кое с чем соглашался, а кое с чем спорил.

Помнится, когда группу «Битлз» чуть ли не боготворили, я публично негативно оценил одну из их действительно неудачных песен. Все завозмущались: мол, кто такой ты, чтобы их критиковать. На это я ответил: «Как это кто такой? Я — Айзеншпис!».

В самом начале лета 1988 года один знакомый журналист пригласил меня в Дворец спорта «Динамо», что недалеко от Фестивальной улицы, на концерт безумно популярного в те годы Михаила Муромова. Его хит «Яблоки на снегу» на стихи Андрея Дементьева побивал все мыслимые рекорды популярности, несмотря на определенную текстовую несуразицу: «ты им еще поможешь, я уже не могу…». Это яблокам-то помочь? Съесть их, что ли? Но ведь текст не главное, чтобы там ни говорили! Кстати, это именно тот случай, когда одна песня сделала артиста. Сам Миша использовал необычный способ собственной раскрутки, разъезжая по вокзалам Москвы и даря кассеты со своими песнями проводницам поездов дальнего следования. Их крутили постоянно всю дорогу, и к пункту назначения пассажиры прибывали, уже напевая навязчивые мотивчики…

Я никогда не являлся сторонником советской эстрады, но тогда жадно впитывал все проявления свободы, возможность находиться в центре тусовки и богемной жизни. В тот вечер я ожидал своего знакомого журналиста у служебного входа, где толпились десятки Мишиных фанаток. Наконец подъехали красные «Жигули», из которых вышла мегазвезда. Раздав

автографы и даже нежно поцеловав кое-кого из особо симпатичных девушек — известный бабник, — Миша посмотрел в мою сторону, прищурился и узнал меня:

— Юр, это ты?

Мы поздоровались… Откуда он меня знает???

— Ты что, возгордился или не помнишь меня?

Помнить не помнил, но знал. Проведя меня внутрь весьма убогой гримерки и переодеваясь перед концертом во что-то яркое, Миша вспоминал многочисленные события почти 20-летней давности. Он сыпал какими-то именами и названиями, вперемежку с сальными анекдотами и прибаутками.

Ко мне он обращался как к старому другу, и это несомненно льстило моему самолюбию. Одно плохо: я не помнил практически ничего из описываемых им событий и людей и просто согласно кивал головой.

Снова в шоу-бизнес

Галерея

Вскоре я познакомился с Алексеем Киселевым, бывшим работником горкома комсомола, а в те годы организатором коммерческого молодежно-творческого центра «Галерея» при Черемушкинском райкоме ВЛКСМ. Тогда уже распадались монстры на глиняных ногах — Росконцерт, Москонцерт, — и вместо них возникали вот такие новые, хоть и маленькие, но весьма подвижные структуры. Я, кстати, вполне высоко оцениваю экономическую работу государственных концертных монстров в период застоя, железного занавеса и всяческих запретов, но теперь их время прошло. Другая конъюнктура, другие артисты. И если основные имущественные фонды в виде зданий, концертных залов, студий эфирных и звукозаписи еще не начинали передаваться в частные руки, то функции организаторов концертов предоставлялись уже в полной мере всем желающим.

Наш центр, вопреки практике большинства аналогичных, высоко рентабельными компьютерами и факсами не торговал. Мы сконцентрировались на выставках и концертах, это являлось нашей стихией и приносило неплохие барыши. Народ ведь изголодался не только по продуктам питания. В Творческом объединении «Галерея» появилась Маша Распутина — там состоялся ее первый эстрадный дебют. Впрочем, ни тогда, ни впоследствии к этой певице я положительно не относился. Голос у Маши, конечно, имеется, но уж слишком она хабалиста и хамовита. Такое ощущение, что сейчас чем-нибудь пришибет, если ей не по нраву придется сказанное слово или выражение лица. А по нраву ей мало что… Одним словом, говорящая фамилия…

Именно в «Галерее» я оставил свою трудовую книжку, но не помню, как дословно называлась моя должность. Важно ведь другое: я начал самостоятельно организовывать серьезные концерты. Это оказалось совсем не сложным мероприятием: почти бесплатная реклама в «МК» и «Московской правде», яркие плакаты, немного ТВ-анонсов. Плюс моя энергия. Все получалось очень складно и прибыльно, теперь даже и не знаю, моя ли в том основная заслуга или время такое было, когда «катило» практически все. Короче, я приносил компании вполне ощутимую прибыль и вскоре стал заместителем генерального директора. Теперь-то подобные должности, которые бывают в структурах из десяти, пяти и даже одного сотрудника, вызывают у меня улыбку, а тогда это звучало очень солидно. Потом-то этапы «крутизны» проходили через мобильные телефоны, «Мерседесы», личные

самолеты, а тогда обычная визитка, доставаемая из кармана, являлась символом статусности. Я познакомился с руководством организации «Межкнига», в те годы активно контактирующей с западными компаниями — прокатчиками фильмов, а также с известными музыкальными лейблами. Благодаря этому контакту фирма «Сони» начала промоутировать группу «Аквариум» и лично Б. Г. на Западе. Хотя он, наверное, этой моей услуги уже не помнит.

Тогда же я сблизился с человеком, который на долгие годы стал и остается моим другом и соратником, человеком большого композиторского таланта и неуемной энергии — с Владимиром Матецким. Тогда «Галерея» совместно с «Межкнигой» делала фестиваль «Интершанс», а Матецкий часто бывал в их офисе, знал оттуда многих, кто по части музыки… С тех лет наши встречи стали регулярными. Володя — автор хитов и для Ротару, и для Сташевского, и просто многих хороших песен… Считаю, как композитор он заслуживает эпитета «выдающийся». Вдобавок просто уникальная ходячая энциклопедия, очень эрудированный и деловой, как и многие другие из тех, кто закончил МИССиС. Кстати, как и соавтор этой книги — бывший физик Львович Кирилл. Володя отлично пробился в жизни, стал мэтром, пользуется авторитетом среди политиков, и олигархов, и шоу-бизнесменов. Он в курсе всех дел, поднимается рано поутру и, пока в течение 2–3 часов не обзвонит всех нужных людей, из дома не выходит. В свое время стал президентом РАО, потом в итоге переворота лишился поста. А вообще-то мы знакомы со студенческих лет, а в последние 15 лет просто сильно сблизились. Мы практически одного поколения, и нас обоих гложет ностальгия поп-сэйшнов в конце 60-х.

Примерно через год ударной работы я ушел из «Галереи». Можно даже сказать, на повышение, чтобы стать директором и режиссером в центре Стаса Намина. Как раз в тот момент ему удалось договориться с великим Доном Маги — продюсером Бон Джови, — что Дон организует два концерта с участием звезд западной музыки в Москве. Во многом это мероприятие являлось не свободой выбора, а наказанием для великого продюсера. Его банально поймали на наркотиках и в качестве воспитательной меры обязали организовать серию концертов под общим названием «Рок против наркотиков». И хотя в Москве тех лет эта проблема стояла менее остро, чем теперь, златоглавую выбрали в качестве одного из адресатов выступлений. Дон Маги и Стас Намин договорились исключительно «в общем и целом», но оставался весьма непростой момент реализации этих договоренностей в жизнь. Сам по себе Стас Намин отличался

изрядной скандальностью и эпатажностью, а вот серьезными организаторскими способностями не выделялся. Поэтому реальным координатором проекта он сделал именно меня. Помимо его центра, в единый узел требовалось свести и Комитет защиты мира, и администрацию стадиона, и многие другие структуры. День и ночь я бегал от одного кабинета к другому, где-то просил, где-то требовал, но везде добивался своего. Необычайно интересно, колоссальный размах. Я понимал: если сделаю это, сделаю все. Уже тогда я исповедовал принцип: если кому-то что-то и доказывать, то только самому себе.

Наше мероприятие предполагалось уникальным по многим параметрам, прежде всего по масштабу участников — западные рок-звезды первой величины, начиная с Бон Джови и Оззи Осборна, заканчивая Скорпионс и Синдиреллой. Такого звездного десанта Москва еще не знала. Уникальным являлось и число зрителей, которое планировалось собрать на концерты. Впервые на футбольном поле предстояло расположиться 25 тысячам человек, а всего на каждом из двух концертов с учетом трибун ожидалось примерно *по* 80 тысяч. Грандиозная цифра, да и футбольные поля в СССР еще никогда так не использовались. И если необходимую свето— и звукоаппаратуру, многочисленные декорации и даже специальное покрытие для газонов футбольного поля везли 25 огромных трейлеров из Европы, то вопросами безопасности, размещения изрядного количества музыкантов, их менеджеров и даже их кухонь приходилось заниматься мне. Требовалось найти и подогнать специфическую технику для конструирования сцены, и это тоже легло на меня. Конечно, я бы не справился с этой махиной обязанностей в одиночку, но в этом и состоят функции умелого организатора, чтобы вовлечь в процесс посторонние структуры. И я сумел заручиться поддержкой Моссовета, и созданный совместный координационный комитет оказывал реальную помощь в общении с чиновничьим людом разных мастей:

— Надеюсь, вы не откажете в реальной поддержке начинанию, поддержанному уже почти всеми, в том числе…

Чиновник тяжело вздыхал, чесал репу, думал и не отказывал.

Концерты прошли отлично, без эксцессов, и я гордился своей работой. Что касается самих выступлений, конкретно музыки… Здорово, конечно, но я уже не оставался таким неуемным меломаном, таким фанатом западной музыки, как в далекой юности. Да, я старался следить за тенденциями и за именами, но уже скорее по профессиональным соображениям. На Ленинском проспекте, в маленьком магазинчике, я покупал фирменные диски, привозимые небольшими партиями из-за границы.

Крупные поставки еще не осуществлялись, официальные представители лейблов тоже еще не *обоснованы. Я* уверен и сейчас, что продюсер, не слушающий западную музыку, как котенок без глаз. Просто сейчас следить за ее тенденциями куда проще, ведь мы, слава богу, уже в орбите мировой музыкальной культуры. Не надо ничего специально ловить, достаточно включить радио «Европа плюс» или «Монте-Карло», выбрать из нескольких музыкальных ТВ-каналов. Да и Москва, что ни говори, уже вполне европейский город. Хотя до Нью-Йорка ей далеко.

А в 1989 году, когда я впервые в жизни поехал за границу и прямо в город «желтого дьявола», показалось, что попал на другую планету. Я вообще сильно сомневался, что дадут визу, ведь освободился всего лишь год назад. Приглашение мне сделали друзья юности и провели тщательный инструктаж, как надо отвечать на задаваемые вопросы. Когда, отстояв длинную очередь, я наконец попал к заветному окошечку, вопросы оказались совершенно иными. Но визу дали.

Дабы не бедствовать в Америке, я тайно пронес мимо таможенников «котлету» в 20 000 баксов — очень большие деньги по тем временам, несколько квартир можно было прикупить. Я ведь очень неплохо зарабатывал с концертов, и больше тогда имел мало кто — нефтяные трубы еще не успели приватизировать. Летел я бизнес-классом и на радостях всю дорогу хлестал халявный коньяк. Я ощущал жизнь каждой клеточкой своего организма!

Меня встретили приятели, с которыми я не виделся более 20 лет. Гриша Оселкин, уехавший в 1973 году, врач-стоматолог, по приезде закончивший какие-то курсы и открывший частную практику. Впоследствии разбогатевший на недвижимости, живущий в солидном районе и передвигающийся на огромном лимузине. Второй встречающий — подельник по делу Жукова, художник. Отбыв наказание, он тоже эмигрировал, основал успешную дизайнерскую компанию. И по сей день он иногда наведывается на родину с выставками, например в Доме художника на Крымском Валу. Еще в Америке проживало немало шапочных знакомых, кому-то я вез передачи, а потому гулянка-пьянка продолжалась все две недели. Помню, как удивился, услышав на Брайтон Бич русскую речь, а когда речь стала наполовину бранной, то и вовсе. Чем-то напоминало Одессу, но магазинчики и рестораны стояли совсем не совковые.

Из одного из них как-то донеслось знакомое пение. Но это не кассета крутилась — за роялем сидел и пел живой Борис Гулько, одна из ярких звезд нашей музыкальной эмиграции. По русским кварталам я много бродил один, а по классической Америке —

только с сопровождающими, ибо язык знаю неважно. Когда я вернулся в Москву, то подумал: ну и деревня. Но бежать отсюда мне все равно никогда и никуда не хотелось.

Цой. Виктор

В нашей жизни случается масса ненужных встреч, формальных ситуаций, когда тебя с кем-то знакомят, а ты думаешь, а зачем это нужно, это знакомство, какой смысл в общении и беседах с этим человеком??? И если этот контакт действительно бесполезен, после него остаются лишь визитные карточки да номера телефонов в записных книжках. И бывают, хотя и очень редко, совсем другие знакомства, которые сильно влияют и на твою жизнь, и твое мироощущение. А еще бывают люди, которые обладают даром сводить нужных друг другу людей.

С Виктором Цоем меня познакомил Саша Липницкий, журналист и музыкант группы «Звуки Му», в уже далеком 1988 году. Сам Саша с начала 90-х пользовался в питерской тусовке изрядным авторитетом, был этаким всеобщим московским меценатом, который принимал большими партиями нищих музыкантов, всех кормил, поил, возил на роскошную родительскую дачу на Николиной Горе и вообще ублажал. Кроме того, он являлся счастливым обладателем видеомагнитофона, который в те времена приравнивался к космическому кораблю.

Мое знакомство с Цоем стало ценным подарком для нас обоих — с этим мнением Липницкого полностью согласен я, не спорил и Виктор. Мы были нужны друг другу, ибо лишь вместе могли вывести группу «Кино» на достойную и заслуженную высоту. О Цое и его группе я узнал еще в тюрьме, когда читал прогрессивную «Звуковую Дорожку» в особо прогрессивной газете «МК». Я видел, как разгоралась звезда по фамилии Цой, и, конечно же, стремился к личному контакту. Наверное, и Цой кое-что знал обо мне. Наша встреча состоялась осенью 1988 года в саду «Эрмитаж», куда мы с Липницким пришли заранее и устроились за столиком в небольшом кафе. Было пустынно, шел мелкий дождь, все дышало приближающейся осенью. И вдруг появился Виктор. Он медленно двигался под ручку с Наташей Разлоговой, о чем-то неторопливо беседуя. Мне нравилось его творчество, нравилось своей искренностью, своей энергетикой, и с первых же минут общения понравился сам автор — спокойный, обстоятельный, доброжелательный. И наши симпатии оказались взаимными, обоюдным оказался наш интерес: мы оба являлись по-своему необычными и в то же время не случайными в мире музыке людьми. Виктор был человеком замкнутым и недоверчивым, себе на уме, неохотно подпускающим к себе других. Знакомые из его многочисленного окружения возникали

редко, лишь будучи тщательно просеянными через сито его чувств и разума. Но в общении со мной Цой неожиданно легко и быстро раскрылся, сразу воспринял меня весьма позитивно. И даже его традиционно мрачноватый вид несколько менялся во время бесед. Мы говорили много, и периодически я находил в нем общие со мной интересы и этому радовался. Например, музыкальные предпочтения Цоя — «Битлз», «Стоунз» — совпадали с моими. Политические взгляды, в том числе необходимость смены советского строя на более демократический, тоже совпадали. Хотя меня в этой смене больше привлекала экономическая свобода, а Виктора — свобода творческого самовыражения. И его гражданская жена Наташа Разлогова, человек мудрый и обаятельный, тоже охотно общалась со мной, в основном слушала, ну а порассказать мне было что. В свою очередь Наташа и Цой мне поведали о детстве и юности музыканта, о том, как он в первый раз ушел из дома, как жил, как учился…

Мне это было искренне интересно, бунтарь, как в общем-то и я.

Наши созвоны и встречи стали регулярными. Обычно вечерами мы втроем ходили куда-то поужинать. Особенно Цой уважал небольшой семейный корейский ресторанчик, открывшийся в конце 88-го около эстакады на Красносельской. Цоя там любили и почти обожали, ведь он представлял корейскую нацию (отец кореец, мать русская), являлся земляком, светским и талантливым человеком. Кстати, не только в Москве, но и на гастролях нас нередко разыскивали в гостиницах представители корейской общины и приглашали в свои национальные заведения, которые активно открывались на волне кооперативного движения. Когда дело доходило до того, чтобы расплатиться, денег не брали, а ведь нередко мы приходили вместе с музыкантами — до 8 человек. Это и в русских ресторанах случалось, и даже пока Цой еще не стал мегазвездой! Вообще наблюдалось куда больше почтения к исполнителям. А сейчас деньги сдерут по полной, еще и обсчитают. В лучшем случае пошлют бутылку шампанского на стол. Да уж, времена меняются, и не всегда в лучшую сторону.

На момент нашего знакомства Цой уже являлся сформировавшимся человеком и музыкантом, с многолетней историей в питерском рок-движении. Об этом написано немало, не хочу повторяться. В Москве же он появился совсем недавно и жил со своей гражданской женой Наташей Разлоговой. Наташа — эстет, из киношных кругов, все недолгие годы их знакомства была Виктору хорошим и верным другом. Думаю, она немало сделала

для создания того имиджа, который известен широким массам. Он превратился из голодного и злого в вальяжного и загадочного. Именно таким его увидели миллионы, в том числе и я, в фильме «Асса».

В тесноте да не в обиде — это полностью относится к условиям проживания Цоя в Москве. Крохотная трехкомнатная квартирка на Профсоюзной улице у метро Коньково. Около обитой дерматином входной двери на пятом этаже девятиэтажки постоянно дежурят верные фанаты и фанатки, исписавшие стены всех пролетов до последнего этажа. В квартирке живут еще трое: Наташины сын, мама и сестра.

Виктор хотел официально жениться на своей любимой, но первая жена не давала развод. Судебный процесс тянулся два года, вплоть до самой смерти Цоя, выпивая из него кучу сил и энергии. Как-то в интервью Марьяны я прочел странные строки: «…какие могут быть браки-разводы, все это детские игры, да и сын вдобавок общий». Вот так логика! Ее можно было бы назвать женской, если бы не те вполне ощутимые дивиденды с имени Цоя, которые Марьяна получает по сей день. Если бы не ее прагматичная хватка. А женщине, которая три последние года его жизни была так близка с ним, которая столько сделала для Вити, достались лишь воспоминания… Впрочем, может, оно и лучше — не смешивать деньги и чувства. Теперь Наталья замужем за тем самым Додолевым, который в свое время написал обо мне большую статью в «Юности», которую я читал на больничке в Матроской тишине — такие вот удивительные переплетения судеб. И, надеюсь, у Наташи все хорошо.

Цой, съехав от Марьяны, перевез в Москву все то «богатство», которое сумел накопить за четверть века своей жизни. В основном многочисленные поделки и рисунки. На заре своей творческой деятельности кое-какие плакаты, нарисованные на ватмане разноцветной гуашью, он даже продавал на «толчке» — портреты Питера Габриэла, Элиса Купера, Стива Хоу и многих других музыкантов. А рисовал Цой неплохо: у него за плечами и художественная школа, и некоторое время учебы «Серовке» — художественном училище, откуда ему пришлось уйти за чрезмерные, по понятиям педагогов, затраты времени на гитарные экзерсисы. «Это шло в ущерб изучению истории КПСС и других важных дисциплин, без знания которых абсолютно немыслим нормальный советский художник». Цой поступил в ПТУ и стал учиться на резчика по дереву, потом он бросил и ПТУ, но продолжал увлекаться ремесленничеством. И этот дух царил не только в квартире Наташи, но и у Витиной матушки в Питере — повсюду поделки и рисунки. И если у Наташи дома я бывал

часто, то питерский «дом со шпилем» на углу Московского и Бассейной посетил буквально пару раз. Квартира, помнится, достаточно большая, но обстановка средняя или даже ниже среднего: громоздкие комоды, старомодные платяные шкафы. Мы сидели на слегка колченогих стульях, слушали западную музыку и пили крепкий сладкий чай с вареньем, которым нас угощала Витина мама. Отношения между ними оставались достаточно натянутыми, образ «блудного сына» навсегда приклеился к нему. Да он особо и не стремился его изменить.

Там же в Питере как-то посетили знаменитую котельную «Камчатка», с которой все и начиналось: Цой там работал кочегаром, а музыкой занимался в свободное время, благо график позволял. Активно участвовал в зарождавшемся рок-движении, объединившемся вокруг питерского рок-клуба, ставшего центром подвальной культуры в противовес Ленконцерту и филармониям. Рок-клуб на улице Рубинштейна олицетворял новый стиль жизни, являлся заметным социальным явлением на сломе старого строя. Все ждали перемен, и бурлящее состояние духа молодежи выплескивалось, как из кипящего котла.

Долгое время концерты в рок-клубе были по-настоящему чистым искусством, никакой практической пользы никому не приносили. Музыканты играли для собственного удовольствия, зрители в зале выпивали-закусывали, в буфете продавали сухое и коньяк, кофе и бутерброды с икрой… Но монополия есть монополия, и за «левые» концерты, например в Москве, за которые музыкантам платили деньги, чтобы те могли худо-бедно существовать, и которые проводились без ведома и в глубокой тайне от рок-клуба, могли из этого самого клуба с треском вышибить. На первый взгляд, это музыкантам ничем не угрожало в материальном плане, но, утратив членство в рок-клубе, они из разряда «самодеятельных артистов» автоматически переводились в разряд «идеологических диверсантов» и «тунеядцев». А поскольку пятьдесят процентов подпольных концертов заканчивались обычно (иногда еще не начавшись) всеобщей поголовной проверкой документов и выяснением личностей, то здесь музыкантам приходилось уже туговато. Члены рок-клуба еще могли что-то мямлить про залигованные тексты, показывать бумажки с синими печатями Дома народного творчества и валить всю вину на какой-нибудь «культпросвет», а нечленам приходилось выкручиваться самостоятельно. И все-таки рок-клуб являлся действительно новым домом для некогда чисто подвальной музыки и являл собой некое глобальное единство, пусть и не лишенное мелкой вражды и интрижек. Ни клуба, ни такого отношения между музыкантами уже давно нет.

К моменту моего знакомства с Цоем уже был выпущен и становился популярным альбом «Группа крови», по опросам официальных и неофициальных изданий ставший лучшим альбомом 1988-го, однако гастрольная и концертная деятельность группы «Кино» оставляла желать лучшего. И хотя Цой никогда не был алчным или меркантильным, ему требовалось денег уже существенно больше, чем на бутылку вина или новые джинсы. У него появилась настоящая семья, да и психология потихоньку превращалась из пацанской в мужскую. Я уже со второй-третьей нашей встречи ощущал возможность и перспективность совместной работы, видел ее взаимную выгодность, но не форсировал события. Прошло всего полтора месяца после знакомства, и я уже предлагаю Виктору организовать концерт в ДК МАИ. Цой внимательно на меня смотрит, немного думает и предложение принимает без лишних вопросов.

Наш дебютный концерт прошел при переполненном зале, и еще множество желающих осталось горевать на улице. Успех и аншлаг! Прекрасный старт! Как сейчас помню, за это выступление музыкант и группа заработали полторы тысячи рублей — примерно 70 процентов от прибыли. Ну а остальное досталось вашему покорному слуге. И вполне заслуженно.

Исполнив последнюю композицию, Цой достаточно долго отсиживался в гримерной, надеясь, что толпа поклонников рассосется. Какой там! Выйти даже с заднего входа нам оказалось весьма затруднительно: поклонники облепили машину, на которой я собственноручно привез Цоя, и приходилось продвигаться с помощью секьюрити и многочисленных автографов. Кто-то просил расписаться на пластинке, кто-то — на ладони, а кто-то — чуть ли не на одежде. Цой не отказывал никому.

После концерта мы поехали в ресторанчик поблизости от ДК. Хозяин, а тогда они обычно сами принимали и рассаживали немногочисленных посетителей, узнал Виктора и поставил кассету с его песнями. Но этот шаг совсем не понравился певцу, и он вежливо попросил выключить «свой голос» и заменить его на «что-нибудь европейское». Замена на «Модерн Токинг» восторга не вызвала, но дальше «капризничать» он не стал. Кстати, манера при виде Цоя заводить на полную громкость его записи была широко распространена и причиняла певцу заметный дискомфорт. Вдобавок еще срабатывал старый принцип рокерского мышления — «наше творчество не под еду».

После первой столь удачной «пробы» Цой поверил моим организаторским способностям, и совместная работа началась. Мелькали города и регионы, стадионы и концертные залы,

гостиницы и рестораны. Транспортные расходы оставались весьма незначительными, поэтому мы путешествовали обычно большой группой в 12–14 человек: и техники, и музыканты, и охрана, и спарринг-партнеры для Цоя. А он, надо сказать, насмотревшись в свое время фильмов с Брюсом Ли, серьезно заболел восточными единоборствами. Иногда даже казалось, что нунчаки ему ближе микрофона, восточная кровь говорила, что ли. Помню, однажды я сильно напрягся на его привычку подшучивать надо мной, делая какие-то боевые пасы.

— Слушай, перестань.

— А что, обижаешься?

— Ну, надоело…

И он раз и навсегда все прекратил — очень деликатный человек.

Гастрольный тур выстраивался на 10–12 городов, не как сейчас максимум на 2–3. И это был самый настоящий «чес», с многочисленными передвижениями на самолетах, поездах, с массой времени в дороге. До какого-то момента я работал параллельно с неким персонажем по имени Юра Белишкин, который пытался администрировать группу еще в питерском рок-центре. Однако расклад наших сил и способностей оказался явно не в его пользу: я раз за разом доказывал свою большую продуктивность, я больше и лучше помогал Виктору и группе, мог куда больше дать. И, почувствовав свою (относительную) никчемность и бесполезность, бывший администратор однажды, по-моему после концерта в Красноярске, просто тихо отвалил с маршрута, никого даже не предупредив. И до самой смерти Виктора я стал директором группы «Кино». Даже больше, чем директором, — я стал ее продюсером. Первым и последним.

Внешне идеология отечественных рокеров и сейчас выглядит более приглядной и стильной, чем у циничных попсовиков, но об ее искренности можно поспорить. Рокеры якобы считают, что концертов должно быть мало, светиться в «ящике-телевизоре» негоже, клипы снимать пошло, а делать на музыке деньги — это уж совсем некрасиво. Не верю! Как правило, это просто хорошая мина при низком спросе на тех, чьи выступления нигде не ждут и за которые никто платить не намерен. Некоторых подобных предрассудков Цой практически лишился к моменту нашей встречи, в некоторых я его грамотно разубедил, в том числе на западных примерах. Я выстраивал коммерческую сторону его творчества, приучал ценить и считать деньги и не стыдиться этого. Хотя обвинения, что «обуржуазил» парня, слышал в те годы нередко. Еще обвиняли, что вытащил его из «подвала», модно называвшегося андеграундом. Мол, именно там его песни звучали

наиболее естественно. Поясню, что под подвалом в этом обвинении понимается питерский рок-клуб. Ну а если и вытащил, что тут плохого? Цой сумел стать кумиром не просто некоей специфической аудитории, а фактически всей страны. И при этом заработать достойные деньги.

Деньги надо уметь зарабатывать, уметь считать и главное — делить так, чтобы никто не чувствовал себя обманутым. С Виктором это получалось неплохо. С каждого совместного концерта я получал примерно 20 процентов прибыли, из оставшихся средств 40 процентов брал себе Цой и по 20 оставалось на каждого из остальных трех музыкантов группы. То есть я получал больше обычного музыканта, но меньше лидера. Логично. Какого-то особого финансового договора у нас не существовало, как не существовало и постоянных правил игры. В каждом случае дележ прибыли оговаривался отдельно, при этом иногда практиковались варианты гарантированного гонорара для артистов независимо от сбора. Тут уже рисковал я: иногда получалась сверхприбыль, а иногда — при больших затратах и средней посещаемости мероприятия — почти в нулях оставался. Хотя таких примеров из почти сотни совместных концертов — единицы. Обычно все происходило весьма успешно. Первый и последний раз в жизни я работал с уже сформировавшимся коллективом, первый и, наверное, последний раз в жизни ничего не вкладывал в его продвижение и развитие. Единственной областью финансовых вложений, где мы с Виктором являлись равноправными партнерами, была полиграфическая и иная сувенирная продукция: инвестировали пополам и прибыль делили тоже пополам. На 7–8 тысяч человек, приходящих на концерт, продавалось до 3 тысяч плакатов и маек!!! Сейчас этой практики нет, мало кто занавешивает стены своей квартиры плакатами с портретами артистов. И само отношение другое, менее восторженное, более потребительское, кумиров уже нет. Кстати, я тут подсчитал на досуге, что в те небогатые годы билеты на концерты стоили сравнительно меньше — 4 рубля, сейчас же от 500 до тысячи. То есть относительно средней зарплаты стали в 2–3 раза дороже.

Концерты Цоя можно сравнить с небольшим нашествием: первым выдвигался я с помощником, обычно на самолете, все обустроить и подготовить. Параллельно рекламная группа в четыре человека ехала на поезде: в одном купе — они, во втором — продукция. Затем появлялся Цой с музыкантами, друзьями и спарринг-партнерами… Если подробно восстанавливать маршруты наших гастролей, можно много о чем порассказать, не уверен, что эти подробности будут интересны читателю. Хотя,

например, приведу такой эпизод.

В конце мая 1990 года мы направились Иркутск: какая-то компания заключила с нами контракт на 5 концертов, в том числе по 2 в Ангарске и Братске. Естественно, к контракту был приложен наш технический райдер — те условия как бытовые, так и сценические, необходимые для проведения концертов. В Иркутске концерт отыграли «на ура», съездили на Байкал, все замечательно, а вот в Братске начались проблемы. Мало того, что нас поселили в какой-то ужасной гостиничной дыре почти без отопления. Так еще и стадион оказался сплошной развалиной, в заборах дырки — пролезай и смотри и слушай. Ясно, что денег платить почти никто не стал, и второй, более поздний концерт 31 мая мы отменили, и в семь часов вечера вернулись в «отель», и легли отдыхать. Но не тут-то! В гостиницу приехали организаторы тура и сказали, что на второй концерт собралось много народу и надо выступать. Хотя оплатить концерт по договору не могут. Я разумно возразил: нет денег — нет и музыки. Однако события развивались вопреки логике. Толпа поклонников, незаконно проникшая на стадион, требовала зрелищ и не собиралась расходиться по домам. Прождав около часа, они собрались на площади перед гостиницей и стали шуметь, появились свои зачинщики, в окна полетели бутылки и камни, нарастала вероятность серьезных беспорядков. На площадь подтянули небольшой отряд типа «ОМОНа», но силы были явно не на его стороне. На весь этот шум и гам из номера вышел Цой, весь заспанный и плохо понимающий, что происходит. Я, как мог, ему все растолковал. Цой немного подумал и сказал: «Тогда я буду петь бесплатно…».

Организаторы облегченно вздохнули, однако сцену и все остальное демонтировали, и в столь поздний час, практически в полночь, да под дождем восстанавливать конструкции было невозможно. Но Цой и тут нашел единственный возможный выход:

— Тогда я буду петь один, под гитару. Кому надо, те услышат.

На стадион мы поехали вдвоем с Виктором, выйдя из гостиницы через живой коридор возбужденных и разгоряченных алкоголем поклонников. Цой, как и обещал, исполнял свои песни под одну гитару в хриплый микрофон. На стадионе стояла гробовая тишина, чтобы не упустить ни слова, ни звука. Виктор не отыграл полный концерт, но несколько наиболее значимых и популярных песен, которые он исполнил, полностью разрядили атмосферу. А по возвращении в «отель» мы подверглись нападкам со стороны его администрации, ибо самому зданию фанаты

нанесли значительный ущерб. Помимо разбитых стекол, стены оказались залиты краской, исписаны всякими нехорошими словами. Группу не хотели отпускать, требуя покрытия убытков. Но получить с нас ничего не удалось и сделать заложниками тоже — разборки с пострадавшими мы оставили нашим незадачливым организаторам.

Через день нам предстояло выступление в Донецке, и, если бы рейс Красноярск — Москва не отменили в самый последний момент, мы неплохо успевали к началу. Но загадочные «технические условия» — понятие, бросающее в дрожь артистов и командировочных — перенесли вылет на завтра. Мы ринулись в Свердловск, откуда с грудой вещей и аппаратуры отправились в Краснодар. Там арендовали «Икарус» и рванули в Донецк. В столицу шахтеров мы приехали уже под занавес концерта — еще бы полчаса опоздания, и он прошел бы без знаковой фигуры Цоя, что являлось бы серьезным обманом его поклонников. Может, и не стали бы окна бить, но разочарование в кумире наверняка сохранилось бы в их сердцах, несмотря на объективные причины. Однако Цой успел. На огромном подъеме он отыграл свое отделение, а на следующий день народу пришло — не протолкнуться. Вот в таком режиме мы работали эти месяцы, которые судьба отвела нам для сотрудничества. Кстати, донецкий концерт был снят для ТВ, и у меня хранится его видеоверсия. Хотя почти не смотрю ее: ну очень грустно.

В поездках, когда проводишь вместе много времени, всегда открывается сущность человека, открываются потаенные уголки его характера. И в этих самых уголках я не увидел ничего неприятного или предосудительного. Всегда вежлив, добродушен, собран. Любил ли он выпить? Раньше, говорят, весьма, но сейчас подобную расслабуху позволял себе достаточно редко. Как правило, во время небольших застолий после концерта он выпивал стаканчик-другой для настроения и снятия стресса, и все начинали петь разные песенки. Как верх прикола и куража исполнялся репертуар «Ласкового мая», и каждый старался максимально соответствовать Шатунову и его слащавой манере петь. И Цой награждал того, кто максимально близко к оригиналу исполнит «Белые розы» и другие слюнявые хиты. При этом он не выступал особо непримиримым, идеологическим противником попсы и эстрады, отнюдь. Этот жанр вызывал его легкую иронию, да и игнорировать сверхпопулярность «Мая» тоже было невозможно. Кстати, наверняка и часть аудитории пересекалась. Пересекались и наши маршруты как двух мощных гастролеров, и однажды на Украине мы оказались в одной гостинице. Там и произошло знакомство звезд: сам Юра — еще совсем маленький

щенок без апломба, Виктор тоже общался лояльно. Гораздо больше пафоса являл директор «Ласкового мая» Разин, который никого не подпускал ни к себе, ни к Шатунову, демонстрируя полное отсутствие даже элементарной культуры. Вообще, заполнявший эстраду тех лет народный лох-поп — всякие «Миражи» и «Комбинации», — по сути, лишь выгодно оттеняли ту новую культуру, которая зарождалась в России и которую представлял Цой. Хотя в итоге частушки все-таки победили.

И, конечно, я просто обязан вспомнить праздник «МК» на БСА 24 июня 1990-го — самый успешный и самый последний концерт Цоя. Финальный аккорд. Говорят, что избранники судьбы должны умирать в высшей точке своей популярности, а не на спаде. Не знаю, каких бы еще высот достиг Цой, но этот концерт оказался пиком его карьеры, и я был к этому покорению причастен. На концерт были заявлены разные музыкальные коллективы, но Цой являлся несомненным хэдлайнером зрелища, и именно он в итоге определял, «пойдет» народ или нет, заплатит свои кровные 10 рублей или предпочтет напиться пива.

В ночь перед концертом я спал плохо, периодически просыпался и смотрел на небо, нет ли туч. Ибо дождь легко вымывает не самых стойких. Но небо оставалось ясным, и это радовало. А еще больше порадовал звонок от помощника примерно в 11 утра: у касс стадиона выстроилась многотысячная толпа, растянувшись вдоль забора метров на 300. В 12 дня позвонил Цой, очень волновался. Сначала думал его разыграть, мол, нет желающих тебя слушать, но не стал попусту нервировать:

— Народу — лом. Теперь дело за тобой.

Выступление Цоя продолжительностью около часа завершало концерт на БСА. Я послал за ним арендованную «Чайку», он прибыл триумфатором и триумфатором отыграл свое отделение. Этот концерт тоже был снят на пленку. Его последний концерт.

После шквала аплодисментов и буйства звуков в раздевалке группы стояла не совсем соответствующая моменту тишина. Вроде бы все просто: супердолгожданный отпуск, работа над новым альбомом, а потом очередные планы, гастроли, вершины, но… Не знаю, мне почему-то показалось, словно что-то надломилось и музыканты больше никогда не встретятся. Конечно, я не мог и не хотел так формулировать мои смутные ощущения, но на душе стало как-то муторно. И, похоже, это предчувствие охватило не только меня: никаких шуток-прибауток, мелких розыгрышей, а сплошная грусть-печаль. Цой еще наставлял музыкантов, указывал на какие-то огрехи во время выступления, но было видно, что мыслями он далеко. Очень

далеко.

Сразу после концерта на БСА он уехал в Прибалтику на рыбацкий хутор — это уже стало традицией. На этом хуторе он не только отдыхал, но и сочинял новые песни, в чем Виктору активно помогали Игорь Тихомиров и Юрий Каспарян. Я тоже как-то по случаю побывал в этих местах: достаточно сумрачно, дюны, небольшой лесок, пустынный берег. Несколько домиков с практически натуральным хозяйством. Побродив там пару дней, я уехал поближе к солнцу. А Виктору эта унылая атмосфера была по душе, он оставался верен своим пристрастиям.

Ни слава, ни деньги, которые пришли к нему в последние два года, его не изменили. В моей памяти он навсегда остался добрым, честным и скромным парнем. Одевался исключительно в черное. Даже когда у него появился небольшой капиталец и он мог позволить себе приобрести дорогие вещи за границей, то все равно покупал только черные джинсы, куртки и рубашки. Витя был домашним человеком, абсолютно неприхотливым в быту. И очень, очень спокойным. Я ни разу не видел, чтобы он на кого-то наорал, оскорбил. Но его авторитет в группе был непререкаем и дисциплина почти железная. Разговаривал тихо, но в голосе чувствовалась воля. Нам приходилось много общаться по работе, но иногда мы вместе ходили и в рестораны он был большим гурманом, любил вкусно поесть, — в кино. Цой всегда брал с собой свою Наташу. Мы общались много, но это никого из нас не напрягало. Цой научился доверять мне и моим советам, но, если с чем-то не соглашался, всегда старался приводить свои доводы и выслушивать встречные. Удивительно, но за полтора года совместной работы я не могу вспомнить ни одного конфликта с Виктором — ни финансового, ни творческого, ни бытового. Ну а споры на жизненные, общечеловеческие темы являлись неотъемлемой частью нашего общения. Здесь я стоял на более прагматичных позициях, он — на более романтичных. Все-таки и разный возраст, и разный опыт. При этом, хотя Цой и не был откровенным бунтарем против власти, долгие годы моей отсидки также идеологически сближали нас.

Отдыхая в Прибалтике под Юрмалой, Виктор Цой попал в автомобильную катастрофу и погиб. Это случилось 15 августа 1990-го. Он ехал на рыбалку в пять утра и хотел взять с собой сына Сашу. Сонный Саша ехать отказался. На дороге у Тукумса (под Ригой) сотрудники ГАИ так и не нашли тормозного следа «Москвича» на крутом повороте. Водитель «Икаруса», ездил по этой трассе много лет. Там был поворот, и «Икарус» отъехал от поворота метров на десять, и… скорость столкновения была 120 километров в час на полосе «Икаруса». Версия, что Виктор уснул

за рулем, возникла из-за того, что на правой стороне дороги за несколько десятков метров до места аварии обнаружили следы протектора «Москвича», на котором ехал Виктор. Поэтому предположили, что он заснул и съехал в сторону, а когда на скорости попадают на другую полосу, то машину выносит. От удара «Москвич» отлетел в реку почти на 100 метров. Двигатель раскрошился, и его остатки можно было найти в радиусе 60 метров. Одно колесо так и не нашли. Единственные сохранившиеся детали — крышка багажника с неразбитым стеклом и задний мост. Долгое время муссировался миф, что на месте аварии нашли кассету с демо-записью «Черного альбома». Не более чем красивый вымысел. Эту кассету для доделок аранжировок для нового альбома забрал Каспарян и увез в Петербург.

Из оперативной сводки Латвийской Госавтоинспекции от 15 августа 1990 года

Столкновение автомобиля «Москвич-2141» белого цвета с московскими номерами (цифры неразборчивы из-за повреждений номерных знаков) с рейсовым автобусом «Икарус-280» произошло в 12 часов 15 августа на 35-м километре трассы Слока-Талси у поворота на Тукумс. Автомобиль «М-2141» двигался по трассе со скоростью не менее 130 км/ч, и водитель — гражданин Цой Виктор Робертович — не справился с управлением. Смерть Цоя В. Р. наступила мгновенно, водитель автобуса не пострадал.

Из результатов патолого-анатомического анализа специальной группы Латвийского республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы, г. Рига, 20 августа 1990 года:

Цой В. Р. был абсолютно трезв накануне трагической гибели. Во всяком случае, он не употреблял алкоголь в течение последних 48 часов до смерти. Анализ клеток мозга свидетельствует о том, что он уснул, вероятно от переутомления.

Воспоминания об этом дождливом и проклятом дне навсегда засели в моей памяти. Около трех часов дня мне позвонила Наташа Разлогова, звонила она из отделения связи, расположенного недалеко от хутора. Ее голос был мертвый: «У нас несчастье…». Две недели назад такой же ее звонок сообщил мне, что у хозяина хутора утонул сын. Несчастье, конечно, но оно в первую очередь касалось его родителей. И вот теперь другое

несчастье очень сильно коснулось меня. Да так коснулось, что я на несколько минут просто потерял дар речи. Глупая шутка, дурацкая ошибка или страшная… Оказалось — правда.

Наташа отправилась на место аварии, потом перезвонила снова с просьбой организовать вывоз тела в Питер. Какие могут быть просьбы?! В Прибалтику по моему сигналу поехали администраторы, мы же с Дмитрием Шавыриным, ведущим ЗД в «МК», собрались вылететь в Питер. Но билетов туда просто не было, и никакие связи, именуемые в народе «блатом», не помогли. И мы отправились в Питер на машинах. ГАИ будто чувствовало, что мы очень спешим, и не замечало нашей сумасшедшей гонки. Через 8 часов мы уже въезжали в ворота дворика Ленинградского рок-клуба на Рубинштейна, 13.

…Вот уже две ночи поклонники поминают своего кумира. Тихо под гитару поют Витины песни, плачут. А люди все идут и идут к его портрету, причем не только молодые, но и те, кому уже давно за 40! Президент рок-клуба Коля Михайлов весь в растерянности. С одной стороны, необходимо учесть пожелания родственников, с другой — многотысячной армии фэнов. Ходили в мэрию, добивались нормального кладбища. Иногда на нас смотрели удивленно: а кто это? Несмотря на субботу, в Ленсовете получили разрешение на захоронение на одном из лучших кладбищ города. Нашли место, почти как у Высоцкого. Чтобы к могиле был открыт доступ большого количества людей. Но главный вопрос оставался: как избежать эксцессов во время похорон? Музыканты «Кино» собрались вечером в студии ЛенТВ и в прямом эфире обратились к своим поклонникам. Это было правильным решением в той взрывоопасной ситуации. Также мы пошли на маленькую хитрость — объявили, что захоронение состоится в 12 дня, а на самом деле это печальное действо произошло в 10 утра. На него собралось не более 30–40 человек — лишь самые близкие.

А к Богословскому кладбищу уже двигались колонны людей, наверное, не один километр. По пути — церемония возложения цветов на кучи угля у ворот кочегарки, которую все слушатели «Кино» знали как «камчатку». Тысячи людей молча ожидают, пока родственники и близкие прощаются с Виктором. Ни одной попытки прорваться через кордон. Причем вовсе не милиция, а ребята из рок-клуба сдерживают десятки тысяч фэнов. Первыми цветы на могилу кладут Андрей Макаревич, всего на полчаса прилетевший в Ленинград (у «Машины» идут концерты в Москве), Артем Троицкий, Джоанна Стингрей, Сергей Курехин, Костя Кинчев…

Питер плакал с раннего утра, когда начал накрапывать

дождь. Он прекратился всего на двадцать минут, когда гроб опускали в могилу, а затем хлынул с полной силой. Говорят, что проливной дождь во время похорон — доброе предзнаменование, что память об этом человеке будет сохранена навечно. Ну, если и не навечно, то надолго. А ведь накануне стояла такая жара… «Закрой за мной дверь, я ухожу», — пел Витя на своем последнем в жизни концерте в Лужниках. И он сдержал обещание. Всю ночь под питерским небом звучали песни Цоя — за 28 лет их написано более трехсот. У Исаакия и на Невском, у Петропавловки и на Лиговке, у кладбища и в рок-клубе. Ленинград прощался с Цоем… Прощался с Цоем и я.

Первые два года после его смерти я еще навещал место захоронения друга и компаньона, потом как-то все некогда было. Может, оно и плохо, но я не думаю, что могила должна отождествляться с некогда живым человеком. Тем более это неправильно в случае с Виктором, он ведь оставил после себя столько песен, ну а лично мне еще и воспоминания о прекрасных днях нашего знакомства, за которое я так благодарен судьбе.

Смерть есть смерть, и в случае с Виктором она казалась достаточно банальной — то ли уснул за рулем, то ли не справился с управлением. Это ничего не меняет. Не всех устроили такие простые версии, и стали появляться слухи один нелепее другого, вплоть до покушения. Думаю, это полная ерунда.

Витины родственники — большое спасибо им — позволили мне познакомиться с семейным архивом и разрешили использовать редчайшие фотографии в «МК», что было сделано в специальном выпуске «Звуковой дорожки». Там же опубликовали и последнее интервью Цоя. Теперь мне предстояло выполнить обещание, данное Виктором своим фанатам на последнем концерте в БСА — до конца 1990 года выпустить пластинку. Названия у нее не было, и в народе ее называли по-разному: и «Памяти Виктора Цоя», и «Солнце мое, взгляни на меня», и «Черный альбом». Последнее за ним и закрепилось. По результатам опроса газеты «Московский комсомолец» его назвали лучшей пластинкой 1990 года. Фанаты авансом дали ему первое место, хотя ко дню завершения анкетирования… не слышали ни одной песни. Да и немудрено: материал хранился в глубочайшей тайне, вдали от ушей и глаз. Диск вышел в свет с траурным дизайном — без единой надписи, с фотографией-окном на абсолютно черном конверте.

Чтобы выпустить в свет добротный продукт, требовалось немало средств, и мне пришлось взять кредит в размере 5 млн рублей (более миллиона долларов) в Черемушкинском отделении МИБа. Это оказалось совсем не просто, требовались серьезные

поручители, которые поверили бы в мою идею. Их нашлось несколько. Через Александра Гафина, нынешнего вице-президента Альфа-Банка, я познакомился с главой одного из обществ ветеранов Афганистана, которые и помогли с гарантиями под кредит. Еще поверили в мой проект приятели-коммерсанты, заложившие основные средства одного своих заводов. Сильно помог мне и Сергей Козлов, впоследствии ставший одним из замминистров.

Работа предстояла кропотливой, ведь в наличии оказались лишь черновые записи. Мы арендовали студию в Сокольниках, кстати, там тогда работал Костя Эрнст, помнится, он еще просил меня помочь сделать передачу о Цое. Сведение же делали во Франции, куда нас поехало человек 6 на две недели. В общем, на подготовку к выпуску я потратил около двух месяцев и порядка ста тысяч долларов. Не так уж и много.

Выпуск пластинки я осуществил одним из первых, нарушив монополию вездесущей «Мелодии». Выпускали, конечно, на том же Апрелевском заводе, но по договору аренды оборудования, и в итоге весь тираж принадлежал мне. Кооператив «Метадиджиталл» (метадиджиталл — медный диск, служащий для штамповки виниловых) подготовил необходимые болванки, я заплатил за материалы и работу и вскоре стал единственным владельцем более чем миллиона пластинок. Кооператив находился в доме звукозаписи в районе улицы Герцена в помещении бывшей церкви. Именно там я впервые встретил совсем еще молодого Киркорова, записывающего свою первую пластинку. Тогда наше знакомство носило чисто поверхностный характер, а идея поработать вместе возникла несколько позже, во времена «Технологии». Для обсуждения этого вопроса Филипп приехал в эту самую квартиру на Новопесчанной, где я сейчас живу. Но тогда я еще только объединил две жилплощади и делал серьезный ремонт. Все было напрочь разгромлено. Долговязый Филипп шел по узкой доске, соскользнул с нее, вляпался в невысохший лак. Мы сочли это плохой приметой и сотрудничать не стали. Шутка. Другие причины.

И вот, наконец, под Новый год тот же «Московский комсомолец» объявил о грядущем торжественном выпуске «в свет» последней работы, пожалуй, самой популярной на сегодняшний день группы в Союзе. На фото я стоял с диском. 12 января по случаю этого события диска я устроил презентацию с просмотром документального фильма о последнем концерте «Кино» в Лужниках, с шампанским, раздачей пластинок и даже балом-дискотекой (!). Потом, конечно, меня обвиняли, что презентации не хватало трагичности. Каюсь, наверное, следовало

похоронный оркестр заказать.

Вообще-то я не являюсь стопроцентным коммерсантом, отнюдь, удовольствие от работы для меня главное, но, если за что-либо берусь, люблю это делать успешно. А если делать что-либо успешно, то нередко возникает материальная отдача. Не как цель, а как результат. «Черный альбом» оказался суперуспешным в коммерческом плане. Реализация прошла весьма оперативно и проводилась лично мной: я звонил в разные госорганизации, заключал с ними договоры. Роскультторг купил наибольший тираж, чуть ли не в хозяйственных магазинах продавали. Кредит, который я брал на год, удалось вернуть через несколько месяцев. Помнится, удивленный банкир собрал своих замов и привел меня в пример. По всей стране продавались не только пластинки, но и памятные наборы: полиэтиленовые пакеты с портретом Цоя (тогда вся страна сходила с ума по красочным пакетам), маленький буклетик, двусторонний плакат — все вместе где-то за 15 рублей (порядка 3 долларов). Помимо наборочных, было реализовано еще два миллиона плакатов. Если бы все заработанные деньги я вложил в доллары, получилось бы больше миллиона, но я позволил их съесть инфляции. Думаю, тысяч по 50 каждый получили обладатели авторских прав на творчество Цоя — его родители и Марьяна с сыном. То есть куда больше законных 8 процентов. Неплохо заработали и музыканты. Впрочем, среди всех нас деньги больше всего интересовали Марьяну: низкое пролетарское происхождение давало о себе знать во весь голос. Во многом именно эта скандальная баба и спровоцировала разговоры, что Айзеншпис эксплуатирует смерть Цоя и славу «Кино» для личного обогащения. Голая ложь, очевидная и очень неприятная, но заткнуть ее противный голос я не мог. А еще говорят, что Айзеншпис — такой крутой мафиози, которому и слово поперек сказать нельзя. Закажет сразу. Как видите, это не так.

Короче, когда ко мне пришел знакомый предприниматель из «Мороз Рекордс» и захотел выпустить «Черный альбом» на входящих в моду СД, я просто уступил ему все права. Отдал, подарил, даром, бесплатно. Этим широким жестом я потерял несколько миллионов долларов и обеспечил многим людям целые состояния. Почему я так поступил? Честно говоря, с одной стороны просто не представлял всех финансовых масштабов, с другой — чисто эмоционально хотел прекратить разговоры за своей спиной. В любом случае я не жалею об этом, как не жалею ни о чем другом, сделанном или не сделанном, и чувствую себя нормально. Нет, все-таки жалею, что Цой умер так рано, так не вовремя.

Помнится, на могиле Цоя я попросил музыкантов группы не делать деньги на его имени, и в большинстве своем они свою клятву сдержали. Однако, к сожалению, наш шоу-бизнес не может пройти мимо желания заработать на имени кумира и, к сожалению, делает это бездарно. Так, 15 августа 2000 года исполнилось 10 лет со дня гибели музыканта, и дань ему отдавали весьма оригинальным способом. 17 ноября в «Олимпийском» случился концерт «КИНОпробы», на котором песни Цоя исполнили современные молодежные исполнители разной степени известности. Я считаю, что организовывать этот концерт «Реал рекордз» не имела никакого морального права. Это являлось форменным измывательством над памятью Цоя. Акция несомненно провалилась, и так думаю не только я.

Бывший гитарист «Кино» Юрий Каспарян на «Кинопробах» подыграл на гитаре группе «Кукрыниксы». Летом он же помогал делать ремиксы на песни Цоя питерскому музыканту Рикошету. Наверное, забыл свое обещание.

«Мне кажется, если человек захочет слушать Цоя, он все равно будет его слушать и, как правило, в подлиннике, — считает близко знавший Цоя Олег Гаркуша из «Аукциона». — Потому что песни очень кайфовые. Я не знаю ни одного человека, которому не нравится. От них прет душевность, сердечность, энергия. Цой очень доступен. Он как Высоцкий, если сравнивать. Как человек, с которым можно сесть попить пива там, чаю, просто поговорить».

Любопытно, если это слово вообще уместно, что некоторые участники концерта до этого Цоя даже не слушали.

«Просто прикололась», — улыбалась жизнерадостная Юля Чичерина.

«Ни в детстве, ни в юности я не слушал Цоя», — признается Роман Ягупов, лидер молдавской группы «Zdob zi zdub».

«Цыганский» вариант песни «Видели ночь» у зрителей на первом месте. Представитель «стариков», лично я называю эту кавер-версию форменным издевательством над песней.

Если целью является память, зачем нужна приманка в виде популярных исполнителей? Кто захочет, вспомнит «Кино» таким, каким оно было. На катушках и кассетах.

С запахом талого весеннего снега и предчувствием перемен. А если и устраивать что-то подобное, то с совершенно другим смыслом. С участием «стариков» — Кинчева, Шевчука, людей, которые знали Виктора. Они могли бы воссоздать ту атмосферу питерского рока, которая существовала при его жизни. А вообще, единственно яркое пятно в концерте — это Земфира, она талант, Цой в юбке. Для всех остальных участников это мощный промоушн.

Впрочем, у каждого поколения своя музыка. Свои ассоциации, переживания и герои. Свой мир. Не можешь найти нового в настоящем — ищешь интересное в прошлом. Вдобавок время героев прошло. Да и основные перемены, похоже, уже позади.

Я не знаю, как бы сложилась судьба Вити, пел ли бы сейчас, нет ли. Все-таки прошло уже 14 лет! Весьма абстрактные рассуждения. Многие из популярных рокеров, которые начинали вместе с ним, полностью поменяли свое амплуа: кто-то обуржуазился, кто-то замолчал, кто-то все еще поет, при этом жутко завидуя коммерчески более успешным попсовикам. А кто-то сам уже по уши в попсе. Я знаю одно: на момент смерти в Вите оставался колоссальный творческий потенциал, ничуть не меньший потенциал оставался и в наших с ним взаимоотношениях.

Что еще сказать о Цое? Он представляется мне куда большим явлением, чем просто рок-музыкант. Он был кумиром, звездой. Вся его биография и короткая жизнь, покрытые тайной, только усиливали это ощущение. Но при этой внешней и внутренней загадочности он оказался близок народу, гармоничным времени и созвучным глобальным переменам. И хотя осторожные китайцы не советуют жить в такие времена, это было Его время. Религия коммунизма умерла, религия денег еще не народилась, и для миллионов молодых людей пустующее место заняло творчество группы «Кино» и личность ее лидера. Достойная замена. И для многих и по сей день он такая же легенда, как Джим Моррисон или Джон Леннон. Эти поклонники вряд ли видели его живым, но ведь певец не топ-модель. Они слышали его песни, и это главное.

О Цое существует немало воспоминаний «современников», особенно о том якобы романтичном периоде жизни, когда он кочевал по квартирам друзей, ночевал где придется и пил запоем дешевое красное вино. Многочисленные приятели, концерты-квартирники, шумные и дымные тусовки… После 88–89-х годов таких воспоминаний почти не осталось. «В последние годы он очень замкнулся, ограничил круг друзей, практически все время проводил дома, в Москве он жил у Наташи. Иногда короткими вылазками выбирались в ресторан поужинать. А так — концерты, дом». Одной из причин таких перемен называют Наташу Разлогову, с которой Витя обрел домашнее тепло. Вторая причина — я. Вот, например, пассаж К. Кинчева (Алиса):

…А потом у них Юрик Айзеншпис появился, у которого все схвачено. Казалось бы, только человек освободился — нет, опять надо… Мне Цой в последнее время с гордостью говорил: «Мы сейчас восемьдесят семь концертов зарядили!».

— Ну, — говорю, — ты что, все деньги заработать хочешь?

— А что? Пока можно зарабатывать — надо зарабатывать!

Не знаю, как Витька с Айзеншписом уживался, но даже доволен был. Все говорил: «Ну крутой какой менеджер!».

Повторюсь, что тогда бытовала красивая версия, что настоящий рок-музыкант должен выступать мало, максимально осмысленно и только перед настоящими ценителями, которые не жрут во время его пения бутерброды ни с икрой, ни с колбасой. Цой вначале тоже ее проповедовал, а я с ней боролся, как мог.

В итоге хоть Цой и не стал фанатом чеса, но от гастролей почти не отказывался. В конце концов, артист должен стремиться к популярности, и глупо не выступать из-за каких-то умозрительных концепций. И потом, после десятилетия нищих тусовок Виктору захотелось обрести свой угол, как-никак 28 лет исполнилось. А хороший угол требовал средств — и Цой копил на квартиру.

Работая с «Кино», я одним из первых, а может, и просто первым в СССР стал не просто директором или администратором, а именно продюсером музыкальной команды. В полновесном, западном смысле этого слова. И бесценный опыт, который я получил в те годы, я активно использовал и использую до сих пор, видоизменяя его в соответствии с требованием времени и музпрома. Основная идея правильного продюсирования — сделать музыкантов не только известными и узнаваемыми, но и популярными. С «Кино» мне это удалось достаточно быстро. Я протолкнул их в суперпопулярную в те годы программу «Взгляд». Я убедил Макусева, делающего тот знаменитый выпуск, что именно Цой сейчас нужен миллионам подростков. И количество откликов, писем и звонков по итогам этой передачи многократно превысило все прежние!!! После этого у группы охотно стали брать большие интервью самые массовые газеты, например «МК», приглашать радиостанции и так далее. До этого такая раскрутка команды в СМИ, такая подача материала была не принята. Она явилась первым взрослым музыкальным промоушеном в стране, и она быстро принесла вполне ощутимые спелые плоды.

В то же время «Кино» — это единственный случай в моей творческой биографии, когда я начал работать с уже зрелыми музыкантами. В такой форме сотрудничества есть свои плюсы и свои минусы, но после Цоя моим единственным продюсерским кредо стало развитие артиста с нуля. Именно поэтому я в свое время отказал и Макаревичу, и Киркорову, и многим другим уже сформировавшимся исполнителям, стремившимся ко мне под крыло.

Возможно, работа с ними явилась бы более выгодной и менее рискованной, но мне она представлялась и представляется куда

менее интересной. Артист с нуля — это мой принцип.

22.08.2004

Сегодня воскресенье. Прекрасное утро. Я наконец-то выспался и теперь просто разгуливаю по квартире, осматриваю ее: что бы еще ненужное выбросить или подарить, что бы еще, возможно, столь же ненужное купить. В конце концов, вещи радуют мой глаз куда больше денег, а деньги просто руки жгут. Я бездельничаю и получаю от этого определенное удовольствие. Щелкаю кнопками телевизора: ага, опять Билан. Обычно смотрю каждый наш клип до конца, даже по сто первому разу, а сейчас переключаю на новости. Пришла бывшая жена, привела сына. 11 лет парню, мой единственный наследник. Теперь уже он защелкал пультом телевизора, опять на MTV, опять кто-то поет о любви. О вечной любви. Ну, это поэзия, ничего вечного не бывает. А вот любовь, да, наверное… При этом знающие люди говорят, что юношеские страсть и влечение не имеют ничего общего с той настоящей любовью, которая посещает уже зрелого человека и иногда остается с ним на всю жизнь. Что тут скажешь, может, оно и так. Но что касается лично меня, большая любовь обошла стороной, я не испытал этого всепоглощающего чувства, о котором постоянно поют и мои артисты, и чужие. По крайней мере, не испытал его в зрелом возрасте и в зрелых формах. Не думаю, что такова моя структура, ибо до тюрьмы чувства просто таранили мою душу. Но 18 лет неволи сделали свое черное дело. Душа закрылась. Что касается мыслей о женитьбе, то они меня не посещали никогда. В молодости, как я уже рассказывал, были варианты интересных браков, но это меня совсем не привлекало. Например, с дочкой какого-то югославского дипломата. После освобождения существовал еще весьма перспективный вариант — дочка одного из руководителей заветного внешторга, который хотел оплатить мою женитьбу на его дочери «Москвичонком». Я отказался.

Иногда мой выбор женщин диктовался принципом разумного эгоизма: девушки из Александрова и из Печоры были ценны во многом из-за наличия у них столь необходимой мне жилплощади. Что уж тут скрывать!

В перерывах между сроками я гулял и наслаждался жизнью, но любовь меня не посещала и тогда — все крутилось, как в калейдоскопе. Совсем не скучно, совсем не до семьи и не до семейных ценностей. Да и времени для выстраивания отношений как-то не оставалось: судимости разбивали мою жизнь на небольшие куски. Вообще, в жизни нередко случалось, что меня любили девчонки, а я не замечал или не отвечал взаимностью.

Не так давно был в одном ресторане на весьма печальном событии — поминках Отара по его матушке. И, когда я выходил из зала, мой взгляд встретился с глазами одной девушки. А она подошла и сказала: «Юрий, а ведь мы знакомы. Помните, когда я была несовершеннолетней девчонкой, приходила к вам домой, добивалась любви и взаимности, но так ничего и не вышло… Может, оно и правильно, но все-таки жаль». И я вспомнил, да, было и такое: девушка училась в десятом классе, еще школьница, соплюшка, и влюбилась во взрослого мужчину. Я, конечно, ситуацией не воспользовался, отговаривал, говорил, что еще маленькая… Происходило это лет 10–12 назад, ну, значит, мне уже под полтинник. В наши отношения вмешивалась ее мама, плакалась, что не в состоянии удерживать дочь, что она меня любит. Спрашивала совета. А у девочки действительно словно крышу снесло: стояла под окнами, делала какие-то смешные подарки. В день нашей новой встречи мы договорились повидаться, но пока не срослось.

А вообще сейчас, когда у меня семья, с которой я хотя и не живу, ребенок, определенное положение в обществе, как-то не хочется заводить серьезные романы.

Лучше уж действовать по упрощенной схеме, и если настроение и желание позволяют, то почему бы не заняться вольным сексом?

И все-таки есть женщина, которая долгие годы была моей пусть и гражданской, но женой, которая родила мне сына, единственного ребенка. И ей я благодарен, и ее, пусть по-своему, но люблю…

Когда сразу после освобождения я работал в «Галерее», то одним из первых моих крупных проектов оказался фестиваль «Интершанс-89». В качестве зама директора центра по спецмероприятиям я приложил немало сил для его организации, как белка в колесе крутился день и ночь. По-моему, я уже писал об этом. Эта работа свела меня не только с Матецким и, как потом оказалось, с будущей женой Леной. Впрочем, непосредственно в то время я эту девушку не приметил: наверное, с ней, как с помощником режиссера, просто редко сталкивался. А может, особой яркостью она не отличалась…

Следующая наша встреча произошла совершенно случайно, примерно через пару лет. Что интересно, в Сочи. Прекрасный теплый вечер, ветерок с моря, запахи шашлыка, смех… Я весь такой с иголочки не спеша прогуливаюсь по набережной и думаю, кого бы зацепить на ужин и дальнейшую культурную программу. И вдруг слышу женский голос, очень приятный на слух, доложу

вам:

— Ой, Юрий, здравствуйте, вы меня помните?

Я обернулся, и ко мне подошли две девушки, одна из которых, похоже, меня знала. Я же, честно говоря… Но ответил вполне вежливо:

— Да, лицо знакомое, но…

Пришлось девушке напомнить о совместной работе, привести несколько хорошо знакомых мне имен… Ну, как говорится, от добра добра не ищут. Мы отправились в ресторан, далее на дискотеку, на следующее утро — на пляж. А вечером им улетать. Так и расстались, ни о чем не договорившись. Ну, девушки как девушки, ничего особенного, одна из них явный интерес ко мне испытывает. Ну, бывает, знаете ли…

И уже в Москве промозглой осенью того же года мне позвонил Киселев Леша, предложил организовать дружескую вечеринку. И не где-нибудь, а у меня дома. И привести одну милую девушку, просто мечтающую меня увидеть.

— Так-то и мечтающую?

— Вот именно… Спит и видит тебя во сне.

— Кто такая?

— Не скажу. А ты соглашайся, не пожалеешь.

Кто же это может быть? Чей это мечтой я заделался? В целом же предложение меня заинтриговало, и я согласился.

Накупив всякой еды, вырядившись и надушившись, я начал ждать сюрприза. И, увидев среди ввалившихся гостей «сочинскую» Лену, понял, что это она пришла «для меня». И, честно говоря, искренне обрадовался нашей новой встрече. Ее итогом я ожидал небольшой эротический роман с симпатичной девчонкой в два раза моложе меня, не более. Вообще, таких знакомств можно иметь массу: подарил цветы, поужинали, несколько умелых комплиментов — и она уже ваша. И ничуть не целомудреннее были те времена, что бы там ни говорили любители поморализировать и посетовать на нынешние нравы.

Итог этой вечеринки оказался весьма предсказуем — Лена осталась у меня и заночевала. А потом еще часто приезжала, так же оставалась на ночь, а потом и вовсе переехала ко мне жить. Это был тяжелый год, когда я сначала похоронил отца, а потом и маму. И Лена, как могла, согревала меня, отвлекала от горестных мыслей. А в 1993 году у нас родился сын. Потом мы ждали второго ребенка, Лена лежала на сохранении, но Бог нам не дал второго ребенка.

Вообще, Лена — замечательный человек, в нашем общении совершенно не напрягала меня, даже наоборот. Я испытывал не только ответственность, но и удовольствие, приезжая домой.

Туда, где тебя ждут, совершая совместные вылазки в кино и театр. Леночка прекрасно готовит, очень хозяйственная, великолепная в сексе… Все это так, все это замечательно, но все же не могу сказать, что был как-то особенно привязан. Что жить без нее не мог. Кстати, вместе с Леной в моей квартире лет пять жила ее мама — женщина очень обаятельная и тактичная — и даже сестра, пока не вышла замуж.

С самого начала наши отношения с Леной сформировались как ровные, спокойные, доброжелательные, и мне такой стиль очень нравился. Во время беременности упреков в мой адрес стало больше, но я старался Лену не расстраивать, жить без особых приключений, не приходить под утро. Может, она и догадывалась о моих амурах, но оставалась в этом отношении кроткой и смирной. А вот когда родила Мишу, тут уже по полной вступила в права, начались посягательства и скандалы. Требований и претензий стало куда больше, чем раньше. Может, вполне и разумных, но меня это начало раздражать… Допускаю, что излишне болезненно воспринимал посягательства на мою свободу, которой столько лет был лишен.

Время шло, положительные эмоции от совместного проживания уступали место отрицательным, а тем временем я купил квартиру в соседнем доме у Саши Файфмана — одного из замов ОРТ. Сделал ремонт, мебель классную поставил и периодически использовал квартиру, чтобы привести кого-нибудь, провести время без жены. А когда наш семейный конфликт перешел в неуправляемую плоскость, переселил ее туда, со скандалами и слезами, но все-таки переселил. Сейчас все успокоилось, и у нас снова прекрасные отношения.

Теперь о сыне. Миша растет умным и спокойным мальчиком. Он, как мне кажется, прекрасно понимает ситуацию в нашей семье и не делает из этого ни трагедии, ни драмы. Его воспитание я полностью доверяю маме, сам же предпочитаю баловать. Вижусь пару раз в неделю, делаю подарки, беру в гости, на концерты. Не бывает дня, чтобы не позвонил ему, не расспросил о жизни. Конечно, он не знает нужды ни в чем, но при этом обладает ярко выраженным чувством меры по отношению к вещам: «Это у меня уже есть, а это мне просто не нужно». Иногда даже жалко, что он так равнодушен к одежде — совершенно не в отца. А вообще, уже вполне взрослый, развитой и степенный пацан. Долгое время Миша оставался совершенно равнодушен и к музыке, и я даже удивлялся — и в кого растет? При этом охотно общался с моими артистами, с Сашей, например, теперь с Биланом. Рассудительно и на равных. Но недавно какие-то музыкальные гены в нем проснулись: сейчас учится играть на рояле в музыкальной школе,

начал оценивать, кто поет, а кто подвывает, у кого хороший голос, а у кого шарманка скрипучая. Но участи ни певца, ни продюсера я сыну не желаю. Впрочем, пусть выбирает сам.

Памяти родителей

Прошел всего год после моего окончательного выхода из тюрьмы, и в течение следующего я потерял обоих родителей… Столько невосполнимых утрат за короткий период: мама, папа, Цой… Наверное, за этот короткий промежуток времени я побывал на похоронах больше, чем за всю остальную жизнь. А потерял столько, сколько уже никогда не потерять. До 13 лет я рос, окруженный любовью и нежностью родителей. Прежде всего, конечно, мамы. Папа, человек по складу более суровый, да и видящий свою задачу в воспитании во мне мужчины, особо не сюсюкал, но давал мне тоже немало. Его оплеухи и темные углы, когда ленился или плохо учился, были хоть и обидны до слез, но очень действенны. Сейчас родители с большим достатком вкладывают в образование детей за границей, занятия теннисом и другими элитными видами спорта, тогда же такой возможности не было.

И все-таки я учился в лучшей школе, меня устраивали в разные секции, чтобы не проводил досуг на улице: и в музыкальную, и в хореографическую, и резьбы по дереву.

Приобщение к спорту тоже заслуга родителей. Прежде всего, конечно, мамы. Я гордился, как здорово она гасила по мячу на волейбольной площадке, как здорово плавала, и старался от нее не отставать, хотел, чтобы и она мной гордилась…

А когда я заканчивал школу, отца стало интересовать, кто меня окружает, с кем общаюсь. Иногда советовал: с этим не дружи, не водись, а вот этот хороший парень. Иногда я прислушивался к советам, иногда — нет, ибо все-таки сам давал оценку своим знакомым. Чем, наверное, слегка раздражал. Куда сильнее их шокировали мои увлечения импортными пластинками. Моя страсть к западной музыке и потребность ее громко слушать особенно нервировали папу и сами по себе, и тот факт, что из-за плохой изоляции все это наверняка известно соседям. А о чем там поют, может, о чем-то враждебном, позорном?.. В общем, не только обычный конфликт отцов и детей, но и в чем-то идеологические разногласия. Они, коммунисты и в целом весьма идейные люди, понимали, что поступление в Россию пластинок нелегально. И хотя никаких подробностей я не сообщал, явно подозревали, что я ходил на черные рынки, производил какие-то обмены, вел деловые разговоры, обрывки которых наверняка доходили до их ушей.

Вообще, отца я запомнил строгим и суровым и в то же время очень человечным. Приходя в хорошее настроение, он много

смеялся, рассказывал анекдоты. Когда к нам наведовались гости, мог вполне артистично играть за столом какую-то роль, а уж тамадой-то бывал почти всегда. Но строгость в отношении меня подчас казалась мне чрезмерной. Нет, побоищ и драк не было, но мог отвесить оплеуху, мог и в угол поставить, и даже в зрелом возрасте, когда я стал старше. Я сдачи не давал и спокойно выслушивал его брань, в крайнем случае сбегал из дома. Мама, конечно, совершенно другое: ей мог многое доверить, к ней приходил за лаской и сочувствием.

Самое же тяжелое испытание для них, конечно же, мой арест. Думаю, они частично догадывались, чем я занимался, хотя старался свои деяния максимально скрывать. Находя в моей комнате большое количество иностранной валюты, товары, которые и в глаза не видели, они жутко переживали, они предупреждали: «Сынок, хватит, тебя ждет тюрьма. Это ведь незаконно!».

Все время, пока я сидел, отец боялся осложнений на работе, в отличие от мамы, которая боялась только за меня. Она внутренне более свободный человек, очень мужественный, очень настоящий, как миллионы таких же рядовых коммунистов, прошедших войну и все трудности. Отец же при первой возможности припоминал причиненные мною неудобства и расстройства, но не со злобой. С каким-то глубинным сожалением. Но не со злобой. По-моему, он прежде всего винил себя, что не мог меня воспитать, не мог остановить мои преступные поползновения.

Когда же я попался во второй раз, тут папа меня просто возненавидел. Каких только слов я не услышал — и отщепенец, и негодяй, и враг. Он очень переживал, и ненависть боролась в его сердце с отцовскими чувствами. И в итоге они побеждали, он мог говорить разное, даже убить грозился, но, когда дело доходило до конкретики, требовалось приехать в зону или перевод сделать…

После моего окончательного выхода на волю отец умер через год, не дожив дня до своего 73-летия. Меньше чем через год не стало и мамы: в августе она поехала в Белоруссию на очередной слет фронтовиков. Там, среди своих, среди однополчан, ее и подстерегла смертельная болезнь сердца. Сердца, которое столько вынесло из-за меня.

Спасибо за все.

И простите.

«Технология», не помнящая родства

На начало 90-х годов пришелся расцвет моего бизнеса. Помимо особенно удачного в коммерческом смысле «Черного альбома», я провел еще ряд успешных операций. Например, на ниве алкоголя в рамках американской компании «Трейдинг», одной из первых получивших лицензию для работы на российском рынке. Компания занималась продажей водки, спирта и элитных напитков, реализовывала стоки обанкротившихся фирм. Вскоре мои капиталы существенно превысили очень звучную по тем временам цифру в миллион долларов. К сожалению, в рублевом эквиваленте. Я говорю «к сожалению», ибо как-то улетел в Америку отдохнуть, а вернулся оттуда в несколько раз менее состоятельным. Я попал под замену денег.

Возможно, здесь проявилась определенная недальновидность, ведь многочисленные друзья советовали вкладывать в товар, в цветной металл, в рулоны полиграфической бумаги. Они так и поступили и многократно увеличили свое состояние. Ну а я… Думаю, чисто биржевые сделки меня мало интересовали, и я всегда четко определял свою стихию как шоу-бизнес, хотя и понимал его сравнительную ограниченность.

Например, по сравнению с банковским. Вот Миша Одельнов — в прошлом музыкант, один из учредителей московского рок-клуба. Вначале они проводили концерты, попутно привозили музыкальную аппаратуру и насыщали рынок Москвы. Потом повезли микрофоны и синтезаторы в другие города, в республики. А потом решили создать банк. Помню их первый офис: переулок у метро Таганская, жилой дом, на первом этаже почти всегда открытые двери в обе стороны. Две квартиры по три-четыре комнаты в каждой, максимум двести метров. Потом Миша как-то выпал из пределов моего зрения, несколько лет не виделись. Когда встретил — у него уже офис в районе Курского вокзала, целый этаж. А еще несколько лет спустя я встретил совершенно другого человека — вице-президента Флора-банка, богатого, на роскошной машине, уверенного в себе нового русского. И банк уже расположился в современном большом здании.

Но, если подобные финансовые организации всегда находились вне сферы моих интересов, остается вопрос, почему же я так и не создал серьезной структуры в рамках шоу-бизнеса. Что тут сказать, в ежедневной текущей работе с артистами как-то не думал об этом, хотя повсюду мои друзья снимали офисы, зачинали маленькие компании. Я даже не особо понимал, зачем

они это делают, а они пытались пристроиться в шоу-бизнесе. И создать шоу-бизнес.

Мой друг Боря Зосимов, ютясь в двух комнатушках на Серпуховском валу, пытался создать некое подобие продюсерской фирмы, выпускать журналы, производить программы для ТВ. На канале «2 х 2» его программы сначала появлялись пару раз в неделю, затем все чаще и чаще. Помимо этого, он привозил в Россию западных эстрадных звезд, на канале стал периодически вещать МТВ. А потом и круглые сутки. Лисовский тоже имел небольшое концертное бюро, но, когда появилась реклама, коммерческое телевидение, он понял: суть в этом, бизнес будущего. Ныне крупнейшие рекламные агентства, тот же «Видео-Интернешнл», тоже начинались с одной комнаты. В свое время и я делал концерты успешно благодаря тому, что лично знал сотрудников ТВ, в чьем ведении находилась реклама. Еще не монополизированная. Нужно — сделали! Но Айзеншпис приносил рекламу только концертов, а Лисовский — крупных производителей ходовых товаров. Чем больше приносил, тем больше выстраивал отношения. Стал своим человеком и взял власть.

Я же настолько плотно занимался артистами, настолько безраздельно этим увлекался, что не обращал внимания, как вокруг люди создают бизнес, работают на перспективу. Даже слегка скептически смотрел: кто-то на поле, кто-то в лесу, каждый занимается своим делом, не было соревновательного интереса доказывать кому-то, что ты более крут. Ведь раньше я был явно богаче большинства, мне деньги уже капали, а у них виднелась лишь мутная перспектива. Но оказалась, что строить бизнес в рамках шоу-бизнеса, хотя *бы* одну из его частей, более выгодно и перспективно, чем продюсерская работа в чистом виде. Мощные компании постепенно стали отхватывать сегменты рынка, кто-то удачнее, кто-то менее, кто-то разорялся, а кто-то укрупнялся за счет разоренных.

А сейчас весь шоу-бизнес уже разобран, да и возраст у меня уже не такой, чтобы кидаться в схватку. Ну что же: садовник растит сад, а рядом кто-то строит дома… Строить дома, конечно, выгоднее, но лелеять сад приятнее и милее моему сердцу. А за удовольствия надо платить, хотя бы зарабатывая меньше, чем мог бы.

Друзья-артисты…

Говорить об артистах, которых я знаю, можно часами. Но эта книга не о них. Вообще, представить какого-нибудь мало-мальски известного человека из мира шоу-бизнеса, который бы не знал меня, сложно. На вершине списка, конечно же, Пугачева. Общаемся много лет, иногда даже встречал у нее дома Новый год. В последнее время встречи, конечно, нерегулярны: она занятая, я занятой. Но от моих приглашений редко отказывается, что на Сташевского ходила, что на «Динамит». Даже шутила, что стала их фанаткой. Вообще, период работы с Владом отличался повышенной плотностью наших контактов с мегазвездой: ее дача находилась по соседству с дачей Алешиных. Ну а где Алла, там и Филипп — большой артист, несомненно… С ним я познакомился, еще когда диск Цоя выпускал. Какое-то время даже подумывал его продюсировать, но в итоге уступил эти лавры Непомнящему. Все-таки мой принцип — «артист с нуля».

Я хорошо знаю Соню Ротару, ее семью, знал мужа, ныне, увы, покойного. Много лет при первой же возможности общаемся, очень интересный она человек и певица. Познакомились с ней через Матецкого, а с ее сыном Русланом, похоже, даже раньше. Он учился в Москве, страшно интересовался группой «Кино», стремился быть ближе к Цою. Когда бываю в Ялте, теперь, увы, совсем редко, я желанный гость в доме у Сони. Это редчайший случай настоящей широкоформатной певицы, прекрасной артистки на сцене. Интересной женщины, умной и скромной. Кто-то из зрителей видит в ней мать, верную жену, для других она олицетворение вечной молодости. Плюс много отличных песен. И даже если в последнее время нет нового репертуара, созданное ей имя еще долго будет успешно и прибыльно работать. Лещенко и Винокур — преклоняюсь перед их талантом, сказочно добрые, каждый по-своему. Слава Добрынин, старый мой друг, мой сверстник, пересеклись на сейшенах лет примерно в 18. И до сих пор дорожим отношениями.

С Игорем Крутым я познакомился в 88-м или в 89-м году. На моих глазах он прошел путь от пианиста-аккомпаниатора, сначала став популярным композитором, а сейчас народным артистом России. Большой общественный деятель, очень авторитетен в шоу-бизнесе. Я ему даже обязан жизнью: отдыхали на юге в Сочи большой компанией, катались на яхте. И я увлекся купанием в открытом море, уцепился за круг, привязанный к катеру, катер увеличивал скорость, и мне стало плохо с сердцем. Чуть не утонул — спасибо, Настя Калманович и Крутой

вытащили.

Следующим музыкальным проектом, который надолго захватил меня, явилась группа «Технология». Помните такую? А ведь уже более десяти лет о них и от них ничего не слышно. Разве что недавно прочел об их «возрождении». Ну, заявить-то об этом легко, а вот возродиться… Это мало кому из «сбитых летчиков» удается.

С ребятами я познакомился во время одного из первых их выступлений, когда в активе команды насчитывалось всего три песни. Но вполне достойные: «Странные танцы», «Нажми на кнопку» и еще какая-то. Затем ребята несколько раз приходили ко мне домой, просили начать работать с ними, и я согласился. Достаточно близкие по духу, с неплохим творческим потенциалом — почему бы и нет?

Первым делом я профинансировал клип на песню «Странные танцы». Снимал его Михаил Макаренко, впоследствии известный телеведущий. Тогда еще не существовало специализированных музыкальных каналов, и впервые клип «прозвучал» в «Утренней почте». Сама же песня попала в постоянную ротацию на «Европе плюс». Ребята откровенно косили под «Депеш Мод» по имиджу и по стилю музыки. И суперпопулярность «Депеша» помогала расти и популярности «Технологии». В группе собрались талантливые музыканты, особенно Рома Рябцев, очень сильный еще и как личность. Лидером же был Леонид Величковский, впоследствии продюсер «Стрелок» и ряда других неплохих проектов. Еще Володя Нечитайло, который с распадом группы выпал из шоу-бизнеса, говорят, извозом занимается. А другой, Кахарин, как живой музыкант играет с другими исполнителями, но былой известности ни у кого уже нет.

А тогда помню концерт на Большой спортивной арене, программу «50 на 50» Анжелы Хачатурян. Лучшими раздевалками и гримерными, как ни странно, являлись кабинеты директора и его заместителей. И вот один из кабинетов занимаем мы, а по соседству — Ротару и Пугачева. Вполне ощутимый факт привилегированного положения. Ведь на тот момент именно мы являлись хэдлайнерами, и нашего выступления ждали с наибольшим интересом. И оно прошло «на ура». Тогда еще не существовало активной клубной жизни или заказных мероприятий, и концерты шли преимущественно на стадионах и во Дворцах спорта, в Домах культуры. Теперь такое количество зрителей мало кому под силу собрать, но тогда народ еще не успел насытиться зрелищами. Ребята отпахивали по 20 концертов в месяц и стремительно завоевывали все большую и большую

популярность.

Во время «Технологии» в нашей стране уже начинал зарождаться относительно нормальный шоу-бизнес, а бизнес всегда требует немалых вложений. И хотя в этой области до сих пор у нас все минимум на порядок, а то и на два слабее, чем на Западе, — и расходы, и доходы, но по сути идея та же: если все сделано правильно, то и отдача немалая. Впрочем, в музыке подчас работают настолько неуловимые факторы, что даже если все сделаешь правильно, никаких гарантий успеха нет. Как и наоборот. Лично я могу гордиться тем, что в своих проектах минимизировал долю риска и случая, максимально увеличил «научную» составляющую процесса. Но вот я еду по центральным улицам, глазею по сторонам: сегодня в этом помещении ресторан, завтра магазин, потом автосалон. Значит, предыдущий вроде бы стандартный бизнес оказывался как минимум малоприбыльными… Что уж говорить про музыку?! Ведь далеко не всегда понятно, что именно затронет душу народа… Ну да я отвлекся от темы вложений в шоу-бизнес на новом этапе его развития в России. Они стали требоваться и немалые на рекламную кампанию группы, различные промоакции и, конечно же, на клипы. Помнится, Цой клипы принципиально не снимал, считая это дурным тоном и чистой коммерцией, ибо в песне важна музыка и текст. А картинка — нет. Но времена вслушивания в текст уже прошли, и восприятие песен стало требовать целого комплекса воздействия, прежде всего видеоряда. Движения артистов, их энергетика, выражение лиц — все это помогает усваивать музыкальный материал, запоминать его на подсознательном уровне, существенно сокращает путь к популярности. И уже в те годы пробиваться без «ящика» становилось все сложнее и сложнее, а за мелькание на экране приходилось платить. Это Цой во «Взгляде» ни копейки мне не стоил, а новоиспеченные или заново испеченные программы типа «Музобоз», «Песня года» и аналогичные почувствовали вкус денег и осмыслили возможность их драть с артистов. В целом тема кто кому должен — артист каналу за рекламу или канал артисту за материал — имеет разные варианты осмысления. В том числе и такой — никто и никому. С другой стороны, реклама малоизвестного артиста — это явный плюс для него и весьма рискованное занятие для канала или радиостанции, ведь может сказаться на ее рейтинге.

Итак, зрелище стало требоваться все более и более яркое, просто современной музыкой и текстами ограничиваться было нельзя. В целях яркого и запоминающегося антуража группы я привез музыкантам «Технологии» из Франции отличный кожаный

прикид — явная диковинка для еще весьма совковой и серой сцены. Плюс особую световую аппаратуру. Плюс… Вас интересуют финансовые условия сотрудничества? За все платил я, а подробностей дележа навара не помню, ну хоть убейте… Но проект был очень прибыльным. А мог бы вообще вырасти до «мега», если бы не глупость и жадность членов команды. Вообще, у артистов с бухгалтерией не все в ладах, а уж тем более никто не понимает, что вложение денег в их творчество — это риск, и риск большой.

«Технология» оказалась первой в ряду «не помнящих родства», потом-то уж и не удивлялся подобной неблагодарности. По мере роста популярности у ребят росли и самомнение, и самоуверенность. Уже и в творчество я излишне залезаю, и за опоздания на репетиции неправомерно ругаю, ну и деньги, конечно же, делю слишком в свою пользу. Ребята настраивались все более и более агрессивно, и в итоге я оказался в центре самой настоящей бандитской разборки. В принципе, работали мы без контрактов, на устной договоренности, а если уж и написанное на бумаге можно толковать по-разному, то тут просто широкий простор для домыслов и фантазий. Письмо на 15 страницах красной шариковой ручкой с кучей обвинений получил не только я, но и некие уголовные элементы, взявшиеся рассудить нас. Просто так отмахнуться от этих людей я не мог и согласился встретиться. Стрелка состоялась на одной из съемных квартир недалеко от Сокола. Помимо меня, пришедшего в гордом одиночестве, и скандалистов из группы, туда явилось еще несколько весьма авторитетных в криминальных кругах людей. Вроде как протеже музыкантов. Причем кое с кем я даже как-то вместе сидел…

Разбор полетов начался. Спокойно выслушав целый поток обвинений, я столь квалифицированно и аргументировано отвечал по каждому из пунктов, что даже камня на камне не оставил. Уголовный элемент признал мою правоту и не встал на сторону музыкантов. Все, что я потерял в итоге этой встречи — гору промоматериала группы, всякие там бестолковые плакатики и календарики с их наглыми физиономиями. Все, что потеряла группа — возможность стать действительно известной и богатой. Забавно, что затребованный у меня, но невостребованный в дальнейшем рекламный материал в итоге сгнил в каком-то подвале, когда там прорвало трубу. Ну, так им и надо! Какое-то время команда жила на старых заслугах, бултыхалась кое-как, но коль нет нормального управления и четкой стратегии развития, все идет к деградации. Существуют единицы тех, кто умудряется управляться самостоятельно, имея директоров, а не продюсеров.

Ну Киркоров, например. А среди тех молодых исполнителей, кто появился после девяностых, ушел от нормального менеджера и сам что-либо сделал — да нет таких!

Теперь, кстати, с использованием моего имени и без оного, появляются слухи о возрождении «Технологии». В принципе, такая реанимация иногда происходит: артисты, пропавшие на многие годы, возвращаются вновь, пользуясь огромным успехом. Обычно на ностальгии, реже — на новом и современном материале. Но конкретно «Технология» едва *ли* сейчас пользовалась бы спросом. По крайней мере, я в качестве реаниматора выступать отказываюсь.

Примерно в это же время я познакомился с «Моральным кодексом» и Сергеем Мазаевым. Записи группы мне принес Сережа Козлов, они меня заинтересовали, и мы проработали около года. Потом Козлов разругался с Мазаевым, и я выпал из проекта. Но мы поддерживаем с Мазаевым нормальные отношения, иногда обедаем вместе. Хотим какой-нибудь интересный проект замутить, но получится ли? Опять-таки состоявшийся артист, со своими взглядами на творчество и бизнес…

Скандальные Янг Ганс и красавчик Сташевский

5.09.2004

Сегодня утром я получил персональное приглашение посетить 18 ноября сего года концерт Джоанны Стингрей в клубе Б-2. Свое выступление она посвящала 20-летию первого прибытия в Россию. Получил приглашение и понял, что, рассказывая о Цое, незаслуженно обошел ее молчанием. А ведь мы дружили, вместе гастролировали, да и в далекой Америке я пользовался ее практически русским гостеприимством.

История этой певицы калифорнийского масштаба, умудрившейся стать в России чуть ли не главной американской рок-звездой, весьма примечательна. Эта жизнерадостная студентка с неплохим голосом смогла всерьез повлиять на развитие целой рок-индустрии в большой стране и впервые ознакомила далекий Запад с самым свежим русским роком. И подтолкнула отечественное клипостроение: Михаил Хлебородов, помнится, очень сильно изгалялся, снимая клипы для зарубежной певицы, чем сильно продвинул отрасль.

Практически в свой первый визит Джоанна привезла в Советский Союз порностудию, на которой были записаны некоторые отличные песни «Аквариума» и «Кино». При этом не забывала много и обильно снимать на видеокамеру. На свои деньги Стингрей пригласила в Америку Цоя, показывала ему Диснейленд и Лас-Вегас и даже устроила небольшой концерт на полузакрытом показе «Иглы». И еще много чего хорошего.

Но в один прекрасный момент за эту активность ей отказали в визе, и свадьба с гитаристом «Кино» Каспаряном чуть не расстроилась. Поводом к отказу послужила миротворческая акция, на которую девушка решилась. Нелегальным образом она вывезла из России записи нескольких групп и на собственные средства выпустила двойной альбом Red Wave, в который включила песни «Алисы», «Кино», «Странных игр» и «Аквариума». Одну копию она послала Рейгану, другую Горбачеву, сопроводив это заявлением типа: «чего не могут достичь политиканы на дипломатическом уровне, с успехом получается у рок-музыкантов».

В результате чего Горбачев спросил у своих советников: «Что это за группы? И почему у них нет пластинки?». И Министерство культуры дало директиву фирме «Мелодия» в срочном порядке наштамповать винилы этих групп, дабы создать иллюзию того,

что они давно уже выпущены и продаются.

Уже после смерти Виктора я был дома у Джоанны, даже жил там какое-то время. Дом относительно скромный, и район не самый дорогой, но вокруг восхитительный Лос-Анджелес, прекрасные пляжи и неповторимый шоппинг. Мой визит совпал с работой моей подопечной Инги Дроздовой для журнала «Плейбой». Я впервые в своей жизни выступал как продюсер съемок и немало времени проводил на съемочной площадке. И если популярной певицей Инга так и не стала, то первой российской красоткой, покорившей Америку со страниц «Плейбоя», — без сомнения. И в этом заслуга прежде всего Артемия Троицкого и Ингиной мамы. И немножечко — моя.

Улетая из теплой Калифорнии в заснеженный Нью-Йорк, я прошелся по самой дорогой улице Беверли Хилз, заглянул в десяток самых дорогих магазинов и истратил кучу денег на всякие дорогущие вещи. Которые упаковал в здоровенный чемодан чуть ли не из крокодиловой кожи. До Нью-Йорка чемодан не добрался, и все дальнейшие поиски моего сокровища тоже ни к чему не привели. После этого, изрядно продрогнув и изнервничавшись, я слегка изменил свои восторженные взгляды на заморскую страну. А уж теперь-то и подавно нет былого преклонения — по ряду параметров Москва даже круче.

Следующий проект и год работы — группа «Янг Ганс». Уж не помню, как ребята пришли ко мне, но если «Технология» тяготела по образу к «Депешам», то эти косили под весьма любимых мною «Guns’n’Roses». Вообще-то уникальных образов на сцене очень мало, всегда кто-то на кого-то похож, и я к этому отношусь нормально. Как и у «Технологии», на старте нашего сотрудничества у команды нашлось 3 или 4 песни и, как водится, не нашлось денег не только на клип, но даже на профессиональную запись. А вообще-то состав подобрался приличный — хороший вокалист, грамотные музыканты. Но в музыкальных группах, особенно в отсутствие безусловного лидера, всегда существует борьба за главенство, а поскольку эти «орлы» представляли рокерское движение, то и скандалы происходили более жесткие. С драками, мордобоем, милицией. Разбивалась дорогая аппаратура, портилась одежда, мебель и моя репутация. Я, конечно, терпелив, но в итоге не выдержал и послал их к чертовой матери. А может, еще куда подальше. Коммерческого успеха еще не было, ведь происходил период становления, а идти к нему с такими беспонтовыми попутчиками показалось мне очень сложным и рискованным.

Параллельно с моими скандалистами я успел немного

поработать с певицей Линдой. Думаю, что если ее кто и помнит, то по песне «про ворону». А тогда мне позвонил ее папа Лева Гейман и уверенно сказал в трубку, что его дочка весьма талантлива, учится в Гнесинке на вокальном отделении, будет звездой эстрады.

Что же, познакомиться с потенциальной звездой всегда интересно, особенно если ее папа — банкир. Мы встретились, и выяснилось, что Линда обязательно хочет петь дуэтом со своей подружкой Ларой. В будущем эта Лара, кстати, написала много песен, в том числе и Пугачевой, и Киркорову. Вначале я не мог понять, зачем нужна подружка, а потом разгадал незатейливый секрет Линды: она оказалась настолько закомплексованной, что как огня боялась сцены. Вот ей и требовался компаньон по выступлению, дабы одной не так страшно было. Но я убедил богатого папу, что раскрутить дуэт сложнее, почему-то именно так я считал. Линда приходила на пробы, я просил ее снять пальто, а она пряталась за шкаф, за стол. Ну настоящая белая ворона! Линда носила длинные волосы и не могла связно говорить: обычная провинциальная еврейская девочка, чей папа сильно поднялся. Вовсе никакой не талант, просто девчонка хотела петь. А в училище, естественно, почувствовав вкус наживы, стали ее записывать в суперталанты. Просто разводили родителя с явно корыстными целями, чтобы он нанял дорогих учителей.

Я же сразу заявил, что никакая она не певица и надо много работать, а все эти комплименты просто чушь. Папа обижался за свою кровиночку, но, наверное, ощущал мою искренность и правоту. За полгода нашей деятельности мы записали ряд песен и передач на ТВ, проект понемногу выстраивался. Но тем временем от непосильного груза музыкальных инвестиций Лада-банк, похоже, обанкротился. А потом пришел Макс Фадеев и забрал последнее. И сумел все-таки что-то слепить, протолкнуть Линду на экран, используя дружбу с Эрнстом. На пластинке, кстати, 70 процентов вокала вообще не ее. Сейчас у Линды третий заход. Папа взял в продюсеры Пригожина, у которого хорошие связи с Русским радио, с Орт-рекордс, и ушлый Иосиф умудрился втюхать туда ее песенки, хоть и явно неформатные. Ну и дай им Бог удовольствия, ведь бизнеса в этом как не было, так и нет.

11.10.2004

Сегодня мне позвонил Сташевский. Поболтали за жизнь, подтвердил слухи, рассказал, что недавно гастролировал, в том числе в Германии, США, Израиле.

Неожиданное известие, я-то думал, что он как сбитый летчик довольствуется крохами со стола шоу-бизнеса. В каком-то

интервью даже пошутил: неужели я оглох, что-то Влада давно не слышно. А вот ведь на сколько лет вперед я смог его раскрутить! Глубокий след и серьезный задел. Потому что подкручивал не переставая, словно заводную игрушку. И когда меня спросили, а что еще было за годы работы с Владом, я как-то даже замялся. Похоже, только Влад. К сожалению, голос бывшего артиста мне показался пьяным. По-моему, эта проблема, увы, теперь его плотно касается. Доходили слухи, что с целью заработать побольше денег для возвращения на сцену певец занялся бизнесом, и не простым, а алкогольным. Совместно с президентом Союза виноделов Дагестана, с которым его когда-то познакомил тесть (теперь уже бывший). Частые посещения винных погребов кавказских республик, денег, наверное, не принесли, зато послужили серьезному разладу в его семье, разводу с Ольгой. А жаль!

С этим парнем познакомился в клубе «Мастер» на улице Павла Корчагина, как раз во время выступления группы «Янг Ганс». Он пришел на концерт и, уж не знаю как, очутился за кулисами в служебном помещении. Прямо перед глазами стоит: в холе — рояль, а за ним молодой человек с модельной внешностью, поющий незатейливые песенки. Я подошел, он развернулся, узнал меня, поприветствовал, сказал пару комплиментов. Ну, это приятнее, чем с моими скандалистами общаться. Мы обменялись телефонами, и вскоре я встретился с Володей Матецким и рассказал, что нашел парнишку а-ля Элвис Пресли, ну не по таланту, конечно, но по типажу. Влад прибыл на смотрины, мы быстро сварганили первую песенку, ее взяли на радио, и все закрутилось. И в дальнейшем 80 процентов репертуара Влада принадлежало легкой и талантливой руке Володи.

Интересно, что мою работу с Владом многие восприняли как измену року. Измена — едва ли, а вот что изрядно устал я от рокеров и рока — это факт. Да и сам стиль протестный потерял свою актуальность: против чего выступать, против собственной недееспособности, что ли? Вдобавок время работать для своего удовольствия тоже прошло, и, помимо творчества, еще захотелось денег. И немало. Кстати сказать, в юности я уважал любую качественную музыку, хотя бы и не роковую: Челентано, например, и Пресли. Влад походил на того, кого я искал, осознанно или нет. Без комплексов, красивый, спортивный, высокий, с голливудской внешностью — почти идеал. Голос средний, как у большинства выпускников нынешних «Фабрик», вживую он пел редко, да и не особо хорошо. Как и все. И все-таки

я считаю его талантливее нынешнего эстрадного большинства. Он хорошо двигался по сцене, артистично работал. Он быстро профессионально рос, он позволял себя лепить.

Владу было всего 18 лет, когда мы познакомились. Он жил с мамой в одной комнатке в 16 квадратных метров в огромной коммуналке на Кутузовском проспекте. Вокруг нее происходили какие-то разборки, уж больно лакомый кусочек, при этом жильцы остальных комнат, в основном бездельники и алкоголики, потихоньку куда-то запропали. А их освобождающаяся жилпощадь концентрировалась в каких-то преступных руках. Вот и на Влада, как на последнюю занозу, откровенно наезжали, пытаясь выселить черт знает куда. Я встал на его защиту, одолжил денег, помог купить хорошую квартиру. Оказывал я помощь своему певцу и в институте, покрывая его многочисленные прогулы. Что-что, а это я умею делать и делаю для многих своих исполнителей. Решил и вопрос службы в армии, чтобы не служить. В общем, как второй отец, подчас лучше первого.

Влад вскоре оказался под воздействием моим и того мира, который меня окружал. При этом я всегда старался пробудить в нем самостоятельную личность, одновременно следя, чтобы он не возгордился и все упорнее продолжал работать. Представляете, через полгода нашего знакомства, на его 19-летие, в общем-то на не круглую дату, я пригласил Пугачеву и Киркорова, Николаева и Королеву, Укупника и Матецкого. Такие сливки шоу-бизнеса и практически к пацану! И ведь пришли же — конечно, из уважения именно ко мне. И делал я это не столько как пиар — тогда и слов таких не было, — а как подарок Владу, доказательство моей веры в наше общее дело.

Дебют Влада состоялся 30 августа 1994-го на международном фестивале «Солнечная Аджария» с песней «Дороги, по которым мы идем». Видите ли, я был продюсером этого фестиваля и воспользовался служебным положением. Само действо носило весьма политизированный оттенок и характеризовало накал в отношениях между Батуми и Тбилиси. Абашидзе нашел спонсоров, и музыкальный десант высадился. На это мероприятие я, кстати, пригласил нынешнего моего друга и соседа Отара Кушанашвили. Тогда еще совсем молодого, но уже сильно экзальтированного музыкального журналиста. И весьма острого на язык. Кстати, спасибо за предисловие к книге, хоть и весьма сумбурное.

Что же касается Влада, то вскоре вышел его дебютный альбом «Любовь здесь больше не живет», несколько песен из которого вошли в десятку многочисленных хит-парадов. В этом же году Влад занял 1-е место на международном фестивале «Белые ночи

Санкт-Петербурга». 1996-й оказался особенно успешным в музыкальной карьере певца. В Театре Эстрады состоялись первые в Москве его сольные концерты. Вышедший альбом «Влад-21» имел большой коммерческий успех (в течение первой недели было продано 15 тыс. CD). Видеоклип на песню «Позови меня в ночи» демонстрировался около 500 раз (только по центральным каналам). По данным журнала «Эксперт», Влад Сташевский стал самым «пиартируемым» артистом, незаконные тиражи его альбомов в несколько раз превысили объем легитимной продукции.

И в то же время, если говорить о коммерческой стороне проекта, все шло не особо гладко, с пробуксовками, требовало больших вложений. Материальные средства постоянно приходилось изыскивать. Кто-то озвучил, что я вложил во Влада целый миллион зеленых. Интересно, что такие круглые цифры звучат очень часто, например в ответ на вопрос: «Сколько надо, чтобы раскрутить певца?». Не знаю, кто подсчитывал мои затраты и почему именно миллион, а не девятьсот тысяч и не миллион сто. Я, честно говоря, бухгалтерских книг не веду. Знаю лишь, что деньги я вкладывал преимущественно не свои, и умение находить спонсоров считаю одним из главных для продюсера. Потому как окупаемость в чистом виде получить совсем не просто: уж больно велики затраты на рекламу.

В те времена сливки общества уже начали зарабатывать сумасшедшие бабки и при этом стремились к встречам с артистами, охотно спонсировали разные мероприятия. Находились, конечно, и жадины, недоуменно смотревшие на меня и строившие из себя крутых ценителей искусств: «А Сташевский что, Большой театр? Я лучше себе еще машину куплю…». Ну и подавитесь своей десятой машиной!

Крупные западные компании тоже считали, что сподручнее проникать в страну в паре с нашими известными артистами, используя их имена и лица для пропаганды своих лейблов. «Кока-кола», например, какое-то время весьма охотно сотрудничала с нами. Еще какие-то богатые компании, издательские дома. Теперь этого рвения помочь артистам уже нет, увы.

Деньги в большинстве своем шли на клипы. Думаю, это единственный артист, имеющий в активе порядка 17 клипов. Даже у Киркорова столько нет. Разве не убедительная цифра для тех, кто обвинял меня в присвоении спонсорских средств?! Вообще, чем известнее и значительнее человек, тем больше находится злопыхателей, тем более странные и абсурдные обвинения на него сыплются. Например, что я ношусь с артистами, как с детьми. И что же в этом предосудительного и

преступного? Я же объяснил — второй отец.

И Влад, как я уже сказал, не был исключением, не был для меня чужим. Как-то продюсер «Нашего радио» Михаил Козырев сказал в одном интервью, что, когда он открыл радиостанцию новой культуры для нового поколения, то больше всего опасался, что к нему «придет Айзеншпис мира сего и скажет слово “Сташевский”». И он оказался прав. Поскольку открылось новое радио с русской музыкой, я обязательно должен был прийти и предложить своего артиста. И я пришел, показал песни. А когда понял, что в их формате они звучать не могут, спокойно ушел.

С Владом я работал долго и достаточно бесконфликтно, до тех пор пока он не женился. При этом самого пункта о невозможности женитьбы в нашем контракте не стояло, считаю это положение глупостью и избегаю его и по сей день. Тут можно, конечно, умно рассуждать, что женитьба отрицательно действует на поклонниц, что семейная жизнь отнимает время и эмоции, но запретить человеку жениться? Вдобавок Влад полностью исполнял наш график, и в этом смысле претензий я не имел. Тут дело в другом.

Я сам явился виновником знакомства Влада с будущей женой, Ольгой Алешиной. С ее папой, Владимиром Владимировичем Алешиным, мы жили в одном районе, дружили, ходили в одну спортивную школу. При этом в отличие от меня он занимался футболом, а не легкой атлетикой. Потом наши судьбы разошлись: я вниз в тюрьму, а он ударно вверх по комсомольской линии. Вновь встретились мы через много лет: я — начинающий продюсер, а он — директор крупнейшего стадиона. С тех пор периодически и общались. В те годы жене Алешина сильно нравился Влад, и на одно из мероприятий, по-моему, день ее рождения, его и пригласили. Празднество отмечали на палубе теплохода, который курсировал по Москве реке, там певец и встретился с Олей. Они обменялись телефонами, а дальше я не подглядывал. Свадьба состоялась через семь-восемь месяцев после знакомства.

Оля, отдаю ей должное, училась в МГИМО, умная и воспитанная, с аналитическим складом ума. Ей импонировал Влад, симпатичный и обаятельный парень, модный певец. Прекрасная звездная парочка, их портреты украшали обложки многочисленных глянцевых журналов, их «хроники» постоянно печатались в желтой и белой прессе, их звали на многочисленные светские вечеринки. А тем временем между нами назревал конфликт.

Оля, весьма властная от природы девушка, начала ревновать Влада. И не столько к многочисленным поклонницам и слухам,

сколько ко мне. Ей показалось, что моя власть над ее супругом слишком велика. И она стала представлять Влада во всех переговорах, отстаивать его (и свои) интересы как второй продюсер, что ли. При этом посчитав, что финансовые условия не в пользу Влада, предложила их изменить. И если раньше гонорары делились 60 на 40, но из своих 60 процентов я финансировал записи песен, съемки клипов, то теперь было предложено делить все пополам. Через несколько месяцев Оля захотела вернуться к прежнему варианту дележа как более выгодному. Пусть даже себе в убыток, но я пошел навстречу.

Пятилетний контракт мы пролонгировали еще на год, но брешь не затягивалась, а только расширялась. Это как в семейной жизни — после какого-то этапа уже не склеить. Оля все больше уверялась в возможности работать без меня, и печальный итог этой работы известен. Влад уже давно не появляется на ТВ, разве что как «Последний герой», его песни не крутят на радио. В то же время сейчас происходит определенный всплеск его известности. И я рад этому. Нет, мне все равно.

Вообще, что можно было извлечь из этого исполнителя, я извлек, больше этого уже являлось бы противоестественным. Естественные пределы таланта дополнительно ограничивались еще и ленью, что относится ко многим молодым людям, любящим купаться в нежданной славе и пользоваться ее плодами. И не любящим ни пахать, ни сеять. Кстати, поскольку с моей деятельностью в шоу-бизнесе часто ассоциируется понятие «впервые», упомяну еще об одном первенстве.

Мой «развод» с Владом — первый крупный в нашем шоу-бизнесе, который прошел тактично и мирно. Без взаимных претензий, обзывательств и бойкотов. Впервые два известных человека, продюсер и артист, публично огласили, что с этого момента прекращают свое сотрудничество. Сделали мы это в офисе компании Intermedia, там же подписали заявление для массмедиа по поводу окончания пятилетнего контракта и об удовлетворении результатами совместной деятельности. В качестве подтверждения этого удивительного факта я привел такие бесспорные доказательства успешности проекта, как выпуск за пять лет пяти альбомов, ста песен, семнадцати клипов и пяти дипломов «Песни года». Скажу честно, не все в этих сладких речах соответствовало правде, ведь некоторое время Влад уже являлся для меня определенной обузой. 5 лет — это слишком много для артиста такого порядка, как Сташевский, если и не обреченного быть «однодневкой», то и не из разряда вечных кумиров. Так долго никто еще со мной не задерживался, хотя надеюсь, что и Билан, и «Динамит» покроют этот рекорд.

Тяжесть дальнейшей работы с Владом я начал ощущать и на собственном гроссбухе, где активы не особо сходились с пассивами.

Но я не стал жаловаться, да и кому — я просто сделал выводы. Грех жаловаться на судьбу и Владу. Действительно, о таком остается только мечтать: вверив себя подопытным кроликом в руки практичного мэтра, через каких-то пять лет он из заурядного и никому не известного мальчишки вырос в крепкую эстрадную единицу. Стал всенародно известен, местами даже популярен, прижился в высшем столичном свете. И успел удачно обустроить свою личную жизнь. Просто потому что на него указал перст «мастера грез Айзеншписа», как меня красиво назвали в каком-то издании.

Но все сказки когда-нибудь кончаются. И, как правило, конец у них добрый и счастливый. Вот и в этой красивой истории о нищем, ставшем принцем при помощи доброго волшебника, поставлена точка. Зрители, заждавшиеся счастливых финалов, получили то, что хотели — мир и дружбу в строчках пресс-релиза.

Еще раз хочу подчеркнуть, что не рассматриваю Влада знаковой фигурой российской эстрады и не ставлю его в один ряд с Пугачевой и Цоем. Но и считать его абсолютно серым не согласен. В любом случае тем выше моя заслуга, ибо Влад уже 10 лет худо-бедно свою популярность эксплуатирует. Пусть тот же Пресняков похвастается такими же достижениями. И пусть Алибасов поставит мне памятник при жизни — говорят, он пообещал это сделать, если Сташевский станет популярным. Впрочем, Барри любит говорить всякие безответственные вещи.

Еще любопытно, что почему-то именно о Владе существует немало анекдотов. Вот, например, что я нашел в Интернете.

1. Действие происходит в школе подготовки двойников звезд.

— Товарищи курсанты, спойте песню.

Поют.

— Стоп, кто взял ноту до? Я спрашиваю, кто взял ноту до?

— Курсант Сташевский, сэр.

— Запомни, Владик, ты не можешь, ты не можешь взять ноту до третьей октавы.

2. Песня в стиле рекламы «Юпи».

Сташевский был без слуха, без вкуса, без рифмы, без голосаааааа.

Вдруг откуда ни возьмись появился Айзеншпис.

3. Школа по выращиванию звезд в пробирках.

— Что у вас тут?

— Тут у нас Аллегрова, тут Долина.

— А в этой пробирке?

— Сейчас послушаем.

Открывают пробирку, оттуда голос:

«Позови меня — в ночи приду…»

— Ой-е, кого вырастили, так дайте дусту и серной кислоты.

Вливают в пробирку.

Оттуда: «А прогонишь прочь — с ума сойду».

— Так, цианистого калия, пожалуйста, вливаем, перемешиваем, ну, открывайте еще раз.

Голос из пробирки: «Эту песню не задушишь, не убьешь».

— Даааа, здесь наука бессильна.

Расскажите что-нибудь смешное про шоу-бизнес.

— Вчера Юрий Айзеншпис пощекотал Сташевского.

— Что-то никто не смеется.

— Не знаю — Сташевский смеялся.

Честно говоря, сами анекдоты тоже весьма бесталанны.

Саша, Лель, Никита и другие

Если звезды «загораются», значит, это кому-то нужно. Без них наша жизнь стала бы гораздо серее и скучнее, это уж точно! Но звезды загораются не сами, их зажигают, и для этого требуются весьма серьезные деньги. Такие, которые со сберкнижки не снимешь. Это не «Жигули» купить и даже не «Мерседес». Но когда деньги есть, когда найдены неплохие песни и даже отличный продюсер, требуется еще кое-что, без чего не существует настоящего артиста. И именно здесь проходит основная грань между самодеятельностью и профессионализмом, между талантом и выскочкой. В качестве иллюстрации приведу мою хорошую знакомую Катю Лель. За ней стояли и стоят серьезные средства столичного ресторатора Александра Волкова, владеющего отличными японскими ресторанами в отелях «Рэдиссон — Славянская» и «Балчуг — Кемпински» — и это важно! Но помимо этого у Кати и способности неплохие, а главное — она просто обуреваема желанием петь. И это необходимо, ибо для эстрады, как ни странно, весьма правомерна фраза: «можешь не петь — не пой». А вот не можешь — тут надо смотреть…

Катя шла на профессиональную эстраду настойчиво и целеустремленно. Ее подготовка, талант, манера это позволяли, она с малых лет на сцене. Бюджет проекта составлял порядка 600 000 долларов, я брал свои 25 процентов. Мы работали вместе год достаточно успешно, а потом инвестор проекта решил, что готов действовать самостоятельно. Что, конечно, излишне самоуверенно: это весьма специфическая область, где умение вести обычный бизнес не особо применимо. Свою роль сыграло знакомство Кати с Кемеровским, который подбил ее перейти из модного репертуара в совок. Что же, может, какой-то резон в этом и был: совок всегда лучше хавается. В любом случае Катя сохранилась на эстраде, что говорит о не случайности ее появления там.

Кстати, тут мне на почту пришло забавное письмо:

Катерина (22.11.2003 12: 11) dalsu@yandex.ru

Как добиться славы?

Здравствуйте.

Я молода, красива и необычайно сексуальна, когда я иду по улице, мужчины притормаживают на своих иномарках и предлагают подвезти, подружки меня боятся как черт ладана… Они боятся, что я уведу у них друга или мужа…

Но у меня немного другие цели в жизни. Я ОЧЕНЬ хочу стать знаменитой, мне предлагали пойти в модели, но я не хочу сниматься в дешевых журналах и ждать пять лет, пока меня пригласят на обложку Плейбоя…

Я хотела бы спросить у вас, каким образом можно прославиться красивой, очень обаятельной девочке с необычным типажом лица (в хорошем смысле этого слова), у меня внешность «с изюминкой», меня все очень быстро запоминают — преподаватели в институте, продавцы в магазине….

Пожалуйста, перечислите пути к славе… в моем случае… Петь я не умею…

Катя, 20 лет

После последнего предложения я долго смеялся и вспомнил Ольгу Родионову — известную модель, красивую женщину, просто умницу. Она тоже хотела петь, этого же хотел и ее муж — Сергей Родионов. Помните, наверное, банк Империал с его красивыми роликами «Точность — вежливость королей»? Сейчас банка нет, что-то не заладилось у них с бизнесом, теперь у Родионова издательский дом его же имени. В общем мы записали с Ольгой пять песен, но особо ничего не получилось. Я ей ничего не обещал, и с меня не требовали невозможного. Вдобавок разразился дефолт… Да, мода Ольгу не миновала, тогда все рвались на эстраду, но у нее нашлись ум и смелость признать свою неготовность для сцены. Очаровательная, очень добрая, отзывчивая — мы поддерживаем с ней отношения.

23.11.2004

Звонят мне много. Если хотя бы несколько часов телефон молчит, я начинаю слегка беспокоиться: может, сломался? А если он работает, так еще хуже: может быть, уже никому не нужен? Но подобное забвение мне пока не грозит, и трубки трезвонят не переставая.

В последние годы мобильные телефоны, кстати, «помимо культа одежды и культа личности», как весьма остроумно написали в журнале «Дорогие Игрушки», тоже стали объектом моего поклонения. У меня они разные, некоторые нравятся по дизайну, другие по полифонии. Однако, думаю, пользуюсь лишь их простейшими функциями, даже SMS-сообщения еще не освоил.

Сегодняшний утренний звонок меня одновременно и позабавил, и разозлил:

— Здравствуйте. Я продюсер одной музыкальной группы. Считаю своих ребят очень талантливыми и хочу продать вам свой проект.

— А как вас зовут? И что за группа, кто песни пишет?…

— Ну, наши имена вам ничего не скажут, но получается здорово. Только денег на раскрутку не хватает. Вот и решили продать, хотя и жалко.

— А почему вы считаете, что они талантливы? У нас в стране вообще талантов почти нет. И как это — продать проект? Как вы себе это представляете?

— Ну, вы мне заплатите и начинайте работать с ними…

Я человек вежливый, но тут не сдержался, слегка нахамил:

— Знаете, господин продюсер, вы хотя бы слегка разбираться в вопросе научитесь, а то такую чушь несете. До свиданья.

Ха, продать проект. Поди, например, Билана продай… Вот, правда, говорят, Березовский купил группу «Радиохэд»… Ну да, у них все возможно.

А вообще модное слово «продюсер» изрядно заездили. Уже куда ни плюнь… Поэтому хочу поделиться своими соображениями, и прежде всего о музыкальных, здесь я несомненно в теме. Так вот, настоящих продюсеров у нас в стране единицы. И я любому могу объяснить и доказать, что я первый среди них и по совокупности заслуг, и на сегодняшний день.

Хотя среди моих коллег тоже есть несомненно талантливые единицы: Матвиенко — хороший музыкант, стратег, бизнесмен. У него два отличных проекта — «Любэ» и «Иванушки», оба долгоиграющие и прибыльные. А два проекта — уже некая повторяемость, некая неслучайность. Потому как единичные попадания в цель, типа Варум или «Тату», говорят о везучести, но не о профессионализме. Или Шульгин — тоже интересная персона и грамотный продюсер, как бы его периодически ни обливали и ни обличали.

Кто еще? Почему-то многие готовы записать в продюсеры Алибасова. Лично не питаю к нему особо хороших чувств, он мне не симпатичен. Одевается как клоун, лишен вкуса и любит нести всякую чепуху. Ну, как светская персона, может, и интересен, но не мне. Но если отбросить субъективное, то в его активе лишь «На-На». Опять-таки просто удача. Вдобавок группа ушла «в никуда», а если и живет, то в режиме ожидания. Но сколько можно ожидать??? Каждый раз Барри потрясает мир побасенками, что ребятами занимаются лучшие американские профи, и они вот-вот завоюют мир. Ну год, два, три… Сколько можно лапшу вешать? Хотя это тоже определенное искусство…

Или вот Иосиф Пригожин, которого я знаю очень давно. История нашего знакомства с ним забавна. Мне позвонил Давид: приехал-де к нему то ли дальний родственник, то ли друг знакомых — короче, бедный студент. И он хочет петь. Ну, вроде

бы как петь хотят многие, но иногда одного разговора с ними достаточно, чтобы существенно охладить их пыл. Просто надо слегка раскрыть закулисную сторону. Вот я и предложил Давиду, чтобы «студент» позвонил мне. Студент позвонил, сказал, что хочет петь и учится в институте, мы встретились с ним — ну, ничего особенного. Через пару дней он предлагает купить мне автоответчик «Панасоник» последней модели за 5 тысяч пятьсот рублей. Я соглашаюсь. Наверняка Иосиф наварил на мне рублей этак 500, что же, на пиво на неделю хватило. Иногда мы встречались с ним у Казанского вокзала: оказалось, что в отсутствие квартиры он изредка там ночевал. Потом Иосиф пропал, а за той помощью, которую ему пообещал, так и не обратился. Потом я увидел его на каком-то шоу в Крылатском в роли певца с песней «Рыжая, рыжая, ты совсем бесстыжая…». И вот так вот потихонечку он рос на моих глазах — то ли певец, то ли администратор. Стал работать директором кого-то артиста и вдруг оказался на месте генерального директора компании «РТ-Рекордс». Уж не знаю, какими интригами он туда пролез, но это был прорыв. Молодой, полный энергии, он вырос в сознании многих. А после ухода с ОРТ создал свой лейбл — «Нокс-мьюзик».

Иногда придешь куда, думаешь, еще никем и не пахнет, можно попахать ниву, а здесь, оказывается, уже Иоська-неуемный, пробивной, юркий, несмотря на комплекцию. Но он все-таки не продюсер, где-то около, обычно имел дело с уже готовыми звездами — Носковым, Маршаллом, Орбакайте. Разве что Руссо он сделал с нуля, но уж очень большой бюджет стоял за ним. Тяжело шел проект, но Йоськина пробиваемость сделала свое дело. Смешной человек, люблю его.

Он, кстати, очень дружил с моим товарищем Толмачевым. Я с Олегом случайно в Гаграх познакомился в гостинице, где жили спортсмены на сборах. Курортный сезон заканчивался, москвичей мало, вот мы и закорешились. Потом Олег со мной работал с Цоем на правах администратора, а потом с Пригожиным в «ОРТ-Рекордс».

После развода с Владом я ненадолго увлекся певицей Сашей. Я всегда, кстати, увлечен теми, с кем работаю, без этого ничего путного не получится. Я просто обязан увлекаться человеком, чтобы полностью выложиться. А если не выложиться — и думать нечего об успехе. А я начинаю что-либо делать лишь в перспективе безоговорочного успеха.

Девушка Саша появилась как раз вовремя, когда я вовсю озаботился новым проектом. Три или четыре девчонки, каждая яркая индивидуальность, вместе — мегагруппа — вот чего мне хотелось бы. Шли кастинги за кастингами, но я не мог остановить

свое внимание ни на ком. Посмотрел более 500 кандидатур, отобрал для потенциальной группы четырех, но и они далеко не полностью соответствовали моим требованиям, за исключением одной. Я еще раз убедился, что настоящих дарований в России с гулькин нос, и все эти расхожие разговоры, что их затирают, не пускают и т. д. — просто чушь. Очень мало талантов для такой большой страны, непростительно мало. И ведь не только в музыке, но и в том же спорте, например… Бездарности и середнячки, не желающие работать и развиваться. А может, и не умеющие.

И вот в разгар этих грустных размышлений и выводов раздается настойчивый телефонный звонок. Это вам кажется, что все звонки одинаковы, но я-то знаю: бывают совершенно особые, от которых что-то ждешь. Незнакомые люди, особенно «потенциальные» певцы и певицы, обычно тушуются, что-то мямлят… А тут настойчивый и молодой женский голос с какой-то неимоверной энергетикой, которая чувствовалась даже по телефону, говорит, что хочет со мной работать. Хочет, чтобы я посмотрел, послушал и… Я только спросил:

— А какая вы внешне?

Ответ был краткий: «Не страшная». Не скажу, что ждал незнакомку с нетерпением, но что-то в этом кратком разговоре меня задело: может, повезло? Саша пришла и не обманула моих ожиданий. Мне захотелось с ней работать. Во-первых, яркая внешне: миндалевидные глаза, крутые скулы, чувственные ноздри и рот. Совершенно не похожая на кукольные лица девочек из породы Барби. Ее «непохожесть» производила загадочное впечатление и несомненно привлекала внимание. Из ее краткой жизненной истории я понял, что Саша родилась в городе Сыктывкаре. Отца не помнит. Мать работает на каком— то комбинате. В общем, обычная провинциальная семья. Саша училась фигурному катанию, занималась в музыкальной школе, танцевала в клубах, собрав неплохую группу. Этим жила и живет, потому что петь и танцевать любит самозабвенно. Поставила видеокассету. Да, двигается прекрасно, хорошо танцует, артистична, заражена неимоверной энергией. Если на видео чувствуется воздействие зрителей, то на сцене уж наверняка. Очевидная личность. В ее жилах течет азиатская кровь, и мне, кстати, ее припоминают и в Никите, и во Владе, и в Билане. Да и в Цое… Я сначала отнекивался от подобных умозаключений, а теперь думаю: может, я действительно в этом смысле слегка пристрастен?

При этом ко мне Саша пришла не как «бедная, но талантливая», а уже имея за спиной буквально и фигурально

потенциального спонсора — некоего Гарика, с которыми вместе и явились. Ну, Гарик так Гарик, спонсор так спонсор, и какое мне дело до истинных причин этого спонсорства? В любом случае это не лишние деньги. Ведь бизнес, связанный с творческим началом, не прогнозируется. Это не тонны нефти и угля, здесь особо не просчитаешь. И я иногда не брезгую обратиться за шефской материальной помощью в продвижении того или иного проекта к своим очень богатым друзьям, и они обычно не отказывают. Другое дело, что такие прямые спонсоры, достаточно быстро и очень поверхностно ознакомившись с азами шоу-бизнеса, вдруг пытаются взять это в свои руки. Так было и с женой Сташевского, и с мамой Ольги Дроздовой, и с Катей Лель, и еще, и еще.

Но сейчас ситуация вырисовывалась почти идеальная — и деньги, и талант, и спонсор волне разумный. Ведь после ряда попыток работать просто за деньги я убедился в бесперспективности подобного рода деятельности. Эти имена мне любят припоминать и списывать на мои творческие неудачи. Отнюдь! Я работал как наемный продюсер, никаких лишних обязательств на себя не брал и никому ничего не остался должен. Однако принося определенные средства, подобная работа не давала мне необходимого кайфа и отрицательно действовала на мой авторитет, и я дал себе зарок — браться за дело, лишь убедившись в артистическом потенциале будущей певицы. А для этого одной видеокассеты мало, требовались живые просмотры, пробные записи и тщательные раздумья.

Я взял паузу, но еще через несколько наших встреч мои сомнения отпали.

И за Сашу мне в общем-то не приходилось краснеть. Пела и танцевала она весьма убедительно, плотным ротациям на радио и ТВ могли позавидовать и более именитые артисты. Ее клип «Просто дождь» вошел в реестр лучших в сезоне. Готовился дебютный альбом. Пресса со своей стороны обнаружила физическое сходство Саши с Мадонной и запестрела заголовками: «Мадонна из Сыктывкара» (уже сейчас Сашина «оппозиция» в лице ее прежнего покровителя запустила мульку, что Сашу-де тогда за большие деньги швейцарские хирурги специально скроили «под Мадонну». Более того, мол, это вообще прооперированный мужик. Ерунда какая-то!).

И все бы хорошо, да по «ту сторону экрана» разворачивалась личная драма певицы. Саша и Гарик сблизились намного серьезнее, чем просто меценат и артист… Н-да… Я не знаю, насколько искренни были их отношения или держались на принципе «чем известнее моя девушка, тем сильнее эрекция». Вроде бы намерения были самые серьезные: бросить семью,

жениться на Саше. И она вроде его любила, проявляла ласку, а в ответ подчас получала свойственное представителям Кавказа: «Ты моя женщина, почти рабыня, права слова не имеешь, сиди дома». Сашу под охраной доставляли в квартиру, запирали на ключ, а кавалер уезжал к своей семье.

Атмосфера накалялась извечной проблемой мужской страсти — ревностью, помноженной на восточный темперамент. За сцену «обжиманцев» на сеновале в клипе «Просто дождь» певица была бита, потом еще и еще раз. Поводы находились с воздушной легкостью. И вскоре вместо вершин Олимпа соискательница звездных лавров обнаружила себя в больнице с диагнозом «черепно-мозговая травма» и медсправкой о побоях.

На почве скандалов происходила постоянная катавасия с эфирами. Уже все проплачено, вдруг в последний момент звонок: «Все отменяй!». Отменяю с потерями, хорошо хоть часть денег спас. И вдруг снова звонок: «Возвращай все назад!». И попробуй объясни ему, что так не делается!

За подобными перипетиями творчество само по себе отошло на задний план. От моих услуг «инвестор» вскоре отказался. Ну а я, соблюдая приличия, тоже не стал активизировать самостоятельную работу с певицей, но по возможности ей помогаю уже не как продюсер, а просто как приятель. Мне, кстати, весьма понравилось, как Саша где-то в прессе отозвалась обо мне: «Мне не хватает его однозначно. Но у нас остались прекрасные отношения, он оказался нормальным человеком, способным к сочувствию, состраданию и помощи…».

Парадокс ситуации в том, что теперь бывший инвестор считает сценическое имя «Саша» принадлежащим ему и нашел некую Оксану, назвал ее тоже «Сашей», снял средненький клип и плотно зарядил его в эфир. В общем, мелкие дрязги продолжаются, но я, слава богу, от них далек.

27.11.2004

Сегодня в моей жизни произошло хорошее событие. Ну, вроде ничего особенного, а вроде бы и новая машина. Вообще, современные автомобили высшего класса уже настолько наворочены, что и не всегда поймешь, какой круче. В одной модели сто опций, в другой — 80. Оцениваю я весьма интуитивно, все в совокупности: дизайн, авторитет, престижность и влечение. Иногда прислушиваюсь к мнению друзей, использовавших ту или иную модель. И вот недавно я надумал заменить свой огромный «Мерседес». Еще бы, ездил да ездил, а тут просто зудит — новенькой тачки хочется. Этой же марки. Поехал в автосалон, где владелец мой приятель. Естественно,

захотелось получить дружескую скидку — это всегда приятно. Тем более от человека, которого давно знаешь. И дело не в том, что не хватает денег. У этого приятеля, предварительно увидев его на какой-то вечеринке, я заказал «Мерседес-Е». И уже решился поехать оплатить, как что-то отвлекло. А на следующий день Билана пригласили на фотосессию для одного журнала. Съемка имела какое-то отношение к автомобилям «БМВ» и проходила в автосалоне совсем недалеко от дома. И я без всякой задней мысли отправился туда вместе с певцом. А в салоне я совершенно неожиданно увидел своих очередных знакомых, которые выступали в роли оптовых покупателей. А давай с нами до кучи! Скидки оказались столь значительными, что я не устоял. Так что теперь у меня серебристая семерка «БМВ». Пусть ей не отказывают тормоза.

Соблюдая хронологию изложения моего жизненного и творческого пути, я по идее должен упоминать как минимум тех артистов, с которыми работал, которым посвятил годы своей жизни. Расскажу и про Никиту, не оставившего, впрочем, особых зарубок в моей памяти. Просто пришел и ушел. Уж очень сложный характер у парня, и в наших взаимоотношениях с самого начала прослеживалась психологическая несовместимость. Безусловно талантливый, несомненно перспективный на тот момент, но если бы более целеустремленный, дисциплинированный… И если бы не такие странности… Нет, не душевнобольной, да и строением психики все мы отличается друг от друга, но его «Я» и самооценка носили очень своеобразный характер. Что ему сильно мешало.

Со мной Никиту познакомил диджей Грув, принеся записи молодого исполнителя. Послушал — достаточно интересно, теперь хотелось бы еще и увидеть, воочию пообщаться. На звонок паренек отреагировал быстро, пришел, рассказал, что музыкальную карьеру начинал в ресторанах и казино. С ужасом поведал историю из недавнего прошлого, когда впервые приехал в Питер и несколько дней жил в подъезде и питался хлебом с молоком. Когда слушал его рассказ, интуиция подсказывала мне, что не все хорошо с Никитой — корявый в поведении и разговоре, внешность не самая прекрасная. Но сильная энергетика несомненно чувствовалась, и я подумал: да ладно, была не была, попробуем, может, другие купятся… И в общем-то публика действительно реагировала неплохо, но в наших отношениях постоянно присутствовало противостояние. Казалось бы, ну что ерепениться, тебе же повезло, работаешь с крупным продюсером, хорошие деньги получаешь, отличная перспектива. Но нет, по всем вопросам своя точка зрения, фантастическая

самоуверенность и безапелляционность и, как следствие, постоянные конфликты. Со мной Никита выпустил два альбома, был признан «Певцом года», «Открытием года», «Самым модным персонажем на эстрадной сцене», а его песни «Однажды» и «Улетели навсегда» были признаны шлягерами года. Тогда же «Продюсером 2000 года» был назван я, выведший Никиту в люди. Практически первый из совместно выпущенных пяти клипов — «Отель» — вызвал такую бурю общественного негодования, что каналы МТВ и МузТВ вынуждены были прекратить крутить его днем, перенеся это творение в ночную сетку вещания. По мнению ратующих за мораль, обнаженные девицы и сам Никита, блистающий своими «прелестями», — не лучшее зрелище для подрастающего поколения. Я против подобного ханжества, но в данном случае кое с чем согласился. Помнится, редкий гость в моем доме, «Независимая газета», попросила меня прокомментировать разразившийся скандал. Да, клипы подобного содержания подросткам и детям действительно лучше не показывать. Что же до негодующих взрослых, то тут я остался непреклонен: не нравится — не смотри. Вообще-то я не считаю, что на скандальности можно въехать в популярность, разве что ненадолго заглянуть. «Тату» — вполне свежий пример. Реально эпатажность может привести к успеху, может, в одном случае из десяти — лично я в такую вероятность не играю. Тот же Шаповалов — автор «Тату» — наверняка не сделает больше ничего путного, если останется на пути поиска не музыки, а скандала. Говорят, в его новом проекте артистка работает под «шахидку». Ну и кому это надо?

В клипе «Отель» я пошел навстречу Никите, дал полную возможность самовыражаться, и он сделал именно то, что хотел. И получил, что заслужил — шумиху, но не более.

Никита, кстати, заслужил еще одну премию — «Куй железо, пока горячо» — в номинации «Куй года»! Ведущий ее объявил, публика взревела, на сцену вынесли три портрета претендентов на получение «Куя», в том числе и Никиты. Судьи с Киевского вокзала выстроились в ряд. Торжественная минута — и яйца полетели в портреты «народных кумиров». После подсчета «голосов» выяснилось, что «Куем года» стал Никита, которого ведущий и пригласил на сцену. Ему предстояло получить два приза: непосредственно статуэтку «Серебряная Калоша» и курицу, которую принесла заботливая работница птицефермы. Приз гордо назвали «Белый орел».

Настроение у меня было хорошее, и я полез на сцену вместо гордого Никиты, не пошедшего на это действо. Получить приз вместо него мне не дали, пригрозив при этом, что отрубят

курице, то есть орлу, голову, если Никита немедленно не выйдет на сцену. Для пущей убедительности из расположенного на сцене громадного унитаза вылез засуженный мясник России с огромным ножом. Напряжение нарастало.

Никита не выходил. Мясник занес нож над головой бедной курицы, орла то есть. Нервы у зала не выдерживали. То и дело раздавались вопли: «Звери!», «Прекратите немедленно!».

Через несколько секунд голову курицы отделили от тела и бросили в оркестр. Зал притих. Впрочем, курица оказалась жива и невредима, ибо мясник, сбросивший свой халат; являлся самым настоящим фокусником. Н-да, одно из немногих приятных воспоминаний в работе с этим артистом.

А в целом же все оставалось весьма напряженным, и, когда Никита завел речь о «разводе», держать его не стал, хотя по контракту мог еще год промурыжить: мы проработали неполные три года. Отпустил на вольные хлеба или, если угодно, в свободное плавание. И вздохнул с облегчением. Помимо скандалов со мной, Никита задирался и выяснял отношения со многими артистами — с Децлом, и Сашей, и с «Динамитом». А с Данко однажды практически подрался. Все это отрицательно действовало на мой авторитет, а приструнить его просто не мог.

Никита, надо отдать ему должное, в последующих интервью рассказывал, что мы остались в очень хороших отношениях. Что до сих пор благодарен мне, как открывшему двери в шоу-бизнес. И что ему очень тяжело работается без Юрия Шмильевича: «Честно скажу — непросто. Когда я начал работать один, в первые дни мне хотелось просто повеситься. Когда я сотрудничал с Айзеншписом, я не думал ни о чем, кроме выступлений. А теперь мне приходится одному решать все вопросы — от организации гастролей до выбора концертных костюмов…».

Однако история, что он мне выплатил всю положенную компенсацию и теперь никто никому ничего не должен, верна лишь отчасти — не должен, но и не выплачивал. Потом, кстати, звонил мне, просил взять обратно… Видимо, его самостоятельные решения не особо правильные и прибыльные. Но нет, отрезанный ломоть.

Враги

Я весьма щепетилен в человеческих отношениях, стараюсь и старался ни с кем не конфликтовать, никому сознательно не вредить. Если же взаимный или односторонний негатив возникает, всегда ищу его природу, однако внимание не акцентирую и скоро забываю. И когда мой соавтор Львович Кирилл допытывал меня об именах моих врагов, утверждая, что эта конкретика придаст книге необходимую скандальность, я почти ничего не мог ответить. Да, в мире шоу-бизнеса существует известная конкурентная борьба, и не все ведут в ней себя достойно. Я, скажем, иногда весьма раздражался на высказывания Барри Алибасова в свой адрес: он сам иногда не понимает, что городит… Но считать его врагом? Он слишком добрый по сути человек, и большинство его тирад наверняка имеет единственную задачу — обратить на себя внимание… Или Олег Наумович Непомнящий, бывший директор Киркорова. Я его уже и не помню зрительно, однако в ушах так и звучит:

— Айзеншпис — да кто он такой, что он вам путного скажет?

Это Наумыч громогласно обращается к журналистам, которые толпятся вокруг меня и не обращают на него никакого внимания. Но и это не враг.

Из более злобных и склонных к грязным инсинуациям в мой адрес товарищей выделю Макса Фадеева. Считаю его нечистоплотным и даже полукриминальным типом. Помнится, еще во время работы с Линдой задолжал им большую сумму и должен был скрываться. Да и остальные, с кем он ни сталкивался, познали на себе его сущность и манеру вести дела.

А что касается декларируемых высоких музыкальных вкусов, так он обычный авантюрист: как запахло большими деньгами, так легко предал свое кредо.

А вообще, в жизни встречалось мне немало и подонков. В первой своей камере я дружил с Вильей Лейбовичем Миллером. Он меня и сдал, и чуть из-за него не залетел мой друг на воле. Третье заключение под стражу организовал известный валютчик Шепеер, царство ему небесное, с которым тоже водочку пил…

При этом я прекрасно воспринимаю людей, если наш, так можно выразиться, «конфликт» определяется просто разными музыкальными вкусами или разными бизнес-интересами. Например, я против самодеятельности в музыке и совсем не любитель частушек. Но феномен Веры Сердючки и ее колоссальный успех отрицать нельзя. Или, например, определенное непонимание с Костей Эрнстом, которого я знал

еще молодым монтажером из видеосервиса в Сокольниках… Его карьера впечатляющая, и он легко входит в Кремль, где я и на экскурсиях не бывал. Но проект первого канала «Фабрика», хоть и по уровню исполнения явно ниже того же Билана, лежит в конкурирующих плоскостях, и Билан им помеха. Что же, у нас просто разный бизнес…

Динамит

13.12.2004

Летел тут на днях из Питера и сначала почитал книгу про интриги власти, а потом и газету полистал. Опять жаркие дискуссии об идее Путина назначать губернаторов. А я полностью поддерживаю. Эти местные выборы давно уже превратились в бизнес олигархов, в лоббирование своих людей, в войну политических и экономических кланов. Лучше бы затрачиваемые ресурсы направлять в экономику и развитие государства. Можно, конечно, кричать, что прямые назначения — это путь к тоталитаризму, но мы к открытой демократии не готовы. Никакой культуры власти, политики и управления… Как и вообще культуры немного. Но в целом, хоть и читаю и «Профиль» и «Коммерсант», рассуждаю о политике как обыватель и дистанцируюсь от нее. Хотя и готов признать, что это в чем-то вершина шоу-бизнеса, по крайней мере грязи, обмана, подлости там куда больше. И деньги куда большие. А шоу такие, что подчас от правды не отличишь.

Вообще же с раскрученными политическими фигурами я часто пересекаюсь на различных мероприятиях, иногда даже за руку здороваюсь, но дружбы не вожу. Хотя вот забавный факт из моей жизни: году в 96-97-м приехал в Сочи просто погреться. Жил я в Редиссон-Лазурной, там же по какому-то стечению обстоятельств оказались и Игорь Крутой, Шуфутинский, Володя Дубовицкий… Еще, вроде, Аллегрова. И вечером у бассейна накрыли стол персон на 16, и туда пришли А. Коржаков и М. Барсуков — их совсем недавно сняли с кормушки. И этот всесильный Коржаков сидел со мной рядом, подливал водочки и весьма дружелюбно беседовал. Выяснилось, что он отлично знает мою биографию — вот это да! Конечно, я был клиентом их ведомства, но не только поэтому: он оказался заядлым меломаном и хорошим знатоком молодежной культуры. Думал, что сухарь, а вполне милый человек.

История одной из самых позитивных, энергичных и взрывных российских групп, к созданию которой я имею самое непосредственное отношение, началась в 1998 году. Именно тогда Илья Зудин — потомственный музыкант, сын одного из известных сочинских саксофонистов — приехал в Москву с электронным world-house проектом Sun City. За его плечами была учеба в Сочинском музыкальном училище, игра в рок-группе и джазовом оркестре, диджейство в ночных клубах и на радио. В те

времена — как, впрочем, и сейчас — Зудин слушал Боба Марли, Стиви Уандера и модную house-волну, что неизменно отражалось и на его творчестве, и на образе жизни. Хитроумная смесь реггей, фанка и электронщины, которую культивировал Sun City, не привлекла московских продюсеров, к которым Илья обращался до меня. Не привлекла и меня, как слишком уж экзотическая, зато отличные данные аранжировщика я разглядел и всерьез заинтересовался ими. Молодой артист стал автором песен сразу для трех моих проектов — Лены Зосимовой, певицы Саши и певца Никиты. Ну а в какой-то момент Зудину надоело писать песни для других, и он предложил мне создать бойз-проект с тремя вокалистами. Первым в него влился столичный мажор, эстет и модель, сын дипломатических работников, семь лет проживший в Швеции, Леонид Нерушенко.

Поиски третьего участника велись долго и закончились с появлением второго Ильи — Дурова. Родом из Иваново, прославившегося в отечественной поп-истории «Дискотекой Авария», Илья Дуров, как и его тезка, имел большой музыкальный опыт. В частности, долгое время он пел в детском эстрадном ансамбле «А+Б», из которого вышло немало нынешних героев поп-сцены — в частности, Алексей Серов («Дискотека Авария») и Дима Голубев («Фабрика»). Дуров, со временем приобщившись к джазу, закончил ивановское музыкальное училище по классу саксофона и играл в нескольких джаз-группах, а позже на базе знаменитого Ивановского рок-клуба организовал собственную группу «Сарафанное радио». Именно там его радикальные музыкальные пристрастия — от Ministry, new industrial и до Red Hot Chili Peppers — впервые обрели отчетливые очертания. После окончания училища Дуров поступил в московский областной институт культуры: там он учился вокалу, а тренировал его в ресторане, исполняя фирменные поп— и рок-хиты. Но однажды на МузТВ услышал объявление о том, что я набираю новую группу.

Первая же записанная группой песня «Твое тело» сразу попала на радио, а вместе с ней появилось и название, взрывное и очень удачное — «Динамит». В целом это слово сейчас растиражировано в шоу-бизнесе: помимо группы, есть радиостанция, серия поп-сборников и телегладиатор под этим именем. Но радио появилось позднее моей придумки. Кстати, во многом из-за этого совпадения песни «Динамита» на другие радиостанции не брали, чтобы не поддерживать конкурента. Я зарегистрировал торговую марку «Динамит», но это касается только музыкального ансамбля. В любом случае название оказалось вполне говорящим — внутри группы

сконцентрировалась отличная здоровая энергетика. В 2001 году компания «Медиастар», где я тогда работал генеральным продюсером, выпустила дебютный альбом «Куда уж лучше». И он произвел впечатление и на деятелей шоу-бизнеса, и на слушателей, моментально заразившихся позитивом материала. Это, кстати, нечастое явление в стране, где минорный лад в почете и слезы Тани Булановой в большой цене.

Надо сказать, что я в большой степени поверил и доверился таланту Зудина и Дурова и изрядно поощрял их экспериментаторство. Пусть делают, как считают нужным. Редчайший случай, когда я не вел своих артистов «за руку», и не ошибся — они вышли на правильную дорогу. Получившийся музпродукт отличался большой выверенностью, оптимальностью формы и содержания, утонченности, модности и доступности. С моей легкой руки за «динамитчиками» закрепилось прозвище «Иванушки XXI века». Общественное мнение уже прочило группе пустующее место главного бойз-бэнда страны. Не последним аргументом в пользу столь серьезных претензий стал очередной клип группы на песню Ильи Дурова «Убегаю». Этот видеобоевик, снятый режиссером Ириной Мироновой, буквально взломал телеротации. Пластинка пользовалась таким спросом на музыкальном рынке, что выпустившая ее компания «Артес» сделала сборник из двух альбомов группы «Динамит» — «Все лучшее», релиз которого состоялся в конце 2002 года. В то же время группа успешно гастролирует по стране, выступает в обеих столицах, принимает участие в российских и зарубежных фестивалях (в том числе в юрмальской «Новой волне») и постоянно генерирует новый материал.

Лето 2003 года. «Динамит» проводит в концертных разъездах по курортным городам совместно с Димой Биланом, в качестве специальных гостей закрывает «Новую волну» в Юрмале, осенью открывает радиостанцию «Динамит FM» во Владивостоке, принимает участие в съемках программы «Песня года», а в декабре 2003 года из группы был отчислен один из солистов *группы* — Леонид Нерушенко. К сожалению, в течение последних двух лет обстоятельства в коллективе складывались так, что вопрос об изгнании Лени ставился неоднократно. По мнению двух других солистов «Динамита» — Ильи Дурова и Ильи Зудина, — их бывший коллега не прилагал никаких усилий к реализации творческого потенциала группы. «Динамит» распрощался с ним, пожелав успехов в осуществлении личных планов. Некоторое время в качестве третьего участника в группе работает Евгений Морозов, и в январе 2004 года трио в этом промежуточном составе принимает участие в кремлевском

концерте «Галактика Высоцкого». Исполнив «Балладу о любви», группа срывает овации. А уже в первых числах февраля в «Динамит» входит Илья Данильченко. Участники «Динамита» познакомились с Данильченко еще в 2000 году, когда тот играл в молодой группе «Гейзер». Позже Данила — как называют его близкие — перешел в группу «Факультет», а последний год работал перкуссионистом и шоумэном у Дмитрия Маликова. Любитель экстремальных видов спорта и большой поклонник «тяжелой альтернативы» — Linkin Park, Limp Bizkit, Guano Apes — Данильченко хорошо знает, какое ощущение свободы дает ему каждый выплеск адреналина, будь то победа на соревнованиях по сноуборду или концерт перед тысячной аудиторией. Дуров и Зудин надеются, что появление Данильченко увеличит и концертный потенциал «Динамита». В планах группы — unplugged-концерт, где владение Данильченко перкуссией придется как нельзя кстати. «Динамит» не останавливается ни на миг — ребята приступили к работе над новым альбомом и уже записали четыре песни: «Что случилось», «Одинокая», «Расколем ночь», «О чем плачет дождь». Очередная пластинка группы обещает быть максимально не похожей на все предыдущие, а также безупречно стилистически выверенной.

В 2003 году я вместе с группой отправляюсь на главный остров всех растаманов мира — Ямайку, — чтобы снять два видео на песни «Сумасшедшее лето» и собственно «Ямайка». Последнюю написал давно грезивший о волшебном карибском острове Зудин, и, благодаря мудрому решению продюсера, то есть меня, режиссер Гоша Таидзе и оператор Влад Опельянц именно этому ролику отдали все силы. И пусть говорят, что рифма «майка-Ямайка» проста и очевидна, ролик получился классным. На этом волшебном острове же произошло мое неформальное знакомство с Дэйвом Стюартом из Eurythmics и продюсером No Doubt Брайаном Маклайном. И хотя английский я знаю слабо, мы общались на одном языке, пили один ром. Он моего имени никогда и не слышал, но этот факт меня особо не задел. Я всегда трезво оценивал возможности наших артистов на западном рынке и не верил ни одному громкому заявлению о грядущем его покорении — ни «Парка Горького», ни Кузьмина, ни «На-На».

Вскоре после возвращения с родины регги «Динамит» выпустил третий номерной альбом «Я не забуду». В пластинку из 14 песен вошли радиохиты, новые песни («Ямайка» и «Сумасшедшее лето»), а также трек «Ты не моя», некогда написанный Зудиным для певца Никиты. На презентации диска в «Метелице», пронизанной солнечной атмосферой Ямайки, собрались все друзья группы: Дима Билан и «Сливки», «Гости из

будущего» и Саша, «Отпетые Мошенники» и «Дискотека Авария».

С этими ребятами — талантливыми, красивыми, интеллигентными — я работаю и по сей день, они приносят мне и деньги, и творческое удовлетворение. Да, я им даю немало.

И хотя в последнее время они слегка обижаются, что свое внимание акцентирую на Билане, это значит просто одно — доверяю их чутью и мастерству.

Билан. Дима

Наша встреча состоялась, а сейчас мне страшно подумать, что она могла и не произойти на отвязной вечеринке, посвященной выходу нового номера журнала «Лиза». Туда пригласили «Динамит», идеально подходящий под молодежный формат, пришел туда и я. Как всегда, за кулисами толпилось много праздношатающихся фанатов и более конкретных персонажей, стремящихся с помощью тусовки свести знакомства с нужными людьми, войти в орбиту шоу-бизнеса.

Я с кем-то разговаривал и краем глаза смотрел на парочку — парня и девушку, которые как маятник проходили мимо меня взад-вперед, при этом парень пританцовывал, украшал гомон какими-то мелизмами и вообще вел себя неординарно. Явно желая привлечь мое внимание. Ну и привлек.

— А ты что, артист?

— Нет, еще учусь в Гнесинке.

— Ну и где поешь?

— Да так, особо нигде. А я, кстати, узнал вас. Вы Юрий Шмильевич, очень приятно познакомиться…

— А что тут делаешь?

— Да вот, тусуюсь, вот познакомился с вами. А вообще, я хочу петь…

— Ну вот тебе номер моего телефона.

— Обязательно позвоню, да вы, наверное, и не вспомните.

И Дима настойчиво звонил, наверное, несколько недель кряду, и, когда откладывать встречу стало уже просто неудобно, позвал его на студию. Дима приехал, рассказывал о своей жизни, о планах, мягко, красиво, вежливо. Сказал, что сейчас идет кастинг, отбор на очередную «Фабрику». И, если я хотя бы попробую начать с ним работать, он никуда не пойдет.

Может, и странная постановка вопроса, но прозвучало весьма убедительно. Все в его облике и речи говорило о хорошем воспитании, хотя вырос и родился он в провинции. Но мама закончила консерваторию по классическому вокалу, так что гены вполне. И я ему посоветовал:

— Успеешь с кастингом. Давай посмотрим…

Я не спешил. Начинать новый проект всегда сложно, надо тысячу раз подумать, отмерить, в сознании перекрутить. Уйти от первого впечатления и личного обаяния, примерить на массы…

Внешность Димы я оценил как своеобразную, может, без особо ярких черт, но нечто отличало, цепляло глаз. Пригласил на смотрины Отара, спросил шепотом: как думаешь, не

страшноватый? Отар подивился: с чего это ты взял? Очень даже ничего.

И я решил попробовать и песню найти, и затрат особых не нести. Поскреб по сусекам, нашел Зудинского «Малыша», по каким-то причинам не пошедшую в работу, но с готовым минусом. И я попросил Пашу, очень талантливого звукорежиссера, который еще со Сташевским работал, записать материал. После записи он сразу позвонил мне:

— Вы кого привели?

— В каком смысле…

Я подумал, сейчас последует уничтожительная характеристика, но нет

— Да он певец. От Бога. Вы спуститесь, послушайте.

И действительно, за час работы они сходу сделали отличный продукт. Свели — еще лучше зазвучало. Теперь требовалось посмотреть, как парень будет себя вести на сцене, и, когда начались новогодние вечеринки с участием Динамита, я начал на одну песенку выводить Диму. Вроде неплохо, но четкой оценки не мог дать.

Через 10–12 концертов он демонстрировал уже вполне уверенное выступление, потом записали еще несколько песен и… И наступил перерыв, и я просто не знал, что делать дальше. Ибо требовалось или нырять, или оставаться на суше.

Вообще, даже в крупной рекорд-компании, прежде чем подписать полновесный контракт на выпуск альбома, вначале существует соглашение с артистом — забыл этот термин, — позволяющее при минимальных затратах максимально определиться и обезопасить себя. Но там эта методика проработана, а у нас все решается от случая к случаю.

И такой случай нам представился, ибо возобновилась Юрмала, «Новая волна», близкая к тому, что делал Билан. Стала конкретная задача подготовиться к конкурсу: одна новая песня и два ретро шлягера — русский и западный.

В первый день отборочного тура Дима мандражировал и, как признались мне члены жюри, не произвел особого впечатления. А во второй день выглядел куда более расковано и в итоге попал на конкурс. Так началась его карьера. Конкретное же место (4-е) комментировать не буду: вполне могло быть и первое.

По крайней мере, мое решение работать с Димой пришло раньше итогов конкурса, на подготовительном этапе. И чем больше работаю с ним, тем больше убеждаюсь, что сделал правильный выбор: очень талантлив, с достаточно уникальным голосом, отличным слухом. Настоящий музыкант… И артист с большой буквы.

За два года совместной деятельности он дал уже больше сотни концертов, выпустил два полновесных отличных альбома, «подорожал» в несколько раз — с полутора до восьми тысяч за концерт. Он прекрасно освоился на сцене, все больше и больше совершенствует вокал и сценическое мастерство. И при этом не заболел звездной болезнью. Просто молодчина!

Прошлое

Я не жалею о прошлом: это бессмысленно, деструктивно, отнимает много сил. Как мировая история не знает сослагательного наклонения, так и история человеческой жизни не знает ответа на вопрос «Что было бы, если бы я не…?» или «Если бы я вместо этого…?».

Я не оцениваю те или иные мои действия или поступки, даже имеющие весьма отрицательный исход, как ошибки. Нет, это просто жизнь с ее взлетами и падениями, с ее опытом, иногда неприятным.

В моем понимании жизни есть только одна идея — постоянно совершенствоваться. Во всем, что ты делаешь. В малом и в большом. Сегодня лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня.

Нельзя сравнивать, кто совершеннее — Бетховен или Битлз. Но каждый конкретный музыкант может и должен постоянно улучшать свое мастерство, свое искусство. Это же относится и к продюсерам.

Когда я смотрю назад, я словно лучом прожектора выхватываю из прошлого яркие события, лица, эмоции. Не до всех темных уголков памяти удается добраться, не все можно разглядеть. Но и того, что лежит на поверхности, вполне достаточно, чтобы сказать: это была настоящая жизнь. И добавить: эта жизнь продолжается.

31.12.2004

Завтра начинается новый год, голова идет кругом. А сразу после праздников уезжаем в месячные гастроли по Прибалтике, затем в Лондон и далее, и далее. Я заканчиваю книгу, и она мне кажется такой маленькой, такой незначительной.

Иногда об одном дне можно написать почти столько же, а это ведь целая жизнь. Конечно, много о ком и о чем можно было упомянуть, много какие события вспомнить.

Наверняка какие-то фамилии остались за бортом автобиографии — прошу прощения.

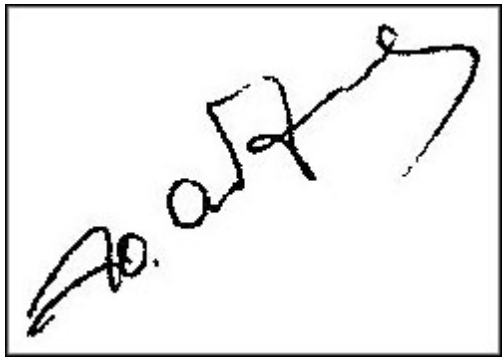
Возможно, когда-нибудь исправлюсь.

Ведь кто знает, может быть, написание книг окажется столь же заразным, как музыка.

А потому…

Расстаюсь, но не прощаюсь.

Ваш



Шоу-бизнес в России — опыт бесполезного пособия *(Ю. Айзеншпис (совместно с К. Львовичем))*

Моя жизнь — открытая книга, и многие ее страницы, образно говоря, исписаны нотами, песнями, проектами в области шоу-бизнеса, автографами многочисленных артистов и исполнителей. И, конечно, рассказывая в автобиографической части книги о себе, я неоднократно касался этой темы. В конце концов, моя жизнь от нее неотделима.

Я рассуждал о музыке, излагал свои взгляды на проблемы отечественного шоу-бизнеса, субъективно оценивал взаимоотношения и творчество, потенциал и перспективы. Но издательство попросило, а я согласился написать небольшое пособие по теме, где изложение носит более сконцентрированный и последовательный характер.

И вот я излагаю свои представления о шоу-бизнесе в России, делаю это максимально честно и профессионально, насколько вообще профессионально понимаю эту тему. При этом я специально избегаю конкретных примеров, цифр и практически не привожу имен.

Хорошо что-то или плохо — в конце концов, дело вкуса. Но в бизнесе существуют некие объективные показатели, бухгалтерия, что ли. И в шоу-бизнесе она ничем не отличается от обычной, в ней так же присутствуют активы и пассивы, баланс. И успешность артиста или проекта в целом определяется той прибылью, которую он приносит. Это — коммерческий проект его имени. Ну и имени его продюсера, конечно же.

К сожалению, детально бухгалтерию никто не раскрывает, в том числе и я, поэтому конкретные цифры, где бы они ни приводились, едва ли можно считать достоверными. Они носят исключительно оценочный характер. Суммируя вышесказанное, что-то конкретное сказать о шоу-бизнесе в России сложно.

И тем не менее я попробую…

Польза пособия

Кто-то из моих знакомых пошутил: ну вот, напишешь умный учебник и вырастишь себе конкурентов. К счастью, это не так. Если чемпион по прыжкам в высоту скажет новичку: надо разбежаться с такой то скоростью, оттолкнуться с такой-то силой и так-то прыгнуть — разве новичок взлетит так же высоко? Нет, не взлетит.

Не так это, и к сожалению. *Я* был бы не прочь увидеть кого-нибудь молодого энергичного продюсера со схожими принципами и менталитетом, который бы признался, что ему помогли мои заметки. Или артиста, который с их помощью одолел хотя бы одну ступеньку при восхождении на музыкальный Олимп. Но не думаю, что это реально.

Артисты и исполнители вообще не склонны много думать, а читать — тем более, а продюсеры тоже едва ли станут интересоваться моими мыслями: они считают, что сами с усами.

А вот просто читателям эти заметки могут быть интересны, могут помочь немного разобраться в существующем порядке вещей на нашей эстраде, в правилах игры, в корнях той российской музыки, которую они каждый день слышат из своих видео— и аудиоустройств. И, как правило, ругают.

Определение понятия «шоу-бизнес»

Что стоит за этим понятием, кроме привлекательного и часто употребляемого термина, что оно значит? Простейшее лексическое толкование — бизнес на шоу, ибо как бывает шоу без бизнеса, так и бизнес без шоу…

Что конкретно относится к этому миру, какие именно действа? Возможно, и политика, но я бы отнес туда и мир моды, и мир кино, да и классическое искусство, балет, например, ну чем не шоу? А спектакли и мюзиклы?! Думаю, список можно продолжать, но лично я хорошо разбираюсь лишь в его музыкальной составляющей. И именно она наиболее емкая, именно ее рынок максимальный по охвату.

Подавляющее количество денег вращается именно в этой сфере шоу-бизнеса, поэтому сюда, на эстраду, так стремятся и модели, и артисты кино, и оперные исполнители. И в дальнейшем под термином «шоу-бизнес» я понимаю лишь его музыкальную, эстрадную составляющую. И именно ее плоды мы наиболее активно потребляем.

Я думаю, если бы проводилось специальное исследование, оно показало бы, что ежедневно человек слушает песни достаточно долго, ну хотя бы полчаса… В качестве фона они звучат и дома, и в машине, и в ресторане, и даже на работе. А песни — самый главный продукт музыкального шоу-бизнеса. Также я интуитивно уверен, что концентрация эмоций на минуту звучания максимальна именно в песне. А ради чего мы живем, как не ради эмоций?

Этапы развития отечественного шоу-бизнеса

Говорить, что в России нет шоу-бизнеса, нельзя (похожим образом раньше уверяли, что у нас нет секса). Он есть, несомненно, и отличается от западного так же, как «Волга» от «Мерседеса» или «Кадиллака». И качеством, и стоимостью, и ареалом покрытия. Более того, в том или ином виде шоу-бизнес существовал здесь всегда и, видоизменяясь, проходил этап за этапом.

1. В СССР шоу-бизнес тоже присутствовал, как легальный, так и нелегальный. Среди нелегальных вариантов я бы выделил торговлю (спекуляцию) импортными дисками и концерты «за наличку», которые подчас проходили вне ведения местных филармоний. Легальная же концертная деятельность также осуществлялась, и на ней неплохо зарабатывали и ведущие артисты, и сами филармонии (государство). Практически в золоте валялись авторы популярных шлягеров советской эпохи, их песни исполняли во всех кабаках СССР, и каждое исполнение заносилось в так называемую «рапортичку». И с каждого шли отчисления на сберкнижку. Те немногочисленные артисты, которые умудрялись засветиться на телеэкранах, сделали своей известности задел на многие годы вперед и эксплуатируют ее по сей день.

2. Следующий этап начался в первые годы перестройки, прежде всего с уменьшения монополисткой роли худсоветов, Мос-Гос-Рос концертов и прочих разрешающих и контролирующих структур. Уменьшения, а потом и сведения на нет. Начался концертно-кассетный бум, изголодавшийся рынок подметал все подчистую. В жанрах особо ценился рок с его протестной составляющей. При этом еще не было клипов, как таковой не существовало музыкальной рекламы и промотирования артистов. Только-только начали возникать независимые лейблы и музыкальные радиостанции. Основные деньги артист собирал на стадионах, куда народ валом валил.

3. В году 92–94 произошло определенное насыщение рынка, музыкальные каналы и программы, радиостанции начали брать деньги за ротацию песен. Появились первые клипы. Репертуар от рокового постепенно переходил в попсовый, в столице началось клубное движение, и артисты в основном стали зарабатывать, выступая по клубам.

1. Далее шоу-бизнес начал активно развиваться и приносить

большие деньги. Появились инвесторы и спонсоры, артистов стали использовать в рекламных компаниях. С подачи первого президента СССР их стали покупать для политической агитации. Как грибы росли многочисленные лейблы и радиостанции разного формата, среди толстосумов особой популярностью стали пользоваться частные вечеринки с участием эстрадных звезд…

2. Кризис 1998 года во многом прибил зарождавшийся шоу-бизнес, разорил многие маленькие и средние компании. Медленное оживление экономики страны сопровождалось еще более медленной реанимацией музыкальной индустрии. Гонорары сильно упали, сбыт музыкальных носителей уменьшился на порядок. Денежный акцент выступлений окончательно перешел на корпоративные мероприятия. Одновременно стали появляться отечественные группы, пытающиеся делать модную современную музыку, на рынок вышли западные рекорд-мейджоры. Потихоньку цивилизованность стала приходить и в этот потаенный уголок бизнеса. Однако наиболее характерным явлением последних лет я считаю монополизацию.

Монополизация шоу-бизнеса…

В последние лет пять началась и успешно идет монополизация музыки. Возможно, это особенность русской души — стараться все подмять под себя… По крайней мере, на Западе каждый занимается своим делом: лейбл не лезет в концерты, телевиденье в лейблы и т. д. Каждый артист, клип, песня проект отбирается каждым элементом структуры прежде всего по соображениям качества и продаваемости.

У нас же правит бал монополизм: музыкальные каналы и станции подписывают контракты, становятся владельцами бренда артиста и ни с кем не хотят делить прибыль.

А значит, у них появляются свои концертные отделы, лейблы-сателлиты. И в плей-листах корпоративные интересы начинают превалировать над настоящими рейтингами, что, в свою очередь, требует их фальсификации и т. д.

Я смотрю на происходящее трезво, протестовать и переделывать мир не пытаюсь, думаю, со временем такая политика сама обанкротится. При этом я без сочувствия отношусь к ряду озлобленных артистов, которые прорваться через эти заслоны не могут, сотрудничать не хотят (или им не предлагают), и вот они начинают скандалить в прессе, апеллировать к власти и общественности. А сами-то что, несут доброе и вечное?! Такой же не особо осмысленный шансон или рок.

Коррумпированность шоу-бизнеса сегодняшнего дня привела к тому, что элемент творчества отнюдь не на первом месте и даже не на втором, что яркие личности не востребованы, что активно задействованы технологии производства и раскрутки «звезд», засорения мозгов и т. д. Формат же самого творчества сжался практически в один — русско-советской модернизированной попсы и частушек.

Итак, в музыкальных конгломератах происходит смешение основных функций, что несомненно сказывается на качестве каждой из них. Например, основная деятельность музканала — создавать качественное ТВ, ротировать лучшие клипы, выискивать самое новое и интересное. А когда он начинает пропагандировать личное творчество своего владельца, близких ему артистов — это явно перебор. Но коммерческие итоги подобной монополизации, скорее всего, неплохие, по крайней мере пока. Здесь ведь, как для «Жигулей», не надо ставить преграды перед западной продукцией, да и антимонопольные законы не действуют.

Монополизация музыки привела к тому, что оставаться

независимым и при этом активно вращаться в сердцевине шоу-бизнеса становится все более и более сложно. Наличие нескольких реально влиятельных медиаструктур и патологическое желание сконцентрировать все в одних руках перекрывают «независимым» доступ к главному источнику промоутирования их творчества — к радио и ТВ-эфирам, к сборным концертам под чьей-то мощной эгидой.

Парадоксы российского шоу-бизнеса

Существует немало по сути нормальных вещей, которые, попадая на российскую почву, приобретают слегка но все-таки уродливые формы, становятся с ног на голову. Шоу-бизнес не исключение, здесь тоже существуют местные парадоксы.

Например, структура бизнеса артистов в России и на Западе принципиально иная, там концерты идут в поддержку новых альбомов, и именно альбомы приносят наибольший доход. В России наибольший доход приносят именно выступления. У подобного перевертыша немало объективных причин — и низкий уровень платежного спроса населения на музыкальные носители, и традиция переписывать кассеты и диски, и распространение записей через Интернет, и подчас грабительские условия взаимоотношений артистов и лейблов, и пираты…

Соответственно, на Западе куда больше смысла тратить силы на запись альбома, на звучание фонограмм, на качество вокала. У нас же запись происходит между делом, забежать, напеть, дать в работу аранжировщику… Минимизация затрат на студию, на сессионных музыкантов — только одно из объяснений. Отсутствие профессионализма, честолюбия, непонимание, что и как надо делать — другое. А самое главное — это затраченное время, которое можно потратить на гастроли, на чес по городам и весям, что куда выгоднее.

Столь же необычен для Запада факт, что из всех видов концертной деятельности наиболее прибыльно выступление на заказных вечеринках и корпоративных мероприятиях.

Покупать артистов для собственных праздников популярно у султана Брунея или арабских шейхов, но не в Европе и Америке. Там это сочли бы моветоном.

Еще определенный парадокс российской музыкальной действительности состоит в том, что наши молодые люди куда менее состоятельны, чем их западные сверстники, если на мобильные телефоны еще хватает, то автомобили уже не по карману. Поэтому реклама радиостанций и музканалов рассчитывается на более возрастную аудиторию. Однако основной потребитель музыки, который активно покупает носители, звонит в эфиры, фанатеет от кумиров и так далее, молод — лет этак до 20 — и его привлекает молодежная музыка. А с таким форматом репертуара особо не походишь на клубные и корпоративные мероприятия, где преобладает публика за 25, уже консервативная и не особо готовая к музыкальным экспериментам. А концерты, опять-таки в отличие от Запада,

денег особо не приносят.

Наперекор западной культуре

Хочу обратить внимание на весьма примечательный факт, что в большинстве своем в российском эфире звучат русскоязычные песни. И если киноискусство, например, испытывает колоссальное давление Голливуда, и в кинотеатрах большинство лент западных, на поп-музыку «их» влияние не особо велико. Уж не знаю, хорошо это или плохо. Русские тексты, русские мелодии, русская подача песенного материала — все это воспринимается куда естественней, хотя наше качество в целом невысоко. Ну а коли так, то существует естественная защита нашего музпрома, не требующая никаких правительственных постановлений и таможенных преград, которые вдобавок на музыку повлиять никогда не могли. Так что один из немногих случаев, где космополитизм бессилен.

Делать деньги в шоу-бизнесе

Делать деньги в шоу-бизнесе очень сложно. «От музыки» у нас хорошо живут в сумме человек 100–200, в тысячи раз меньше тех, кто отлично живет, вращаясь в нормальном бизнесе, в политике. И я могу понять певца, который кроме как рот открывать больше ничего не умеет: ему если не сцена, то ресторан. Что же касается продюсеров… Зачем они вообще сюда лезут??? Ведь хороший продюсер — это просто кладезь талантов и дарований, который наверняка бы преуспел в любой другой сфере. Прежде всего, он несомненно интеллектуал, способный много думать и анализировать. Он просто обязан чувствовать время и страну, потребности и свободные ниши. Он должен уметь общаться с людьми бизнеса и искусства, убеждать, доставать деньги…

Почему же он не уходит в банковские или иные сферы, где денег больше, люди более адекватны, а ситуация более предсказуема? Ответ один: настоящий продюсер — это призвание. И их настолько мало, что можно заносить в Красную Книгу.

Но это про настоящих продюсеров, к которым я, может и не совсем скромно, отношу и себя. Настоящих мало, а вообще-то так называть себя модно, равно как и свою конторку — продюсерским центром.

Впрочем, этими определениями легко щеголять на стороне, но внутри шоу-бизнеса всем известно, кто есть кто, каков актив твоих достижений.

Интересно, что если раньше обычно наживались на стремлении петь, вращаться на эстрадном и около того мире, то теперь зарабатывают и на желании продюсировать. И у тех, кто на многочисленных и весьма дорогих курсах учит тому, чему научить нельзя, багаж личных достижений подчас незначителен. Что же, обыкновенная профанация и… шоу-бизнес…

Риски и окупаемость проектов

Если вы бизнесмен и вам предлагается вложить деньги в проект шоу-бизнеса, лучше этого не делать. Вероятность его успеха и возврата средств, тем более с доходом, крайне низка. Лучше постройте новый магазин — так надежнее будет. Спонсорам тоже выгоднее для души и для имиджа пожертвовать средства какому-нибудь детскому дому, а не длинноногой красотке с плохим голосом….

Тем не менее деньги вкладываются. Кем-то из любви к искусству, кем-то — к артистам, кем-то — из желания оказаться в их среде. Кем-то — потому что просто девать некуда. Если продюсер не может найти спонсоров или инвесторов, он может вкладывать и собственные сбережения. Как правило, они не особо велики, и потерять их весьма болезненно. Фатально же ошибиться можно на любом этапе — от выбора артиста и репертуара до способа рекламы.

А можно сделать все правильно, и проект не покатит.

А еще артисты — весьма самодурные и неблагодарные создания, могут просто кинуть, переметнуться, запить и так далее.

Об этом — в следующем разделе.

Рекорд-лейблы, которые подписывают договоры с малоизвестными исполнителями, тоже рискуют прогореть. Но у них уже присутствует статистика (см. далее), больше опыта и больше средств. Рискуют они, кстати, и выплачивая завышенные гонорары уже раскрученным исполнителями: нередко их не удается отбить низкими продажами и пиратством.

Весьма относительно рискуют ТВ и радиоканалы, берущие в эфир новые песни/клипы.

Во-первых, нередко это делается за деньги, а во-вторых — постоянный мониторинг слушателей позволяет вовремя спрыгнуть с неудачного материала.

И кто практически ничем не рискует, так это сам артист. Если сам не вкладывается в собственное творчество. Он по-любому создает себе имя, а, как показывает опыт, даже через многие годы забвения это капитал. Девушки стремятся использовать свою звездность для выгодного замужества, а прописывать его недопустимость в контракте хоть и можно, но глупо. Мужчины тоже время даром не теряют.

В то же время в раскрученном состоянии при разумном ведении дел существует немало возможностей пополнять кошелек. Самые очевидные — гонорары за концерты и за

музыкальные альбомы. Реклама товаров — уже посложнее. Бывают и совсем экзотические, например, честолюбцы могут платить неплохие деньги за возможность помелькать в клипе популярного артиста.

Артист как наиболее проблемный элемент шоу-бизнеса…

Делать ставку на неизвестного артиста невероятно рискованно. По большому счету, прежде чем основательно вкладываться, надо с одной-двумя песнями обкатать его в клубах, посмотреть реакцию публики, реакцию администрации и т. д. Попасть на сцену серьезного московского клуба тоже непросто, но договориться можно. Естественно, за выступление вам вначале никто не заплатит, но в дальнейшем все возможно.

Когда продюсер начинает раскрутку нового проекта, перед ним стоит задача с многими неизвестными, и самое неизвестное — сам артист. Кто он по своей сути, как поведет себя в случае успеха и неудачи, готов ли много работать, самосовершенствоваться…

Артисты же народ неблагодарный. В целом. Если на старте карьеры ради сцены они готовы хоть землю грызть, то стоит зазвучать первым аплодисментам, как в них просыпается мания величия. Они уже звезды, их уже узнают на улицах, им уже многое позволено. Артист, становясь мало-мальски известным, теряет голову и отказывается понимать, кому и чем он обязан. Ему кажется, если он всюду звучит, о нем пишут газеты и его всюду приглашают выступать, значит, он стал чуть ли не абсолютной ценностью. Но его песни ротируют, потому как продюсер бегает по каналам, пишут газеты, потому что пиар-служба вкалывает, а приглашают благодаря настойчивости концертного директора. Так что готовьтесь и ничему не удивляйтесь, как уже давно ничему не удивляюсь я.

Гораздо реже случаи, когда артист перерастает своего наставника и совместная работа его действительно тормозит. Но и здесь не стоит ждать цивилизованного развода с компенсацией или исполнения соответствующих пунктов договора. Суды тут бессильны, разве что сможете надавить своим авторитетом (если он есть) или еще чем. Но и в ситуации внутреннего конфликта с артистом, скорее всего, прока от вашего союза уже не будет.

При этом если приходит артист хоть с каким-то прошлым, то можно навести справки… Если с нуля — а именно таковыми являются большинство моих проектов, — то и информации никакой. Но только здесь можно ожидать самых высоких планок достижений и самых приятных неожиданностей. Ну и неприятных тоже.

Хотя, конечно, чаще кидают артисты, но и продюсер в

принципе может не выполнять своих обязательств. Не профинансировать выпуск диска или клипа, не суметь их пристроить и так далее. Мотивировка может быть как объективная, так и субъективная, но в любом случае обещанных денег и результатов из него не вытрясти. В недофинансировании проекта, что бывает сплошь и рядом, могут быть виноваты спонсоры, обстоятельства или еще масса всего… В любом случае остановка проекта на полпути болезненна прежде всего для самого продюсера, который уже что-то вложил и вряд ли получит это назад. Но иногда лучше остановиться раньше, особенно если стала понятна бесперспективность процесса.

Законы шоу-бизнеса

Хороши или плохи законы нашего шоу-бизнеса — об этом можно рассуждать на кухне, но игнорировать их нельзя, если вы идете в этот мир. Как нельзя игнорировать законы страны, в которой вы живете. Хорошо уже одно то, что хоть какие-то законы есть, хоть какие-то правила игры определены. За их нарушение вас, конечно, в тюрьму не посадят, но и успеха особого не будет. (При этом, повторяю, действие этих законов приходится на срез поп-музыки, современной эстрады… Если ваш стиль — альтернатива, романсы и другая экзотика, то у вас другой путь, другой слушатель и, конечно, другие возможности доходов. И вами едва ли заинтересуются те, кто привык делать на музыке деньги.) Я не буду перечислять сами законы, потому как наверняка что-нибудь пропущу, что-нибудь не так сформулирую. Они существуют не столько на бумаге, сколько в интуитивной сфере — «правильно/неправильно». Здесь я имею ввиду законы эффективной работы в шоу-бизнесе.

Существуют иные законы, которые ближе к морально-нравственным и интуитивно понятны даже людям со стороны… Нельзя продавать одну и ту же песню разным исполнителям, воровать чужие мелодии, порочить артиста слухами, лезть в личную жизнь и т. д. Нехорошо брать деньги и не устраивать концерты, использовать в фонограммах чужие голоса и т. д. При этом отдельно свои соображения про фонограммное пение выскажу чуть ниже.

И, наконец, о юридической базе шоу-бизнеса. Ее суть в наличии контрактов, которые надо исполнять, и различных штрафов и пени за их ненадлежащее исполнение. Вообще, контрактов в шоу-бизнесе немало: и с рекордс-компаниями, и с рекламодателями, и концертные. Но главный, наверное, между артистом и его продюсером. Его можно сочинять долго, можно ходить к разным юристам, однако его ценность весьма сомнительна, сколь бы детально там все ни прописывалось.

Будь вы сто раз правы, вероятность выиграть официальное судебное разбирательство минимальна: суды весьма неохотно занимаются делами, где все субъективно, реальной бухгалтерии не ведется, термины не определены. Подобные судебные процессы украсят желтую прессу, но никак не нашу Фемиду.

Фонограммное пение

Большинство наших артистов вживую петь не могут, а если пытаются это делать — звучат отвратительно. Им без фонограммы просто не обойтись. Они записывают десятки дублей в студиях, потом все режется, подтягивается, склеивается практически по нотам. Другие просто ленятся: зачем себя утруждать, когда и под фанеру сойдет. Впрочем, иногда использование фонограммы оправдано чисто технически, особенно в сборных концертах, потому что артист не всегда имеет возможность провести репетицию. Или, например, еще активно двигается по сцене: ему-то и дышать тяжело, а петь уж вообще невозможно. Так было и так будет, и ничего страшного в этом нет.

Другое дело, когда артист использует чужую фонограмму, когда не его голос звучит, а он как кукла на сцене, что тоже часто бывает — вот это я считаю вопиющим нарушением прав потребителей.

Что же касается нынешней молодежной стилистики работы под «минус», когда инструментальные партии записаны в студиях, а голос идет вживую — это вообще в порядке вещей. Настроить аппаратуру, набрать живых музыкантов — это очень сложно и громоздко…

По большому счету я думаю, что зрителям все равно, под фанеру или нет работает артист, им важно шоу. И даже если они знают, что артист поет под фонограмму, они говорят: «Да бог с ним, пусть поет».

А вообще-то петь хотят многие. И, многие, кстати, неплохо умеют. И с успехом это делают под аплодисменты своих домашних, а иногда и гостей ресторанов. Таких — тысячи. Любопытно, что ресторанные солисты подчас вживую исполняют действительно лучше многих эстрадных звезд, четче попадают в ноты, правильнее выводят мелодии… Но что из этого, эстрада — это не урок сольфеджио в музыкальной школе. Вдобавок когда поют чужие песни… При этом большинство из кабацких певцов когда-то мечтало о большой сцене, да что-то не сложилось. Может, вокал и был хорош, но отсутствовали масштаб, харизма, востребованность образа, удача. Кстати, из великих эстрадных артистов недавнего прошлого немало тоже лажало мимо нот. Поэтому я говорю «артист», а не певец. Певцы пусть работают в опере.

Шоу-бизнес и искусство

Я против противопоставления шоу-бизнеса и искусства, это одна из его частей. Все в более глубокое прошлое уходит совковый взгляд, что настоящее искусство не приносит денег, что художник должен быть беден и так далее. Просто шоу-бизнес относится к массовой культуре, а не к элитарной. Грубо его можно сравнить с сосиской из говядины, наверное, страусиная вкуснее и кушать ее престижнее, но много ли таких богатых любителей в России, много ли таких экзотических сосисок можно продать?

Поп-музыка — основа шоу бизнеса — чисто лексически означает «популярная» музыка. А слово «популярное» произошло от английского «population» — население. То есть музыка, которая нравится населению. Является ли ее функцией воспитывать вкусы — сложный вопрос. Думаю, нет. Пусть вкусы воспитывает школа, книги, родители и т. д. А это индустрия отдыха и развлечений, а вовсе не нравоучений. Это раньше любили задавать артисту вопрос: «А что ты сможешь сказать людям своим выступлением?» — подразумевая, что должен нести в массы чуть ли не сокровенное знание, чуть ли не миссионерские нравоучения. Наверное, во время войны или великих строек так оно и было. Теперь же, когда и текст гимна мало кто знает, победило другое мнение — артист должен развлекать, создавать позитивный настрой. Слушая артиста, публика должна забывать проблемы дома и на работе, про больную печень и невозвратные долгиИ если под твои песни кушают, беседуют или танцуют — ничего плохого и пошлого в этом нет. Наполнение песен сложным смыслом, хитрыми гармониями, растянутость, кривые мелодии — все это мало кому нужно и, кстати сказать, к искусству тоже имеет весьма отдаленное отношение. Гениальная простота — вот к чему надо стремиться.

Притяжение эстрады

Кого-то притягивает политическая трибуна, кого-то — спортивный пьедестал, а кого-то — эстрада. И если и в спорт или политику с бухты-барахты не попадешь, то эстрада с виду более доступна. Здесь, кажется, гораздо проще обрести известность, поклонников и поклонниц, деньги. Купи песню, запиши, подправь голос, если плохо звучит, сними яркий клип, заряди его в эфиры — и вот тебя уже знает вся страна, всюду зовут, предлагают миллионы роз и пачки баксов… Ха-ха-ха… Это «простота» хороша, чтобы выманить деньги на раскрутку у богатеньких потенциальных «звезд», но никак не для достижения успеха. Очень сложно, очень маловероятно.

Тем не менее на эту удочку многие ловятся. Другие не столь доверчивы, трезво оценивают себя и свои возможности, но тоже не упускают возможности хотя бы недолго покрасоваться на экранах. В целом же факт засоренности нашей эстрады случайными людьми не так печален, как весьма низкий общий уровень. Ну существует у некоторых мини— и микроолигархов страсть раскручивать своих жен, дочек, любовниц. В принципе, ничего страшного. Ну сделал им подарок в виде клипа, эфиров и так далее. Ну подарок и подарок. Реклама товаров, что, всегда лучше??? Вдобавок реклама товара может быть хорошей и привлекательной, а сам товар плохим. Так что у нас все честнее.

Да, фонограммы склеиваются из кусочков, голос подстраивается под тональность, а петь-то по большому счету не умеют. Ну и что, в итоге-то хорошо или плохо звучит, хочется слушать или нет? Не нравится — переключите, благо выбор огромный, не лень писать — напишите на радио или на ТВ с критикой.

Засоренность возникает и через продюсерские ошибки — не на того поставил. Но один-два клипа и случайные люди уходят, расчищая место для других… случайных. И этот процесс сохранится, пока привлекает мир шоу-бизнеса. А вообще, рассуждения о низком качестве нашей эстрады сродни рассуждениям о низком качестве отечественных авто или электроники. Да, низкий, да в такой стране живем…

Таланты в России

Настоящих талантов мало во всем мире, их мало и здесь. Все разговоры о мафиях, не пускающих талант на сцену, о заполонивших шоу-бизнес богатых бездарностях пустая болтовня. Идея, что таланты зажимают, — одна из красивых легенд, которой можно оправдывать свое неумение пробиться или невостребованность. Реально потенциал большинства претендентов очень мал, и соответствующие мероприятия, конкурсы и так далее это наглядно демонстрируют. Хорошо, допустим, призовые места «куплены». Но ведь и среди «нечестно» проигравших никто не сверкает. Одной коррумпированностью это не объяснишь.

Талант выгоден, в конечном счете именно он приносит деньги, поэтому такие разговоры — непонимание сути музыкальной индустрии. Ну, скажем так, в ее нормальном виде. Хотя сейчас мне все больше и больше кажется, что преобладающая на рынке мафиозность и корпоративность не заинтересована в создании суперзвезд: они слишком независимы, ими сложно манипулировать, их не заставишь работать за копейки. Поэтому и властвуют бренды, где практически любого можно заменить практически любым. Ну да бог с ними, с суперзвездами…

Основная проблема состоит в том, чтобы определить, талант ты или нет, классная тобой записана песня или плохая, становится понятно только после выхода на сцену, в эфир, для чего нужно вложить немало средств. На Западе это развито и в прочих разновидностях бизнеса под названием венчурное *инвестирование. У нас* такого нет. Денег меньше, рынок меньше, законов почти нет, морали — тоже. Поэтому рисковать как-то не хочется. Вторая проблема, что талант часто не умеет себя преподнести заинтересованным сторонам — продюсерам, лейблам, медиаструктурам. Слишком скромный, ленивый, неуверенный в себе, не умеющий общаться… Что же, значит, в творчески талантливой личности отсутствуют необходимые составляющие для реализации этого творческого потенциала. Кого тут винить?

Вперед, на Запад!

Если существуют хоть какие-то шансы, что производимые в России товары выйдут на международный рынок, то для чисто отечественного музыкального продукта шансов нет. Чисто отечественный — это когда исполнитель, авторы песен, продюсеры — все местные. Только если кто-то оттуда заинтересуется, подхватит… Никакого серьезного успеха не наблюдалось даже на волне необычайного интереса к России во времена перестройки. Так, смотрели как на диковинку — не более. Единственное недолговременное исключение — две девчонки псевдолесбийского поведения. Но тут надо учесть, что на Западе их промотировала крупная местная компания, тексты писались на английском, аранжировки менялись.

Кстати говоря, и отечественный цирк, и классическая музыка, и наш балет куда ближе к мировым стандартам и куда легче интегрируются в мировой шоу-бизнес. А поп-музыка, по сути та же, что и на западе, просто гораздо хуже и на русском языке. И кому это там надо?

Поэтому, если оставить для журналистов амбициозные заявления о прорыве на европейский и американский рынок, реально это нам не светит. Но музыкальный рынок России и бывших советских республик, рынок эмигрантов весьма велик, и люди на этом рынке, в общем-то, не скупятся на музыку, которая им нравится. Поэтому разрабатывайте его! Золотая жила!

Артист на все времена

В советские времена на нашей эстраде насчитывалось в сумме не более нескольких десятков имен, которые всеми правдами и неправдами смогли пролезть в «ящик» — телевизор. Их имена достались нам наследством тех самых далеких времен. У некоторых вообще сложно вспомнить что-либо выдающееся из репертуара, другие уже десятилетия сидят на одном-двух шлягерах весьма далекой давности. Некоторые действительно блистали талантом, но давно уже исписались. Эти звезды в большинстве своем изрядно постарели и потеряли голоса, но еще крепко держатся на сцене и за сцену. Их растолкать практически невозможно, они практически бессмертны и плотно сидят на советской попсе. Люди идут на песни своей молодости, которые в силу общей нехватки музыкального материала вдалбливались долго и проросли в нас. Даже я подчас с удовольствием слушаю какой-нибудь шлягер тех лет. Да и что греха таить, чисто мелодически они во многом превосходят нынешнее скороспелье.

Но времена меняются, и, за исключением аксакалов эстрады, новые звезды зажигаются и гаснут уже почти столь же быстро, как на Западе. Вообще, мир популярности куда подвижнее мира денег. Во втором, как правило, капиталы только растут и множатся, здесь же постоянно возникают новые кумиры, а старые переходят в разряд «подбитых летчиков». Истории артистов разнообразны, как сама жизнь: кто-то писал шлягер за шлягером, потом перестал. Кто-то блистал, затем пропал. Кто-то пропал, теперь возвращается. На сборных концертах (а они, как и музыкальные сборники, наиболее популярны в России) теперь преобладает молодежь. Но сказать талантливая — не скажу, относительно раскрученная — да.

Как стать звездой и как ее сделать…

Заголовки статеек в желтой и около того прессе пестрят заголовками «Как стать звездой», «Как делают звезд» и так далее. На ТВ всерьез говорят о некоей фабрике, где этих звезд можно практически штамповать… Все это весьма привлекательно для зевак, повышает рейтинги программ, но содержания в этом немного. Я приводил пример про прыгуна. А вот еще один — про кондитера: даже пирог по рецепту из поваренной книги едва ли сделаешь столь же вкусным, как его сделает опытный кондитер, а тут и рецепта вразумительного нет. Как стать звездой, как ее сделать — даже я этого до конца не знаю.

Когда выстреливает какой-нибудь шоу-проект, начинает приносить хорошие дивиденды его основателям, очень хочется представить это не случайностью, а определенной продуманной стратегией, наперед просчитанным бизнесом. Мол, именно этого образа (состава, репертуара) не хватало на эстраде, именно это требовалось публике, и именно мы это вычислили. Вычислили — хорошо, молодцы, сделали прекрасный проект. А почему остановились, почему не делаете второй, третий, если так хорошо все умеете сосчитать?! Точнее, делаете, да все неудачно…

Повторяемость успеха — вот критерий мастерства продюсера и подтверждение факта знания хотя бы приблизительного рецепта успеха на кухне шоу-бизнеса. Таких знатоков, таких как я, у которых практически все проекты весьма успешны, таких практически нет. Для меня шоу-бизнес действительно ближе к науке, чем к игре, однако существует одно существенное «но» — первоначальный отбор персоналий, репертуара, образа. Вот здесь, видимо, и срабатывает мое чутье, опыт, интуиция. А так вот представьте себе десяток симпатичных девушек с неплохими вокальными данными. А выбрать надо одну, в нее вкладывать деньги, силы… Каков критерий? Только интуиция, только удача…

Формула успеха

И все-таки я бы привел некую формулу успеха, где результат является произведением таланта исполнителя на талант продюсера, на затраченное обоими время, на вложенные деньги, на обоюдное желание и на удачу. Попробуем разобрать эту формулу по составляющим:

Талант исполнителя.

Грубо говоря, и корову можно научить петь, а бегемота танцевать. Может быть, и можно, но сколько для этого нужно сил, времени, денег и упорства… И зачем? На спор??? Или в цирк на арену??? Если посмотреть на верхушку имен нашего шоу-бизнеса, все-таки придется признать наличие таланта у большинства эстрадных небожителей. Может, не особо выдающегося и которому не светит всемирная история, но он, несомненно, есть.

И не именно певческий, совсем не обязательно. Скорее некий интегрированный талант; гармония внешности и голоса, репертуара и движения, одежды… И гармонии со временем и народом…

Талант продюсера.

А точнее, просто скопище талантов. Начинается он с того, чтобы разглядеть талант исполнителя, его востребованность публикой и временем, перспективность, потенциал роста. Ну а дальше он должен вести тандем постоянно вперед, постоянно улучшая показатели.

Желание и упорство.

«Можешь не петь — не пой». По крайней мере, не рвись на сцену. Желание очень важно. Иногда ты идешь напролом, иногда даже у тебя нет на это особых оснований. А у кого они есть? Кто может с гарантией сказать: «Я лучше». Конечно, в отсутствие даже элементарных способностей подобное желание перерастает в своеобразное музыкальное графоманство, от которого все разбегаются в разные стороны… И все-таки я в чем-то придерживаюсь мнения, что мысль материальна, и, в метафизическом плане представляя себя на сцене, в эфире, в окружении славы, ты реально повышаешь свои шансы на реализацию своей мечты.

Время.

Между делом, поездками за границу, иным бизнесом, воспитанием детей и пр. в шоу-бизнес не попасть. Каждый час, каждую минуту ты должен этим жить, постоянно совершенствоваться, обрастать связями… Ты должен стать своим в этом мире, научиться говорить на одном языке. Даже если тебя

постоянно отвергают, в какой-то момент ты уже станешь своим, к тебе привыкнут, возможно, дадут какой-нибудь шанс. Но все это отнимает кучу времени.

Деньги…

Это основа шоу-бизнеса, который даже лексически имеет составляющую «бизнес». А значит, как и в любом бизнесе, чтобы что-то заработать, надо что-то вложить. И даже если допустить, что исполнитель вкладывает уже оговоренные талант, время, желание, обязательно должен найтись кто-нибудь, кто вложит деньги — начиная от записи песни, заканчивая клипами, ротациями. Это уже задача продюсера — найти деньги или свои, или спонсорские, или рекламные — любые. И его же задача максимально правильно эти средства вложить.

Анализ формулы показывает, что, если ее какие-то составляющие равны нулю, результата не будет. Но если существует хотя бы минимум, например деньги, просто на запись одной песни, а все остальное — в изрядном объеме, результат будет несомненно.

Артист, продюсер и сам себе все

В условной формуле успеха я показал роль двух наиболее важных персоналий — артиста и продюсера, хотя реально в проектах шоу-бизнеса задействовано куда больше людей, желательно, целая команда. И ее профессионализм также во многом является определяющим: я говорю и о звукорежиссерах, и об авторах, и о пиар-группе и о концертном директоре и так далее. Но связка артист-продюсер основная, ибо в конечном счете все остальное можно достаточно оптимально подобрать.

И если функции артиста интуитивно понятны, то какие конкретно функции исполняет продюсер, зависит и от его талантов, и от бюджетной возможности привлечь дополнительные силы, и от его желания контролировать и определять все по максимуму. Лично я выбрал последнее: от одежды и репертуара до промотировании в прессе и проталкивания в концерты.

От выбора медицинской клиники в случае проблем со здоровьем до отмазки от службы в армии.

В бедной России почему-то уважают тех, кто «на все руки мастер», хотя ни в чем и не является специалистом. В шоу-бизнесе это тоже встречается. Когда автор, и исполнитель, и продюсер, и директор — одно лицо… Такое происходит из-за невозможности подобрать нормальных людей на конкретные функции, иметь профессиональную команду, из жадности, переоценки собственных сил и т. д.

Подобное совмещение многих функции не дает возможности нормально исполнять ни одну из них — я в этом уверен. И даже если артист не настолько витает облаках, как большинство из них, даже если его не надо всюду водить за ручку, исполнение им административных и финансовых функций все равно отрицательно влияет на творчество. Как ни крути — основу шоу-бизнеса.

Прибыль, профессионализм, творчество

В целом успешность проекта шоу-бизнеса определяется приносимыми дивидендами, но если разделить эти два термина, то есть еще одна относительно объективная оценка шоу (песни, клипа и т. д.) — его профессионализм. Может ли профессиональная вещь оказаться коммерчески неуспешной? Конечно! Простейший пример — гениальная песня, суперхит, который автор не пытается реализовать в эфиры. Бывают ошибки в рекламе, в выборе чуждой для массовой культуры стилистике и т. д. В принципе, если такие проекты изначально делались ради денег, значит, продюсер просчитался. Ну а если ради удовольствия, абстрактной творческой самореализации? Тогда это уже не бизнес…

Есть мнение, что, если изначально целью ставить заработок денег, а не творчество, такой проект обречен на провал. Возможно, и так: без творчества нельзя. Но вдохновение нуждается как в мастерстве, чтобы его причесать, так и в аудитории, которую эти откровения задевают. Про профессионализм приведу такой пример — женские тексты большинства песен написаны мужчинами-поэтами. Про вдохновение — ну, если у вас подохла любимая морская свинка и вы написали об этом балладу, вряд ли можно рассчитывать на ее успех. Это очень оригинально, но не более. Это же касается внешнего вида, поведения на сцене и так далее.

Творчество в шоу-бизнесе (да и в любом другом виде искусства) — понятие не только весьма субъективное, но и далеко не всем нужное. Скорее всего, только самому артисту, ну и слушателю. Всю промежуточную цепочку оно не сильно интересует: продюсеру важно количество и стоимость концертов, лейблам — объем продаж носителей, медиаструктурам — рейтинги. Потому как база проекта и вдохновение, и оригинальность, и профессионализм необходимы. Но в какой-то момент надо заканчивать творчество и начинать анализ его пригодности, действовать выверенно, без особых эмоций.

Идеально найти грань привычного и нового, знакомого и оригинального. Привлечь, не отпугивая.

Хочу еще раз повторить, что, если проект шоу-бизнеса плохо продается, скорее всего, и профи его не оценят, не будет восторженных отзывов. В кино такое бывает, в литературе с узким кругом эстетов тоже, у нас же — пока не встречал. Ожидать, что неоцененное сейчас окажется воспринято в будущем, наивно. Это очень сиюминутное искусство — вечностью здесь и не пахнет.

И все-таки, хотя объективно речь можно вести только о финансовых показателях, лично для меня важно и удовлетворение от творческой стороны. И важность примерно половина на половину. При наличии этого удовлетворения можно пойти на меньшую доходность проекта, но не на убыточность.

Кстати, вообще, как я считаю, выбор продюсирования в качестве источника существования автоматически подтверждает претензии на творческую удовлетворенность, иначе с какой стати продюсерам с их коммерческими талантами выбирать столь слабо прибыльную сферу вложения своих талантов?

Я уже приводил этот пример: кто-то разбивает сад, а кто-то на этой же территории лепит дома и получает явно больше прибыли.

Определение направленности проекта

Каждый продюсер мечтает сделать нечто необычное, удивить и покорить сердца, и Россию, и мир. Но, по сути, все уже сделано до нас, все уже когда-то было. На заре моей продюсерской деятельности некоторые мои группы откровенно косили под успешно существующие западные аналоги — и ничего страшного. Можно косить и теперь…

Но разная ментальность в России и на Западе не дает возможности слепо переносить их проекты. То, что востребовано, то и существует, насколько удачно или нет — другое дело. При этом дилемма продюсера в том, что, если на эстраде уже есть какие-то популярные образы, например команды слащавых мальчиков и грудастых девочек, делая аналогичное, вы оказываетесь на том же поле и вам необходимо конкурировать. А, чтобы «перебить», нужно куда больше денег, чем если делать что-то первому. Но, исходя из логики поиска свободной ниши, вы рискуете сотворить нечто совершенно ненужное. Пустота же ниши, возможно, означает просто отсутствие спроса. Поэтому метод анализа потребностей эстрады — «ага, трио в составе два мальчика и одна девочка пока нет, сделаю-ка такой» — не особо проходит. Подобный под ход напоминает мне диалог композитора и поэта-песенника из кукольного спектакля «Шлягер, шлягер только шлягер»:

— Надо написать о любви…

— Но о любви уже все написано. Он любит, и она любит — было?

— Было…

— Он любит — она нет?

— Тоже…

— Она любит — он нет…

— Неоднократно…

— Она не любит, и он не любит?

— А где же здесь любовь???

— Гениально, так и назовем: «Где же здесь любовь…»

Этот пример подходит как к выбору тематики песен, так и к выбору жанра нового проекта, его состава и пр. Поэтому, я думаю, надо все-таки ориентироваться на талант. Во-первых, талант можно подкорректировать и направить в правильное русло — его ресурсов хватит. Во-вторых, с талантом хоть и тяжело, но престижно и интересно работать. И отталкиваться нужно прежде всего от таланта, который и найти тяжело, а еще тяжелее разглядеть.

Артист ты или продюсер, очень важно определить свою аудиторию, основного потребителя творчества. Как у любого продукта, у чупа-чупсов она своя, у Мерседесов — своя. Фактически это маркетинговое исследование, и для любого артиста его можно провести: преобладающий возраст, пол, социальный статус тех, кто ходит на концерты, покупает носители. Быть интересным большинству — прерогатива только очень большого артиста и редкий случай.

Твоя аудитория может сложиться с первого же хита, но в дальнейшем будет ждать от тебя такого же стиля, тематики… Если сегодня ты поешь романс о любви, а завтра — крутой рок про панков, даже если оба продукта качественные, происходит отторжение слушателей. Определи свой круг и будь верен ему.

Автор-исполнитель
Плюсы и минусы

Для продюсеров и лейблов весьма привлекательно, когда исполнитель одновременно является и автором хотя бы музыки песен. В этом сочетании больше цельности образа, нет проблем с репертуаром на начальном этапе, исполнение несет больше осмысленности и выстраданности… С такими артистами проще и дешевле (естественно, речь идет не о вариантах клубов самодеятельной песни или шансона, а об эстрадном репертуаре). Но с течением лет автор повторяется и исписывается, времена прошлых хитов проходят, и получается вот что: имя есть, своего нового петь нечего, а петь чужое не позволяет апломб и статус. Не может такой артист успевать и за музыкальной модой, авторское сознание весьма косно. Поэтому настоящий артист никогда не зацикливается на собственном авторстве, должен петь разное, выбирать лучшее, потихоньку меняться со временем, при этом оставаясь интересным и не теряя свою аудиторию.

Авторы-исполнители должны понимать, что вывалить все самое классное, написанное за многие годы безвестности в один альбом — непозволительное транжирование. Потом придется повторяться, высасывать из пальца, и второй альбом окажется куда слабее первого, всех разочарует. Приберегите ваши хиты, два-три в год более чем достаточно, даже на старте раскрутки. Знайте: ваши авторские возможности не безграничны. Посмотрите на китов эстрады, которые уже десятилетия не могут выдать хоть что-нибудь даже рядом стоящее с прошлыми хитами. Человек быстро исписывается, увы!

Авторы в целом куда более интеллектуально развиты, и понимают свою ценность, и подчас претендуют на первую роль в связке артист-продюсер, низводя функции последнего до простого директорства или организации концертов.

Сольный проект или группа?

С сольными проектами работать легче и в смысле записи, и общения… Нет необходимости улаживать трения внутри коллектива, учитывать нюансы психики нескольких творческих людей. Это в целом и дешевле, и в поездках расходы меньше, процент от гонорара, в общем-то, можно платить меньший, его не надо делить на много ртов. Недостаток зрелищности при этом легко компенсировать подпевками, подтанцовками и прочими прибамбасами.

Но у сольников существуют и минусы, если артист заболевает, теряет голос и т. д., его не заменишь, как в группе из 4 человек, которая может взять кого-то из «запасных» или просто выступать втроем. Еще хуже, когда возникает конфликт и артист уходит или просто уходит, потому как отныне имеет другие жизненные приоритеты, например женитьбу.

И здесь уже прелесть и выгоды группы становятся очевидны. На эстраде живут и весьма неплохо некоторые коллективы, состав которых изменился на 100 % по сравнению с первоначальным.

Но «имя» остается собственностью продюсера, и, если замены происходят медленно, скажем, каждый год меняется один из четырех участников, это происходит весьма незаметно для зрителей и слушателей.

Теоретически в сольных проектах сценическое имя также может быть собственностью продюсера (особенно если оно отличается от имени собственного), но, чтобы новый артист успешно выступал под именем старого, такого я не припомню. Тут имя прикрепляется к конкретному лицу.

Дуэт в этом смысле посередине: замена одного из двух хоть и болезненна, но не обязательно смертельна.

Поэтому чисто продюсерские проекты стараются делать персонально независимыми. Неплохая страховка, но ведь именно на личностях, персоналиях все и строится! Продюсерскими проекты могут считаться тогда, когда продюсер занимается всем — начиная от имиджа и одежды артиста, заканчивая подбором песен, саундом и всем прочим. Именно к таким принадлежит большинство моих. Здесь функция артиста менее заметна, он более зависим и вправе претендовать на меньшую долю прибыли. С другой стороны, ему не требуется заниматься внемузыкальными делами, а только петь и совершенствоваться, совершенствоваться и выступать.

Короче, наиболее правильный вариант продюсерского проекта — группа, где нет особого незаменимого лидера, а есть

некий имидж, средний типаж. При этом название принадлежит продюсеру и замена одного участника на другого (из-за склочности, болезни, иных причин) не приводит к снижению популярности.

Заказные проекты

Заказные проекты, с одной стороны, мечта продюсера, с другой — его головная боль. Вроде бы вот средства, вот твоя комиссия (20–25 %), но объект, как правило, не особо талантлив и сильно капризен, а отрицательный эффект для твоего имиджа (если он уже существует) велик.

В то же время, если вы начинающий и вам предлагается нормальный бюджет, конечно, не отказывайтесь. Если ничего не получится, то заработаете деньги на свое детище, обрастете связями с нужными людьми и пониманием процесса. Главное — ничего особенно не обещать, а то ведь люди разные…

Лично я знаю одно — известность можно сделать, а популярность — нельзя.

Это значит, что будут узнавать в лицо, имя будет на слуху, но… покупать альбомы не будут, на концерты ходить не будут и отзываться как об артисте тоже едва ли..

Бюджет проекта

Музыка как хобби требует изрядных средств, как шоу-бизнес — куда больше. Возможно, мелодия и текст песен действительно ближе к вдохновению и или рождаются, или нет. Хороший голос и правильная внешность тоже или даны, или нет. Но дальше начинается вопрос, как вкусно аранжировать исполнителя и песни, как правильно донести их до широкого слушателя… И на это нужны деньги. Надо понимать, что наличие денег само по себе ничего не гарантирует. Ничего не гарантирует наличие таланта и репертуара и даже вместе с деньгами. Увязать элементы раскрутки, эффективно потратить деньги, найти правильный хук продвижения — эти задачи должен решать продюсер.

Покупка песен и прикида, запись на студиях голоса и видео… И, наконец, оптимальное распределение средств для рекламы музыкального проекта — медиапланирование. Можно, конечно, рекламировать концерт или музыкальный альбом в журнале для металлургов, да эффекта не будет. Поэтому здесь все как в обычной рекламе — максимум контактов с целевой аудиторией. Те же подсчеты рейтингов, тот же анализ возраста, пола и прочее слушателей и зрителей того или иного канала. Но начинать надо с бюджета проекта в целом и смотреть, сколько там есть и на что этого хватит. Если есть только на запись, чем делать несколько плохих, лучше одну хорошую и много с ней бегать.

Если хватит еще и на клип, то есть ли чем платить за его показы, иначе будете гонять по собственному видаку. Рассчитывать на бесплатные эфиры можно, но не особо, весьма вероятно разочарование. Поэтому существующие скудные средства, возможно, лучше потратить на дорогой коньяк для радиостанционных «худсоветов», на рассылку творений по региональным радиостанциям. Если же есть возможность платить за показ клипа и эфир песни, надо понимать, что эффект может дать не менее 50–100 показов, а меньше — просто перевод денег без положительного эффекта и резонанса. Остановлюсь на этом подробнее.

Недораскрутка проекта

Сам факт звучания голоса в эфире, столь много значащий для молодого исполнителя, факт, о котором он всем рассказывает с необычайно гордостью, может пройти незамеченным для мира шоу-бизнеса. Даже супершлягер редко когда с первого раза ложится на слух, и надо хотя бы несколько контактов с ним, чтобы обратить внимание. Но не все время же ты слушаешь один и тот же канал, поэтому для второго попадания на слух необходимо отнюдь не два эфира.

Недораскуртка проекта означает, что деньги кончились, а звонков с приглашением выступить или выпустить альбом все нет и нет. Когда сам набиваешься в клубы, а там вопрошают: «А кто вы такой? Мы ничего не видели и не слышали». И когда вообще утопиться хочется. Не тот клип, не та музыка, не тот образ — это глобальная ошибка… Или чуть-чуть не хватило денег, чтобы прорвало, чтобы начали обрывать телефон — вот это уже действительно досадно.

Но «чуть-чуть» — это сколько в зеленых — пять или сто тысяч? И когда пора выйти из игры и подсчитать убытки? Когда финансы закончились — это понятно. Ну а если еще можно машину продать, дачу заложить, банк ограбить? Наверное, не стоит. И, когда я говорю «очень хотеть петь», это не как в омут бросаться. Не получилось сейчас — подумайте, измените образ, идею, продюсера… Снимите другой клип…

Менее опасна, но тоже неприятна перераскрутка, когда песня или исполнитель уже просто навязли на ушах и начинается реакция отторжения, как если переел слишком много, да хоть бы черной икры. Вдобавок перераскрутка часто значит излишний расход денег, которым можно было бы найти лучшее применение. Например, потратить на поддержание интереса к артисту через несколько месяцев.

Безденежное развитие

Записав одну-две песни, шлягерные на ваш взгляд и взгляд ваших друзей (плюс сделав небольшое видео, хотя бы в студии), и не имея иных средств на раскрутку, унывать не стоит. А стоит побегать и показать свое творчество сильным людям этого мира — продюсерам, лейблам, на радио и ТВ, возможно — известным музыкантам. Куда-то пробиться не сможете, где-то проигнорируют, ну а кое-где, помимо добрых советов, можно найти конкретную заинтересованность вами и вашим творчеством. И, что очень важно, получить некую оценку продукта. И, конечно, ни в коем случае не накручивать себя: «Ах, какой я суперталант, а вокруг все — продажные идиоты». Может, и продажные, но не идиоты — это факт. И, если на вашем творчестве можно сделать капитал, вас приметят.

Если вы артист или его не особо известный продюсер и идете пробивать материал на радио или ТВ, побольше настойчивости! При этом внутренняя уверенность в качестве своего продукта просто необходима. А приходить и говорить скромно: вот я тут набросал-напел, конечно, не бог весть что, но послушайте между делом, оцените… Скромность в шоу-бизнесе никого не украшает. Вы идете на эстраду всерьез и надолго — и именно этот лейтмотив должен звучать в ваших поступках и словах. Насколько стоит щеголять известными фамилиями — не знаю. Например, песня модного и дорогого композитора, клип от продвинутого клипмейкера — это определенная заявка, но на радиостанции и ТВ, да и на зрителей этот факт не особо влияет. Во-первых, модные композиторы тоже не прочь втюхать задорого всякую ерунду (оставив что получше для уже популярных исполнителей), а продвинутые клипмейкеры иногда такое замесят — смотреть невозможно. Главное другое — что из себя представляет артист, каков его потенциал. Вдобавок у многих существует желание первыми открыть девственный талант да еще и заработать на нем. Как правило, вначале все радиостанции дружно отшивают, а потом наперебой хвалят себя: это мы рассмотрели, это мы вывели в свет…

Побегать, кстати, стоит и тем, у кого есть деньги. Наверняка через какое то время вы сумеете правильнее ими распорядится, чем сразу кидаясь в омут расходов.

Статистика — великая вещь, и тайный ход ваших многочисленных записей, разосланных по самым разным адресам, может привести к долгожданному звонку. А может и не привести. Если вы устанавливаете личное общение, если его

поддерживаете, никого не раздражая, шансов куда больше. Но это, повторяю, требует определенных черт характера. Существуют еще хитрые пути наверх через музыку к фильмам, через конкурсы, клубные программы и прочее. Надо пробовать все, не спать, доставать всех, пока вас не пошлют или не стукнут. Или же не примут в стаю.

Но, если говорить менее шапкозакидательски, в итоге все определяется тем, какие ресурсы задействованы для продвижения артиста — главные или второстепенные каналы ТВ, московские или региональные радиостанции, доморощенные или маститые продюсеры. Остальные положительные варианты развития ближе к сказкам о Золушке, если и бывает, то редко. Например, вы поете в каком-нибудь среднем клубе. Хорошо поете, отлично. Ну забредет кто богатый на огонек, услышит, понравится. И что дальше? Даже на юбилей своего банка все равно пригласит не вас, а звезду: так престижнее. Плюс известность репертуара, пусть и не особо сильного. Или диски с вашими записями. Нашли деньги, красиво оформили, выпустили… А теперь попробуйте музыкальную дистрибуцию уговорить поставить ваши записи на полки магазинов, палаток:

— А кто вы, а где это звучит? Ах, нигде… Нет, извините…

И ведь они правы: никто не купит записи исполнителя, которого нигде раньше не слышал.

Оплаты эфиров и ротирование песен

Факт оплаты артистом разных этапов своего продвижения — начиная от эфиров песен и клипов до участия в престижных концертах и газетных статей — ни для кого секретом не является. По мере смены этапов шоу-бизнеса этот вид внутренней коммерции проходил разные этапы: вначале не брали, потом беспредельно и со всех, потом дозированно и т. д. Как и прочие финансовые моменты шоу-бизнеса, все это шло неофициально, без квитанций и без расписок. Чуть позже кое-где появились практически официальные тарифы… Хорошо или плохо?

Скажу так: поскольку таким образом происходит реклама артиста, повышение его рыночной стоимости и известности, то глобально это оправдано. Платят же за рекламу своего товара, который нуждается в реализации, и не выступают. Другое дело, если подобная практика плотно освоена той или иной медиаструктурой, очень сложно провести грань — с кого брать, с кого нет, что делать, если материал супер, а денег за его продвижение не платят или наоборот, если материал дрянь, а платят с верхом… Здесь чувство меры и перспективный взгляд на развитие должны побеждать жадность.

Переборы в платном загромождении эфиров низкосортным материалом наверняка плохо скажутся на рейтинге, рекламодателях и итоговых финансовых показателях.

Имеет ли классный талантливый клип (песня) шанс попасть в бесплатный эфир? Несомненно. Примерно такой же, как талантливый молодой человек попасть на бесплатное обучение в МГУ. Отбор материалов для легального бесплатного (и не за взятку) показа происходит не наобум и не единолично, а на редакционный комиссии. 10–12 человек, в той или иной степени профессионалов, интуитивно отбирают понравившийся им материал. Вначале крутят немного, несколько раз в день, и отслеживают рейтинги, звонки и т. д. Если реакция положительная, то могут перевести в плотную ротацию, плохая — убрать совсем… Если хорошо идет в одном месте, могут подхватить иные каналы и радиостанции… И мечты сбываются!

Два столичных музыкальных канала, десяток радиостанций — пафосные, нахальные, пересытившиеся… Велика вероятность, что вам откажут, сколь бы хорош ни являлся предлагаемый материал. Но в российской провинции избалованы меньше. Пашите ее почву!

Какую музыку делать

Восприятие музыки, как и любого другого творчества, весьма субъективно, связано с ментальностью, воспитанием, субкультурой и пр. И как мечта любого человека — делать дело, которое нравится, а еще хорошо на этом зарабатывать, так и мечта артистов — являть свое творчество и при этом быть и популярным, и востребованным. Но, если для коммерсанта, по сути, не особо важно, продавать лекарства или гвозди, здесь роль субъективных факторов куда больше. Во-первых, музыка в чем-то близка душе, соответственно, ее иной формат может восприниматься чуть ли не как предательство идеалам. Представьте, например, рокера, поющего попсу. Во-вторых, это просто не получится качественно, ну не получится у «продавца» частушек настоящий рок, сколько бы он ни пыжился. Ментальность и вокальные данные сильно ограничивают.

Верно и для авторов — индивидуально музыкальное мышление имеет свои пределы. Поэтому не так много на эстраде органичных артистов, которые делают то, что любят и умеют, и одновременно это нравится широким массам. Именно такие артисты и могут называться народными.

Но, если для артиста и автора существуют внутренние ограничения творческих горизонтов, продюсер должен быть их лишен. Он максимально отстраняется от своих личных пристрастий, старается предельно точно определить потребности эпохи и под эти знания подобрать артиста, имидж, репертуар. Лично я в зависимости от времени занимался и рок-проектами, и поп, и модной современной музыкой…

Сегодня надо делать акцент на молодежь — основную аудиторию на музыкальном рынке. Именно в этой среде самые активные фанаты и поклонники, именно они способны на самые громкие аплодисменты. Именно эта аудитория покупает пластинки и кассеты, звонит на радио и ТВ, голосует за любимые песни и артистов. И ей нужна ее музыка. А когда сам находишься в уже не столь беспечном возрасте, когда тянет на романтику и раздумья, очень непросто отказаться от этого в творчестве твоего артиста, выбрать задор, энергию, ритм, протест. Молодежь более подвижна, она быстрее забывает, но и легче воспринимает новые имена, творит себе кумиров. И надо ориентироваться на нее.

Песни для души и для продажи

Любой автор может написать такую песню, которую считает нужной. Но, если он ждет ее продвижения, тем более продажи на рынке, где предложений более чем достаточно, ему надо учитывать текущую конъюнктуру (верно и для исполнителя — тоже может записать что угодно, но востребованность его труда определяется рынком).

Формат песни в российском сознании устоялся и требует практически математического соблюдения. Не более 3–4 минут звучания, хорошее вступление, яркие запоминающиеся припевы. В смысле текста важно некое базовое, знаковое слово типа «лаванды» или «айсберга», его повторяемость в припеве, первая строчка первого куплета и припева тоже очень важны. В музыке — без излишества в аккордах, без нестандартных модуляций, с соблюдением основной тональности.

Существуют жесткие тематические пределы, как прежде, спросом пользуется любовная лирика с конкретным лексическим набором слов: ты, разлука, встреча, душа и пр. Наш слушатель едва ли воспримет тексты про экологию или полеты на марс, как в западных текстовках. Сейчас можно наблюдать попытки внедрения новых свежих слов, молодежного сленга, сексуальности. Тем не менее все это делается не особо откровенно и не всегда умело. И не всегда проходит и надолго не остается. Поэтому уверять, что наш народ все «схавает», совершенно неправильно. Он схавает лишь то, что ему вкусно и привычно.

В песне важна тема, хитовая и яркая. Кстати, так и в операх запоминаются наиболее яркие арии, и в симфониях запоминаются наиболее песенные куски. Человеческое ухо никогда не будет наслаждаться какофонией (или таких любителей очень мало). Поэтому песня слушается хорошо тогда, когда хорошо поется, когда можешь ее воспроизвести хотя бы в голове. Эффект ожидания знакомого куплета, или припева, или проигрыша — вот что важно, вот что притягательно. Поэтому с первого раза мало что ложится на слух, а потом вдруг понимаешь что что-то в этой песне есть, а потом ловишь себя на том, что напеваешь ее. Иногда даже вопреки своему отрицательному суждению о ее достоинствах.

Чем чаще происходит контакт слушателя с песней, тем знакомей она становится. Это как с рекламой. И как с рекламой есть варианты: она может быть яркой и запоминающийся, может — обычной, а может даже отрицающей. И чем быстрее она ляжет

на слух, тем меньше нужно потратить денег на ее раскрутку. Иногда — в несколько раз.

Хотя русская душа стремится к заунывности и мелодизму, к слезинке в тексте, для радиостанций все-таки предпочтительнее быстрые композиции. Они менее долговечны, чем медляки, ибо модные ритмы меняются достаточно часто. Но медляки более постоянны, и их выбор в фонотеках из шлягеров прошлых лет очень велик.

Свои домашние переживания лучше дома и оставить, а нести энергию, оптимизм и сексуальность. Быстрая музыка лучше слушается в машине, под нее лучше отплясывать в кабаке, она дает энергию и вкус к жизни. И здесь требуется особое искусство и чутье, чтобы, сделав продукт простым и доходчивым, не впасть в примитивизм, в частушки.

Идеализировать вкусы толпы не стоит, возможно, она просто не доросла до предлагаемой вами музыки. А может, и никогда не дорастет. Здесь нет иронии, ибо все очень субъективно. Вкусы народа известны и по большому счету достаточно примитивны, если вы пишете книги и это не детективы и не дамские романы, шансы на коммерческий успех малы. Если вы занимаетесь музыкой вне попсы, значит, вы занимаетесь музыкой непопулярной. Для себя — пожалуйста, для узкого круга поклонников и ценителей — ради бога. Просто отдавайте себе в этом отчет и на бизнес не рассчитывайте. Бардовская песня, альтернатива, а теперь уже и рок — все эти сложные смысловые жанры у нас в стране влачат жалкое существование, вызывая у их исполнителей ненависть к продажным попсовикам… Хм, да ведь и они бы продавались, если бы кто-нибудь их покупал.

На хит не влияет

Включите радио и послушайте хиты, написанные десять-двадцать лет назад: они все так же ласкают слух, хотя и тембры инструментов устарели, и аранжировки, и так далее. Пусть это будет уроком тем, кто основные силы тратит на какие-то одному ему видимые улучшения в работе ударных, в изменении гармонической сетки, обработке вокала и прочих примочках, абсолютно не влияющих на хит. Песня или звучит, или нет, голос звучит или нет, а по совести, и я не отличу доминанту от субдоминанты.

Пробивать свой материал, искать заинтересованного продюсера, лейбл, контактировать с людьми куда сложнее, чем запереться на студии, постоянно что-то перепевать, переделывать, менять. Чем набирать десятки песен, делать самопальные диски и заниматься прочей самодеятельностью. Эту бы энергию да в других целях.

Сделайте три песни, послушать больше едва ли кто сможет. Покажите одну супер — пусть то, что в загашнике, останется вашим секретом.

Итак, хит от нюансов не зависит — или цепляет, или нет. Во многом это так еще и потому, что не привыкли у нас к особо хорошему звуку. Сама аппаратура, особенно в машине (да и дома), качество передаваемого звука на радио и ТВ весьма низкосортно, обрезает многие частоты, не дает услышать многие партии. Поэтому голос, бас и барабаны — гармония… Основа.

Хиты — это песни, живущие годы, шлягеры живут десятилетия, в современной российской поп-музыке этого практически нет. Здесь правят бал скороспелки, через 3–4 месяца в эфире от них начинается изжога, а еще через полгода они забываются. Золотой запас советской эстрады практически не пополняется уже десятилетие, и настанут ли другие времена — неизвестно.

Возможно, авторы подсознательно не пишут, а артисты боятся исполнять хорошие песни. Хорошая песня требует осмысления, а люди хотят развлекаться и дурачится, а они в итоге и заказывают музыку. Может, это и некая деградация, а может, просто дань ускорению развития цивилизации. Так же ведь и серьезные книги потеряли свою актуальность, уступив место комиксам и детективчикам.

Отбор презентационной (заглавной) песни

Как сложен выбор исполнителя на раскрутку, так сложен выбор титульной песни, с которой он войдет в жизнь, сценария первого клипа и так далее. Именно здесь закладывается образ, поэтому материал должен максимально отыгрывать имидж. Быть максимально ярким, доступным, живым.

Выбор первой песни, куда вкладываются деньги, когда решается «пан или пропал», весьма важен и весьма сложен. Здесь тоже нет рецепта. Я бы посоветовал дать послушать возможные варианты максимальному числу людей. Ну а клип по возможности снимать на уже получивший резонанс на радио материал.

Вообще-то, если артист сам не пишет песни, то их приходится покупать. Этим, по идее, может заниматься или продюсер, или артист, или они вместе. Как правило, даже у именитых авторов в загашнике десятки песен, и они охотно продадут их, не забыв взять лишние несколько тысяч долларов за свое имя. Бывает, что маститые авторы помогают проталкивать свои песни, будучи не просто авторами… Но таких монстров единицы.

Пусть обаяние имени на вас не действует, слушайте… Неплохо предложить платить не сразу, а после демо-записи… Тогда станет ясно, ложится ли песня на ваш слух и на ваш голос.

На рынке цены в долларах примерно таковы: покупка от 500 до 5000, запись с аранжировкой от 500 до 1000–1500, клип от 5000 до бесконечности. Вообще, как имя артиста стоит денег, так стоят денег и аранжировщики, клипмейкеры, авторы. Те, которые пробились в «модные»,

Тем не менее всегда есть амбициозная молодежь, готовая сделать показательный продукт если не бесплатно, то по себестоимости, ради создания своего имени.

Понятие формата

Никто не удивляется, что в бизнес-газетах не появляются «желтые» статейки, а ведь это и есть формат. Для радиостанций и музканалов ТВ понимание и соблюдение своего формата является необходимым условием сохранения определенной слушательской категории. Настроившись на форматную волну, любитель классической музыки не услышит раздражающий его шансон, а фанат западной культуры — рифму «кровь-любовь».

Под формат, хотя и весьма условно, выявляется ядро аудитории, под него уже «раскручивают» рекламодателей, и в конечном счете определяется коммерческая успешность радиоволны.

Понятно, что сколь бы талантлива ни была песня, она не может относиться ко всем категориям и звучать везде. Опасливое же отношение исполнителей к этому слову возникло из-за его активного использования в качестве основной причины отказа. То есть реально их может быть масса, но «неформатом» как-то сподручнее.

А на самом деле и противоречие корпоративным интересам — сложно объяснять, и слабость материала — зачем обижать, и даже факт потери или нежелание прослушивать ваши записи — не хочется признаваться. Ну и реальный «неформат» тоже.

Интересно, что неформатным может быть и исполнитель, даже если принесенная им песня идеально подходит. Просто на исполнителе уже лежит определенное клише, и оно противоречит концепции канала.

Большинство эфиров сейчас находится в формате русской (или иностранной) попсы, а пытавшиеся из нее выбраться оказывались коммерчески убыточными. Так что учтите этот факт.

Рекорд-лейблы

Рекорд-компании (или лейблы) зарабатывают тем, что выпускают разного вида музыкальные носители (кассеты, компакт диски, DVD) с записями и, продавая их, зарабатывают деньги. Записи прежде всего музыкальные, хотя бывают самые разные — до сказок и речей. Затраты при выпуске распределяются на производство носителей, рекламу, авторские права, гонорары артистам, налоги и т. д. Музыкальные пираты делают то же самое, только никому не платят гонораров, не тратятся на рекламу и уплату налогов… С учетом весьма незначительных затрат непосредственно на производство себестоимость их продукта получается ниже. А у нас что дешевле, то и покупается. При этом качество звука в целом такое же, разве что полиграфическое оформление обычно проигрывает.

И если в столице с пиратскими копиями еще как-то борются, то провинция на 80 % дана им на откуп. А посему для всех легальных участников процесса — авторов, исполнителей, лейблов — доходность деятельности существенно ниже, чем могла бы быть. Впрочем, для артиста и пиратские продажи ведут к росту популярности и активизации концертной деятельности, а вот авторы и лейблы по-любому в накладе.

Бытует мнение, что сами лейблы и есть главные пираты. Что в какой-то момент вступает в работу их тайное пиратское подразделение. Верю, вполне вероятно. Поэтому артист в целом никому не доверяет и договаривается о единовременном гонораре, дабы не утруждать себя размышлениями, на сколько его надули, выплачивая с каждого проданного носителя. Для лейбла это может превратиться в своеобразную игру с непонятным исходом — как сильно прибыльную, так и убыточную, если альбом не пойдет или пираты окажутся шустрее.

Отдельно стоит коснуться новых проектов, которые выпускаются лейблами. И в России, и на Западе статистика примерно одинакова: из 10 новых 6 приносят убытки, 3 срабатывают в ноль и лишь один дает прибыль, которая и убытки покрывает, и жизнь лейблу дает. При этом выпускают не все подряд, думают, анализируют, привлекают специалистов. Вот и рассуждай после этой статистики о возможности расчета успеха.

Лейблы, работающие в России, делятся на западные и отечественные. Западные мейджоры и в России придерживаются установленных правил игры: не лезут в концерты, отслушивают весь присылаемый материал, контракт с исполнителем подписывают обычно на три альбома. Но требуют и

соответствующий уровень. Доморощенные лейблы стремятся по минимуму вложить, по максимуму заработать, не лезут в долговременные проекты и вообще не прочь помухлевать. Часто являются сателлитами концертных отделов крупных монополистов и работают только на своих артистов.

Пиар-работа и мир шоу-бизнеса

Тайна, интрига, завеса, сплетни — выпячивание этих элементов мира шоу-бизнеса отлично отработано и доказывает эффективность своего воздействия на широкие массы. Это якобы другой мир — манящий и волшебный, и уж не знаю, как получается, но это мнение активно внедрено в сознание (как в туризме, когда рекламируется не конкретный отель, а определенный регион). Конечно, подобная мифология мгновенно распадается, когда хоть немного погружаешься в эту среду. В целом обычные люди, вполне цинично смотрящие на мир и свою работу; это для вас он «выступает» — в своем кругу он «работает». Интриги, порочность, необычность — часто не более чем выдумки иногда самого артиста, иногда его пиар-службы и продюсера, а иногда и журналистов всех мастей, чьи материалы без подобных изюминок просто не будут покупаться. Настоящие или придуманные истории о сиротстве, ночевках на вокзалах и т. д. весьма ценятся в желтой прессе, особенно если они уже готовы (написаны) и если за них еще и приплачивают. Свои тарифы есть и за «лицо» на главной обложке, и за разворот, и за участие в ТВ-программе. Иногда тратить деньги на это полезнее, чем на эфир очередного клипа, а иногда и нет.

Понтов здесь много, гораздо больше, чем денег. Вот артистка на сцене в ярком блестящем прикиде, который на порядок меньше скромной песцовой шубки жены нового русского. Вот артист подъезжает к входу на концерт на длинной машине… Зеваки восторгаются, но стоимость этого драндулета — в четверть нового Мерседеса.

Вообще что-то конкретное сказать о среде шоу-бизнеса сложно. Нет здесь особой дружбы, искренних тусовок, которые были когда-то свойственны рокерам. Но нет и особой грызни, междоусобицы. Новичкам, на чужой пирог рот разевающим, особо никто помогать не собирается, но и как-то специально палки в колеса вставлять тоже вряд ли будут: ему и так ничего не светит, если не примкнет к каким-то монополистам.

Каким бы ни был артист на самом деле, его жизнь и творчество должны оставаться чем-то далеким, таинственным, притягательным. И скандалы, слухи, экспрессивные выходки подогревают интерес к его личности. Особенно когда в творческом плане ей сказать особенно и нечего. Хотя в целом раскрутка на почве скандальности, экзотичности и так далее ну очень недолговременна. Ну показал ты голую задницу публике, все в шоке. А в следующий раз что — опять задницу? Этим можно

привлечь внимание, но это должно служить лишь оболочкой для главного. Чтобы, снимая с конфетки фантик, не видеть пустоту.

Уровень известности

Достигнув этого уровня и имея нормальный творческий потенциал и голову на плечах, уже гораздо проще на нем удерживаться и развиваться. Здесь уже существуют весьма просчитываемые стратегии: с какой периодичностью выпускать новые альбомы и клипы, как придерживать шлягеры и поддерживать к себе интерес.

Но до этого уровня еще надо дойти.

Напутствие

Если вы реально заболели музыкой, если перешагнули грань, которая разделяет абстрактное любопытство от осознанного стремления, назад дороги нет.

Это наркотик, от которого никогда окончательно не излечиться. Вы будете все бросать к чертовой матери, говорить «никогда», и снова возвращаться, и снова пробовать покорить этот непонятный мир шоу-бизнеса.

Терпения и удачи!